

4p 25
21
1075

В.И. КОДУХОВ

ОБЩЕЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДОПУЩЕНО
МИНИСТЕРСТВОМ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНИКА
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ
И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Куйбышевский
государственный
университет
№ *11111*
Учебный фонд



МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1974

Кодухов В. И.

К57 Общее языкознание. Учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М., «Высш. школа», 1974.

303 с. Библиогр.: с. 281—289

В учебнике освещаются главные этапы истории лингвистики и ее ведущие направления и школы, характеризуются основные проблемы современного теоретического языкознания, описываются различные методы и приемы лингвистического анализа. Особое внимание обращено на вклад отечественного языкознания в теорию и практику мировой лингвистики. Лингвистическая проблематика рассматривается в свете общей теории познания и развития современных наук.

К $\frac{70101-263}{001(01)-74}$ 160—74

4Р

© Издательство «Высшая школа», 1974

Обязательный курс «Общее языкознание» введен в систему лингвистических дисциплин, читаемых на филологических факультетах высших учебных заведений, в 1963 г. (до этого читались спецкурсы по истории, теории и методологии языкознания). Теперь в некоторых вузах курсы «Общее языкознание» и «История лингвистических учений» читаются отдельно; в других институтах курс общего языкознания объединяет теорию языкознания и историю лингвистических учений, иногда читается отдельно спецкурс и проводятся семинарские занятия по методам лингвистического анализа. Таким образом, независимо от конкретных форм организации учебных дисциплин, современная структура курса общего языкознания предполагает освещение трех основных разделов — истории языкознания, теории языка и методов лингвистического анализа.

Курс общего языкознания, подводя итоги изучения многих лингвистических дисциплин, не только способствует обобщению и теоретическому осмыслению фактов и положений, изученных в частных курсах и в курсе «Введение в языкознание», но и знакомит с новым фактическим и теоретическим материалом.

Курс общего языкознания расширяет и углубляет общезыковедческую подготовку выпускников филологических факультетов: поднимает их теоретический уровень, знакомит с основными лингвистическими направлениями и школами, вводит в проблематику современной лингвистики, вооружает методологией и методикой лингвистического анализа, способствует лучшей подготовке выпускника к творческой практической деятельности в области просвещения, культуры и науки. Осознавая эту практическую направленность курса, автор учебника, опираясь на философию марксизма-ленинизма, стремится все общелингвистические вопросы рассматривать в свете общей теории познания. Особое внимание уделяется актуальным проблемам современной лингвистики, достижениям советского и отечественного языкознания; в книге представлены как фундаментальные проблемы теории, так и вопросы прикладного языкознания.

Учебник состоит из трех частей: история языкознания, теория языка, методы и приемы изучения и описания языка. К каждой главе дана обязательная литература, а в конце книги приведен список дополнительной литературы, в него включены наиболее интересные работы. Принцип составления библиографии — содержательный, т. е. книги и статьи указываются в том порядке, который более целесообразен для изучения того или иного вопроса. Вся указанная автором литература в разной степени использована при написании книги. Названия работ, написанных и опубликованных на иностранных языках, даны в русском переводе: когда возможно, приводится канонический перевод, в остальных случаях переводы принадлежат автору. В переводе автора даются также некоторые цитаты из работ зарубежных лингвистов. Сокращения слов (названия языков, лингвистические термины и т. д.) используются общепринятые.

Автор выражает свою искреннюю благодарность официальным рецензентам — чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филину и кафедре русского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, а также проф. Л. Я. Маловичкому и доц. И. С. Куликовой, которые читали и обсуждали рукопись во всех ее вариантах. Автор признателен слушателям факультета повышения квалификации преподавателей педагогических институтов РСФСР и студентам факультета русского языка и литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена, которым впервые читался курс общего языкознания.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Каждая наука имеет свою историю, и новые знания являются аккумуляцией уже известных, их дальнейшим развитием и видоизменением, в ряде случаев весьма существенным.

История лингвистики показывает, что ее прогресс, как, впрочем, и любой науки, обуславливается многообразными потребностями развивающегося общества, что языкознание не может развиваться изолированно от других наук, что на лингвистической арене также проявляется борьба материалистической философии с идеализмом, диалектики с метафизикой.

Вместе с тем история лингвистики — это накопление знаний о языке вообще и отдельных языках, развитие внутренней логики науки, углубление лингвистической теории и совершенствование методики лингвистического анализа, более всестороннее изучение языка и расширение практического применения лингвистических знаний в разных сферах человеческой деятельности. Возникновение новых гипотез и теорий есть форма преодоления противоречий, обнаруженных в предшествующий период развития, открытие новых сторон языковой деятельности и изучение их.

Наука не может не опираться на объективное содержание знаний, добытых в разные периоды человечеством (фактический материал, его обобщение в виде законов, категорий, формул, а также выработанные каждой из конкретных наук методы и приемы исследования). В то же время современная наука не может сохранять в своем арсенале ошибки, характерные для ее более раннего развития.

Периодизация истории науки определяется пониманием строения науки в настоящий период. Иначе говоря, история нам нужна прежде всего для лучшего понимания современного состояния науки и перспектив дальнейшего ее движения вперед.

Наиболее ценным является такое изучение прошлого, которое прослеживает последовательные пути формирования человеческого знания, определяет закономерности развития. История науки должна показать становление основных проб-

лем и методов, вычленение разделов науки и распространение научных знаний на новые объекты и области лингвистической деятельности.

Периодизация истории языкознания предполагает прежде всего выделение основных этапов — их пять:

- 1) от филологии древности к языкознанию XVIII в.;
- 2) возникновение сравнительно-исторического языкознания и философии языка (конец XVIII — начало XIX в.);
- 3) логическое и психологическое языкознание (середина XIX в.);
- 4) неограмматизм и социология языка (последняя треть XIX — начало XX в.);
- 5) современное языкознание и структурализм (30—60-е годы XX в.);

Конечно, каждый из названных этапов истории лингвистики делится на периоды, однако языкознание всегда было разноаспектным и в каждый из периодов существовали разные направления и лингвистические школы. Соотношение предметных (объектных) и методических (субъектных) знаний было всегда разнообразно; философские основания тоже были разными.

Установление этапов истории науки осуществляется на базе выделения актуальных, утверждающихся знаний, господствующих в поступательном движении языкознания. Разумеется, неактуальные знания не отбрасывались: они становились общепризнанными, аксиоматическими. Такие знания объединяли существующие научные направления, тогда как новые знания возникали в связи с решением новых задач. И тем не менее, «развивать науку на базе имеющихся достижений — и значит поддерживать новое в науке»¹.

Если подходить к периодизации истории лингвистики как к логическому построению, то возникает естественный вопрос о логических основаниях классификации истории.

Двузначные классификации построены по дихотомическому принципу: неновое (старое) — новое, несовременное (традиционное) — современное. При ясности, простоте этот принцип мышления сохраняет оценочно-волевой момент, ибо самое понятие «новое» (или «современное») уже включает оценку лучшего, совершенного — без раскрытия содержания и объема этого совершенного и доказательства, почему оно совершенно и современно.

Многочленные классификации сложнее, так как они сохраняют противоречивость и сложность развития. Поэтому для точности классификации необходимо воспользоваться правилами диалектической логики — диалектическим законом отрицания отрицания. Он утверждает преемственность в развитии и переход одного качества в другое².

¹ Федосеев П. Н. Некоторые вопросы развития советского языкознания. — В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964, с. 36.

² Ср.: «В истории умственного развития человечества, как и в истории всякого развития, последующая фаза всегда тесно связана с предыдущей, и вместе с тем всякая последующая фаза не только отличается от предыдущей, но во многих отношениях прямо противоположна ей» (Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. в 5-ти т., т. 4. М., 1958, с. 482).

Спиралеобразность — одна из характерных черт в развитии лингвистики как науки. Развитие общества выдвигало новые задачи; новый материал и новая его интерпретация вели к уточнению понимания предмета языкознания и приемов изучения языка.

Если наука классической древности представляла язык в своей единичности и требовала его описания и логико-философского осмысления, то сравнительно-историческое языкознание считало язык генетическим родством и требовало объяснения его происхождения.

Если логические школы расчленяли объект на всеобщее, относя его в область мышления, и частное, относя его к национальной форме языка, то психологические школы обращались к проблеме мысли, понимания, семантической интерпретации отдельных фактов. Это, в свою очередь, ставило проблему исторического и логического, речи и языка, индивидуального и социального.

Если младограмматики ставили во главу угла историческое, индивидуальное, конкретное, то неограмматики интересуются современным, социальным, грамматическим.

Если неограмматики интересовались языком как особой формой, то **структуралисты** (особенно глоссематики) стали заниматься прежде всего всеобщим, инвариантным, считая формализацию доказательства не менее значимой, чем сами знания о реальном языке.

Началось с всеобщего — пришло к всеобщему, но понимание всеобщего, например, у Аристотеля и Л. Ельмслева, весьма отлично, и это в значительной степени зависит не столько от фактического материала, хотя, естественно, объект (язык) развивался, сколько от различных способов научного мышления. Однако развитие науки опережает развитие объекта, и в этом — уверенность, что наши знания прогрессируют, развиваются, что наука идет все дальше и дальше к овладению объектом познания.

Глава 1

ОТ ФИЛОЛОГИИ ДРЕВНОСТИ ДО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XVIII В.

Этот этап является самым продолжительным; лингвистические знания накапливались медленно и постепенно. Понадобилось более двадцати веков для того, чтобы подготовить то бурное развитие науки о языке, которое мы видим в XIX и особенно в XX столетиях. И тем не менее без этого подготовительного этапа — «детства» лингвистики, когда были заложены основы знаний и была пока интуитивно определена основная проблематика, когда возникают разные (правда, недостаточно развитые и потому обособившиеся) школы, невозможно правильно понять закономерности развития лингвистики, оценить ее современное состояние, в частности греко-латинскую основу современной лингвистической терминологии.

Первый этап в развитии лингвистики распадается на три периода: филологию классической древности, языкознание средних веков и эпохи Возрождения и языкознание XVII—XVIII вв.

§ 1. ФИЛОЛОГИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ

Языкознание зародилось в недрах филологии¹ — науки, которая изучала памятники письменности с точки зрения языка, стиля, исторической и этнической принадлежности. Филология зародилась тогда, когда появились памятники письменности и возникла необходимость их изучения. На развитие языкознания существенное влияние оказала философия.

Хотя интерес к языку люди проявляли всегда и везде, наиболее значительно на развитие языкознания повлияла филология Древней Индии и Древней Греции.

Веды и грамматика Панини

В Древней Индии памятники литературы — веды — появились раньше VI в. до н. э. Но и сейчас они остаются основными священными книгами религии индуизма. Древнейшая из вед — «Ригведа», веда гимнов, — по объему равна «Илиаде» и «Одиссее», вместе взятым. Она содержит 1028 высокохудожественных лирических произведений, написанных разными стихотворными размерами.

Язык «Ригведы» называют ведийским языком; он входит в обработанный древнеиндийский язык — санскрит (понимаемый в широком смысле). Этот канонизированный, нормативный литературно-письменный язык брахманов, ученых и поэтов отличался от разговорно-народных языков — прокритов. В целях канонизации санскрита и была создана грамматика как наука эмпирическая (прикладная) и описательная.

Высшей степени своего развития эта наука достигла у Панини, жившего во второй половине IV или в III в. до н. э. Его грамматика «Аштадхьяи» («Восемь разделов грамматических правил») состоит из 3996 стихотворных правил, изложенных так, чтобы их легко можно было запомнить.

Исследование ведется эмпирически, основной прием описания — анализ. Хотя древнеиндийские грамматики и признавали предложение единицей, способной выражать мысль, и выделяли четыре части речи (имя, глагол, предлог, частицу), в основе грамматической системы лежит установление первичных элементов, деление слова на общую часть — основу (prakṛti) и изменяемую часть — окончание (pratyaya). Между корнем и окончанием глагольные основы имеют еще vikāraṇas — инфикс, определяющий спряжение. Как и другие древнеиндийские грамматики, Панини приводит длинные списки корней (1993 корня) с указанием их значений. Все слова сводятся к корням с глагольным значением действия и его результата; основы образуются путем присоединения к корням первичных и вторичных окончаний. Детально излагаются правила образования форм склонения и спряжения, даются точные указания, когда применяется то или иное правило.

¹ От греч. φιλέω — люблю и λόγος — слово.

Описание звуков осуществляется на физиологической основе — по месту артикуляции и артикулятору (кагара) — активному органу речи, принимающему участие в артикуляции. Самостоятельными фонетическими элементами признаются гласные, так как они лежат в основе слога.

Древнегреческая философия и вопросы языкознания

Древнегреческая философия рассматривала природу как единое целое. «Всеобщая связь явлений природы, — писал Ф. Энгельс, — не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же заключается и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками»¹. Греческие философы понимали диалектику как способ познания истины путем столкновения противоположных взглядов.

В древнегреческой философии и науке вопросы языкознания решались в двух аспектах — философском и грамматическом. Философский аспект хронологически предшествовал разработке специальной грамматической системы (см. с. 10—11). Он сводился прежде всего к решению проблем понимания природы названия и соотношения логики и грамматики.

Проблемы языка рассматривались в тесной связи с разработкой учения о познании. Толчком для гносеологического истолкования природы языка послужил длительный спор о природе наименования, спор о соотношении между вещами и их наименованиями. Существовали две противоположные точки зрения: а) слова обозначают вещи по их природе, истинно (φύσει, ὀρθῶς); б) слова обозначают вещи по обычаю, неправильно (ἔθω, ἕθεσ). Детально эти вопросы обсуждаются в диалоге Платона «Кратил».

Так, Гераклит (р. ок. 544—540 до н. э.) утверждал, что слова — создания природы, его последователь Кратил говорил, что «для каждой вещи природа определила особое имя, подобно тому как каждому воспринимаемому предмету определено особое восприятие». Противоположную, правильную точку зрения отстаивал Демокрит (ок. 460—ок. 370 до н. э.). Демокрит², выступая против «природной» связи между словом и вещью, в доказательство того, что имена — от установления, по обычаю, приводил четыре довода: наличие омонимов (стало быть, имя не от природы), синонимов, неназванных вещей и переименования (в именах собственных).

Желание обнаружить истинное значение слова стимулировало зарождение этимологии³. Так, стоик Хрисипп писал, что поскольку слова истинны, то задача состоит в том, чтобы найти их истинность. Однако античные этимологии научной ценности не имели:

они были построены на звуковой и буквенной символической, на произвольном разложении и сопоставлении слов. Звукоподражание и внутреннее волнение рассматривались как причина возникновения слов, языка. Например, Сократ считал, что *ῥέω* потому означает *течь*, что язык особенно движется при произношении *ρ*. По мнению Фигула, *ὄσ* (*бы*) произносится так потому, что губы выдвигаются в сторону собеседника, тогда как при произнесении *ὄσ* (*мы*) губы не выдвигаются вперед и вдох удерживается внутри. Римский поэт Апулей слово *hostis* — *враг* объяснял графически: буква *H* подобна двуглавному мечу между двумя враждующими сторонами. Этимология как лингвистическая дисциплина появляется позднее — в связи с развитием сравнительно-исторических исследований, особенно в работах А. Потта (см. с. 34).

Проблема соотношения логики и грамматики впервые была поставлена в работах крупнейшего древнегреческого философа Аристотеля (384—322 до н. э.). Его труды по логике и поэтике оказали огромное влияние на развитие этих наук на многие времена. Аристотель понимал логику как описание основных форм мышления: понятия, суждения, умозаключения; он создал основы формальной логики.

Учение о частях речи возникает у Аристотеля в недрах логики и риторики. Понятия слова еще нет, и части речи выделяются как элементы предложения (= речи). Предложение (λόγος) есть сочетание имени (ὄνομα) и глагола (ῥῆμα), эти «части речи» имеют самостоятельное значение. Глагол отличается от имени тем, что он имеет время и обладает предикативной функцией. Предикация состоит в соединении или разделении терминов: человек идет означает человек *идущий*. Кроме имени и глагола выделяется еще связка (σύνδεσμος).

В своей «Поэтике» Аристотель выделяет восемь частей «изложения» (λέξις): элемент (т. е. звук), слог, союз, член, имя, глагол, падеж и предложение (= речь, т. е. связную речь любых размеров).

Кроме элемента (звука) и слога, все части «изложения» «значащие». Имя и глагол имеют самостоятельное значение, причем имя — это только именительный падеж, другие его формы — падения (падеж и число); глаголом является лишь форма настоящего времени, остальные формы — падения глагола. «Незначащие» части «изложения» — союз и член (куда отнесены прежде всего предлоги).

Учение Аристотеля о частях речи не имеет еще собственно грамматического значения. Однако оно послужило стимулом для создания грамматики. Стоики, признав номинатив также падежом, приближаются к понятию формы слова; они же дали наименование падежным формам и формам глаголов, ввели понятие об акциденциях, т. е. морфологических категориях частей речи.

Однако окончательное отделение грамматики от философии и канонизация восьмичленной системы частей речи связаны с эпохой эллинизма.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 20, с. 369.

² В «Кратиле» взгляды Демокрита излагаются от имени Сократа.

³ От греч. ἕτιμον — истинное значение и λόγος — учение

В результате завоеваний Александра Македонского греческая культура и наука распространились на Восточное Средиземноморье, Переднюю Азию и Причерноморье. Особое значение для развития филологии имели Пергам в Малой Азии и Александрия в Египте. Здесь были созданы крупнейшие хранилища рукописей — Александрийская и Пергамская библиотеки. В Александрийской библиотеке было собрано около 700 000 свитков (томов) — большинство произведений греческой литературы и науки, переводы произведений восточных литератур. Здесь и работали грамматики. Они ставили перед собой научно-практические цели — изучение древнегреческих текстов, особенно произведений Гомера.

Филологи периода эллинизма занимались собиранием и изучением рукописей — критикой и филологическим истолкованием литературных текстов (экзегезой); истолкование всего произведения получило наименование комментария, а отдельных его мест — **схемли**.

Между пергамскими и александрийскими филологами возникли споры по вопросу об аномалии и аналогии. Пергамские филологи вслед за стойками подчеркивали а н о м а л и ю языка, т. е. несоответствие слова и вещи, а также грамматических явлений — категориям мышления. Александрийские филологи, напротив, подчеркивали роль а н а л о г и и, т. е. тенденции к единообразию грамматических форм. Критерием «правильности» языка признается речевой обычай, в связи с этим возникает проблема общего языка (κοινῆ). В грамматике есть правила (аналогии) и исключения (аномалии). Спор об аналогии и аномалии способствовал углублению изучения языка, выработке важнейших понятий грамматики.

Грамматическая школа этого времени получила наименование александрийской школы грамматики. Ее крупнейшими представителями были Аристарх Самофракийский (пер. пол. II в. до н. э.), Дионисий Фракийский (конец II в. до н. э.) и Аполлоний Дискол (втор. пол. II в.), известный работами по синтаксису.

Выделение морфологического признака (категории) и признание общего языка критерием правильности — вот что позволило создать учение о восьми частях речи как собственно грамматическую классификацию слов языка. По Дионисию, слово (λέξις) есть наименьшая часть связанной речи, а предложение (λόγος) — соединение слов, выражающее законченную мысль.

Очень детально разработано учение о частях речи, просуществовавшее вплоть до нефилологии (см. с. 20). Уже Аристарх выделил восемь частей речи:

1) имя (ὄνομα, ποση) — склоняемая (или падежная) часть речи; акциденций у имени пять: род, число, падеж, вид и образ; под видом понималось деление имен на собственные и нарицательные, на первичные и производные; под образом — деление имен собственных на простые и составные;

2) глагол (ῥῆμα, verbum) — беспадная часть речи, имеющая времена, лица и числа; акциденций у глагола восемь: время, лицо, число, наклонение, залог, вид, спряжение, образ;

3) причастие (μετοχή, participium) — слово, причастное к особенностям глаголов и имен; у причастия нет лиц и наклонений;

4) член (ἄρθρον, articulus) — склоняемая часть речи, стоящая как впереди, так и позади склоняемых имен; имеет род, число, падеж и употребляется «для указания на предварительную известность, — то, что называется отнесением»; поскольку в латинском языке артикля не было, римские грамматики внесли вместо него междометие (interiectio), у греков междометие относилось к наречиям;

5) местоимение (ἄντωνμία, pronomen) — слово, которое, по мнению Аристарха, изменяется по лицам и употребляется, как заметил Дионисий, вместо имени, причем, «будучи поставлено вместо имени, означает меньше, но почти то же самое»;

6) предлог (πρόθεσις, praepositio) — «часть речи, стоящая перед всеми частями речи и в составе слова и в составе предложения»; следовательно, предлог включал и собственно предлог и префикс; как часть речи префикс характеризовал А. А. Шахматов;

7) наречие (ἐπίρρημα, adverbium) — несклоняемая часть речи, высказываемая о глаголе или прибавляемая к глаголу; акциденций у наречия три — значение, образ, сравнение;

8) союз (σύνδεσμος, coniunctio) — часть речи, связующая и упорядочивающая мысль; акциденций у него три — образ, порядок, значение; по значению союзы делятся на пять видов: соединительные, разъединительные, восполняющие, причинные, выводные.

Период классической древности принес человечеству первые знания о языке. Традиционная европейская грамматическая терминология восходит к греческой системе грамматики — в римской и средневековой редакции.

Крупнейшим римским грамматистом был **Варрон** (116—27 до н. э.), написавший исследование «Латинский язык». Однако большую известность в средние века получили грамматика **Доната** (IV в.), сохранившаяся в полном и сокращенном вариантах и имеющая ряд комментариев, и огромный труд **Присциана** (VI в.) «Учение о грамматическом искусстве».

Филология классической древности обратила внимание лишь на некоторые проблемы языкознания: несомненны достижения в области морфологии, фонетика носит практический характер (большие успехи у древнеиндийских грамматистов), лексикологии еще нет. Вопросы языкознания начинают выделяться из проблем общезнаковых и общезнаковых. Языковая база теорий ограничена одним языком, и лишь санскрит, древнегреческий и латинский языки получили описание. Описание санскрита и греческого языка осуществляется раздельно, и только у римских авторов встречаются сравнения двух индоевропейских языков — латинского и греческого.

Ограниченность распространения языковых теорий рядом стран характерна для этого этапа. Грамматические теории древней Индии были усвоены европейским языкознанием позднее (см. с. 24). Достиже-

ния древнекитайских и древнеарабских филологов европейским языковедам в это время неизвестны, лишь на следующем этапе возникает востоковедение (ориенталистика).

§ 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Падение Западной Римской империи, период развития феодальных отношений в ряде государств средневековой Европы XIII—XIV вв. знаменуются спадом в развитии науки. Эпоха Возрождения (вторая половина XV—XVI вв.), отразившая становление буржуазных отношений, характеризуется возникновением гуманизма, ростом национального самосознания, расцветом искусства, литературы, оживлением в науке. Интерес к литературе Древней Греции и Рима способствует развитию классической филологии.

Языкознание средних веков

Средние века не дали значительного движения вперед в развитии языкознания ни в накоплении материала, ни в совершенствовании теории, однако в средние века появляется школа, создаются первые методики обучения языку. Латинский язык, надолго ставший письменным языком межнационального общения ученых, рассматривался в то же время как школа логического мышления. Правила и понятия латинской грамматики считались всеобщими и механически переносились на грамматики новых языков.

Латинская грамматика повсеместно изучалась в изложении Доната и Присциана. Грамматика считается образцом премудрости, искусством правильно писать и говорить¹.

Возрождаются споры о природе названия — это споры реалистов и номиналистов. Реалисты (например, Ансельм (1033—1109), епископ Кентерберийский) считали, что общие понятия реальны, объективны и предшествуют материальным вещам. Идеи же, предшествующие вещам, есть внутреннее слово бога.

Номиналисты (например, французский философ П. Абеляр (1079—1142)) считали, что реальны лишь вещи с их индивидуальными качествами. «Общие понятия — суть имена», т. е. название является общим понятием о вещи. Общее всегда возникает после вещи, как ее понятие (conceptus). Однако значение не отражение вещи, а лишь ее знак.

Возрождение классической и восточной филологии

В XV—XVI вв. появляются грамматики ряда языков: армянского, персидского, венгерского, японского, корейского, испанского, нидерландского, французского, английского, польского, чешского, мексиканского и ацтекского.

¹ От средневековья идет понимание гуманитарных наук как наук словесных. В то время гуманитарные науки относились к числу трех свободных искусств (тривиума): грамматика — искусство писать, диалектика — искусство спорить и доказывать, риторика — искусство говорить. Характерно средневековое изображение Грамматики в окружении других свободных искусств: в правой руке у нее — нож для подчистки ошибок, в левой — розги для наказания нерадивых.

Текстологическая работа над священными книгами способствует возрождению классической филологии, имеющей, правда, практическое направление — изучение латинского и греческого языков, особенно издание и объяснение латинских произведений.

Наиболее известными работами были: «Об основах языка латинского» (1540) Ж. Скалигера и «Сокровищница языка латинского» (1553) Р. Стефануса (Р. Этьена). Изучение греческого языка связано с именами И. Рейхлина, Ф. Меланхтона и особенно Г. Стефануса (А. Этьена), автора книги «Сокровищница языка греческого».

В это же время начинается специальное изучение восточных языков, особенно семитских. В 1505 г. выходит арабская грамматика П. де Алкала, в 1506 г. — еврейская грамматика Рейхлина. Позднее труды гебраистов Буксторфов — Иоганна и Иоганна младшего, — арабистов Эрпениуса и И. Лудольфа закладывают основы грамматического и лексикографического изучения древнееврейского, арамейского, арабского и эфиопского языков.

§ 3. ЯЗЫКОЗНАНИЕ XVII—XVIII ВВ.

Если в науке средних веков и эпохи Возрождения продолжалось развитие идей филологии классической древности, то в языкознании XVII и особенно XVIII вв. произошли коренные изменения, позволившие заложить основы нового типа грамматик и словарей.

Исторические события и языкознание

Причиной бурного развития языкознания и его теории послужили исторические события, потребности научного познания, выдвинутые общественным развитием. Решающую роль сыграло открытие новых языков и определение путей развития их.

С одной стороны, географические открытия XV в., вызванные развитием торговли, путешествия XVI—XVII вв. позволили обнаружить множество новых языков. Этот богатейший материал потребовал обобщения и пересмотра теорий, построенных на ограниченном фактическом основании.

С другой стороны, на территории Европы происходит образование народностей, наций и новых литературно-письменных языков; появляется книгопечатание, развиваются просвещение, наука и культура. Эти новые явления требовали не только описания, но и вмешательства людей в те языковые процессы, которые происходили на глазах писателей, филологов, философов.

Из задач, поставленных историческими событиями перед языкознанием, наиболее важными оказались: каталогизация огромного фактического материала, решение проблемы происхождения и развития языка, в том числе вопроса о международном языке, создание всеобщей рациональной грамматики и нормативных грамматик и словарей.

Если лексикографическая работа предшествующего времени сводилась к составлению глоссариев (азбуковников) — словарей ино-

странных и непонятных (трудных) слов и выражений, встречающихся в тексте, то в XVII—XVIII вв. появляются большие многоязычные словари.

Многоязычные словари представляли собой каталоги фактического языкового материала, вводимого в научный оборот. Другой классификации языковеды того времени предложить не могли.

Первым словарем-каталогом стал вышедший в Петербурге труд путешественника и естествоиспытателя П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787—1789). Второе издание (1791) охватывало 272 языка и диалекта Европы, Азии, Америки и Африки.

В 1784 г. опубликован «Каталог известных языков и замечания о их сродстве и различиях» испанца Л. Эрваса-и-Пандура. Словарем подобного типа была и работа немецких ученых И. К. Аделунга и И. С. Фатера «Митридат, или Всеобщее языкознание, имеющее в качестве языкового примера «Отче наш» на почти 500 языках и диалектах» (1806—1817). Классификация языков — географическая (Азия, Европа, Африка, Южная, Средняя и Северная Америка).

Открытие многообразия языков, стоящих на разных ступенях развития, поставило языковедов и философов перед фактом исторического развития языка и языков. Проблема происхождения языка ставится как проблема истории людей.

Отвергнув теорию «божественного» откровения, философы и языковеды XVIII в. стали искать «человеческие» причины возникновения языка. Из работ, решавших эту проблему, наиболее значительны «Рассуждение о начале и основах неравенства между людьми» (1755, рус. пер. 1770) и «Опыт о происхождении языков» (1761) Ж.-Ж. Руссо и «Исследование о происхождении языка» (1772, рус. пер. 1909) И. Гердера.

Историзм пронизывает не только проблему происхождения языка, но и проблемы дальнейшего развития языков. Предпринимаются первые попытки увязать историю языка с историей человеческого общества. Дж. Вико в книге «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) устанавливает три основных этапа в развитии языка: язык богов, язык героев, язык людей; период богов — это родовой строй, период героев — феодальный, период людей (человеческий) — раннекапиталистический. История языков следует за историей человечества.

Признание активной роли разума проявилось также в создании всеобщей рациональной грамматики и международного искусственного языка.

Всеобщая рациональная грамматика

Открытие разнообразия языков и развитие логики выявили недостатки латинской грамматики средневекового периода, ее узкую языковую базу и методическую схоластичность. Возникает идея создания всеобщей грамматики.

В 1660 г. была издана «Всеобщая рациональная грамматика» французских ученых логика А. Арно и языковеда К. Лансло, а в 1675 г. — «Логика, или Искусство мыслить» А. Арно и П. Николя.

Эти работы, известные как грамматика и логика Пор-Рояля¹, оказали огромное влияние на развитие грамматической теории.

Если практическая грамматика рассматривалась как искусство писать и говорить, то грамматика Пор-Рояля мыслилась как грамматическая теория, требующая умения анализировать. В основу грамматической теории было положено два принципа: признание всеобщности этих правил и рациональной (логической) их основы. Законы логики едины для всего человечества, они универсальны. Грамматические правила не имеют такого универсального характера, поэтому можно всеобщую грамматическую систему построить на основе обобщения фактического материала разных языков.

Грамматика Пор-Рояля создана на материале древнегреческого, древнееврейского, латинского и французского языков. Однако это не сравнительная и не сопоставительная, а логико-типологическая грамматика. Задача такой грамматики состоит в том, чтобы установить, как об этом сообщено в заглавии, «рациональные основы, общие для всех языков, и главные различия, которые в них встречаются».

Язык существует для того, чтобы человек мог выражать свои мысли при помощи знаков — звуков, букв (графических знаков, которые изобретены для передачи во времени и сохранении в пространстве звуков) и слов, которые обозначают все, что происходит в мозгу. Значения слов образуют внутреннюю сторону знака, а звуки (и буквы) — внешнюю.

Грамматика Пор-Рояля состоит из двух частей — фонетической и грамматической. В шести главах первой части рассматриваются звуки и буквы, ударение и слогоделение; последняя глава сообщает о новом методе обучения чтению на языке любого типа. Во второй части 24 главы: 23 рассматривают морфологические вопросы, последняя посвящена синтаксису («Синтаксис, или Соединение слов в конструкции. Типы конструкций»).

Слова могут обозначать предметы мысли и ход мысли. Слова первого типа — это существительные, артикли, местоимения, причастия, предлоги и наречия; слова второго типа — глаголы, союзы, междометия. Существительные делятся на собственно существительные (обозначают субстанцию) и прилагательные (обозначают качество). У имени есть формы числа и падежа, а также предлоги, необходимые для уяснения того или иного падежа. Глагол имеет лицо, число, время и наклонение; кроме того, есть еще инфинитив, безличные глаголы, причастия, герундий и супин, вспомогательные глаголы.

Синтаксическая теория носит двойственный характер. В «Грамматике» кратко излагается учение о словосочетаниях (конструкции); вопросы формального синтаксиса рассматриваются также в главе о падежах и предлогах, в главах об относительном местоимении — релятиве и в главе о союзе и междометии. Учение о предложении

¹ Пор-Рояль — монастырь около Версаля. Пор-Рояль был широко известен как крупнейший центр просвещения и науки. Для нужд преподавания создавались учебники, в том числе учебники грамматики и логики.

излагается в логике — в связи с учением о суждении и умозаключении как универсальных категорий.

Логическая основа предложения рассматривается как трехчленная и двучленная. С одной стороны, утверждается, что любое предложение включает субъект, атрибут и связку [*La terre est ronde — Земля (есть) круглая*]. Связка является знаком деятельности ума, который судит, как соотносятся друг с другом субъект и атрибут. С другой стороны, личные глаголы по своей природе, сами по себе уже выражают суждение с атрибутом, так что в *veni, vidi, vici* — три суждения (proposition). Поэтому пропозиционную структуру можно представить как двучленную — как оппозицию (opposition), состоящую из субъекта и предиката. Не может быть номинатива без глагола, а глагола без номинатива. Это правило зависимости является не только рациональным, но и всеобщим (универсальным); оно имеет место и тогда, когда второе слово выражается, и тогда, когда оно подразумевается. Трехчленная структура линейна и поверхностна; двучленная структура — результат языкового преобразования (ее логическая природа скрыта).

В понятии (идее) есть не только объем (т. е. предметная отнесенность, название предмета), но и содержание (т. е. совокупность признаков предмета). Поскольку понятия могут быть сложными, постольку пропозиционные термины могут выражаться не только словом, но и описанием, которое состоит из термина и приложения (addition) к нему. Поэтому не может быть прилагательного или родительного падежа, которые не относились бы к существительному. Это правило носит также универсальный характер, хотя возможны скрытые формы, которые необходимо разъяснить, используя методику преобразований (превращений).

Так было открыто придаточное предложение. Предложение с описанными терминами *Dieu invisible a créé le monde visible — Невидимый бог создал видимый мир* скрыто содержит три суждения: а) бог есть невидим, б) который (он) создал мир, в) который мир есть видим. Одно суждение является существенным, два другие — вводные («вносные» — propositions incidentes), причем нам безразлично, как их выразить — прилагательным и причастием без глагола и без *qui* или глаголом с *qui* (*Dieu qui est invisible a créé le monde qui est visible*)¹.

Логика и грамматика Пор-Рояля оказали серьезное влияние на развитие логики и логического, структурного и математического языкознания. Ф. де Соссюр метод грамматики Пор-Рояля назвал верным; высоко оценил идею преобразований при изучении естественных языков для выявления в них глубинных структур Н. Хомский.

¹ Для логико-грамматической теории членов предложения и придаточных предложений сыграла большую роль «Грамматика» (1770) Э. де Кондильяка. Он, отделяя от вносных предложений придаточные (propositions subordonnées), считал, что они используются не для распространения слова, а для пополнения главного предложения, которому подчинены при помощи союзов и предлогов, являясь приглагольными второстепенными членами предложения; в отличие от вносных, придаточные предложения подвижны в структуре предложения.

В России идеи грамматики и логики Пор-Рояля получили распространение в начале XIX в. В 1810 г. выходит «Всеобщая философская грамматика» Н. И. Язвицкого, в которой местами сокращенно, местами полностью передано содержание «Грамматики» Арно и Лансло, но добавлены русские примеры. В это же время издается и ряд других философских грамматик. Наиболее значительной из них является «Начертание всеобщей грамматики» (1812) Л. Г. Якоба. Он определяет язык как совокупность слов — искусственных (произвольных) знаков, отличных от знаков естественных (необходимых), а предметом грамматики конкретного языка считает «начертание его форм». Грамматика Якоба имеет две части: всеобщую теорию частей речи, которая изучает элементы языка, выражающие действия разума порознь, и всеобщий синтаксис (или грамматическое способоучение), который изучает способы соединения элементов языка в одно целое, выражающее соединение мыслей; синтаксис делится на учения о соединении слов (для определения отдельных понятий в предложениях), о составлении из слов предложений, о соединении предложений в периоды (этот термин, обозначающий сложное предложение, заимствован из риторики).

Философская грамматика оказала влияние на составление описательных и сопоставительных грамматик, которые характерны для представителей логико-грамматического направления (см. с. 37—41). Философским (всеобщим) грамматикам были противопоставлены филологические (нормативные), а затем исторические и сравнительно-исторические грамматики.

Нормативные грамматики и словари

Объединение грамматики с логикой не могло увести языковедов и филологов от тех проблем, которые возникали в связи с открытием новых языков. Становление народностей, а затем и наций сопровождалось закреплением в письменности новых языков. Вопросы языковой нормы и культуры речи становятся актуальными не только практически, но и теоретически.

Развитие литературно-письменных языков, особенно в Италии, Франции, Германии и России, вызвало необходимость составления нормативных грамматик и словарей. Грамматики родных языков появляются в ряде стран. Так, в 1562 г. П. Раме (Рамус) издал грамматику французского языка, содержащую фонетику и морфологию. В 1653 г. оксфордский профессор геометрии И. Уоллис опубликовал «Граматику английского языка». Особенно много было сделано для составления грамматики русского языка: в 1596 г. вышла грамматика Л. Зизания, в 1619 г. — М. Г. Смотрицкого, в 1696 г. — Г. Лудольфа, а в 1757 г. — «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1711—1765)¹.

¹ См.: Макеева В. Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М. — Л., 1961; Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 211—234.

«Российская грамматика» представляла собой новый тип грамматики — описательную нормативно-стилистическую грамматику. Ее создание рассматривалось автором как участие в «совершенствовании родного языка», ибо грамматика, хотя «от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению»¹. Взаимоотношения рациональных и нормативных принципов описаны Ломоносовым в диалоге «Суд российских писем, перед разумом и обычаем от грамматики представленных». Грамматика имеет не только нормативное, но и общеобразовательное значение: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

Путь создания грамматической теории эмпирической, хотя интерпретация фактов рациональная. Благодаря внимательному наблюдению над особенностями живого языка и тщательному изучению их Ломоносову удалось блестяще воплотить идеи нормативно-стилистической грамматики и создать первую научную (академическую) грамматику русского языка.

«Российская грамматика» состоит из шести наставлений: 1) «О человеческом слове вообще», 2) «О чтении и правописании российском», 3) «О имени», 4) «О глаголе», 5) «О вспомогательных или служебных частях слова», 6) «О сочинении частей слова». Теория предложения и периода (сложного предложения) рассматривается в риторике («Краткое руководство к красноречию», 1748).

В центре грамматической системы — учение о частях речи (= «частях слова»). Части речи на логико-функциональной основе подразделяются на два разряда — знаменательные и служебные (вспомогательные). Знаменательные части речи отражают бытие, служебные сокращают повторение «речений» в соответствии с принципом экономии языковых средств.

Поскольку есть два рода бытия и идеи (вещи и деяния), постольку имена и глаголы, знаменующие вещи и деяния, есть основные, «знаменательные части слова». Имена подразделяются на существительные (обозначают вещи), прилагательные (обозначают качества) и числительные.

Вспомогательные части речи выполняют служебную роль, соединяя или сокращая «знаменательные части слова». Предлоги служат «для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно... Союзы самых понятий соответствие между собою показывают». Сокращающие части слова, заключающие «несколько идей разных», — местоимение, наречие, междометие: «Местоимение полагается вместо имени; наречие изображает единым речением обстоятельства; междометие представляет движение духа человеческого кратко». Глагол имеет причастие и дееспричастие, которые также «сообщают идеи вещей» (см. рис. 1).

Хотя Ломоносов исходил из учения о восьми частях речи, его классификация применена к новому материалу и основана на семантико-морфологическом принципе: определяя грамматическое значе-

ние части речи, автор учитывает особенности словоизменения, словообразования и синтаксического употребления. Синтаксис распадается на синтаксис частей речи («сочинение частей слова») и синтаксис предложения; первый относится к грамматике (описание согласования и управления разных частей речи — имени, глагола, «вспомогательных частей слова») и сочинение частей слова по разным обстоятельствам, предложение и период изучаются в риторике (не в логике!).



Рис. 1. Классификация частей речи (по М. В. Ломоносову)

Связь грамматики и стилистики признается важнейшим принципом, поскольку грамматика описывает и предписывает норму. Стилистический принцип обязывает рассматривать варьирование нормы. По функционально-жанровому признаку выделяются три «штиля» — средний (посредственный) и противостоящий ему высокий и низкий; внутри каждого «штиля» отмечается дальнейшее варьирование, в зависимости от тематики и экспрессии произведения. Хотя стилевое расчленение языка и его стилистическое варьирование намечаются прежде всего в выборе и использовании слов, в грамматике также описываются произносительные, морфологические и синтаксические варианты. В то же время противопоставление «просторечия» (= русизмов) и церковнославянских элементов (= славянизмов) соотносилось со сравнительным изучением славянских языков.

Таким образом, нормативная грамматика опирается на употребление языка как общее, так и образцовых писателей. Она противостоит всеобщей грамматике, составленной на логико-дедуктивных основаниях.

Нормативно-стилистический принцип используется и в толковых словарях новых языков. Если ранее были известны словари-комментарии и словари-каталоги, то в конце XVII — начале XVIII в. утвердился иной тип словаря — нормативный толковый словарь, значение которого в теории и методике языкознания очень велико. В истории народа составление хорошего нормативного словаря, как и грамматики, — событие большой научно-культурной значимости. Толковый (нормативный) словарь, в котором фиксируется словарный состав языка, определяются значения слов и выражений, дается грамматическая и стилистическая характеристика слов, свидетельствует не только об уровне развития данного языка, но и об уровне его научного изучения. «Язык народа, — писал Д. Дидро, — образует свой словарь, и словарь есть достаточно верный реестр всех знаний этого

¹ Цит. по кн.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7. М. — Л., 1952.

народа; уже на основе простого сравнения словаря нации в разные эпохи можно составить себе представление о ее прогрессе»¹.

Первым академическим толковым словарем был словарь итальянского языка — «Словарь Академии Круска» (1612), в 1694 г. появляется «Словарь французской Академии», в 1726—1739 гг. издается «Словарь авторитетов» испанской Академии, в 1789—1794 гг. публикуется «Словарь Академии Российской»².

Толковые словари как орудие познания языка и языкового строительства являются большим завоеванием науки о языке. Своим огромным фактическим материалом и действенностью они оказывают влияние на развитие теории языка, увязывая ее с общественной практикой. Поэтому составление толковых словарей различных видов стало непременным компонентом лингвистической деятельности; особенно значительных успехов в лексикографии достигло советское языкознание (см. с. 111—112).

Появление нормативных грамматик и словарей свидетельствовало о становлении неофилологии, которая объектом своего изучения сделала новые языки и новые литературы, а основным теоретическим вопросом — проблему языковой нормы. Неофилология противопоставила себя как классической филологии, так и всеобщей, рациональной грамматике. Однако общим у них было статическое и неисторическое представление о языке и речевой деятельности. Это противоречие становится предметом специального рассмотрения в XIX в., когда возникло сравнительно-историческое языкознание, появились сравнительно-исторические грамматики и историко-диалектные словари.

Библиография

- Античные теории языка и стиля. Под ред. О. М. Фрайденберг. М.—Л., 1936.
Тропский И. М. Учение о частях речи у Аристотеля. — «Уч. зап. ЛГУ», 1941, № 63, вып. 7.
Сергиевский М. В. Современные грамматические теории в Западной Европе и античная грамматика. — «Уч. зап. МГПИИЯ», 1940, т. 2.
Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 7—133.
Ольховников Б. А. Рационализм и эмпиризм в философии языка XVII в. и «Грамматика Пор-Рояль». — «Уч. зап. МГПИИЯ», 1968, т. 42.

Глава 2

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Интерес к разным языкам, родственным и неродственным, привел к тому, что наряду с классической и семитской филологией возникают новые отрасли знаний о языке, составляются словари и грамматики многих индоевропейских и неиндоевропейских языков.

¹ См.: Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné de sciences, de arts et de métiers, t. 6, Paris, 1755, p. 637.

² См.: Касаткин А. А. Словарь Академии Круска. — «Филологические науки», 1963, № 4; Будагов Р. А. Понятие о норме литературного языка во Франции XVI—XVII вв. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5; Рудаков А. И. Ф. «Словарь Академии Российской». Л., 1965.

Новый фактический материал, новые идеи и новая методика его обработки — все это привело к обособлению лингвистики как науки сравнительно-исторической, имеющей свои философские основания и научно-исследовательский метод.

§ 4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С увеличением объема фактического материала — кроме греческого и латинского были изучены языки германские, иранские и славянские — и установлением родства изученных языков с санскритом сравнительно-историческое изучение языков сделало значительный шаг вперед и уточнило свой предмет и метод. Таким образом было преодолено разобщение европейского и азиатского языкознания и поставлен вопрос о единстве лингвистики.

Возникновение германистики

Возникновению и развитию германистики, т. е. науки, изучающей сравнительно-исторически германские языки, много способствовали лингвистические труды датского ученого Р. Раска и немецких языковедов Я. Гримма и Ф. Боппа.

Основные работы Раска: «Исследование происхождения древне-северного, или исландского, языка» (1818), «О фракийской группе языков» (1822). Определяя место исландского языка, Раск анализирует его отношение к языкам «готского языкового класса» и фракийским (так названы греческий и латинский языки). Являясь основоположником скандинавской филологии, Раск способствовал утверждению сравнительно-исторического метода в индоевропейском языкознании. Он считал, что дело грамматики не предписывать, как образовывать слова, но описывать, как они образуются и изменяются.

В 1819 г. выходит первый том «Немецкой грамматики» Гримма (т. 4, 1837). Гримм исследует готско-германские языки, прослеживая соотношение звуков и форм родственных языков в различные времена и в разных диалектах. Гримма принято считать основоположником исторической грамматики.

Раск и Гримм установили два закона передвижения согласных в германских языках. В области морфологии сильные глаголы признаются древнее слабых, а внутренняя флексия (чередование гласных основы) — древнее внешней. В предисловии к «Немецкой грамматике» Гримм пытался связать историю немецкого языка с романтическим представлением о трех ступенях развития языка: а) на первой ступени происходит рост корней и слов, обозначающих вещественные представления; б) на второй появляются флексии и суффиксы; в) на третьей создается гармония целого.

Филологическое изучение германских языков, особенно немецкого и английского, сравнительно-историческое освещение структуры отдельных германских языков, и готского языка в частности, сделало в начале XIX в. германистику влиятельной в лингвистике.

Непосредственным толчком к возникновению славистики, науки о языке, культуре и истории славянских народов, послужило изучение памятников старославянского языка и сравнение с ним языков других славянских народов. Славянское языкознание своими успехами обязано прежде всего трудам И. Добровского, А. Х. Востокова и Ф. Миклошича¹.

Работы И. Добровского (1753—1829) заложили основы сравнительной грамматики славянских языков, опирающейся на определение степени родства славянских языков и признание древности старославянского языка. Его «Основы древнеславянского языка» (1822) — первая научная грамматика старославянского языка. Много внимания Добровский уделил происхождению славянского письма и первого письменного языка славян («Глаголитика», 1807, и «Моравские легенды о Кирилле и Мефодии», 1826).

А. Х. Востоков (1781—1864)² начал свою деятельность с опубликования лирических стихотворений и работы о системе русского тонического стихосложения. С 1815 г., поступив на службу в Публичную библиотеку помощником хранителя рукописей, он целиком отдался исследованию славянских языков, особенно русского. Его основные работы: «Рассуждение о славянском языке...» (1820), сделавшее имя автора широко известным, «Русская грамматика» — пространная и краткая (1831), «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (1842), «Словарь церковнославянского языка» (1858—1861); в 1843 г. Востоков издал «Остромирово евангелие».

Работы Востокова, опирающиеся на новый богатый фактический материал, оказали большое влияние на развитие славянского языкознания и способствовали утверждению сравнительно-исторического метода. Он основывается на том, что «каждый из новославянских языков и диалектов сохранил какие-нибудь особенные, потерянные другими слова, окончания и звуки общего их прародителя, древнего славянского, как сие можно видеть, сличая их грамматики и словари с памятниками, от древнего языка оставшимися»³.

Сравнивая данные русского, польского и старославянского языков, Востоков выделил три группы славянских языков и установил три периода в их истории. Возражая Добровскому, он кроме северной (западной) и южной групп славянских языков выделяет восточнославянскую (русскую). Она отличается от двух других групп такими признаками, как полногласие (*город* вм. *град*), звуки *ч* (*ночь*

¹ См.: Ягич И. В. История славянской филологии. Спб., 1910, с. 100—137, 215—237, 691—718; Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904, с. 1141—1228.

² См.: Львов А. С. А. Х. Востоков. — «Русский язык в школе», 1956, № 6; Вдовина В. А. «Русская грамматика» академика А. Х. Востокова в оценке русских лингвистов. — В кн.: Очерки по русскому языку, т. 2. Киров, 1965.

³ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке. — «Труды Общества любителей российской словесности», 1820, ч. 17.

вм. *ночь* и *под*) и *ж* (*вожь* вм. *вождь* и *wódz*). «Русские, — писал Востоков, — не имели также звуков, выражаемых буквами *ж* и *а* кирилловской азбуки, а вместо оных *у*, *а*, выговаривали». Сличая юсы с польскими *ą* и *ę*, *и* и *ie*, Востоков пришел к выводу, что юсы обозначали носовые гласные; это было для своего времени очень смелое утверждение.

Востоков исходил из того, что надо учитывать различие не только языковое, но и временное. Он установил изводы старославянского языка — болгарский, сербский, русский — и назвал три периода в его постепенном изменении — древний (IX—XIV вв.), средний (XV—XVI вв.) и новый. Используя исторический принцип, Востоков открыл в древнем языке носовые гласные, обозначавшиеся юсами, определил произношения букв *ж* и *ь*, отметил несочетаемость в древнем языке заднеязычных согласных с гласными переднего ряда, а шипящих и аффрикат с гласными заднего ряда; им были также открыты именные (краткие) прилагательные и высказана мысль о более позднем возникновении полных (местоименных) прилагательных и деепричастий. Исторический подход к языку, впервые примененный для славянских языков Востоковым, был поддержан И. И. Срезневским («Мысли об истории русского языка», 1849) и Ф. И. Буслаевым (см. с. 38—40). На материале германских языков принцип историзма развил Grimm.

Первую сравнительную грамматику славянских языков создал профессор славянской филологии Венского университета, словинец по происхождению, Ф. Миклошич (1813—1891). Первый том грамматики, посвященный фонетике славянских языков, опубликован им в 1852 г., а четвертый, посвященный синтаксису, — в 1875 г. «Сравнительная грамматика славянских языков» Миклошича свидетельствовала о выделении этой отрасли знаний.

Во второй половине XIX в. и в XX в. развитие славистики продолжалось; организуются славистические журналы, с 1929 г. проводятся международные съезды славистов. В разработке славистической проблематики большое участие принимают советские ученые, особенно после IV международного съезда славистов (Москва, 1958).

Славянские языки получают сравнительно-историческое и типологическое освещение, изучаются их связи с неславянскими языками, всесторонне характеризуются восточнославянская, западнославянская и южнославянская группы, рассматриваются особенности фонетики, морфологии, словообразования, лексики и синтаксиса славянских языков. История и современное состояние отдельных славянских языков, особенно русского, изучены с самых разных сторон. Достижения славянского языкознания имеют важное значение не только в индоевропеистике, но и в теории общего языкознания¹.

¹ См.: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. М., 1968, 1972; Фидлин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962; его же. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941.

Огромную роль в становлении и развитии сравнительно-исторического языкознания сыграло знакомство европейских ученых с индийской филологией и санскритом. Его изучение началось с 1784 г., когда в Калькутте В. Джонс организовал Бенгальское азиатское общество. Познакомившись с санскритом и индийскими языками, он пришел к мысли, что поскольку санскрит, греческий и латинский языки обнаруживают близкое родство в корнях глаголов и формах грамматики, то ни один филолог, занимающийся исследованием этих языков, не сможет не поверить тому, что они произошли из одного общего источника, который, быть может, уже более не существует.

Таким образом, классическая и древнеиндийская филология, германистика и иранистика, славистика и романистика подготовили почву для создания сравнительной грамматики индоевропейских языков. Обобщающими трудами, заложившими основы компаративистики, являются работы Ф. Боппа и А. Шлейхера по сравнительной грамматике, опирающиеся на материалы индоевропейских языков.

Ф. Бопп (1791—1867)¹, взяв за основу сравнения санскрит, обнаружил сходство морфологии и регулярность фонетических соответствий большой группы языков, названной им индоевропейской и м и — санскрита и зенда (так назывался древнейший иранский язык — авестийский), армянского, древнегреческого, латинского, готского, старославянского и литовского. Бопп создал сравнительную грамматику индоевропейских языков. Родство индоевропейских языков было доказано, а сравнительно-исторический метод выдержал сложное испытание и был упрочен как один из основных методов изучения языка (см. с. 218, 253—256).

Основные работы Боппа: «Система спряжения в санскрите в сравнении с греческим, латинским, персидским и германскими языками» (1816) и первая сравнительная грамматика индоевропейских языков — «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, греческого, латинского, литовского, готского и немецкого языков» (1833—1849).

Сравнительная грамматика Боппа представляет собой по существу сравнительную морфологию, так как в центре наблюдений стоят, как и у Панини, корни и флексии. Фонетика подчинена морфологии, значение форм определяется попутно, в связи с разбором их морфологического строения; синтаксис как самостоятельный раздел еще отсутствует.

Сравнение языков для Боппа не было самоцелью: он относился к сравнению как к средству, методу, позволяющему глубже проникнуть в строение языка, объяснить его историю. Сравнение используется для того, чтобы описать организм языков, исследовать их физические и механические законы, объяснить происхождение форм, выражающих грамматические отношения.

Бопп обосновал существование индоевропейской семьи языков, обнаружив тождество элементов глагольных парадигм в древнеиндийском, древнеперсидском, древнегреческом, латинском и готском языках. Позднее возникли сравнительно-историческая фонетика, этимология, синтаксис, были открыты новые индоевропейские языки. В дальнейшем одни положения первого индоевропейца были уточнены, другие отвергнуты. Но нельзя умалить заслуг Боппа: он создал сравнительно-историческую грамматику, и в частности индоевропейское сравнительно-историческое языкознание.

§ 5. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В. ГУМБОЛЬДА

Философские основы сравнительно-исторического и типологического языкознания заложил В. Гумбольдт (1767—1835)¹, ученый, государственный деятель, основатель Берлинского университета. Разносторонне образованный человек, Гумбольдт занимался философией и филологией, государственным правом и языкознанием, писал стихи. Его основное языковедческое исследование — «О языке кави² на острове Ява» (1836—1839, рус. пер. 1859), во введении к которому («О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода») изложена лингвистическая концепция Гумбольдта. *Шеллинг, Фихте*

Значение Гумбольдта для языкознания можно сравнить с влиянием на развитие философии Канта и Гегеля, причем Гумбольдт более похож на Гегеля³. В отличие от Канта, Гумбольдт говорил о вербально-логическом (а не чисто логическом) мышлении. Язык, считал он, функционирует как обозначение предметов и как средство общения. И поскольку язык есть сложное и противоречивое явление, постольку отдельные стороны его можно постичь, если применить методику антиномии частного и общего. Основные противоречия, с которыми встречается исследователь языка, — это противоречия субъективного и объективного, языка и мышления, деятельности и дела, общего (коллективного) и особенного (индивидуального).

Основной недостаток предшествующего языкознания, по Гумбольдту, состоял в том, что оно исходило исключительно из логического понимания мышления, рассматривая язык как форму без содержания, а сравнительно-историческое изучение языка ограничивалось исключительно классическими языками и отрывало историю языка от истории народа, его культуры. Гумбольдт считал, что языкознание должно иметь свою философскую базу — философию языка, построенную на прочном фундаменте анализа различных языков.

Основными принципами философии языка, по мнению Гумбольдта, являются признание языка и его формы как деятельности и национального сознания народа.

¹ См.: Рамишвили Г. В. Некоторые вопросы лингвистической теории В. Гумбольдта. Тбилиси, 1960.

² Кави — древнейший письменный язык яванцев; грамматика — малайско-полинезийская, лексика заимствована из санскрита и пали (одного из среднеиндийских языков).

³ См.: Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927, с. 33.

¹ См.: Десницкая А. В. Франц Бопп. — «Русский язык в школе», 1941, № 1.

Язык как деятельность

Гумбольдт решительно возражал против понимания языка как чего-то механического и статичного, внешнего по отношению к выражаемой мысли. Он писал: «Язык есть не продукт деятельности (εργον), а деятельность (ενεργεια). Его истинное определение поэтому может быть только генетическим. Язык представляет собой беспредельную деятельность (Arbeit) духа, стремящегося превратить звук в выражение мысли»¹. Р а з в и т и е и есть форма существования языка.

Гумбольдт подчеркивал не только динамизм языка, но и его активность. Язык является результатом творческого синтеза мыслительной деятельности; он в то же время — активная форма, орудие этой мыслительной деятельности.

Единство языка и мышления — неразрывное диалектическое единство, это единство речи и мысли, ибо язык как общее, коллективное достояние воздействует на индивида, и чем лучше человек владеет языком, тем сильнее язык влияет на его мышление. Однако учение Гумбольдта не ограничивалось определением взаимодействия языка и мысли говорящего индивидуума. Он ставил вопрос о взаимосвязи языка и «народного духа», национального самосознания, потому что «национальный характер языков состоит в особенном соединении мысли со звуком».

Язык — «дух народа»

Гумбольдт подчеркивал, что «язык всегда развивается в сообществе людей, и человек понимает самого себя не иначе, как удостоверяясь в понятности слов своих для другого». Но общественную природу языка он понимал как природу национальную, как «идеальное», которое находится «в умах и душах людей»².

Причем это идеальное не общечеловеческое (логическое) и не индивидуальное (психическое), а общенародное языковое мышление. Гумбольдт писал: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык», «язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие».

Хотя говорят и создают тексты отдельные лица, язык не есть порождение индивида: «Создания народов предшествуют созданиям отдельных лиц», так как «языки, всегда имеющие национальную форму, могут быть только непосредственными созданиями народов».

Однако не только народ создает свой язык, свою культуру. Языковое мышление становится третьей силой (наряду с общечеловече-

¹ Цит. по кн.: Гумбольдт В. фон. О языке кави на острове Ява. Спб., 1859.

² Гумбольдт неоднократно возражал против понимания языка как природного организма (по терминологии Боппа, organische Naturkörper). Сравнение языковых систем с системами природы (des Sprachsystems mit Natursystemen) показывает, по его мнению, что язык не может быть рассмотрен как природное тело, так как он является духовным процессом, естественной человеческой функцией, данной людям для выражения понятий.

ской, логической и индивидуально-психологической) — языковым сознанием, которая подчиняет себе человека, пока он знает только один язык, мыслит сквозь призму одного, родного языка. «Каждый язык, — утверждал Гумбольдт, — описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг».

Сами по себе мысли о связи языка и сознания, указание на общеобразовательное значение знания языков и о различном, избирательном отражении в семантике языков объективной действительности ничего антинаучного не содержат (см. с. 162, 165). Ошибка Гумбольдта состояла в том, что он внутреннюю форму языка связывал исключительно с национальным духом и абсолютной идеей, объясняя национальные особенности языков не конкретно-историческими условиями развития отдельных языков в связи с историей народов, творцов и носителей этих языков, а проявлением некоего духовного начала, недостаточно определенного и познанного.

Эта ошибка типична для немецкой философии объективного идеализма. Она была подмечена К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они писали: «Для философов одна из наиболее трудных задач — спуститься из мира мысли в действительный мир. Язык есть непосредственная действительность мысли. Так же, как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в форме слов, обладают своим собственным содержанием. Задача спуститься из мира мыслей в действительный мир превращается в задачу спуститься с высот языка к жизни. (...) Философам достаточно было бы свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они — только проявления действительной жизни»¹.

Поэтому особенно важной является интерпретация учения Гумбольдта о форме языка как теории о внутренней структуре языка, основанная на принципах диалектического и исторического материализма, созданных Марксом и Энгельсом, развитых В. И. Лениным и современной марксистско-ленинской философией.

Форма языка

Гумбольдт подчеркивал, что хотя язык и связан с деятельностью народа и его мышлением, он имеет свою специфику и относительную самостоятельность, устойчивость. Речевая деятельность и язык взаимосвязаны, но не тождественны. Язык в каждый момент воспроизводится, речь разнообразна. Форма языка постоянна, ее проявление разнообразно. Учение о форме языка — важнейшая часть лингвистической теории Гумбольдта («Язык является формой и ничем больше, кроме формы»).

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 3, с. 448—449.

Форма языка обладает тремя свойствами: а) форма языка — это «постоянное и единообразное в деятельности духа, возводящее артикулированный звук до уровня выражения мысли»; б) форма языка проявляется в том, что язык является не агрегатом слов, а системой, так как «каждый отдельный элемент существует только благодаря другому»; «каждый язык образует свою систему, с которой должно начинаться его характеристика»; в) форма языка есть единство двух формальных планов — материального и идеального, т. е. внутренней и внешней формы.

Учение о внутренней и внешней форме Гумбольдта получило признание у разных лингвистических, литературоведческих и философских школ.

Внешняя форма — это материя языка, его звуковая система. Звуки речи — это артикуляции, используемые для образования значимых единиц языка — корней и основ. Артикулированный звук является формально организованной физической субстанцией, а артикуляция — подлинной сущностью языка. К внешней форме Гумбольдт относил также грамматические и этимологические формы (оформленные корнеслова).

Внутренняя форма — это организация языковых структур, способ объективации мысли в языке, выражение народного духа. Язык представляет не предметы, но всегда понятия о них, создаваемые человеком при образовании слов. Так, в санскрите *слон* называется то дважды пьющим, то двузубым, то снабженным рукой; каждое из названий содержит особое понятие, но все они означают один и тот же предмет.

Форма придает языку устойчивость. «На памяти истории, — писал Гумбольдт, — язык всегда строил на данном уже основании, не выходя из пределов аналогии с прошедшим, он видоизменял слова в употреблении, а не изобретал их».

Типы языков

Поскольку формы языка национально своеобразны, постольку общее (универсальное) в языках можно обнаружить не путем логических рассуждений, а путем сравнения форм языков друг с другом, используя языки родственные и неродственные, развитые и неразвитые.

С одной стороны, Гумбольдт, как и другие компаративисты того времени, пытался установить генетическую связь между всеми языками — китайским и санскритом, составляющими «две твердые конечные точки», санскритом и семитскими, санскритом и баскским, кави и санскритом, причем малайско-полинезийские языки он считал промежуточным звеном между индийскими и американскими языками. Эти идеи, как известно, были отвергнуты компаративистикой середины XIX в., но вновь ожили в языкознании XX в. (см. с. 36).

С другой стороны, Гумбольдт противопоставил языки, сходные по их родству, языкам, сходным по языковым типам, создав типологическую классификацию языков. Языковые типы определяются не по общности материальных элементов, а по их

структуре. Тип языка, по Гумбольдту, устанавливается путем открытия общего в строении его слов и предложений. Основных типов языков четыре: корневой, агглютинирующий, полисинтетический и флективный. Гумбольдт пытался также рассматривать типы языков как этапы развития языка, с точки зрения воплощения в нем «духа», хотя и подчеркивал, что каждый тип обладает лишь «относительным достоинством». Это стремление увязать форму и тип языка с национальным духом и развитостью мысли неверно, так как язык является всего лишь средством выражения и формирования мысли, а делает это каждый язык по-своему, ибо «гибок, богат и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития»¹.

Языковедческая концепция Гумбольдта оказала огромное влияние на развитие лингвистической теории. Оно обнаруживается не только в учениях его непосредственных продолжателей — Г. Штейнтала и А. А. Потемни, но и в теориях И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, Э. Сепира и Н. Хомского, И. И. Мещанинова и Дж. Гринберга.

Значение трудов Гумбольдта для языкознания состоит в том, что он показал, что языкознание должно иметь свою собственную «философию» — лингвистическую теорию, основанную на обобщении всего фактического материала языков — родственных и неродственных, больших и малых. «Нет ничего более несообразного, — писал Гумбольдт, — в исследовании языка, чем поиски в нем только великого, идеального, господствующего. Разбор слов во всех грамматических тонкостях, разложение их на самые мелкие элементы необходимы для основательного исследования языков: в противном случае поверхностные взгляды и ложные суждения неизбежны».

Учение Гумбольдта о форме языка и его динамике, о связи языка и сознания (мышления), языка и общества (народа) способствовало развитию лингвистической теории. Это развитие предполагает не просто признание теории Гумбольдта, а удержание всего ценного, что сделано им, и преодоление ошибок и недостатков, которые были свойственны языкознанию того времени. Однако узкое и ограниченное понимание наследия Гумбольдта привело к созданию одной из лингвистических школ — неогумбольдтианства, крупнейшими представителями которой являются Л. Вейсгербер и Б. Уорф (см. с. 165—166).

§ 6. ТРИ ПЕРИОДА В РАЗВИТИИ КОМПАРАТИВИСТИКИ

В первой половине XIX в. языкознание выделилось как особая отрасль знаний, уточнило свой предмет и метод, приобрело современное строение. Основными разделами языкознания (лингвистики) стали: общее языкознание, понимаемое как философия языка и общая грамматика, сравнительно-историче-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 10. М., 1951, с. 848.

ское языкознание и частное языкознание (изучение отдельных языков, составление нормативных грамматик и словарей).

Дальнейшее развитие лингвистики шло по линии углубления теории и обогащения фактического материала всех разделов языкознания. Однако в XIX в. наибольшее развитие получило сравнительно-историческое языкознание. Показательно, что принцип научности языкознания связывался прежде всего с принципом историзма, а общие курсы получали название «Сравнительное языкознание».

Болгарский лингвист В. Георгиев делит историю сравнительно-исторического языкознания на три периода: первый — 1816—1870 гг., второй — 1871—1916 гг., третий — языкознание XX в. Б. Дельбрюк первый период, в свою очередь, подразделяет на два: для первого периода характерна «Сравнительная грамматика» Ф. Боппа, для второго — «Компедий» А. Шлейхера. Однако в другом месте Дельбрюк более правильно утверждает, что «Компедий» Шлейхера завершает целый период в истории языкознания, в противоположность работам Боппа, открывшим его.

Лингвистическая концепция А. Шлейхера

С именем А. Шлейхера (1821—1868)¹ связано не только оформление индоевропеистики в особую науку, но и применение естественнонаучного метода в исследованиях языка и основание натуралистического направления в языкознании, которое называют также лингвистическим натурализмом. Его основные работы: «Морфология церковнославянского языка» (1852), «Руководство по изучению литовского языка» (1855—1857), «О морфологии языка» (1859), посвященная морфологической классификации языков, «Компедий сравнительной грамматики индоевропейских языков» (1861—1862), «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863, рус. пер. 1864) и «Хрестоматия индоевропейских языков» (1868).

Как и Гумбольдт, Шлейхер считал, что изучение языковой формы и типологическая и генеалогическая систематика языков составляют основное содержание лингвистики («глотики»), которая изучает происхождение и дальнейшее развитие этих форм языка.

Морфологическая классификация языков. Учение о языковых типах Шлейхер называл морфологией, позаимствовав этот термин из естествознания, где он обозначал науку о строении и формообразовании растений. Морфология языков должна, по Шлейхеру, изучать морфологические типы языков, их происхождение и взаимные отношения.

Морфологический тип (класс) языка определяется строением слова, которое может выражать значение («корень») и отношение («суффикс»). Допускаются три типа комбинаций значения

¹ См.: Десницкая А. В. О лингвистической теории Августа Шлейхера, — «Вопросы языкознания», 1971, № 6; Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, с. 32—60.

и отношения: изолирующие языки имеют только значения (корни); агглютинирующие языки выражают значение и отношение (корни и приставки); флектирующие языки образуют в слове единицу, выражающую значение и отношение (см. рис. 2). Полисинтетические языки, выделенные Гумбольдтом, Шлейхер рассматривал как вариант агглютинирующей формы языка.

Строй языка	Формула строения слова и выражение его отношений в предложении	Примеры	Место в общем развитии языка
изолирующий	A — чистый корень A+A' — корневое слово + служебное слово.	китайский, (древнеэтические), намак-ва, бирманский	архаические виды
агглютинирующий	Aa — корень + суффикс A — корень + ияфикс aA — корень + префикс	} синтетический строй тюрко-та-тарские, мон-гольский, вен-герский, тушский	} переходные виды
	Aa(aA)+A' — аналитический строй		
флективный	Aa — чистая внутренняя флексия aA ^a (A ^a a) — внутренняя и внешняя флексия	} синтетический строй семитские, индоевропейские (древние)	} наиболее развитые виды
	aAa+A' — аналитический строй		

Рис. 2. Морфологическая классификация языков

Морфологические типы языка, по мысли Шлейхера, есть проявление трех ступеней (стадий) развития: односложный класс представляет древнейшую форму, начало развития; агглютинирующий — это средняя ступень развития; флектирующие языки как последняя ступень включают в себе в сжатом виде элементы двух предшествующих ступеней развития.

Морфологическая классификация Шлейхера оказала большое влияние на языкознание — в направлении разработки учения о типах языка (см. с. 279—280). Его попытки рассмотреть морфологические классы языка как последовательные стадии его развития не получили

признания как искусственные и надуманные, противоречащие фактам истории.

Родословное древо. Рассматривая взаимоотношения индоевропейских языков как результат исторического развития, Шлейхер создает теорию родословного древа индоевропейских языков.

По теории Шлейхера, индоевропейский праязык (Ursprache) в доисторический период распался на две группы праязыков (Grundsprachep, промежуточных праязыков, языков-основ) — северноевропейскую (славяно-германскую) и южноевропейскую (арио-греко-итало-кельтскую). В исторический период наибольшую близость к индоевропейскому языку сохранил древнеиндийский язык, наиболее удаленными оказались германский и балтославянские праязыки.

Теория родословного древа индоевропейских языков сохранилась в основном до наших дней. Нет никаких убедительных данных, чтобы опровергнуть положение о том, что в доисторический период расхождения и контакты родственных диалектов были большими, чем схождение гетерогенных языковых групп. Конечно, многие частные положения теории в дальнейшем были уточнены, однако вопрос о месте германских языков среди индоевропейских и наличии балтославянского языкового союза остается до сих пор дискуссионным.

Праязык и его реконструкция. Шлейхер считал индоевропейский язык единой системой форм (он даже в шутку сочинил на индоевропейском языке басню). Однако праязык был для него не исторической реальностью, а представлением о звуковой системе и системе форм слова — всего лишь моделью, которая необходима для динамического рассмотрения разнообразного материала индоевропейских языков; исторический принцип понимается подчеркнуто ретроспективно (ср. с. 52).

Поскольку современные индоевропейские языки возникли путем разветвления и умножения, поскольку древнейший звуковой состав был простым, а структура корня и слова — однотипной, постольку возможно его восстановление — на основе наблюдений над всеми древнейшими индоевропейскими языками.

Задача компаративистики, по Шлейхеру, как раз и состоит в том, чтобы восстанавливать праформы на основе сохранившихся остатков индоевропейского праязыка в древних индоевропейских языках. Форму, которая в действительности не встречается, а только предполагается, Шлейхер обозначал звездочкой. Так, слово со значением *отец* засвидетельствовано в таких формах: санскр. *pita*, греч. *πατήρ*, лат. *pater*, готск. *fadar*, др.-исл. *faðir*. Исходя из этого общей формой могла бы быть форма **patē* или **patēr*. Но Шлейхера такой эмпиризм не удовлетворяет: он восстанавливает идеальную праформу. Поскольку в индоевропейском языке предполагалось три гласных (*a, i, u*), а именительный падеж имени имел показатель *-s*, постольку идеальная праформа должна быть представлена как **patars*, хотя это и противоречит реальным фактам индоевропейских языков.

Поэтому значение работ Шлейхера не в конкретных реконструкциях, а в создании методики реконструкций, требовавшей восстановления идеальной праформы. Правильно, думается, подчеркнул Дельбрюк,

что «построенный тип праязыка есть не что иное, как формула, служащая для выражения изменяющихся мнений ученых о размерах и свойствах языкового материала, которые вынесли для себя отдельные языки из своего общего праязыка». Заметим, кстати, что четырёх-элементный анализ Марра также был построен на допущении общих формул артикуляционного строения слогов первичных корней во всех языках мира и независимости звукового строя от семантики. Особенность таких построений состоит в том, что приемы моделирования разрабатываются не на основе реальных моделей языка, а на искусственных, идеализированных формулах исследователя (см. с. 208).

Организм языка и естествознание. Термин «организм» в XIX в. употреблялся очень широко — как обозначение целостности объекта исследования. В языкознании этого времени органическая природа языка истолковывалась различно; чаще всего как единство значения и отношения, выраженного в форме языка, его категориях и единицах.

Шлейхер считал, что язык надо рассматривать как естественный природный организм (Naturorganismus), который живет так же, как организмы природы. Естествонаучный принцип, на котором должна основываться лингвистика, предполагает, по мнению Шлейхера, признание следующих постулатов:

1) язык как природный организм существует вне воли человека, его нельзя изменить («Языки — это природные организмы, которые возникли без участия человеческой воли, выросли и развились по определенным законам и в свою очередь стареют и отмирают»);

2) «жизнь языка», как и жизнь природы, есть развитие, а не история; поэтому рост был лишь в доисторический период, а подлинная жизнь языка проявляется в диалектах, тогда как исторический период характеризуется распадом форм, старением и отмиранием форм языка и самих языков (подобно тому как выветриваются породы и разлагаются организмы в природе), а литературно-письменные формы являются искусственными образованиями;

3) лингвистика должна быть основана на точном наблюдении организмов и законов их бытия, на полном подчинении исследователя объекту исследования. «У естествоиспытателей, — подчеркивал Шлейхер, — можно научиться осознанию того, что для науки имеет значение только факт, установленный при помощи надежного, строго объективного наблюдения, и основанный на таком факте правильный вывод».

Оценивая значение трудов Шлейхера в развитии общего и сравнительно-исторического языкознания, мы не должны забывать его заслуг и истории лингвистики. Выдвинув требование учета звуковых закономерностей языка, Шлейхер разработал методику реконструкций индоевропейского праязыка, понимая его как систему форм. С именем Шлейхера связывается создание родословного древа индоевропейских языков и разработка морфологической классификации языков. В то же время Шлейхер высказал ряд положений и гипотез, ошибочных не только по объективной недостаточности материала, но и вследствие непонимания им общественной природы языка и историко-материалистических закономерностей его развития.

Таким образом, в начальный период истории сравнительно-исторического языкознания, с конца XVIII до середины XIX в., компаративистика определила свой предмет и научно-исследовательский метод — сравнительно-исторический (см. с. 254—256). Благодаря возникновению сравнительно-исторического языкознания лингвистика получила, по выражению Ф. Энгельса, исторический фундамент¹.

Основателями индоевропеистики по праву считаются Бопп и Шлейхер. Следует назвать также имя А. Потта, который своими «Этимологическими исследованиями в области индогерманских языков...» (1833—1836) заложил основы индоевропейской фонетики и этимологии, и А. Фика («Сравнительный словарь индогерманских языков», 1868). Надо при этом иметь в виду, что сравнительно-историческое языкознание рассматривало не только сравнительную грамматику и этимологию индоевропейских языков, но и сравнительно-исторические грамматики и словари отдельных групп индоевропейской семьи языков. Кроме классической возникает санскритская (древнеиндийская), германская (в частности, скандинавистика), иранская, славянская, романская филология.

Компаративистика второй половины XIX в.

Компаративистика второго периода (вторая половина XIX — начало XX в.) в значительной степени обратила внимание на уточнение предмета исследования, пересмотр высказанных гипотез, не опирающихся на фактический материал, на расширение и углубление компаративистской проблематики.

Крупнейшими представителями индоевропейского сравнительно-исторического языкознания этого периода являются К. Бругман и Б. Дельбрюк («Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков», 1886—1900), А. Мейе («Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», 1903; рус. пер. 1911), Ф. Ф. Фортунатов и В. А. Богородицкий (см. с. 65—66, 60).

В этот период обнаружено много новых фактов и сделано большое количество открытий. Предметом изучения становится индоевропейский синтаксис, ставятся проблемы прародины, культуры и расселения индоевропейцев, уточняется отношение между индоевропейскими языками на основе как теории родословного древа, так и теории географического варьирования (Г. Шухардт) и теории воли (И. Шмидт).

Учение об индоевропейском вокализме пересматривается: древнейшими признаются не краткие гласные, как думал Шлейхер, а «полные ступени» (краткие гласные стали рассматриваться как ослабление долгих в безударном положении). Де Соссюр создает новую теорию индоевропейского корня («О первоначальной системе гласных в индо-

еуропейских языках», 1879). Наряду с признанием динамики реконструкции, фонетические и морфологические законы начинают пониматься как формулы регулярных соответствий между двумя последовательными формами или языками (диалектами). Осознается своеобразие истории отдельных языков; Мейе говорит о наличии собственной истории у каждого слова.

Продолжается более углубленное рассмотрение уже известных близкородственных (особенно германских, романских, славянских, балтийских и иранских) языков. Огромное значение для развития сравнительно-исторического языкознания имело изучение истории отдельных индоевропейских языков — греческого, латинского, немецкого, французского, русского; в изучении истории русского языка большие заслуги у А. А. Потебни, А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. Сравнительно-историческая методика применяется и в изучении других родственных языков, прежде всего семито-хамитских, тюркских, финно-угорских.

Современное сравнительно-историческое языкознание

Современное сравнительно-историческое языкознание, с одной стороны, наследует достижения и традиции компаративистики XIX в., а с другой стороны, ставит новые задачи и проблемы, возникшие в связи с открытием новых фактов и развитием лингвистической теории.

Значительное влияние на развитие индоевропейского языкознания оказала расшифровка чешским ассириологом Б. Грозным клинописных табличек XVII—XIII вв. до н. э. с надписями на хеттском языке («Язык хеттов», 1916—1917) и составление американским лингвистом Э. Стертевантом «Сравнительной грамматики хеттского языка» (1933—1951). Все это, а также изучение тохарского языка и крито-микенской письменности привело к образованию хеттологии и пересмотру многих вопросов индоевропеистики.

Теория деления индоевропейских языков на две группы (*centum* и *satəm*) и признания древности греческого языка и санскрита была поколеблена. Стали актуальными проблемы древнейшего состояния индоевропейских языков и взаимоотношений групп индоевропейских языков, вопросы диалектного членения и периодизации праязыка, методика ареальной лингвистики и внутренней реконструкции.

Уточняются вопросы индоевропейской фонетики, морфологии и синтаксиса. Выходят «Индогерманская грамматика» (1921—1937) Г. Хирта, «Индоевропейская грамматика» (т. 3, 1969) под ред. Е. Куриловича, издается «Сравнительный словарь индоевропейских языков» (1927—1932) А. Вальде — Ю. Покорного.

Возникает и получает развитие ларингальная гипотеза, по которой древнейший индоевропейский вокализм сводится к одному гласному (типа *e*), тогда как *i* и *u* рассматриваются как слоговые ступени сонантов, которые проявлялись после исчезновения ларингальных звуков,

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 20, с. 333.

подобно тому как r, l, n, m есть вокалические формы r, l, n, m . Структура индоевропейского корня предстает как состоящая из гласного между двумя согласными, которым мог быть и ларингал (он обозначается знаком *э), восстанавливаемый без ограничений. Старое учение об односложности индоевропейских корней рухнуло. В отличие от предшествующего периода, когда степень родства определялась в основном на основе фонетических и морфологических признаков, в современной индоевропеистике подчеркивается также значение лексики, не столько корнеслова самого по себе, сколько целостных лексико-семантических групп, которые могут изучаться с помощью методики глоттохронологии (см. с. 260) и словообразовательного анализа.

Крупнейшими представителями индоевропеистики третьего периода являются Г. Хирт, Е. Курилович, Э. Бенвенист («Первоначальное образование индоевропейских имен», 1935; рус. пер. 1955), Ф. Шпехт («Происхождение индоевропейского склонения», 1943), В. Пизани («Индоевропейское языкознание», 1949), В. Георгиев («Исследования по сравнительно-историческому языкознанию», 1958), В. Порциг («Членение индоевропейской языковой области», 1954; рус. пер. 1964).

Получила развитие индоевропеистика и в нашей стране. Наряду с работами представителей старшего поколения лингвистов (М. М. Гухман, А. В. Десницкая, В. М. Жирмунский, С. Д. Кацнельсон, М. И. Стеблин-Каменский, И. М. Тронский) появляются труды молодых языковедов: Э. А. Макаева («Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики», 1964, и «Структура слова в индоевропейских и германских языках», 1970), Ю. В. Откупщикова («Из истории индоевропейского словообразования», 1967) и др.

* * *

Исследование связей больших семей языков, находящихся в дальних отношениях и, возможно, родстве, оказывает влияние на развитие сравнительно-исторического и типологического языкознания. Эти материалы и идеи мы обнаруживаем в историко-типологической концепции Н. Я. Марра и универсально-типологической концепции Дж. Гринберга. Если в период своего возникновения сравнительное языкознание резко противопоставило типологическое (морфологическое) и историческое языкознание, внутреннюю и внешнюю лингвистику и не могло установить связей индоевропейской семьи с другими семьями, то сравнительно-историческое языкознание последних десятилетий, периода создания геолингвистики как науки о разнообразии языков мира, их ареалах и типологическом сходстве, объединяет эти противоположности, отрицая односторонность каждой из них и создавая тем самым единство сравнительно-исторических, типологических и социологических (этнолингвистических) исследований, единство, сохраняющее в то же время специфику предмета и методики анализа.

Библиография

- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 445—471.
Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955.
Гухман М. М. Задачи и содержание сравнительно-исторических исследований. — В кн.: Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956, с. 128—199.
Общее индоевропейское языкознание. М., 1956, с. 128—199.
Сравнительная грамматика германских языков в 5-ти т., т. 1. М., 1962, с. 19—41.

Глава 3

ЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Развитие языкознания в 60—80-е годы XIX в. проходит под знаком преодоления односторонне логических и натуралистических концепций, утверждения принципа историзма и понимания социальной природы языка как культурно-психологического явления. Этот этап истории языкознания характеризуется развитием сравнительного языкознания как исторического и философского, как логического и психологического. Достижения языкознания получают философскую и социально-политическую оценку в работах К. Маркса и Ф. Энгельса; в статьях Н. Г. Чернышевского. Однако роль этих работ для языкознания была оценена лишь в 30-е годы XX в. (см. с. 101).

Поэтому характеристика данного этапа истории языкознания предполагает рассмотрение логического и психологического направлений в языкознании и младограмматизма.

§ 7. ЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Философское (теоретическое) языкознание в первой половине XIX в. развивалось как противоборство логического и психологического направлений. Оба эти направления подчеркивали два аспекта изучения грамматики — формальный и семантический; однако понимание языковой формы, и особенно языковой семантики, было различно.

Логико-грамматическая школа середины XIX в.

Логическое направление в языкознании первой половины XIX в., в отличие от рациональной всеобщей грамматики XVII в., обращало большее внимание на национальную специфику языковой формы, на единство логического и исторического и было по преимуществу логико-синтаксическим (морфология понималась как этимология, а лексическое значение — как понятие).

Философия грамматики К. Беккера («Организм языка», 1827; рус. пер. 1869) была применением законов логики к материалу сов-

ременного (немецкого) языка. Язык понимался как система органических (полярных) противоположностей, т. е. таких противоположностей, которые не уничтожают друг друга, а, напротив, взаимно обуславливают и необходимы друг для друга в развитии организма как целого. Учение о предложении из логики и стилистики было перенесено в грамматику. Беккеровская схема, как писал Буслаев, «правильно определила части речи и члены предложения». Логико-семантический принцип выделения частей речи и членов предложения надолго стал ведущим в грамматиках современных языков.

Логико-синтаксическая школа получила распространение в ряде стран. Видными представителями этой школы в России были Н. И. Греч («Практическая русская грамматика», 1827; «Пространная русская грамматика», 1829), П. М. Перевлесский («Начертание русского синтаксиса», 1848), И. И. Давыдов («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», 1852).

Крупнейшим русским языковедом, представителем логико-грамматического направления является Ф. И. Буслаев (1818—1897)¹. Его основные работы: «О преподавании отечественного языка» (1844) и «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858). Лингвистическая концепция Буслаева, опирающаяся на богатейший материал русского языка, продолжала и развивала отечественные традиции Ломоносова — Востокова и в то же время европейские традиции Гумбольдта, Боппа и особенно Гримма.

Буслаев исходил из единства теории и практики, причем соотношение филологических и лингвистических традиций было центральным вопросом в разработке логических (филологических), нормативных (филологических) и исторических основ грамматики.

Филологический способ исследования направлен на изучение мертвых языков, причем «для филолога язык есть только средство к познанию древней литературы»². Практическая филологическая грамматика, поскольку она ограничивалась речью только писателей образцовых, преимущественно ближайших к современности, была справочником и учила, как и грамматика иностранного языка, правилам, развивая память и навыки. Филологический способ изучения и преподавания языка, по мнению Буслаева, неудовлетворителен по педагогическим и научным соображениям.

Недостаточно помнить и знать правила и исключения, надо их «разуметь». Это «разумение» дает лингвистический способ изучения языка. Современный язык представляет собой совокупность грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава. Понять это можно только при условии, если части будут рассматриваться в связи с их целым в соответствии с законами исторического развития. В отличие от правил, которые опираются на совре-

¹ См.: Груздева С. И. Основы синтаксической системы Ф. И. Буслаева. — «Уч. зап. ЛГУ», 1962, вып. 61; Смирнов С. В. Ф. И. Буслаев и русское языкознание первой половины XIX века. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1971, вып. 279.

² Цит. по кн.: Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. 1844; его же. Историческая грамматика, М., 1959.

менное употребление книжного языка, «грамматические законы основываются на свойствах языка постоянных и не зависящих от временного употребления, ограниченного только некоторыми формами».

Принцип историзма (историческая грамматика), по мнению Буслаева, соединяет оба способа изучения языка (филологический и лингвистический) и устанавливает точные границы между логикой и грамматикой, утверждает связь языка и мышления. Поскольку «период изобразительного представления предшествует периоду отвлеченных понятий», постольку «история языка состоит только в указании того, как он подчинялся влиянию развивающейся мысли человека». В результате исторического развития создается логика языка, которая «точнее, строже и совершеннее логики отдельных лиц, сколько бы проницательны и глубокомысленны они ни были». Поэтому логика исторической грамматики отличается от логики общих (философских) грамматик.

«...Беккер, — писал Буслаев, — не умел определить настоящих границ между грамматикой и логикой, по той причине, что, имея достаточного запаса исторических сведений в языках, он нечувствительно сошел с прямого пути в развитии общих понятий о языке, с пути, предначертанного В. Гумбольдтом, и принял ложное направление старинных, так называемых *общих грамматик*, имевших целью решение весьма странной задачи оправдать язык логически, т. е. доказать, что параграфы схоластической логики удобно применяются к грамматическим фактам. Ограничившись общими понятиями о выражении мысли в формах языка, Беккер все внимание обратил на синтаксис, коснувшись этимологии слегка, только для полноты системы. Вследствие того, его синтаксис, не будучи основан на этимологическом [= морфологическом. — В. К.] разборе форм, оказался не наукою о языке, а отвлеченным рассуждением о применении законов логики к готовому материалу языка».

И тем не менее Буслаев считал, что грамматика должна опираться на логические начала, поскольку в синтаксисе новейших языков «господствует отвлеченный смысл логических законов над этимологическою формою и над первоначальным наглядным представлением, ею выраженным». Предложение стоит в центре грамматической системы Буслаева: «...Синтаксис есть основа всему построению языка, этимология же только приспособляет слова различными изменениями и формами к составлению предложения. Как слово есть часть предложения, так и этимология входит в синтаксис как его часть. Части речи суть не иное что, как различные формы мысли».

Синтаксическая теория должна строиться на основе признания целостности языка и примата содержания над формой. Это следует из того, что предложение образовалось в разговорной речи, во взаимном сообщении и подробном изложении мыслей, в сочетании предложений, соединение которых и есть речь. «...Все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, — отмечает Буслаев, — представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов».

Буслаев развил и уточнил положения логико-семантической школы логического направления в грамматике, создав учение о логико-формальной основе предложения, о сокращении и слиянии предложений, учение о второстепенных членах предложения и придаточных предложениях. Логико-семантические признаки признаются ведущими — и в этом основной принцип синтаксического анализа. Он отличается от современных только тем, что Буслаев считал оба рода признаков свойственными объекту, тогда как многие современные исследователи объектной считают только форму, а логико-семантические признаки относят к методике анализа (см. с. 221).

Логика и грамматика

Наиболее характерной особенностью логического направления в языкознании является рассмотрение философии языка как проблемы логической. Языковая семантика отождествляется с логическими категориями и операциями, а языковые формы — с логическими формами мышления. В грубом и прямолинейном виде это означает, что слово семантически есть понятие, предложение — суждение (пропозиция), а сложное предложение и контекст — умозаключение (или исчисление высказываний).

Такое понимание связи языка и мышления приводит к отрицанию языкового мышления, национальной и исторической специфики не только в языковой семантике, но и в формах языка. На передний план выдвигается изучение универсальных свойств языка, описываемых при помощи дедуктивно-классификационной методики.

Лингвистический логизм — категория исторически развивающаяся. Если в логике Аристотеля была лишь поставлена проблема соотношения предложения и частей речи, то грамматика Пор-Рояля подчеркнула универсальность логико-грамматических категорий. Представители логико-грамматического направления начала и середины XIX в. также считали основным в лингвистике соотношение логики и грамматики: в предложении обнаруживаются логические категории, и грамматика способствует развитию логического мышления. Самое мышление понималось как статичные, постоянные и общие всем формы мышления.

Основной единицей признается предложение, а категорией — часть речи. Грамматические формы являются их знаками, вербальные (словесные, языковые) значения есть знания научные. Задача грамматики состоит в том, чтобы обнаружить соответствие языковых форм логическим категориям, которые исчисляемы. Так, по мнению Беккера, в логике есть 12 элементов и 81 отношение.

Изучение материала языков различного строя и разных периодов развития одного и того же языка, критика формально-грамматической школы сторонниками исторического языкознания привели к тому, что в конце XIX в. логическое направление развивается сначала как семантико-смысловой, а затем как структурно-семантический синтаксис. В становлении этих логико-семантических школ большую роль сыграли труды В. А. Богородицкого, А. А. Шах-

матова, И. И. Мещанинова, О. Есперсена, а также представителей семантического, коммуникативного и номинативного синтаксиса.

В XX в. концепции сторонников логического направления значительно изменились благодаря развитию лексикологии и логико-математического языкознания, что связано с теми коренными изменениями, которые пережили логика и математика в конце XIX — начале XX в.

Под влиянием успехов развития языкознания, а также символической логики и математики оживляется интерес к проблемам семиологии, к вопросам о смысле слов и конструкций, к научному языку, происходит сближение логических концепций с психологическими теориями слова, предложения и речевой деятельности. В пределах математического языкознания старое противопоставление логической статике и психологической динамике переоформляется в противопоставление статистики речи и логико-математического моделирования языка.

В то же время развитие математического языкознания способствовало изменениям в методологической (философской) основе языкознания, проникновению в языковедческие исследования неопозитивистских идей (феноменализма и операционализма, номинализма и атомизма). Особенно ярко это проявилось в резком противопоставлении уровня наблюдения и уровня конструкторов, в истолковании атомарных признаков языковых единиц и атомарных предложений не как методических, логических функций, а как базисных реальностей и гносеологически базисных предложений. Поэтому если ранний лингвистический логизм способствовал борьбе с субъективно-идеалистическими проявлениями в работах языковедов психологического направления, то поздний лингвистический логизм стал проводником идеализма, использующего успехи физики, математики и логики, а потому требующего к себе более внимательного, критического отношения языковедов, опирающихся на философию диалектического материализма.

§ 8. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Психологическое направление в языкознании возникло как реакция на учения представителей натуралистического и логического направлений. Его истоки мы находим в концепции Гумбольдта, который подчеркнул активный и семантический характер речевой деятельности. Связь мыслительной деятельности с психологией речи характерна для всех школ лингвистического психологизма. Однако на протяжении более чем 100-летнего развития возникли различные аспекты психологии речи и учения о речевой деятельности и речевом поведении.

Основные школы лингвистического психологизма

Основателем психологического направления считается Г. Штейнталь (1823—1899). Главными его работами являются: «Классификация языков как развитие языковой идеи» (1850), «Происхождение языка»

(1851), «Грамматика, логика и психология» (1855), «Характеристика важнейших типов языкового строя» (1860).

Отрицающий лингвистический биологизм Шлейхера и логический грамматизм Беккера, Штейнталь развил учение о языке как деятельности индивида и отражении народной психологии. Он считал, что законы движения представлений сводятся к изучению образования и развития языка и мышления индивида (т. е. речи-говорения и способности говорить) и происхождения и развития языка в обществе (т. е. совокупности языкового материала у отдельных народов), так как «язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа». Языкознание должно опираться не только на психологию индивида, изучая его речь, но и на психологию народов, изучая их языки.

Влияние работ Штейнтала можно обнаружить не только у Поттебни и Пауля, но и у Бодуэна де Куртенэ и де Соссюра, Сепира и Щербы. Однако лингвистический психологизм развивался неоднородно.

В концепциях Поттебни и Пауля психологические основы служили прежде всего для объяснения семантики предложения, грамматической категории и типов лексического значения. Психологически объяснялась и связь языка с личностью и народностью, язык которой трактовался как культурно-историческое явление.

Социальный характер речевой деятельности подчеркнули Бодуэн де Куртенэ и де Соссюр. В этих же концепциях существенным признавалось различие индивидуально-лексического и социально-грамматического, ассоциативных и линейных связей. Психологические школы конца XIX — первой трети XX в. обсуждали также проблему языка и речи, языковых функций, структурности языка и речевой деятельности и т. п.

Функционально-структурный аспект лингвистического психологизма отразился в работах А. Марти («Исследования к обоснованию всеобщей грамматики и философии языка», 1908), А. Гардинера («Теория речи и языка», 1932), К. Бюлера («Теория языка», 1934). Однако психологические идеи используются для обоснования разных школ и направлений лингвистики, причем психологизм в понимании речевой деятельности сочетается с идеями символической логики в понимании структуры языка и приемов лингвистического анализа.

Психологические компоненты обнаруживаются в учениях разных школ структурализма, в теориях этнолингвистики и семиотики. Оживление и обособление собственно психологического направления связано с возникновением психоллингвистики. Так, в 1954 г. в г. Блумингтоне был созван семинар психологов и лингвистов США; в 1957 г. Ч. Осгуд издал книгу «Измерение значения», а в 1961 г. С. Сапорта — хрестоматию важнейших психоллингвистических работ «Психоллингвистика». Американская психоллингвистика опирается на дескриптивное и трансформационное описание текста, на бихевиористскую психологию, особенно на «трехуровневую модель поведения» Осгуда, и на теорию информации, т. е. математическую теорию связи.

Семантико-психологическое рассмотрение речевой деятельности, структуры речевого акта, ситуации речи и контекста стало предметом изучения во многих странах. Так, у нас этой проблематикой занимались Л. В. Щерба и Л. С. Выготский; сейчас группу психоллингвистики возглавляет А. А. Леонтьев («Психоллингвистика», 1967; «Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания», 1969, и «Язык, речь, речевая деятельность», 1969). В Англии контекст ситуации, ситуацию речи и речевой контекст изучает школа Фёрса — Холлдея¹. В Японии есть школа «языкового существования»²; она ставит целью изучение языка в соединении с деятельностью человека, что предполагает исследование языкового акта и устной речи. Поскольку язык понимается как орудие познания и общения, постольку языковой акт признается исходным пунктом исследования. Языковой акт есть социально-привычное действие человека, состоящее в выражении с помощью языковых знаков мыслей и чувств и в понимании этого выражения.

В лингвистическом психологизме, возникшем как отрицание натурализма и логизма, в последующем выделяются такие разновидности, которые будут сочетать психологизм с изучением других сторон языка, речевой деятельности и мышления. Психологический подход мы встречаем у представителей социоллингвистики и структурализма, лингвосомиотики и математического языкознания.

Так, понимание речевой деятельности как психофизического акта и способности говорящего в значительной степени признает физиологическую основу речи. Еще Томсон подчеркивал, что «настоящее» понятие языка состоит в том, что «язык является лишь по временам, когда мы говорим или слушаем, физиологической деятельностью нашего организма совместно с психической; а во всякое время язык существует в нас в виде известной психической и физиологической способности»³. Физиологическую основу речевой деятельности признавали Блумфилд и психоллингвисты, которые заменили историзм трансформациями и уровневый характер статически рассматриваемого процесса порождения речи.

Основными школами лингвистического психологизма являются этнолингвистика и психологическая социология языка, семантический психологизм и психологический структурализм, психология речи и психоллингвистика. Их отличия в известной степени опираются на различные психологические учения и школы. Более того, представители психологического направления в языкознании нередко известны и как психологи.

¹ См.: Кубрякова Е. С. Из истории английского структурализма (Лондонская лингвистическая школа). — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964; Никольская Л. Н. О теории контекста в работах современных лингвистов Лондонской школы. — В кн.: Вопросы филологии, ч. 1. Л., 1970.

² См.: Конрад Н. И. О «языковом существовании». — В кн.: Японский лингвистический сборник. М., 1959.

³ Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1910, с. 6.

Ассоциация представлений и речевое поведение

Наибольшее влияние на развитие языкознания оказали ассоциативная психология и бихевиоризм.

Ассоциативная психология — одно из основных направлений психологии XVII—XIX вв. Понятия «ассоциация представлений» и «апперцепция» введены Локком и Лейбницем. На языковедов середины XIX в. непосредственное влияние оказал немецкий психолог и педагог И. Герbart («Психология», 1816, рус. пер. 1895; «Психология как наука, основанная на опыте, метафизике и математике», 1824). Считая, что точность метода состоит в количественных определениях, какие есть в математике и механике, Герbart строит «механику представлений и понятий», в которой сознание трактуется как процесс «статике и динамики» представлений — первичных атомов сознания.

Психическая деятельность индивида как мыслительный процесс есть ассоциация представлений. Простейшими ассоциациями являются связи по смежности, возникающие в результате их временного или пространственного совпадения. Более сложными ассоциациями являются ассоциации по сходству и по контрасту. Кроме ассоциативных связей признаются также: ассимиляция — объединение и закрепление тождественных или близких представлений и апперцепция — определяемость нового восприятия и понимания массой представлений, уже имеющих в сознании.

Учение об ассоциативном механизме мыслительных процессов способствовало разработке в языкознании учения о внутренней форме слова, о типах переносных значений слов, об актуальном значении (смысле) слова и предложения, об ассоциативных и синтагматических отношениях.

В XX в. проблематику ассоциативной психологии унаследовал бихевиоризм¹. Еще В. Вундт, экспериментально изучая апперцепцию как основу всей психической деятельности, подчеркнул, что она является волевым действием. Д. Уотсон сначала в статье «Психология с точки зрения бихевиориста» (1913), а затем и в книге «Бихевиоризм» (1925) пытался истолковать психическую деятельность как систему видимых и невидимых (скрытых) моторных реакций по схеме «стимул — реакция», как процесс образования навыков. Сознание как функция мозга отвергается, а мышление отождествляется с речью, которая рассматривается как речедвигательный акт. Дж. Мид обратил внимание на социальность поведения, которое складывается в процессе общения.

Бихевиоризм оказал влияние на изучение речевого акта. В то же время бихевиоризм, как и психологическая теория ассоциаций, сближается с математической логикой, которая изучает закон ассоциативности. Он имеет место при исчислении высказываний и изучении сложных высказываний, составленных при помощи конъюнкции (∧), дизъюнкции (∨), импликации (→) и эквивалентности (↔).

¹ От англ. *behaviour* — поведение.

Механизм и идеализм ассоциативной психологии и бихевиоризм советские языковеды преодолевают, тщательно анализируя фактический материал и социальную природу речевой деятельности, используя современные достижения физиологии высшей нервной деятельности и социальной психологии. Физиологическая основа ассоциаций, и апперцепций в частности, объясняется учением И. П. Павлова о замыкании и сохранении временных связей и системном характере высшей нервной деятельности. Психология сознания, разрабатываемая в советской науке Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, преодолевает ограниченность ассоциативной и поведенческой психологии, подчеркивая в то же время социальную обусловленность психической деятельности¹.

Лингвистическая концепция А. А. Потебни

А. А. Потебня (1835—1891)² — крупнейший украинский и русский филолог, оказавший огромное влияние на развитие отечественного языкознания и литературоведения. Его основные работы: «Мысль и язык» (1862), «Из записок по русской грамматике» (1874—1888). Потебня создал Харьковскую лингвистическую школу (его непосредственными учениками были А. В. Ветухов, А. Г. Горнфельд, В. А. Лезин, Б. М. Ляпунов, А. В. Попов, В. И. Харциев), учение которой получило название потебнианства.

Потебня способствовал развитию лингвистического психологизма и сравнительно-исторического языкознания. Он считал, что Гумбольдт «именно положил основание перенесению вопроса на психологическую почву своими определениями языка как деятельности, работы духа, как органа мысли»³. Опираясь на работы Гумбольдта и Штейнталя, Потебня создал оригинальную концепцию, рассматривающую язык как историческое явление и речемыслительную деятельность.

Мысль и речь. Язык как один из видов человеческой деятельности имеет три стороны — общечеловеческую, национальную (по терминологии того времени, племенную) и индивидуальную. «Общечеловеческие свойства языков, — писал Потебня, — суть: по звукам — членораздельность, с внутренней стороны — то, что все они суть системы символов, служащие мысли. Затем все остальные их свойства суть племенные, а не общечеловеческие. Нет ни одной грамматической и лексической категории, обязательной для всех языков»⁴.

¹ См.: Ярошевский М. Г. Психология в XIX столетии. М., 1971; Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.

² См.: Булаховский Л. А. А. А. Потебня. Киев, 1952; Виноградов В., В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 330—356; Спричак Я. А. Применение сравнительно-исторического метода в синтаксических исследованиях А. А. Потебни. — «Филологические науки», 1962, № 4.

³ Цит. по кн.: Потебня А. А. Мысль и язык. Изд. 2. Харьков, 1892; его же. Из записок по русской грамматике, т. 1—2. М., 1958.

⁴ Потебня А. А. Язык и народность. — «Вестник Европы», 1895, кн. 9, с. 11.

Народность характеризуется общностью языка; различие народностей есть различие языков, которые сохраняют традиции народа. Несколько соседних племен устанавливают общность языка, по Потебне, двумя путями — или тем, что язык сильнейшего племени вытесняет язык слабейшего, который при этом исчезает (например, наречие обрусевших финнов), или тем, что из смешения происходят амальгированные языки, каковы: английский, французский, итальянский, испанский, венгерский».

Каждый язык как система символов «есть нечто упорядоченное, всякое явление его находится в связи с другими. Задача языкознания и состоит в уловлении этой связи, которая лишь в немногих случаях очевидна». Упорядоченность языка проявляется только при его использовании, потому что «вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств». Язык есть сугубо историческое, а потому неоднородное явление.

Речевая деятельность — это взаимодействие языка, знаний говорящих и передаваемой мысли, причем важнейшая задача исследователя — раскрыть взаимодействие мысли и речи, а не логических форм и форм языка. Речемыслительная деятельность носит индивидуальный и активный характер («Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким»). Поэтому необходимо знать не только категории языка и сложившиеся, готовые мысли и знания, но и сам процесс выражения мысли и понимания ее слушателем. Язык является не только хранилищем и средством передачи мыслей и эмоций, но и средством формирования мысли и у говорящего, и у слушателя.

С точки зрения взаимоотношения языка, речи и мысли важно понять семантическую структуру слова и грамматической формы и категории. Их исследованию Потебня уделял особое внимание.

Слово как сложная единица. Учение о слове в лингвистической концепции Потебни занимало центральное место. Учение о слове давало ответ на то, как образуется мысль-понятие и как индивиды, выражая каждый свою мысль, добиваются при этом взаимопонимания. Поэтому Потебня считал, что «показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношение личности к природе, есть основная задача истории языка».

Слово обладает функцией обобщения и развития мысли. По мнению Потебни, посредством слова мысль идеализируется и освобождается от подавляющего и раздробляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий, так что происходит изменение представления-образа в представление-понятие. Слово становится его символом.

Эту роль слово выполняет благодаря своей сложной, многоярусной семантической структуре. Всякое слово состоит из трех элементов: членораздельного звука, представления и значения. Без звука не может быть слова, но и членораздельный звук без значения не есть слово, а только искусственный фонетический препарат. «Звук в слове не есть знак, а лишь оболочка, или форма знака», «з н а к з н а к а».

Слово является не только звуковым единством, но единством представления и значения. Кроме звука в слове есть еще знак значения, представляющий собой внутреннюю форму слова. Знак значения есть уже символ, превращающий слова в систему, способную передавать и формировать мысли и значения, которые не составляют содержания слова.

Учение Потебни о слове как символе (или знаке значения) исходит из разграничения в содержании слова представления и значения. Говоря о слове как знаке значения (или символе), Потебня писал: «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; оно есть представитель того или другого в текущих делах мысли, а потому называется представлением. Этого значения слова *представление*, значения, имеющего особенную важность для языкознания и обязанного своим происхождением наблюдению над языком, не следует смешивать с другим, более известным и менее определенным, по которому представление есть то же, что восприятие или чувственный образ, во всяком случае — совокупность признаков».

Очень важно подчеркнуть, что представление в этом смысле рассматривается с точки зрения отражательной и репрезентирующей роли слова: будучи знаком значения, представление указывает на один из признаков предмета, представляя в сознании и сам предмет, и понятие о нем. В. И. Ленин высоко оценил высказывание Л. Фейербаха, который говорил, что рассудок — правитель мира лишь по названию, а не в действительности, так как название — это «отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»¹.

Потебня отмечал не только обобщающую и репрезентирующую роль слова; он подчеркивал также активность слова при развитии мысли, неоднократно повторяя, что представление есть апперцепция в слове, т. е. сравнение двух мысленных комплексов — вновь познаваемого и прежде познанного, нового и старого представлений. Так, ребенок, впервые увидев круглый матовый колпак лампы, называет его арбузиком, подчеркивая сходство сравниваемых предметов только по одному признаку — шаровидности. Точно так же, поскольку лат. *carous* и рус. *корова* имели признак «рогатый», «значит, в мысли человека был уже запас сведений о рогатом животном, когда он узнал корову».

Представление мотивирует значение слова в зависимости от предшествующего опыта, давая «не образ предмета, а образ образа». Мотивированные слова обладают внутренней формой, т. е. ближайшим этимологическим значением. «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль». Представление в результате неоднократного использования слова может забыться, тогда слово теряет свою внутреннюю форму, становится безобразным,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 29, с. 74.

а связь звучания, значения и предмета немотивированной; происходит сгущение мысли.

Значение слова и понятие, им обозначаемое, также не совпадают, хотя значение слова участвует в выражении и обозначении понятия, как и представление. Без разграничения языковых и неязыковых значений языкознание утратило бы свой предмет и «заклучало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова. Когда я говорю *сиджу за столом*, я не имею в мысли совокупности отдельных признаков *сиденья, стола, пространственного отношения* за и пр. Такая совокупность, или понятие, может быть передумана лишь в течение ряда мгновений, посредством ряда умственных усилий и для выражения своего потребует много слов».

Ближайшее (или языковое) значение отличается от дальнейшего значения (или представлений и понятий о предмете), во-первых, тем, что оно является неполным знанием, формальным знанием, и во-вторых, тем, что ближайшее значение является общеизвестным, народным, благодаря чему говорящий и слушающий понимают друг друга.

Дальнейшее значение, напротив, индивидуально. При изучении дальнейших значений языкознание соприкасается, с одной стороны, с индивидуально-субъективной мыслью (например, при рассмотрении поэтического языка и стиля отдельных авторов), а с другой стороны — с индивидуально-объективной мыслью науки, которая выражается также при помощи языка и его средств. Своими работами по теории словесности Потебня внес значительный вклад в изучение поэтического мышления и языка.

Грамматическая форма и категория. Лексическое значение слова, несмотря на его формальность, вещественно. Грамматическое значение формально, оно обнаруживается при анализе грамматических форм и категорий языка.

Лексическое и грамматическое значения отличаются друг от друга, во-первых, тем, что лексическое значение относится к грамматическому как частное (вещественное) к общему и, во-вторых, тем, что значение грамматической формы, которое систематизирует мысль, не является предметом мысли, так что лексическое содержание и грамматическая форма «составляют как бы один акт мысли, а не два или более и живут в сознании говорящего как неделимая единица». Следовательно, грамматическое значение есть отвлечение от конкретных предметов и конкретных актов мышления.

В то же время грамматическое значение сходно с лексическим: оно не тождественно значению логических форм, потому что граммати-

ческих категорий несравненно больше, чем логических. Грамматические категории и формы национальны; они нужны для процесса сказывания, т. е. образования и выражения мысли. Грамматическая форма (и формальная часть слова) по своей структуре сходна со словом.

Грамматическая форма, как и слово, состоит из трех элементов: звука, представления и значения. Для Потебни особенно важно то, что «грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением».

Как реальная объективная величина (а не научное отвлечение) грамматическая форма, подобно корню, определяется не путем общих значений слов, а путем выведения их из языка и речи как единого целого; это возможно сделать с помощью описательного или исторического метода. Грамматическая форма классифицирует слова и делает речь связной.

Чтобы определить значение грамматической формы, необходимо связать ее с остальными формами языка данного строя, с теми общими разрядами, «по которым распределяется частное содержание языка, одновременно с своим появлением в мысли». Такими общими разрядами являются грамматические категории и части речи, которые выражаются и указываются в предложении суффиксами и предлогами, а также служебными (или грамматическими) словами.

Речь как совокупность предложений является частью языка. Членение предложения на части речи и члены предложения с точки зрения их возникновения и роли в оформлении и передаче мысли не совпадает с его логико-грамматическим членением. Речевое членение связано со смысловым членением предложения на основе психологического (а не логического) суждения. Психологическое суждение есть семантико-синтаксическое выражение апперцепции: «Апперцепируемое и подлежащее объяснению есть субъект суждения, апперцепирующее и определяющее — его предикат». Например, формально-логически предложения *Лошадь не собака* и *Собака не лошадь* эквивалентны, тогда как их смысловое членение различно.

В предложении не только используются все средства языка, но и происходит взаимодействие лексики и грамматики и различных грамматических категорий — слова, части речи, члена предложения и типа предложения.

Предметом особого внимания Потебни был сравнительно-исторический синтаксис славянских языков. Анализируя прежде всего составные члены предложения и их исторические замены, вызванные стремлением к дифференцированию членов предложения, рассматривая два исторических этапа в развитии предложения (этапы именного и глагольного предложений), пути возникновения и развития простых и сложных предложений, Потебня оказал огромное влияние на разработку проблем славянской и индоевропейской синтаксической теории. В то же время его выводы и наблюдения имели много общего с учением его современников и преемников — младограмматиков.

§ 9. МЛАДОГРАММАТИКИ И МЛАДОГРАММАТИЗМ

Второй период в развитии сравнительно-исторического и психологического языкознания связан с деятельностью Лейпцигской лингвистической школы. Ее молодые представители открыто выступили против догм сравнительного языкознания, защищаемых их учителем Шлейхером. Ф. Царнке назвал молодых языковедов Junggrammatiker — младограмматиков. Это шутовское название Бругман применил к обозначению научного направления (die jungste Richtung), и «младограмматизм» стал лингвистическим термином, обозначающим лингвистическую концепцию, сыгравшую значительную роль в развитии языкознания.

Манифестом младограмматиков стало предисловие К. Бругмана и Г. Остхофа к первому тому непериферического издания «Морфологические исследования» (1878). Основные работы: «Введение в изучение индоевропейских языков» (1880) Б. Дельбрюка, «энциклопедия младограмматизма» — «Принципы истории языка» (1880, рус. пер. 1960) Г. Пауля, «Основы сравнительной грамматики индогерманских языков» (1886—1900) К. Бругмана и Б. Дельбрюка, «Грамматика древнеболгарского (церковнославянского) языка» (1909, рус. пер. 1915) А. Лескина.

Младограмматические идеи получили широкое распространение. Их можно обнаружить во Франции — у М. Бреалья («Опыт семасиологии», 1897), в Италии — у Г. Асколи, в Америке — у У. Уитцея, в Швейцарии — у Ф. де Соссюра, в России — у Ф. Ф. Фортунатова и И. А. Бодуэна де Куртене. Младограмматизм сказывается особенно явно в исторической фонетике и грамматике конкретных языков, диалектологических исследованиях.

Младограмматизм представляет историко-сравнительное психологическое языкознание. Историзм и психологизм — два основных принципа, которые определяют младограмматическую систему взглядов на природу языка, предмет языкознания и методику научного исследования.

Говорящий человек и язык

Существенным недостатком натуралистического и логического изучения индоевропейских языков, по мнению младограмматиков, было то, что слишком много изучали языки, но слишком мало — говорящего человека, а именно он и является творцом языка. В основе методологических принципов младограмматиков лежат, по определению Остхофа и Бругмана, «две предельно ясные мысли: во-первых, язык не есть вещь, стоящая вне людей и над ними и существующая для себя; он по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов; во-вторых, психическая и физическая деятельность человека при усвоении унаследованного от предков языка и при воспроизведении и преобразовании воспринятых сознанием звуковых образов остается в своем существе неизменной во все времена»¹.

¹ Остхоф Г. и Бругман К. Предисловие в книге «Морфологические исследования...». — Цит. по кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. М., 1960.

В отличие от чистого естествознания, языкознание относится к области культуроведческих наук, ибо участие психических факторов является признаком культуры, так же как и общественный характер ее. «Лишь общество, — напоминает Пауль, — создает культуру, лишь оно делает человека историческим существом»¹. «...Мы продвинулись вперед, — пишет Дельбрюк, — и в принципиальных вопросах, так как мы научились понимать то, что язык — это не организм, а общественное установление, которое основано на бесчисленных действиях людей, объединенных в один народ»².

Младограмматики считали, что произвольность языковых процессов и их сравнительная простота приводят к тому, что «простейшие психические процессы одинаковы у всех индивидов, а особенности отдельных лиц основываются на разных комбинациях этих элементарных процессов». Единобразие языковых процессов у говорящих опирается на общее языковое чутье и является важнейшей основой их точного научного изучения. Поскольку языковые процессы одинаковы у всех говорящих, постольку изучение языка может производиться на речи немногих или даже одного индивида. Важность изучения индивидуальной речи подчеркивается не только природой речевой деятельности.

Понимание языковой деятельности как в основе своей психической и закономерной (хотя и многофакторной) определяет у младограмматиков задачи и метод исследования. Основной вопрос — это отношение обычая к индивидуальной речи. Поскольку на язык оказывает влияние множество факторов, так или иначе затрагивающих сознание человека, постольку основными приемами лингвистического исследования является тщательное описание отдельных фактов и факторов (в том числе и самонаблюдение) и сравнение результатов. Именно этот эмпиризм (или, как позднее стали говорить, атомизм, индуктивность мышления) считался младограмматиками признаком точности и научности.

«Всякая наука, основанная на опытных данных, — писал Пауль, — добивается тем большей точности, чем лучше ей удается выделить отдельные факторы из исследуемых ею явлений и изучить действие каждого из этих факторов в отдельности. В этом, собственно, и заключается коренное отличие научных воззрений от обычных». Что же касается привлечения данных смежных наук, то языковед должен знать основные законы и приемы исследований физики, физиологии, математики.

Диалектология и лингвистическая география

Распространение младограмматических воззрений способствовало развитию диалектологии. Принципиальное значение исследования говоров состоит, по мнению младограмматиков, в том, что,

¹ Цит. по кн.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

² Дельбрюк Б. Введение в изучение индоевропейских языков. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания..., ч. 1, с. 190.

во-первых, народные говоры являются живыми языками, они естественнее и закономернее представляют жизнь языка. «Во всех живых народных говорах, — писали Остхоф и Бругман, — свойственные диалекту звуковые формы проводятся через весь языковой материал и соблюдаются членами языкового коллектива в их речи куда более последовательно, чем это можно ожидать от изучения древних, доступных только через посредство письменности языков». И во-вторых, младограмматики считали, что говоры полнее сохраняли жизнь языка, являлись в ряде случаев единственным источником нефиксированного прошлого.

В конце XIX в. получает развитие не только диалектология, но и лингвистическая география, представившие новые данные о диалекте и диалектных зонах, а также выработавшие новые приемы лингвистического исследования (см. с. 267—273). Со времен младограмматиков диалектные данные стали одним из трех основных источников исторического изучения языка.

Принцип историзма

3а) Младограмматики не только изучали языки по преимуществу исторически, но и считали принцип историзма важнейшим теоретическим требованием научного изучения языка. Пауль в своем основном теоретическом труде «Принципы истории языка» утверждал: «То, что понимают под неисторическим и все же научным рассмотрением языка, есть по сути дела также историческое, но не совершенное изучение языка — несовершенное отчасти по вине исследователя, отчасти же в силу особенностей изучаемого материала. Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории, хотя, быть может, он и не отдает себе ясного отчета в этом».

При решении проблемы логического и исторического младограмматики ценили больше историческое.

История и современность. Определяя предмет историко-сравнительного изучения языков, младограмматики считали целесообразным изучать не «туманные дали» праязыка, а язык современности, понимаемой исключительно исторически. Остхоф и Бругман подчеркивали, что не гипотетические праязыковые реконструкции, а конкретная фиксированная история языков является истинным предметом истории языка.

Наиболее верные данные дают такие языки, как германские, романские, славянские: традиция у них сохраняется на протяжении многих столетий и они располагают живой разговорной речью. Это стремление охватить как можно больше языкового материала на длительном временном отрезке, всестороннее исследование отдельных явлений получило наименование эмпиризма (или атомизма) младограмматиков. Развитие языка мыслилось только эволюционно.

Наблюдения над разнообразием диалектной речи привели к пересмотру понимания единства праязыка, а также причин образования

родственных языков, изложенных Шейхером. По аналогии с современным диалектным состоянием языков стали говорить о диалектном членении праязыка. Была выдвинута проблема языковых контактов и создана теория волн, изложенная в работе И. Шмидта «Отношения родства между индоевропейскими языками» (1872).

Младограмматики обращали внимание не только на изучение конкретной истории отдельных явлений, но и на разработку принципов исторического развития и истории языка — фонетические (звуковые) законы и законы аналогии как два основных типа внутренних законов развития языка.

По мнению младограмматиков, речевая деятельность имеет две стороны — физиологическую и семантическую. Лескин еще в 1871 г. писал: «Два момента (закономерные звуковые изменения и влияние аналогии) объясняют наличные в определенный период формы языка, и только с этими двумя моментами надо считаться»; Пауль различал фонетические и семантические процессы, подчеркивая, что между собой они не находятся ни в какой причинной связи.

Фонетические законы. Понятие фонетического закона вызвало много научных споров и полемических выступлений. Стремление истолковать звуковую материю языка как физиологически упорядоченную было частью борьбы младограмматиков за научную точность языкознания.

Понятие фонетического закона менялось, уточнялось и включало несколько моментов. Первый признак фонетического закона — его материальный, звуковой характер, независимость от смысла — не вызвал больших возражений. Действительно, с [ʒ^u]ло — с [o]л фонетически закономерное чередование, тогда как н' [ə]бо — н' [o]бо содержит чередование [э] — [о], фонетически незаконное; оно объясняется различием в значениях и разным происхождением таких произношений (старославянское и русское). Звуковой закон — это изменения, при которых звук меняется под влиянием соседних звуков, фонетической позиции и ударения.

Второй признак фонетического закона — его регулярность, единообразие звуковых изменений. «Только то, что является закономерным и внутренне взаимосвязанным, — писал в «Началах и главных вопросах греческой этимологии» (1858—1862) Г. Курциус, — может быть подвергнуто научному исследованию; о том же, что произвольно, можно делать лишь догадки, но не научные выводы. Я полагаю, однако, что дело совсем не обстоит так плохо; напротив, именно в жизни звуков можно с наибольшей достоверностью установить прочные законы, которые действуют почти с такой же последовательностью, как силы природы». Причиной фонетических изменений Курциус считал удобство произнесения; поэтому взрывные звуки переходят в щелевые ([t] > [s]) и нет движения в обратном направлении. В пределах определенного направления звукового изменения допустима известная свобода, например, звук [a] может переходить как в [e], так и в [o].

Эту теорию поддерживали младограмматики. Остхоф и Бругман писали, что каждое звуковое изменение происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений. Кажущееся исключение —

это закономерность, которую еще надо открыть. Следовательно, нет исключений из фонетических законов, а есть переименование их, а также влияние аналогии или влияния другого языка или диалекта.

Младограмматики не только установили и описали ряд звуковых законов (ср., например, закон открытого слога, первую и вторую палатализации, воздействие *j* на гласные и согласные в работе Лескина), но и создали чрезвычайно стройную и удобную систему для нахождения звуковых соответствий как между отдельными языками, так и в пределах каждого изучаемого языка¹.

Введение понятия звукового закона, изучение звуковых законов разных индоевропейских языков помогли определить третий признак звукового закона — его социальную обусловленность. Выяснилось, что языковой закон существенно отличается от законов как природы (физических, химических), так и статистических. «Звуковые законы, устанавливаемые нами, — подчеркнул позднее Дельбрюк, — суть, как это оказалось, не что иное, как единообразия, возникающие в известном языке и в известное время и имеющие силу только для этого языка и времени». На этом основании некоторые языковеды позднее предложили называть внутренние законы развития языка тенденциями.

Ассоциация представлений и закон аналогии. Если звуковая материя изменяется бессознательно, то семантика слов и форм затрагивает психику человека и покоится на ассоциации представлений и апперцепции. На этой основе младограмматики создали учение об аналогии и изменении значений слов.

Закон аналогии исходит из признания активного характера речевой деятельности говорящего. Она есть не воспроизведение готовых форм, не мнемоническая деятельность, основанная только на памяти, а ассоциативная комбинаторная деятельность (напоминающая решение пропорциональных уравнений), в результате которой новые формы образуются по аналогии, по сходству с группами фактов, обычных в языке. «...Мы, — писал Пауль, — не только обладаем способностью производить с помощью пропорциональных групп множество форм и синтаксических сочетаний, никогда не поступавших в нашу психику извне, но и на самом деле производим эти формы и сочетания, производим на каждом шагу и весьма уверенно, даже не замечая того, что при этом мы покидаем твердую почву известных фактов».

В самом деле, зная три элемента отношения *дом : домов = стол : ?*, мы легко образуем форму *столов*. Эта новая форма употребляется без всяких препятствий, если нет другой формы или она нам неизвестна. Поэтому в детской речи аналогия действует наиболее последовательно; например, две четырехлетние девочки говорят:

- А я твоего петушка *спря-та-ю* (очень протяжно).
- А я *отыскаю*.
- А ты не *отыскаешь*.
- Ну, тогда я *садаю* и *заплакаю*».

¹ См.: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л., 1938, с. 13.

² Чуковский К. От двух до пяти. — Собр. соч. в 6-ти т., т. 1. М., 1965, с. 381.

аналогичные огранич. действ. злук же

Узус (язык) содержит правила и образцы (парадигмы); причем конкретные образцы обладают большим воздействием, чем абстрактные правила. Узус образует систему пропорциональных групп. «Объединение в группу протекает с тем большей легкостью и становится тем более устойчивым, чем больше сходства в значении и в звуковой форме, с одной стороны, и чем прочней запечатлелись элементы, способные образовать группу, — с другой стороны, — считал Пауль. — Что касается последнего момента, то для образования групп пропорций важна, во-первых, частота единичных слов и, во-вторых, количество возможных аналогичных пропорций».

Пропорциональные группы бывают двух типов — вещественные и формальные. Вещественные группы пропорций имеют частичное соответствие значения и звучания, например различные падежи одного существительного. Формальные группы пропорций основаны на функциональном сходстве, например: сумма всех форм именительного падежа, всех форм первого лица глагола и т. п. Действие аналогии распространяется на разные области языка — на флексию, словообразовательные типы и даже чередование звуков.

Учение об изменении значений слов. Хотя аналогия и выравнивает в какой-то мере формы языка, она не может уничтожить изменчивости языка, который связан с говорящими индивидами. Особенно изменчиво значение слов. Младограмматики уделяли большое внимание изучению изменения значений слов, разнообразию этих значений, различным соотношениям значения слова с предметом и понятием.

Изменение значений происходит потому, что индивидуальное употребление и значение слова в узусе не совпадают. Поэтому принципиально различаются два типа значений — узуальное и окказиональное.

Их отличие выявляется по четырем линиям: а) узуальное значение известно всем членам данной языковой общности, окказиональное значение — это значение в акте речи; б) окказиональное значение богаче узуального; в) окказионально слово называет нечто конкретное, предмет, тогда как узуально оно обозначает нечто абстрактное, понятие; г) узуально слово многозначно, окказионально — всегда однозначно.

В принципиальном отклонении окказионального значения от узуального — основы изменений значений слов. По мнению Пауля, «регулярное возобновление таких отклонений приводит к постепенному превращению индивидуального и мгновенного в общее и узуальное».

Основными видами изменений значений слов являются: а) специализация значения как в результате сужения объема и обогащения содержания (*Glas* — *стекло* и *стакан*), появление имени собственного, так и в результате обеднения содержания представления и расширения объема (*sehr* — *больно* и *очень*), переход имени собственного в нарицательное; б) метафорическое изменение — одно из важнейших: в выборе метафорических выражений проявляются различия индивидуальных интересов, а из совокупности метафор, ставших в языке узуальными, можно видеть, какие интересы преобладали в обществе; в) перенос названия на основе пространственных, временных

или каузальных связей. Кроме того, указываются такие виды изменений значений, как гипербола и литота, эвфемизмы.

Различна культурно-историческая обусловленность значения слова и понятия. Значения слов всегда приспособляются к данной ступени развития культуры. Однако изменение самих понятий и предметов в этих случаях не ведет к изменению значения (слово *академия* сохраняет свое значение, хотя само учреждение претерпело заметные изменения). Индивидуальное восприятие предмета также не учитывается при определении значений слов и выражений: «...Слово *лошадь*, — пишет Пауль, — имеет одинаковое для всех значение, поскольку все соотносят это слово с одним и тем же предметом; все же нельзя отрицать, что всадник или кучер, или зоолог, каждый по-своему, свяжет с этим словом более богатое смысловое содержание, нежели человек, не имевший дела с лошадьми». Поэтому предметом языкознания, если воспользоваться терминологией Потеевни, является б л и ж а й ш е е, а не дальнейшее значение слова.

* * *

акцентуация

Таким образом, психологическое направление и особенно младограмматизм ответили на многие вопросы, стоявшие перед языкознанием в середине XIX в. Была уточнена методика сравнительно-исторического языкознания, поставлены основные проблемы семасиологии и функционально-семантической грамматики, проанализировано взаимоотношение языка и речи, язык определен не только как индивидуально-психологическое, но и как культурно-историческое явление.

Труды языковедов этого времени подготовили развитие языкознания конца XIX — начала XX в., передав ему, однако, не только достижения науки, но и противоречия. Сюда относятся прежде всего элементы субъективно-идеалистической основы лингвистических концепций, преимущественное внимание к отдельным явлениям, рассматриваемым атомарно, без должного их социально-нормативного истолкования, и односторонность лингвистической методологии.

Библиография

Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. М., 1960, с. 105—106, ч. 2. М., 1965, с. 5—57.

Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, с. 62—83.

Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 134—370.

Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955, с. 61—124.

Глава 4

СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА И НЕОГРАММАТИЗМ

Младограмматическая концепция языка и речевой деятельности в конце XIX в. была настолько влиятельной, что дальнейшее развитие языкознания понималось не иначе, как преодоление младограмматизма.

Однако новые школы, естественно продолжая то, что было сделано ранее, обратили особое внимание на проблемы социологии и структуры (системы) языка.

Социологическое направление в языкознании утверждается в борьбе против индивидуально-психологического и натуралистического понимания сущности языка. Социологическое направление в то же время не возникло сразу как единая школа, а развилось в результате различных подходов к изучению проблемы языка и общества — проблемы, которая интересовала языковедов с древнейших времен.

Во второй половине XIX в. сторонниками психологического направления осознается тот факт, что языковая семантика является не индивидуально-психологическим, а социально-психологическим явлением. Поэтому язык должен рассматриваться в связи с обществом, его социальным и идеологическим изучением, в связи с социальной дифференциацией языка. Эти связи анализируются не только в специальных работах, особенно по лексикологии и истории литературного языка, но и в общих работах по истории и философии. Особое значение принадлежит работам Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, которые рассматривали проблемы языка в связи с защитой и развитием марксизма.

В этом отношении интересно исследование П. Лафарга «Французский язык до и после революции» (1894; рус. пер. «Язык и революция», 1930). В этой работе дан образец социологической лексикологии и семасиологии. Рисуя картину развития французского языка в XVII—XVIII вв., прослеживая происхождение и развитие понятий справедливости, добра, души, бога на разных этапах жизни общества, Лафарг показывает зависимость понятий и норм литературного языка от общественных отношений. «Язык, — делает вывод Лафарг, — не может быть отделен от своей социальной среды, он «отражает каждое изменение, происходящее в человеческом существе и среде, где оно развивается»¹. Анализируя отношение к языку буржуазии и аристократии, Лафарг показывает, что язык является могучим оружием классовой борьбы.

Социальная природа и обусловленность языка получили своеобразное истолкование в школе К. Фосслера, которая носит название эстетического идеализма. Фосслер в 1904 г. опубликовал программную работу «Позитивизм и идеализм в языкознании», а в 1923 г. — «Сочинения по философии языка». Критикуя младограмматиков как позитивистов, опираясь на работы Гумбольдта и Кроче, Фосслер рассматривает язык как индивидуальный творческий акт. Противопоставление разума и фантазии как сдерживающего и развивающего начал объясняет языковое творчество. Разум сковывает язык, он устанавливает логические и грамматические правила, а рассматривать язык как узус и правило — значит, рассматривать его ненаучно, ибо они не вскрывают души языка. Поскольку общение при помощи языка яв-

¹ Лафарг Поль. Язык и революция. М. — Л., 1930, с. 22, 20.

ляется свойством дара слова, задача состоит не в том, чтобы учить языку, а в том, чтобы «разбудить» язык.

Индивидуальное творчество связано с эстетическими воззрениями говорящего, которые выражаются в речи, в текстах. «Терминами «эстетический» и «исторический» мы, — пишет Фосслер, — обозначаем разные аспекты одного и того же метода, который в своей основе всегда может быть только с р а в н и т е л ь н ы м. Если сравнению подвергаются языковые формы выражения и соответствующая психическая интуиция, то тогда мы имеем эстетическое рассмотрение, т. е. интерпретацию «смысла» формы выражения»¹. Важнейшим компонентом лингвистики является стилистика речи. Она ставит проблему взаимоотношения языка писателей и общенародного языка, проблему связи истории культуры с развитием языка (в 1913 г. выходит книга Фосслера «Культура Франции в отражении ее языкового развития»).

Социология языка, стилистика и история литературного языка, — несомненно, важнейшие аспекты лингвистической теории, которые возникают в конце XIX в. и получают дальнейшее развитие в языкознании XX в., особенно в советском языкознании.

Социологическое рассмотрение языка становится обычным в описательном и сравнительно-историческом языкознании, которое вступает в третий период своего развития. Общественный характер языка подчеркивают все ведущие лингвисты этого времени — Бодуэн де Куртенэ и Фортунатов, де Соссюр и Сепир, Мейе и Балли.

Однако для языкознания конца XIX — начала XX в. характерно не только отрицание биологизма Шлейхера и психологического индивидуализма Пауля, но и подчеркивание относительной автономности языковой системы и лингвистики, стремление определить сущность системы языка и создать классификацию лингвистических дисциплин.

Специального названия для этого направления не существует. Обычно это объясняют тем, что каждая из возникших в то время школ достаточно оригинальна, а весь период определяется как переходный.

Когда Бодуэна де Куртенэ, Фортунатова и де Соссюра рассматривают как поздних младограмматиков или предшественников структурализма, то определяют их место в историческом развитии науки внешне и односторонне. Эти ученые и их школы имеют свою лингвистическую концепцию, которая во многом отлична и от младограмматизма, и от структурализма.

Данное лингвистическое направление целесообразно назвать не о г р а м м а т и з м о м. Основанием для такого названия могут служить высказывания его крупнейших представителей. Так, Бодуэн де Куртенэ подразделял теоретическое языкознание на грамматику и систематику; грамматикой называлась та часть теоретического языкознания, которая занимается изучением строя и состава языка, внутренней стороной истории языка. Де Соссюр, говоря об основных принципах синхронической лингвистики, подчеркивал, что к ней относится все то, что называется общей грамматикой. «Статическая лингви-

¹ Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания..., ч. 1, с. 297.

стика, — писал он, — или иначе описание данного состояния языка, может быть названа грамматикой... Грамматика изучает язык как систему средств выражения; понятие грамматического покрывается понятиями синхронического и значимого»¹.

Неограмматизм как лингвистическое направление характеризуется признанием следующих основных принципов лингвистики:

1. Язык — не природный организм и не индивидуальное явление; язык по своей сущности социален, причем его социальность понимается как обязательность языка для говорящего и как коллективно-психологическая сущность.

2. Предметом языкознания является не только история языка и его этногеографическое распространение, но и структура (строение) современного языка, определение его единиц, их отношений и самого строя языка. Конечно, единицы и строй языка понимались языковедами не одинаково. Бодуэн де Куртенэ и Крушевский обращали особое внимание на лингвистические атомы — фонемы и морфемы, Фортунатов и Пешковский говорили о лингвистических молекулах — формах слова и формах словосочетаний, а де Соссюр уделял большое внимание не единицам языка, а языковым отношениям — синтагмам и ассоциативным рядам, поскольку «суффиксы и основы обладают значимостью лишь в меру своих синтагматических и ассоциативных противопоставлений». Однако это разнообразие было проявлением общего стремления полнее охарактеризовать единицы языка и его строй.

3. Для неограмматизма типично выдвигание на передний план теории грамматики, понимаемой как учение о форме языка. В этом смысле неограмматизм является лингвистическим формализмом. Однако термин «лингвистический формализм» неравнозначен «неограмматизму», во-первых, потому, что обращает внимание лишь на одну сторону неограмматической концепции, а во-вторых, потому, что неограмматики не отрицали языковой семантики.

4. Наконец, неограмматизм считал важнейшим теоретическим вопросом общего языкознания уточнение аспектов исследования и классификацию лингвистических дисциплин. Это требование возникло из признания самостоятельности лингвистики как науки и сложности ее объекта.

Таковы основные принципы неограмматизма, которых придерживались сторонники разных школ неограмматического направления. Наиболее значительными школами неограмматизма являются: Казанская лингвистическая школа (школа И. А. Бодуэна де Куртенэ), Московская лингвистическая школа (школа Ф. Ф. Фортунатова) и Женевская лингвистическая школа (школа Ф. де Соссюра).

§ 10. КАЗАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Казанская лингвистическая школа возникла в условиях общественного и научного подъема в России конца XIX в. Интерес к общелингвистической проблематике, который характерен был уже для

¹ Цит. по кн.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.

Потесни, находит поддержку в работах представителей Казанской и Московской лингвистических школ.

Возникновение Казанской лингвистической школы связано с работой в Казанском университете в 1875—1883 гг. И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845—1929). Позднее он преподавал в Юрьеве, Кракове, Петербурге, Варшаве, однако Бодуэн де Куртенэ неоднократно подчеркивал, что общение с казанскими языковедами, лингвистическая среда Казани способствовали становлению его лингвистических взглядов.

Наиболее известными работами Бодуэна де Куртенэ являются: «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» (1871), «Опыт теории фонетических альтернатив» (1895), «Языкознание, или лингвистика, XIX века» (1901), «Лингвистические заметки и афоризмы» (1903), «Введение в языковедение» (1917).

Кроме Бодуэна де Куртенэ представителями Казанской школы были Н. В. Крушевский («Очерк науки о языке», 1883, и «Очерки по языковедению. Антропофоника», 1893) и В. А. Богородицкий («Очерки по языковедению и русскому языку», 1901; «Лекции по общему языковедению», 1911 и 1915; «Общий курс русской грамматики», 1904; «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных», 1930; работы по индоевропейскому и тюркскому языкознанию).

Идеи Казанской лингвистической школы были подхвачены учеными Петербурга и Варшавы. Крупнейшими последователями их явились Поливанов и Щерба (см. с. 103—106). Оказали они влияние и на де Соссюра. Понимание языковой деятельности как социально-психической, признание принципа заместительности языковых единиц и потенциальности языковой системы, динамизма языка и хронологического расслоения его явлений, разграничение звукового и графического аспектов, выделение лингвистических атомов — фонем и морфем, их строевое и функциональное изучение, введение эксперимента и повышение значения теоретических обобщений — все эти положения получили всеобщее признание и дальнейшее развитие в современной лингвистике.

Остановимся на основных положениях Казанской лингвистической школы.

Язык как социально-психическое явление

Как и младограмматики, даже еще в большей степени, Бодуэн де Куртенэ неоднократно указывал на психическую сущность речевой деятельности. «Сущность человеческого языка, — писал он, — исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим»¹.

¹ Цит. по изд.: Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. труды по общему языкознанию, т. 1—2. М., 1963.

В языке особенно важно проявление двух видов психических ассоциаций — по сходству и по смежности. «Если, — пишет Крушевский, — вследствие закона ассоциации по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же самые слова должны строиться в ряды»¹. Бодуэн де Куртенэ, отмечая важность этого положения, подчеркивал, что влияние указанных ассоциаций применимо не только к словам, но и к частям слова, т. е. морфемам, а также к предложениям и их соединениям; эти ассоциации прилагаются также к фонемам и их соединениям.

Благодаря ассоциативной (семантической) природе речевой деятельности в языке широко распространён принцип заместительности. В результате ассоциаций по смежности артикуляции представляют звуки (или «звуковые образы»), фонема связывается с морфемой, вызывая чередования (альтернативы) звуков. Ассоциации по сходству образуют обычные, живые фонетические и морфологические позиции, словоизменительные системы (важнейшие из которых склонение и спряжение) и словообразовательные ряды.

Если организм воспринимается органами чувств и всегда налицо, то язык, его система образуется не только реальными фактами, отражающими системы и ряды, но и возможными, потенциальными. Более того, Бодуэн де Куртенэ считает, что «язык как целое существует только in potentia». Объективность существования языка доказывается «языковым сознанием», так как категории языка — это «категории, основанные на чутье языка народом и вообще на объективных условиях бессознательной жизни человеческого организма».

Поэтому существование языка возможно только в обществе и в языке кроме психической стороны языковеды должны отмечать всегда сторону социальную, ибо, как считал Бодуэн де Куртенэ, «мышление и общественность суть необходимые условия реального языка».

Фонема и морфема как основные языковые атомы

Научное изучение языка предполагает выделение лингвистических абстракций: именно они являются предметом лингвистики. Эти абстракции касаются не только системы и рядов отношений, но и языковых единиц. Особенно важно выделение мельчайших, неделимых далее языковых единиц — лингвистических атомов.

Лингвистические атомы бывают двух типов: фонемы и морфемы. Они несводимы друг к другу, хотя ассоциативно и связаны. Основное различие состоит в том, что фонемы не обладают значением, тогда как морфемы имеют минимальное, далее неделимое значение. Форма языка, отличающая его от сигналов животных, выражается, по Бодуэну, в морфологической артикуляции, т. е. в членении предложения на слова, а слова — на значащие части, морфемы.

¹ Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 65.

Фонемы в то же время не являются физическими единицами; по принципу заместительности и исходя из семантической сущности языка как языкового сознания акустические впечатления замещаются артикуляционными представлениями. Фонема как антропофоническая единица есть совокупность типовых представлений; артикуляция отдельного звука связана с артикуляционной базой языка, причем и то и другое социально обусловлены.

Статика и динамика

Как и большинство лингвистов XIX в., представители Казанской школы подчеркивали важность исторического рассмотрения языка, считая, что «статика языка есть только частный случай его динамики». Динамическая природа языка в их работах рассматривалась с точки зрения причин и характера изменения языка, хронологического расслоения элементов его структуры.

Причины (= силы) изменчивости языка, по мнению представителей Казанской школы, бывают разных типов: влияние внешних факторов, стремление к соответствию средств выражения содержанию и удобству, переинтеграция структурных элементов языка.

История языка имеет две стороны — внешнюю и внутреннюю (грамматическую, по терминологии Бодуэна де Куртене). Внешняя история связана с судьбами носителей языка (этим обусловлено распространение языков и смешение их) и развитием литературного языка, где обнаруживается влияние на язык человеческого сознания.

Крушевский даже считал основным законом развития языка соответствие системы типов слов системе понятий. Бодуэн де Куртене, подчеркивая, что стремление к идеалу можно признать лишь стимулом, а не законом, писал: «Упрощение языковых форм, наличие в языке однородных типов, большее соответствие формы и содержания, слов и мыслей осуществляется не в результате стремления к заранее намеченной цели, а только для облегчения процесса речи, как простое подсознательное мнемотехническое средство, как стремление к устранению излишней работы... стремление к облегчению, с одной стороны, умственного развития индивидуума, а с другой — общественной жизни». Это стремление к удобству (облегчению) охватывает все три области языковой деятельности — произношение (фонацию), восприятие (аудицию) и языковое мышление (церебрацию).

Учением об удобстве языка Бодуэн де Куртене пытался опровергнуть идеалистическое (телеологическое) толкование причинности, найти ей материалистическое, социальное объяснение (см. подробнее с. 199—200). С этой же целью он критикует натуралистическое понимание языка¹ как организма и говорит о необходимости различать развитие речи индивидуума и происхождение речи с одной стороны

¹ Критикуя Шлейхера за неразграничение духа и природы, языка и истории, развития и истории, Бодуэн де Куртене подчеркивал, что такой дуализм ставит Шлейхера «в совершенное противоречие с новейшим, монистическим направлением естественных наук».

и историю языка — с другой («...Язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю»).

Различие развития и истории состоит в том, что развитие — это непрерывная протяженность однородных явлений, находящихся в непосредственной причинной зависимости, тогда как история — это прерывистое развитие, периоды которого связаны опосредованной причинностью, переход языка из одного состояния в другое. Бодуэн де Куртене предлагал историю изображать алгебраической формулой $0 \times \infty = m$ (т. е. «бесконечно малое изменение, произведенное в один момент, повторившись бесконечное число раз, дает наконец известную заметную определенную переменную»). Различие между развитием и историей можно представить и в виде графика (см. рис. 3).

Изучение изменения языковых явлений должно учитывать эту сложность истории языка. Считая, что история языка развивается прерывисто, представители Казанской школы создали учение о хронологическом расслоении языка, предполагающем выделение хронологических слоев (или пластов) языка и отдельных явлений (см. с. 187—188), установление относительной хронологии (последовательности) их (см. с. 259, 265—267) и переинтеграции элементов структуры языка — его фонетического и морфологического строя.

Теория чередований фонем Бодуэна — Крушевского основывается не только на признании обусловленности чередований фонем фонетическими причинами и морфемной структурой конкретного языка, но и на учете хронологического расслоения этих чередований. Именно эти два фактора дают различные «разветвления» фонем, разные виды чередований.

Во-первых, различаются межъязыковые (полиглотные) соответствия и внутриязыковые (монологотные) чередования. Межъязыковые соответствия фонем в родственных морфемах индоевропейских языков получили наименование корреспонденций, например: лат. *p* и нем. *v* (*pater* и *Vater*); слав. *z*, герм. *g*, лат. *n* (ср.: ст.-сл. *везѣтъ*, готск. *(ga)wiran* — *двигать*, лат. *vehit* — *везет*). Корреспонденциям противостоят внутриязыковые чередования фонем — альтернативы.

Во-вторых, среди внутриязыковых чередований необходимо различать дивергенции и корреляции. Дивергенции — это живые фонетические чередования звуков данного языка; они обусловлены

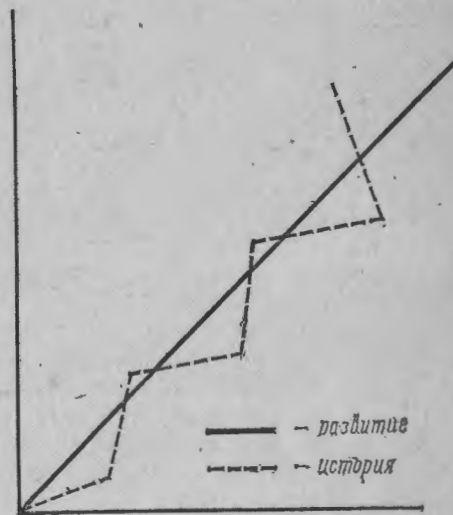


Рис. 3. Развитие речи и история языка

фонетическими комбинациями и фонетическими позициями звуков в слове современного языка. В русском языке дивергентами являются, например, чередования [d/t], [o/л/э], [a/ä/ä]: лодочка — лодка, год [t] — гóда — го[л]дá, го[э]до[л]вóй, мат, мать, мят, мать.

Корреляции — это традиционные (исторические) чередования фонем данного языка. Они объясняются не фонетическими, а морфологическими и семасиологическими причинами. «...Альтернируют при этом, — подчеркивал Бодуэн де Куртенэ, — не отдельные фонемы (звуки), а целые морфемы и даже слова». Коррелятивами являются, например, чередования в славянских языках заднеязычных согласных с шипящими и свистящими: друг — дружить — друзья, старик — старче — старец и т. п. В коррелятивных рядах может отсутствовать «всякий произносительно-слуховой состав»: сон — сна, день — дня. В современном языке корреляции используются как морфологическое (и словообразовательное) средство языка, поэтому их называют также морфологическими чередованиями. По своему происхождению коррелятивы были в прошлом фонетически обусловлены; поэтому Бодуэн де Куртенэ называет их также палеофоническими альтернациями.

В-третьих, историзм при анализе чередований фонем, по мнению представителей Казанской лингвистической школы, проявляется не только в различении указанных видов чередований фонем, но и в соблюдении относительной хронологии при историческом рассмотрении чередований. Например, выделяются три вида палатализации (их нумерация обозначает хронологическую последовательность), так объясняется отсутствие перехода *e* в *o* в тех случаях, где был звук [ʔ] и мягкий [ц] (мёд < медъ, но лес < лѣсъ и отец < отецъ; ср. с. 266).

Представители Казанской школы разносторонне разработали учение о морфологических процессах, т. е. законах изменения морфологической структуры слова при сохранении морфемной тождественности не только корней, но и префиксов и постфиксов. Учение о переразложении и опрощении, аналогии и дифференциации доказывало важность закона перейнтеграции при историческом изменении словообразовательных и словоизменительных структур слова, в результате которого образуются новые аффиксы и корни. Историческая изменчивость структуры слова, наличие продуктивных и непродуктивных моделей словообразования и словоизменения показывало динамизм структуры языка в любом его состоянии, несовпадение структуры единиц языка и их функционирования.

Строение лингвистики

Казанская лингвистическая школа уделяла большое внимание классификации лингвистических наук, определению предмета и метода языкознания, его отношению к другим наукам. Языкознание признавалось самостоятельной наукой, которую нельзя смешивать ни с филологией, ни с физиологией, ни с психологией.

Достаточно количество материала и наличие научного метода исследования этого материала — главные условия существования языкознания как науки. Материалом (или объектом) языковедения

служат живые языки и памятники письменности. «Хорошие описательные грамматики, издания памятников и словари, — говорил Бодуэн де Куртенэ, — останутся навсегда насущною потребностью нашей науки, и без них даже самым гениальным теоретическим выводам будет недоставать фактического основания». При этом особо подчеркивалось, что объект, а не метод должен определять предмет науки о языке — науки индуктивной: «...Наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обусловливая его строй и состав».

Языкознание делится на чистое и прикладное (к последнему, по мнению Бодуэна де Куртенэ, примыкает история языкознания и методика преподавания языков). Чистое языкознание, т. е. теоретическое языкознание, опирающееся на индуктивно-историческое изучение языков, делится на систематику и грамматику (грамматика понимается очень расширенно, ср. с. 58).

Систематика занимается классификацией языков, грамматика анализирует их строй и состав. Используя принцип постепенности анализа, Бодуэн де Куртенэ подразделял грамматику на фонологию (фонетику), словообразование (или морфологию), синтаксис и семасиологию (или науку о значении). Крушевский в статье «Предмет, деление и метод науки о языке» уточнил, что морфология как учение о словообразовании делится на лексикологию и семасиологию, синтаксис как учение о флексии также делится на внешнее и внутреннее учения, т. е. учение о функции.

Деление теоретических (= грамматических) дисциплин опирается на наличие единиц языка (фонем и морфем, слов и предложений) и трех сторон языковой структуры — внешней (фонетической), семантической и морфологической; причем морфологическая сторона является «основной характеризующей чертой человеческого языка».

Сравнительное изучение языков, их систематика касается не только сравнительно-исторического (динамического), но и типологического (статического) методов исследования, причем проблемы смешения языков, двуязычия и сопоставительного изучения двух языков как представителей родственных семей или групп языков у сторонников Казанской лингвистической школы занимали особое место.

§ 11. МОСКОВСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Основателем Московской лингвистической школы является Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914); с 1876 до 1902 г. он преподавал в Московском университете, а затем как штатный ординарный академик переехал в Петербург.

Фортунатов был крупным специалистом в области индоевропейской фонетики и морфологии; он создал оригинальное учение о слове и словосочетании. Его основные работы: «*Sāmaveda-Aṅganyaka-Saṃhita*» (1875), «Об ударении и долготе в балтийских языках» (1895), «О преподавании грамматики русского языка в средней школе» (1904), «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» (1919), «Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских

языков» (1922), «Сравнительная морфология индоевропейских языков» (лекции 1899—1901 гг.), «Сравнительное языковедение» (лекций 1901—1902 гг.).

Учениками и продолжателями фортунатовских научных традиций были Е. Ф. Будде, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, М. М. Покровский, В. К. Поржезинский, А. И. Томсон, Д. Н. Ушаков, А. А. Шахматов. Особенно значителен вклад в науку Шахматова и Пешковского, в трудах которых сочетается новое с традиционным.

А. А. Шахматов (1864—1920) — специалист по русскому языку и историк древнерусской культуры. Его основные языковедческие работы: «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века» (1886), «Исследования о двинских грамотах XV века» (1903), «Очерк современного русского литературного языка» (1913), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), «Введение в курс истории русского языка» (1916), «Синтаксис русского языка» (1925—1927).

А. М. Пешковский (1878—1933) продолжил в своих исследованиях традиции Потебни, Фортунатова и Шахматова. Он считал, что описательная грамматика и стилистика так же научны, как и «диалектизм» и историзм старой грамматики, подчеркивал важность соединения научной (теоретической) и школьной (практической) грамматики. Его основные труды: «Русский синтаксис в научном освещении» (1914), «Школьная и научная грамматика» (1914), «Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика» (1925), «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики» (1930).

Сторонники Московской лингвистической школы были компаративистами и историками языка, они разрабатывали теорию современной грамматики, принимали активное участие в составлении словарей, выработке правил орфографии и пунктуации, в совершенствовании методов и принципов школьного преподавания русского языка.

Язык и его история

Считая речь средством выражения мыслей и чувствований говорящих, признавая язык компонентом культуры, представители Московской школы уделяли большое внимание не только современному языку, но и его истории. Так, Фортунатов предметом языкознания считал «человеческий язык в его истории»¹, а свой общий курс языкознания назвал «Сравнительным языковедением».

С именем Фортунатова связан ряд открытий в области индоевропейской фонетики: о двух видах долготы (длительной и прерывистой) в индоевропейских языках, о слабой степени чередования, о двух разновидностях индоевропейского *s*, о хронологическом различии двух смягчений заднеязычных. Правило передвижения ударения в балтославянских языках получило название закона Фортунатова — Соссюра.

✓ Шахматов разработал вопрос происхождения и развития восточнославянских народностей и их языков, создал концепцию истории русского литературно-письменного языка. В его трудах тезис о связи истории языка с историей народа, культуры и диалектного развития языка получил разностороннее обоснование и фактическое подтверждение. При этом Шахматов подчеркивал, что на развитие языка оказывает влияние, с одной стороны, авторитет самого народа с его безыскусным употреблением языка, а с другой стороны — авторитет писателей как представителей духовной и умственной жизни народа.

М. М. Покровский в работах «Семасиологические исследования в области древних языков» (1895) и «О методах семасиологии» (1896) на материале древнегреческого, латинского, немецкого, французского и русского языков показывает, что семантические изменения слов имеют языковые (объединение слов по разным группам), психологические (семасиологические ассоциации или аналогия) и социальные причины, так как «и классы, и профессии не только хранители старины, но они в то же время являются большой творческой силой, дающей языку широкое многообразное развитие»¹.

Сравнительно-историческое и историко-культурное изучение языка в работах сторонников Московской лингвистической школы сопровождалось исследованием современного строя русского языка. При этом считалось, что если общее языковедение изучает законы развития языка вообще на основе фактов, доставляемых историей отдельных языков, то описательные труды, фиксирующие состояние языка в тот или иной момент его развития, выявляют, по словам Пешковского, «ту систему фактов, которую каждый язык в каждую данную эпоху представляет»².

Особенно значителен вклад Московской школы в создание современного учения о форме слова и грамматических классах слов, форме словосочетания и грамматических предложениях, его разнообразных типах.

Форма слова и части речи

Учение о форме слова является центральным в грамматической теории Московской лингвистической школы. Формой слова (словоформой³) была названа первичная членимость слова на основу и окончание, основную (вещественную) и формальную принадлежность. Причем формальная принадлежность может быть отрицательной (нулевой), например, в ряду словоформ *дом — дома — дому* и т. п. Формы слов, их значения и способы образования, различные в разных языках, составляют специфику этих языков.

Поскольку словоформы являются представителями словообразовательных и словоизменительных групп (= парадигм) и грамматиче-

¹ Покровский М. М. Избр. работы по языкознанию. М., 1959, с. 53.

² Цит. по кн.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.

³ Термин «словоформа» как синоним термина «форма слова» был введен в лингвистическую практику А. И. Смирницким и Т. П. Ломтевым позднее.

¹ Цит. по изд.: Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды, т. 1—2. М., 1956—1957.

ских классов (= частей речи), постольку различие между языками и специфику каждого из них составляет различие грамматических классов. Как известно, части речи делятся на знаменательные, служебные и междометия (по терминологии Фортунатова, полные и частичные слова, междометия).

Принципиально новым в учении Московской школы была формальная классификация полных слов, деление их на слова с формами словоизменения (формальные полные слова) и без форм словоизменения (бесформенные полные слова, которые могут иметь лишь формы словообразования). Наиболее общими грамматическими классами индоевропейских языков являются: склоняемые слова; слова, склоняемые с формой согласования в роде, и спрягаемые слова. Местоимения были распределены между основными грамматическими классами слов. К классу бесформенных слов были отнесены не только наречия и деепричастия, но и инфинитив; несклоняемые существительные и прилагательные, неспрягаемый глагол *нет*, а также частицы, предлоги, союзы и междометия.

Формальную классификацию грамматических классов слов Фортунатова развили далее Пешковский и Петерсон. Однако Шахматов классификацию форм слова соединил с традиционной логико-грамматической классификацией слов по частям речи (грамматической лексикологией, по терминологии Бодуэна де Куртенэ) и синтаксисом частей речи, представленным в концепции Потебни (ср. с. 48—49). Учение Шахматова о формах слова, грамматических категориях и лексико-грамматических разрядах слов было разносторонне и глубоко развито Виноградовым (см. с. 106—108)¹.

Словосочетание и предложение

Синтаксическая теория Московской школы включала два аспекта: учение о словосочетании и учение о предложении.

Словосочетание есть объединение слов в речи и мысли; в языке сочетание слов тогда становится словосочетанием, когда оно имеет форму, т. е. определенное внешнее и внутреннее строение.

Форму словосочетания образуют синтаксические формы слов и порядок слов. Синтаксическими являются такие формы слов, которые обозначают в связной речи зависимость одних слов от других. Синтаксическими категориями в русском языке, например, являются категории падежа существительных, падежа, числа, рода и краткости прилагательных, лица, числа, рода, времени и наклонения глагола, а также времени причастий и деепричастий. Формы синтаксических категорий, связывая слова в речи, выражают не только материальные, но и формальные, грамматические отношения. Как в морфологии формы слов образуют формальные классы слов, так

¹ Двойственность учения Московской школы о морфологических и лексико-грамматических разрядах слов сохранена в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), которая учению о частях речи как грамматических классах противопоставила учение о грамматических разрядах — морфологических и синтаксических.

в синтаксисе они образуют типы связей слов в словосочетании — сочинение, включение (линейное подчинение, которое делится, в свою очередь, на управление, согласование и примыкание) и соподчинение. Типы связей слов могут быть комбинированными, варианты зависимости Пешковский изображает схематически¹ (ср. с. 210).

Как слова делятся на полные и частичные, формальные и бесформенные, так и словосочетания, по Фортунатову, делятся на полные (законченные) и незаконченные, грамматические и неграмматические. Законченное словосочетание, — подчеркивает Фортунатов, — и предложение полное — синонимы в языковедении». Грамматическими словосочетания бывают в двух случаях — тогда, когда части словосочетания сами по себе грамматические, т. е. образуются при посредстве форм отдельных слов, и тогда, когда самое сочетание частей есть грамматическое, т. е. заключает в себе форму соединения слов в словосочетание. Грамматические словосочетания первого рода существуют в большинстве языков, словосочетания второго рода характерны для китайского языка, где порядок слов является формальной принадлежностью.

Грамматическое словосочетание первого рода (т. е. словосочетание с грамматическими частями) может быть законченным. Когда грамматические части его различаются как грамматическое сказуемое (оно имеет форму сказуемости) и грамматическое подлежащее (с ним сочетается грамматическое сказуемое), оно образует грамматическое предложение. Следовательно, предложение как форма языка определяется через форму сказуемости — простую и составную. При этом Фортунатов подчеркивал, что нельзя смешивать грамматические части словосочетания и предложения с неграмматическими (психологическими) частями и предложениями. Например, грамматическое словосочетание *хорошая погода* может в русском языке представлять неграмматическое полное предложение (*Погода хорошая*), а в грамматическом предложении *Летит птица* неграмматическим подлежащим может быть и *летит*.

Формально-грамматическое учение Фортунатова о предложении на материале русского языка блестяще развили Пешковский и Шахматов. Общим в их синтаксических концепциях является то, что они теорию предложения связывают с учением об основе предложения, т. е. о простом предложении и распространении и обособлении второстепенных членов предложения, учение о второстепенных членах предложения — с учением о словосочетании, а сложное предложение рассматривают как сложное синтаксическое целое (а не предложение). Однако в синтаксических воззрениях Пешковского и Шахматова имеется существенное различие, возникшее в результате того, что первый придерживается психологического направления, а второй — логического. У Пешковского центральным является учение о сказуемости и интонации как формальной принадлежности (если пользоваться терминологией Фортунатова), у Шахматова — учение о коммуникативности как предикативном сочетании двух представлений и делении

¹ См.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 60.

предложений на двусоставные и односоставные как два самостоятельных типа предложений.

Двойственность учений о частях речи и о предложении Московской лингвистической школы унаследована разными современными школами. Если учение о форме словосочетания было развито в формально-грамматических учениях (в частности, в учении о конструкции дескриптивистов; см. с. 90—91), то учение о коммуникации и разрядах предложения отразилось в различных семантико-грамматических учениях¹.

§ 12. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. ДЕ СОССЮРА

Работы Ф. де Соссюра (1857—1913) находятся на стыке разных лингвистических направлений и школ: он поддерживает идеи психологической и социологической лингвистики, неограмматизма, его концепция будет продолжена в учениях структуралистических школ, лингвосомиотики и системной лингвистики.

Ученик и соратник известных младограмматиков (Бругмана, Лескина, Остхофа), де Соссюр уже в возрасте 21 года опубликовал исследование «О первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» — работу, оказавшую большое влияние на изучение индоевропейского вокализма (см. с. 34).

Соссюр преподавал общее языкознание сначала в Париже, а затем в Женеве. Его ученики Сеше и Балли издали в 1916 г. его лекции под названием «Курс общей лингвистики» (рус. пер. 1933). «Курс» был «сконструирован» на основе записи лекций де Соссюра. Издатели указывали: «Мы решились на реконструкции, на синтез на основе третьего курса, с использованием всех бывших в нашем распоряжении материалов, включая личные заметки де Соссюра». Эта книга сделала имя де Соссюра всемирно известным.

Объект, предмет и метод лингвистики

В своей концепции де Соссюр исходит из противоречивости и сложности реального языка и его конкретных единиц, которая проявляется в сложности материала и противоречивости объекта лингвистики.

Материал лингвистики составляют все проявления речевой деятельности — у диких народов и культурных наций, во время расцвета

¹ Учение Шахматова о коммуникации как суб. жтно-предикатной семантической основе предложения является попыткой совместить логическую и психологическую теории в семантико-грамматической концепции. Если психологическое направление ассоциативную предикативную связь использовало для создания учения о речевом (актуальном) членении высказывания, то Шахматов ассоциативную природу предикативных отношений применяет к учению о семантической природе предложения как явления грамматического строя языка. Сам он объяснял, что латинские термины «пропозиция», «субъект», «предикат», «объект» и т. п. использует для обозначения логических и психологических понятий, тогда как термины «предложение», «подлежащее», «сказуемое», «дополнение» — для обозначения понятий синтаксических (ср. также с. 40—41, 153—154).

и в период упадка, формы «правильные» («изящные») и «неправильные». Милоковой феномен (языковое явление) полон противоречий. Например, звук речи — это артикуляция и акустическое впечатление, но он неотделим от значения; речевая деятельность индивидуальна и в то же время социальна; язык в любую минуту есть живая деятельность и продукт прошлого.

Создавая теорию языка, де Соссюр опирался не только на лингвистическую традицию, но и на философские труды И. Канта, О. Канта и Э. Дюркгейма, из учения которого он взял понимание социального факта как представления коллективного сознания, принуждающего индивида подчиняться этому социальному. Как Кант противопоставил противоречивости природы упорядоченный чистый разум, так и де Соссюр считал, что лингвистическая теория может быть упорядоченной и непротиворечивой (несмотря на «хаотичность» языковой материи и семантики). Это можно сделать, по его мнению, путем противопоставления предмета лингвистики ее объекту. «Другие науки оперируют над заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения; ничего подобного нет в нашей науке... Объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый-объект».

Объектом лингвистики является язык как система знаков. Поэтому лингвистика является семиологической наукой, частью социальной психологии, изучающей жизнь знаков внутри жизни общества. Определяя специфику лингвистики, де Соссюр закончил «Курс» такими словами: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для самого себя».

Новым было не то, что де Соссюр заметил противоречивую природу языка (это было известно и ранее), и не признание языкознания многоаспектной наукой. Новым было то, что он истолковал лингвистическую теорию как науку о знаковой системе языка, изучающую прежде всего его внутреннюю структуру — грамматику «в том весьма точном и к тому же привычном смысле этого слова, который встречается в таких выражениях, как грамматика шахматной игры, грамматика биржи и т. п., где дело идет о чем-то сложном и систематизированном, о взаимодействии сосуществующих значимостей (ценностей)». Лингвистическая теория признавалась дедуктивной наукой, имеющей исходную точку зрения и опирающейся на операциональную методику, которые и определяют объект как предмет науки.

Основным методом анализа де Соссюр избрал метод антиномий². Это тоже было уже известно: метод антиномий широко использовал В. Гумбольдт и многие лингвисты XIX в., в 1896 г. французский линг-

¹ От греч. σημειον — знак и λόγος — учение. Позднее стал употребляться термин «семиотика» (см. с. 124).

² Антиномией (от греч. αντινομία — противоречие законов) называют противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, признаваемыми одинаково логически доказуемыми. Де Соссюр образно называет антиномии «перекрестками», которые встречаются на пути исследователя языка и которые исследователь минует, идя по пути, подсказываемому ему точкой зрения.

вист В. Анри опубликовал специальное исследование «Лингвистические антиномии». Однако де Соссюр истолковал антиномии онтологически¹ — как строение лингвистической теории.

С этой позиции де Соссюр рассмотрел речевую деятельность, чтобы определить предмет лингвистики, классификацию лингвистических дисциплин и синхроническую лингвистику в особенности.

Речевая деятельность как антиномия

Исследуя, как и Гумбольдт, противоречивую природу речевой деятельности (language), ее основным противоречием де Соссюр считал антиномию языка (langue) и речи (parole). Язык отличается от речи, по мнению де Соссюра, пятью признаками: а) язык социален — речь индивидуальна; б) язык системен — речь асистемна; в) язык потенциален — речь реальна; г) язык синхроничен — речь диахронична; д) язык — сущность, речь — явление.

Антиномическое рассмотрение языка и речи необходимо было де Соссюру не само по себе (см. с. 118—123). Противопоставив язык речи, он определил язык как предмет языкознания, а предметом языкознания, по его мнению, является язык как социальная абстрактная сущность, характеризующаяся системностью и потенциальностью. Такое смещение и ограничение предмета языкознания сделали концепцию де Соссюра хотя и целенаправленной, но односторонней;

Языкознание — система лингвистик

Де Соссюр, конечно, понимал, что такое ограничение предмета языкознания не охватывает всех задач, которые возникают при изучении реального языка. Поэтому смещенный предмет языкознания он уточняет как предмет внутренней синхронической лингвистики языка, а языкознание рассматривает как систему лингвистик.

Система лингвистик анализируется также при помощи метода антиномий. Устанавливаются три антиномии, которые уточняют предмет внутренней синхронической лингвистики языка: лингвистика речи, диахроническая лингвистика и внешняя лингвистика (см. рис. 4).

Лингвистику речи де Соссюр считает второстепенной наукой, так как она изучает индивидуальную психофизическую сторону речевой деятельности. Напротив, изучение внешних и исторических языковых явлений он признает важным и весьма плодотворным.

Внешняя лингвистика изучает связь языка с этносом, политической и культурной историей, литературный язык, взаимоотношения книжного и обиходного языков, географическое распространение языков и их диалектное дробление.

¹ От греч. ὄν (род. п. ὄντος) — сущее и λόγος — наука, учение. Термин «онтология» первоначально обозначал учение об общих закономерностях бытия, в марксистской философии он заменяется термином «теория материализма»; употребление термина «онтология» связано с использованием термина «гносеология» (теория познания). Прилагательное «онтологический» противопоставляется прилагательным «методический» и «операциональный».

Диахроническая лингвистика исследует отношения между сменяющимися, последовательными во времени элементами. По мнению де Соссюра, предметом диахронической лингвистики является в первую очередь «вся фонетика в целом»: фонетические изменения и грамматические последствия фонетической эволюции, а также аналогия как обновляющее и консервативное начало в языке. Следовательно, диахроническая лингвистика де Соссюра является в известном смысле прямым продолжением учения младограмматиков. Однако при этом де Соссюр, как и Бодуэн де Куртенэ, подчеркивает необходимость соотносить эволюцию отдельных явлений с последовательными хронологическими срезами и различать диахроническую лин-

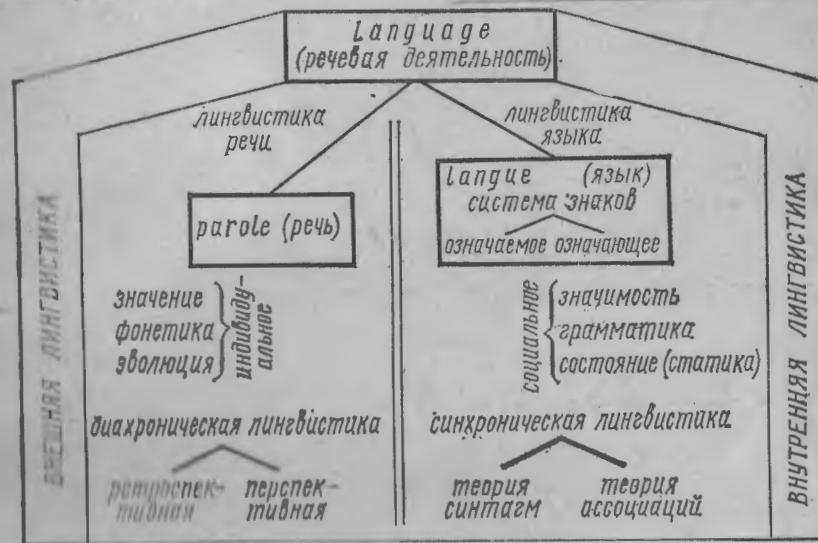


Рис. 4. Антиномии речевой деятельности и система лингвистик

гвистику перспективную, отражающую историю языка и соответствии с действительным развитием событий, и ретроспективную, которая занимается реконструированием форм языка.

Внешняя и диахроническая лингвистики не объясняют внутренний организм языка как систему, подчиняющуюся своему собственному порядку. «Вообще говоря, нет никакой необходимости, — говорил де Соссюр, — знать условия, в которых развивался тот или иной язык; задача состоит в том, чтобы познать внутреннюю сущность языка, и это является предметом главной лингвистики — синхронической».

Синхроническая лингвистика

Противопоставив язык речи, а синхронию — диахронии, де Соссюр приходит далее к выводу о противопоставленности теории языка практике (ср. с. 212). Он пишет, что «теоретическая и идеальная форма науки не всегда совпадает с той, которую навязывают ей тре-

бования практики». Синхроническая лингвистика является теорией «состояния языка»; она анализирует логические и психологические отношения, связывающие сосуществующие элементы и образующие систему, изучая их так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием.

Центральными положениями синхронической лингвистики де Соссюра являются его учение о языковом знаке, языковой значимости и теория синтагм и ассоциаций.

Означающее и означающее. Как и большинство лингвистов его времени, де Соссюр выделяет в языковой единице две стороны — идеальную и материальную. Как и Боуэн де Куртена, он считает, что обе стороны психичны, так как находятся в «коллективном сознании говорящих». Свообразие лингвистической концепции де Соссюра состоит в том, что он рассмотрел эту двусторонность языкового знака как независимую от передаваемого содержания и имеющую антиномическую структуру.

«Языковой знак — писал де Соссюр, — связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ». Следовательно, слово лишается субстанциональных свойств: способности указывать вещи и связи с артикуляционной базой языка. Чтобы подчеркнуть эту независимость языкового знака как двусторонней психической сущности, а также противопоставленность его сторон, необходимо, по мнению де Соссюра, «сохранить слово «знак» для обозначения целого и заменить термины «понятие» и «акустический образ» соответственно терминами «означающее» и «означающее»; эти последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними, так и между целым и ими как частями этого целого».

Языковой знак как автономная антиномическая сущность обладает рядом свойств, среди которых важнейшими являются произвольность знака и линейный характер означающего. Ассоциативная связь означающего и означаемого произвольна в том смысле, что означающее не мотивировано означающим, с которым «у него нет в действительности никакой естественной связи», и знак «не знает другого закона кроме закона традиции». Только языки с абсолютной немотивированностью де Соссюр считал грамматическими. Это положение верно только в том смысле, что языковой знак не относится к явлениям природы, что значение не мотивировано звуками как таковыми. Однако языковой знак, а именно слово, мотивировано социально и структурно, так что языковое значение соотносится с морфемной структурой слов, а не с их фонетической структурой (см. подробнее с. 149, 151) и лексемная мотивированность — существенное свойство языка. Это надо подчеркнуть в связи с тем, что приведенное положение де Соссюра в семиотических и структурных концепциях было абсолютизировано и языковой знак стал рассматриваться как односторонняя сущность — только материальная или только идеальная (см. с. 128—130).

Линейный характер означающего также рассмотрен односторонне. Верно, что произнесение и восприятие слова разворачиваются во времени, так что «акустические означающие» следуют одно за другим,

образуя цепь. Однако неверно, что речевая деятельность — это только следование восприятия за произнесением: говорение и восприятие речи предполагают соотнесение ее элементов с единицами и категориями языка. А это уже не линейные отношения и временная линия, а сложные отношения речи, речевой способности и языка (см. с. 169—170). К тому же линейны звуки в слове, тогда как фонемы парадигматичны (ср. с. 83—84).

Языковая значимость. Хотя с практической точки зрения слово занимает центральное место в механизме языка, по мнению де Соссюра, синхроническая лингвистика должна оперировать такими единицами, которые были бы не только языковыми реальностями (явлениями), но и языковыми сущностями.

Языковые сущности сами по себе не даны, их надо выделить. «Языковая сущность (языковой факт), — пишет де Соссюр, — определяется полностью лишь тогда, когда она отграничена, отделена от всего, что ее окружает в звуковой цепи». Но отграничение связано также с отождествлением. Таким образом, проблема тождества совпадает с проблемой сущностей и единиц.

Но поскольку язык является семиологической системой, постольку центральным оказывается понятие значимости (ценности, valeur), так как оно «в конечном счете покрывает понятия и конкретной единицы, и сущности, и реальности». Это положение является основополагающим в лингвистической концепции де Соссюра.

Что же такое значимость?

Как и Гумбольдт, де Соссюр считал, что язык образует форму, а не субстанцию, поскольку его звуки — не все звуки, а его значения — не все понятия, и языковой знак есть произвольное соединение понятия (означающего) и звука (означающего).

Значимость является соединением в системе языка означаемого и означающего. Значимость должна рассматриваться со стороны концептуальной и материальной, с точки зрения включения в систему языка единиц, которые, входя в нее, обретают значимость.

С концептуальной точки зрения, значимость является элементом значения, но не тождественна ему. Например, рус. баран и фр. mouton имеют одинаковое значение, но разную значимость, так как русский язык лексически различает барана и баранину, чего нет во французском языке. Значимость множественного числа в русском языке не равна его значимости в старославянском, где кроме множественного была форма двойственного числа.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в материальной стороне знака, так как «каждый язык образует слова на базе своей системы звучащих элементов, из коих каждый является четко отграниченной единицей и число коих точно определено». Де Соссюр в связи с этим указывает, что в определенных позициях во французском языке картавое [r] можно произнести как немецкое [ch] или русское [x], тогда как в немецком и в русском языках звуки [r] и [ch] (p и x) различаются и поэтому произвольно их заменять нельзя: род и ход — это разные слова, фонетически различающиеся первой фонемой.

Следовательно, де Соссюр считал, что концептуальная и материальная стороны значимости образуются «исключительно из отношений и различий с прочими элементами языка», а потому «проявление и дифференциальность суть два соотносительных качества», а «в языке нет ничего кроме различий».

Учение де Соссюра о значимости и дифференциальных признаках языковых единиц сыграло положительную роль в развитии системных исследований. В то же время в его учении проявилась односторонность, выражающаяся в преувеличении роли отношений и отрицательных признаков, замкнутости системы языка, где все члены находятся в равновесии.

Теория синтагм и ассоциаций. Де Соссюр считал, что в языке все покоится на отношениях. Как и Крушевский, он выделял два типа отношений — синтагматические и ассоциативные¹.

Синтагматические отношения основаны на линейном характере языка, на протяженности, последовательности элементов, ибо «мы говорим не изолированными знаками, но сочетаниями знаков». Сочетания знаков, опирающиеся на протяженность, называются **синтагмами**, например: *пере-читать, против всех, человеческая жизнь, человек смертен; Если будет хорошая погода, мы пойдем гулять.*

В синтагмах нет резкой грани между фактами языка и речи. В синтагматических целых значимость целого определяется его частями, значимость частей — их местом в целом. Синтагмы могут характеризоваться как значимостью составляющих частей, так и зависимостью их от окружения в речевой цепи.

Ассоциативные отношения опираются на память говорящих, на **притягивание элементов друг к другу**. Соединение знаков в памяти говорящих образует **мнемонические ряды**; например, глагол *написать* вызывает два ряда: с одной стороны — *писать, записать, переписать* и т. п., а с другой — *нарисовать, наклеить, нарубить* и т. п. Мнемонические ряды, в отличие от синтагм, существуют потенциально; их состав может быть различным; правда, в таких мнемонических рядах, как парадигмы словоизменения, ряд имеет ограниченное количество элементов, но выбор нужного падежа и порядок их перечисления в грамматиках произволен.

Синтагматические и ассоциативные отношения представляют единственную, по мнению де Соссюра, основу, на которой может строиться **грамматическая система и рациональное деление грамматики**. Так постулируется понимание грамматики как учения об абстрактных сущностях и отношениях, а не о реальных единицах и категориях языка, которые конкретны не только в своей истории, но и в нормативной реальности и основе.

¹ Это положение де Соссюра основывается на дуалистическом понимании материи Декартом, который рассматривал материю как две независимые субстанции: для первой атрибутом является протяженность, для второй — мышление.

Де Соссюр был основателем двух лингвистических школ — Женевской и Парижской, очень близких друг другу.

К Женевской лингвистической школе принадлежат ученик де Соссюра **А. Сеше**, опубликовавший в 1927 г. статью «Женевская школа общей лингвистики», а также **С. И. Карцевский** и **Р. Годель**, известный книгой «Источники рукописи «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра» (1957). С 1941 г. «Кружок Ф. де Соссюра» выпускает неперiodическое издание «Тетради Ф. де Соссюра».

Несомненно, крупнейшим лингвистом школы де Соссюра является его ученик **Ш. Балли** (1865—1947); его основные работы: «Французская стилистика» (1909, рус. пер. 1961), «Язык и жизнь» (1913), «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1932, рус. пер. 1955).

С именем де Соссюра связана также деятельность **Парижской лингвистической школы**. К ней принадлежат **А. Мейе** и его ученик **Ж. Вандриес** («Язык. Лингвистическое введение в историю», 1921; рус. пер. 1937), **М. Граммон** и **М. Коэн**¹.

А. Мейе (1866—1936) — один из крупнейших специалистов в области общего и сравнительно-исторического языкознания, бессменный (с 1906 г.) секретарь Парижского лингвистического общества и редактор его «Бюллетеней», организатор парижского Института славяноведения и редактор его органа «Славянское обозрение». Как компаративист Мейе создал ряд обобщающих работ по сравнительной грамматике индоевропейских языков (германских, древнеармянского, древнегреческого, древнеперсидского, латинского, старославянского, тохарского языков). В 1932 г. Мейе вместе со своим учеником **А. Эрну** издал «Этимологический словарь латинского языка», в основу которого, по мнению Щербы, положены и этимологический, и исторический принципы. Еще ранее, в 1924 г., вместе с Коэном Мейе издал обзорную работу «Языки мира». Общелингвистические взгляды Мейе изложены во многих книгах и статьях (он автор 24 книг и 540 статей).

* * *

Сравнительно-историческое языкознание, социологическое, логическое, психологическое и неограмматическое направления с их различными школами, разнообразием идей и методик исследования — вот то классическое наследие, которое получило языкознание XX в. К нему надо еще добавить достижения более ранних этапов развития языкознания (особенно всеобщую универсальную грамматику, нормативное языкознание и философию языка). Следовательно, «традиционное» языкознание было весьма развитым и представлять его как единую школу нельзя.

¹ См.: **Соммерфельт А.** Французская лингвистическая школа. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965.

Библиография

- Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1968.
- Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956, с. 34—93.
- Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. — В его кн.: Избр. работы по русскому языку. М., 1957.
- Леонтьев А. А. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6.
- Черепанов М. В. Н. В. Крушевский как представитель Казанской лингвистической школы. Казань, 1958.
- Петерсон М. Н. Ф. Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа. — «Уч. зап. МГУ», 1946, вып. 107, т. 3, кн. 2.
- Щерба Л. В. Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке. — «Вопросы языкознания», 1963, № 5.
- Стариков Д. В. Синтаксические воззрения Ф. Ф. Фортунатова и его школы. — «Философские науки», 1960, № 3.
- Бедов А. И. А. М. Пешковский как лингвист и методист. М., 1958.
- Будагов Р. А. Ф. де Соссюр и современное языкознание. — В его кн.: Язык, история и современность. М., 1974.
- Слюсарева Н. А. Главное в лингвистической концепции Ф. де Соссюра. — «Иностранные языки в школе», 1968, № 4.
- Кацнельсон С. Д. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра. — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1967, т. 354.

Глава 5

ЯЗЫКОЗНАНИЕ XX В. И СТРУКТУРАЛИЗМ

30—60-е годы нашего века характеризуются бурным развитием всех наук, в том числе и языкознания. Развивается теоретическое языкознание, расширяется и углубляется его практическое применение. Возникают новые лингвистические школы и направления, появляются новые аспекты лингвистики, новые лингвистические дисциплины, уточняются и совершенствуются методики лингвистических исследований и преподавания языка.

Новый этап в истории лингвистики воспринимается иногда как период возникновения и расцвета структурного и математического языкознания. Новейшие направления сформировались и окрепли в середине XX в., тогда как другие направления возникли раньше, однако и структурно-математическая лингвистика, и традиционное языкознание XX в. продолжают и развивают то, что было подготовлено и подсказано языкознанием XIX в.

По-прежнему развиваются сравнительно-историческое и типологическое языкознание, социалингвистика и менталингвистика, лингвистика отдельных ярусов языковой структуры. По-прежнему сильны позиции лингвистического логизма и психологизма. По-прежнему актуальны проблемы принципов и методов лингвистики, ее философской основы и практической направленности.

Однако изменения, которые претерпевает лингвистика, очень существенны, возникают новые школы и направления, меняется «география» лингвистики: наряду с немецкой, французской, итальянской развивается лингвистика советская, американская, чешская как ведущие отряды современного языкознания.

Существенные сдвиги в современном языкознании происходят как в результате внутреннего развития «старых» школ и направлений, так и под влиянием новых школ и направлений, требований современного общества. Так, например, сравнительно-историческое языкознание вступает в третий период своего развития. Он характеризуется расширением фактической базы, пересмотром проблемы праязыка, уточнением приемов сравнительно-исторического метода. Внешним проявлением этого перелома является, с одной стороны, применение структурных методов в сравнительно-историческом языкознании (особенно в связи с возникновением ларингальной гипотезы), а с другой стороны — появление неолингвистики. Начало этому направлению положил «Краткий очерк неолингвистики» Дж. Бертони и М. Бартоли (1925); основные принципы неолингвистики изложены в статье Дж. Бонфанте «Позиция неолингвистики» (1947). Была выдвинута проблематика а р е а л ь н о й л и н г в и с т и к и, поставленная еще младо- и неограмматики.

Эти лингвистические направления, получив различное переосмысление, стали предшественниками современного сравнительного, структурного и социологического языкознания. Социологическое языкознание также уточняет свою проблематику, оно развивается то как учение о социальных типах и формах существования и контактирования языков, их социальной дифференциации, то как учение о норме языка, его стилях и литературном языке, то уделяет основное внимание вопросам этно- и психолингвистики.

Продолжает развиваться и менталингвистика — лингвистическое направление, изучающее связь языка с мышлением, самую языковую семантику; происходит размежевание логико-грамматического и логико-математического языкознания, моделирования языка и семантико-психологического и интуитивно-дедуктивного изучения текста и речевой деятельности.

Проблема динамизма и устойчивости языка, внутренней структуры ярусов и внешней структуры стилей, предмета и метода языкознания, теории и практики — все это получает разнообразное освещение и разработку, так что ни одна современная школа, ни один метод, ни одна лингвистическая концепция, взятая в отдельности, не дает полного представления о современной науке о языке. Современное языкознание — развитая наука, включающая разные школы и направления, различные аспекты, проблемы и методики. Именно это обеспечивает языкознанию возможность решать разнообразные задачи, которые ставит перед ним современное общество.

Этот сложный процесс развития лингвистики сопровождается многочисленными дискуссиями о структурализме, особенно в советском языкознании. Если до 1956 г. отношение к структурализму

было критическим, то позднее он был оценен положительно, как новый этап в развитии лингвистики (см. с. 109). Структурализм, как и любое лингвистическое направление, требует конкретно-исторического подхода, вскрытия его генезиса, разбора школ, положительного и отрицательного в работах языковедов структурального направления.

Термин «структурализм» впервые употреблен в статье Х. Поса в 1939 г., хотя само лингвистическое направление возникло раньше, сначала как развитие идей, высказанных Ф. де Соссюром (соссюрианство). Однако вскоре, особенно в конце 30-х годов, структуральная лингвистика стала обособляться, появляются различные школы структурализма.

Структурализм возник как продолжение неограмматизма, как отрицание младограмматизма с его вниманием к истории языка и его отдельным явлениям, как отрицание психологического и социально-психологического направлений с их эмпирическими и индуктивными построениями.

Возникновение структурализма обусловлено развитием науки в XX в. Идея элементов и структуры проникает в различные науки; структуральные направления возникают в литературоведении, этнографии, истории, эстетике, искусствоведении, психологии, социологии; развитие неопозитивизма и символической логики вызвало интерес к методике научного анализа, к построениям дедуктивного и аксиоматического типа.

Языковеды XIX в. обнаружили и показали противоречивую природу языка, асимметрию языкового знака как двусторонней сущности, соотношение между единицей языка и ее местом в системе, возможность двойного рассмотрения одного и того же факта. Например, в слове *сыновий* мы можем выделить суффикс *-н-* (основа *сынов-*) и суффикс *-овн-* (основа *сын-*)¹, различно истолковав словопроизводный процесс и словообразовательную модель. Справедливость того или иного суждения требует дополнительного исследования фактического материала и словообразовательных структур.

Иногда считают, что для структурализма характерно изучение структуры языка, языка как целого. Верно, что структурализм обратил особое внимание на обусловленность языковых явлений структурой языка. Но так же верно и то, что структурализм односторонне преувеличил роль этой структурности, исключив из поля зрения обусловленность языковых значений экстралингвистическими факторами и качественную определенность отдельных единиц языка и явлений речевой деятельности. Структурные исследования могут быть и не структуралистическими (см. гл. 8).

Общим для работ структурального направления является признание следующих постулатов:

1) язык является знаковой (семиотической) системой; структурность языка, его уровневое членение оцениваются как его существен-

¹ Выделяют еще интерфиксы, т. е. делят: *сын-* основа, *-н-* суффикс, *-ов-* интерфикс.

ное свойство, а внутренние отношения единиц одного и того же функционального образования и иерархия уровней абстракции признаются более важными, чем их связи с внеструктурной действительностью, которые проявляются лишь при функционировании языка, при его вхождении в текст и ситуацию речи;

2) основными единицами языка считаются фонемы и морфемы (морфемы — база для образования слов и конструкций). Фонемы и морфемы рассматриваются как наборы дифференциальных признаков или типовых окружений. Парадигматические и синтагматические отношения истолковываются как основные формы существования структурных единиц языка;

3) синхроническому описанию языка отдается предпочтение сравнительно с изучением его истории и диахронии (так, в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» сказано: «Лучший способ для познания сущности и характера языка — это синхронный анализ современных фактов»);

4) методика лингвистического описания структурных единиц языка занимает первостепенное место в структуральных исследованиях, оттесняя на второй план изучение реальности языковых единиц и категорий, которые трактуются как дедуктивные построения и противопоставляются тексту как единственной реальности.

Методическая общность структуральных школ проявляется в ограничении уровней наблюдения и конструктов (или иначе — речи и языка, текста и системы, поведения и модели), в применении приемов оппозиций в парадигматике и дистрибутивных приемов в синтагматике.

Методологически структурализм является одним из современных течений лингвистического логизма (что особенно проявляется в концепции Л. Ельмслева), по своей философской основе сближающегося в ряде случаев с неопозитивизмом и однородными ему философскими направлениями.

Структурализм как лингвистическое направление имеет свою историю, так что можно говорить о раннем (30—40-е годы) и позднем (60—70-е годы) структурализме.

Основными школами структурализма являются: Пражская лингвистическая школа (функциональная лингвистика), Йельская лингвистическая школа (дескриптивная лингвистика) и Копенгагенская лингвистическая школа (глоссематика). Советские сторонники структуральной лингвистики не образовали единой школы; кроме того, у нас структурализм, начав развиваться довольно поздно, сомкнулся с математической лингвистикой и инженерным языкознанием (см. с. 108—110).

§ 13. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Пражский лингвистический кружок был основан в 1926 г. В. Матезиусом (1882—1945). «Русское ядро» кружка составили Р. О. Якобсон; Н. С. Трубецкой, С. И. Карцевский. К этой школе принадлежали также известные чешские ученые Б. Гавранек и В. Скаличка. Идеи

Пражского кружка поддерживали и развивали ученые других стран — француз А. Мартине, австрийский лингвист К. Бюлер, советские языковеды Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Р. И. Аванесов и некоторые другие.

В 1929 г. в связи с I съездом славистов в основном журнале кружка «Travaux du Cercle linguistique de Prague» (выходил по 1939 г., в 1964 г. издание возобновлено) были опубликованы «Тезисы Пражского лингвистического кружка». Работы ученых кружка печатались также в чешских журналах «Slovo a slovestnost», «Slavia», «Československá rusistika».

Система и функции языка

Девиз Пражского лингвистического кружка можно выразить двумя словами: система и функция. Требования структурно-системного и функционально-целевого изучения языка являются основными.

Функцией называется задача, цель речевой деятельности; «язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели»¹, поэтому «к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения». Функциональный подход, или функциональная модель языка, охватывает полифункциональность языка и речевой деятельности (речи), а потому включает учение о разных функциях языка и функциональных стилях (= языках; см. с. 86—87) и учение о функциональном строении речевой деятельности².

Понимание функций языка как функции речевой деятельности основывается на учении Бюлера о языковых функциях и инструментальной модели языка (Organonmodell). Психические способности человека — мыслить, чувствовать и выражать волю — порождают три функции языка — коммуникативную (функцию сообщения, Darstellungsfunktion), функцию выражения (Ausdrucksfunktion) и функцию обращения (Appelfunktion). Этим функциям соответствуют три типа высказываний (повествовательное, восклицательное и побудительное) и структура языкового знака в речевом акте, механизм (Organonmodell) которого включает семантические отношения языкового знака к предмету сообщения, говорящему и слушателю. Коммуникативная функция связывается с интеллектуальным мышлением и способом общения; ей противопоставляется аффективная (эмотивная, эмоциональная) функция, которая истолковывается психологически как контакт «заражения» слушателя при помощи интонационно-фонетических средств, «косвенных» наклонений глагола, побудительных, вопросительных, неполных предложений, жестов, ситуаций высказывания и т. п., т. е. при помощи различных симптомов и сигналов, которые полагаются на нейтральные языковые символы, придавая им экспрессивный или побудительный смысл.

¹ «Тезисы», а также отрывки из статей В. Матезиуса и Б. Гавранка цит. по кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

² См.: Бюлер К. Теория языка. Структурная модель языка. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания в очерках и извлечениях, ч. 2. М., 1965.

Внимание к неинтеллектуальным компонентам речи создало учение о поэтическом языке, речевых приемах и об актуальном членении предложения. При этом делался упор на психологию, продолжалось решение проблем психологического языкознания.

Напротив, учение о системе языка опиралось на логику и продолжало изучение проблем логического языкознания. Требование системности так же необходимо в изучении языка, как и требование функциональности. «Ни одно явление в языке, — записано в «Тезисах», — не может быть понято без учета системы, к которой оно принадлежит».

Сама системность понимается как абстрактность и потенциальность языка, в отличие от конкретности и реальности речи. Хотя языкознание и исходит из речи отдельных лиц, обобщая все наблюдаемые явления, оно должно считаться со статистическим колебанием этих явлений и поэтому представлять язык как некую потенциальную абстракцию, изучаемую при помощи методики, признающей разные уровни абстракции.

Условием включения явления в систему является выделение его различительных признаков и рассмотрение языковых категорий как оппозиций. Представители Пражского кружка выявили дифференциальные признаки фонем и морфем, разработали учение о языковых оппозициях, причем между фонологическими и морфологическими оппозициями установили структурно-логический изоморфизм, так что учение о категориях системы языка было истолковано как процедурно-методическое.

Фонология

Бесспорной заслугой Пражского кружка является создание фонологии. «...Фонология, — писал Матезиус, — становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем и гордостью исследования младограмматиков». Наиболее полно фонология изложена в книге Трубецкого «Основы фонологии» (1939, рус. пер. 1960).

Считая, что язык, в отличие от речи, представляет собой нечто общее и постоянное и лежит вне меры и числа, Трубецкой различает две науки: фонетику — учение о звуках речи — и фонологию — учение о звуках языка.

Фонема — кратчайшая фонологическая единица языка; конкретные звуки речи являются скорее всего материальными символами фонем. Фонемы, различая слова, сами по себе характеризуются различительными (дифференциальными) и неразличительными признаками. Различительные признаки образуют фонологические оппозиции.

Фонема как член оппозиции не совпадает с конкретным звуком, а является совокупностью фонологически существенных (релевантных) признаков, которые образуют ее содержание. Поскольку фонема определяется через смысловозначительную оппозицию, постольку

логическая классификация оппозиций¹ занимает центральное место в фонологической теории Пражского лингвистического кружка. «Никогда не следует забывать, — подчеркивает Трубецкой, — что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру»².

Оппозиции изучаются с точки зрения их логической структуры и представленности в реальных языках. По мнению Трубецкого, оппозиции могут классифицироваться по трем основаниям — по отношению к системе оппозиций, по отношениям между членами оппозиции и по действительности в различных позициях.

По первому основанию оппозиции делятся на одномерные и многомерные, пропорциональные и изолированные. В многомерных оппозициях совокупность общих признаков, служащая основанием сравнения, не ограничивается членами данной оппозиции, образуя гетерогенную (неоднородную) оппозицию. Так, оппозиция ⟨p⟩ и ⟨t⟩ не допускает в промежутке между своими членами третьего члена, который составил бы с данными фонемами одну однородную оппозицию; ср.: ⟨z⟩ и ⟨t⟩, где третий член ⟨d⟩ (или ⟨s⟩) может образовать гомогенные (однородные) оппозиции: ⟨z⟩ и ⟨d⟩, ⟨t⟩ и ⟨d⟩, ⟨z⟩ и ⟨s⟩, ⟨t⟩ и ⟨s⟩. В отличие от изолированных, пропорциональные оппозиции имеют тождественные отношения между членами, например, ⟨d⟩ и ⟨t⟩, ⟨z⟩ и ⟨s⟩.

По отношению между членами оппозиции бывают трех типов — привативные (например, противопоставление звонкого не звонкому согласному), ступенчатые (градуальные, например, ⟨i⟩ и ⟨e⟩, где противопоставление членов оппозиции базируется на степени раствора речевого аппарата) и равнозначные (эквивалентные, например, ⟨p⟩ и ⟨t⟩). Трубецкой при этом указывает, что гетерогенные многомерные оппозиции, как и эквивалентные, — самые частые в любом языке. И тем не менее тип привативных оппозиций исключительно важен для фонологии. В привативных оппозициях один член оппозиции (признаковый, маркированный) характеризуется наличием признака (звонкий, лабиализованный и т. п.), тогда как другой член оппозиции (беспризнаковый, немаркированный) — его отсутствием (незвонкий, нелабиализованный и т. п.). Члены привативных одномерных оппозиций образуют коррелятивные пары, изучению которых уделяется особое внимание.

Наконец, по действительности оппозиции делятся на постоянные и нейтрализуемые; при нейтрализации специфические признаки фонологической значимости теряются, но сохраняются общие признаки. Так, в позиции конца русского слова звонкие согласные оглушаются; например, *много колс* содержит архифонему, т. е. сово-

купность смысловозначительных признаков двух фонем — ⟨s⟩ и ⟨c⟩ (ср.: *коза* и *коса*). Нейтрализуются одномерные оппозиции, обычно однородные. Комбинаторные изменения звуков, приводящие к появлению архифона, называются контекстной нейтрализацией; позиционные изменения, зависящие от позиции фонемы в слове, — структурной нейтрализацией.

Морфологические оппозиции и функциональный синтаксис

Морфологическая проблематика Пражского кружка ограничивается изучением морфемы и морфологических оппозиций (например, оппозиций глагольных времен), нейтрализации оппозиций (например, нейтрализации родов во множественном числе), совокупности оппозиций. Так, имя существительное в русском языке понимается как способность слова, принадлежащего к этой части речи, участвовать в оппозициях падежей, чисел и родов.

Логическая классификация оппозиций, разработанная для фонологии, применяется и для морфологии, поскольку признается принцип изоморфности фонологического и морфологического исследования. Эти принципы Пражского кружка были обоснованы в работах В. Скалички «О грамматике венгерского языка» (1935) и Р. О. Якобсона «Очерк общего учения о падеже» (1936).

Как Трубецкой придавал большое значение привативным оппозициям, так и Якобсон при исследовании морфологических категорий (на материале категорий русского глагола и падежа русского имени) исключительно важным считает принцип неравноправности (асимметрии) морфологической коррелятивной оппозиции. Общее значение, по его мнению, выражается в том, что одна морфологическая категория (= член морфологической оппозиции) несет позитивный признак, другая же отрицает его, поэтому частные значения беспризнаковой категории определяются контекстом и ситуацией. Якобсон, возражая против положительности значений коррелятивных категорий, писал: «В действительности общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I возвещает о присутствии А, то категория II не сообщает о присутствии А, т. е. не говорит ничего о том, присутствует А или нет. Общее значение категории II в сравнении с категорией I ограничивается отсутствием «сигнализации А». В этом случае, если в определенном контексте категория II сообщает об отсутствии А, это является лишь одним из употреблений данной категории: это значение обусловлено ситуацией».

Учение Якобсона об общих и частных значениях (как и учение Е. Куриловича о первичных и вторичных функциях) опирается на противопоставление языка и речи, единицы языка и контекста, окружения¹. Якобсон подчеркивал, что «вопрос об общих падежных значениях принадлежит учению о словосочетании, так как общее значение падежа независимо от его окружения, в то время как его отдельные значения определяются разного рода словосочетаниями, т. е. различными формальными и вещественными значениями окружающих слов».

¹ См.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 175—203.

¹ Следует иметь в виду работу Ч. Огдена «Оппозиция. Лингвистический и психологический анализ» (Лондон, 1932).

² Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960, с. 74.

Морфология как раздел теории лингвистической номинации в учениях Пражского лингвистического кружка была противопоставлена синтаксису как теории синтагматических способов. Языку принадлежат не только формы слов, включенные в те или иные оппозиции, но и формулы предложений. В синтаксисе противопоставление языка и речи ведет к разграничению предложения и высказывания. «...В языке, — писал Матезиус, — слово выступает в своем концептуальном аспекте, а предложение — как абстрактная модель; в речи же слово соотносится с конкретной действительностью, а предложение реализуется как конкретное высказывание».

Большую известность получило учение Матезиуса об актуальном членении предложения, соотносящее логический и психологический синтаксис. Если при формальном (логическом, логико-грамматическом) членении основными элементами являются грамматический субъект и грамматический предикат, то при актуальном членении выявляются основа и ядро высказывания. «Основные элементы актуального членения предложения — это исходная точка [или основа] высказывания, т. е. то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, т. е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания». Актуальное членение открывает функциональную перспективу предложения. Средствами актуального членения предложения являются интонация и порядок слов.

Функциональные стили и культура языка

Представители Пражского кружка разрабатывали теорию литературного языка, его нормы и кодификации, стилей языка, особенно поэтического, теорию культуры речи. Интерес к этой проблематике был обусловлен как теорией функциональности, так и практическими задачами, вызванными особенностями развития чешского литературного языка.

Если в фонологии и грамматике функция понималась как смысловоразличительный компонент оппозиций и контекстное добавление, то в стилистике она интерпретировалась не только как семантическая, но и как социальная. Разграничение языка и речи вело к разграничению функционального языка и функционального стиля.

Классификация функциональных языков и стилей дана Б. Гавранком в статье «Задачи литературного языка и его культура» (1932). Литературный язык противостоит народному, характеризуясь кодифицированностью нормы и полифункциональностью. Различные функции литературного языка рождают функциональные языки, а их применение — функциональные стили. Различие между ними, по мнению Гавранка, заключается в том, что «функциональный стиль определяется конкретной целью того или иного высказывания и представляет собой функцию высказывания, т. е. «речи» (parole), в то время как функциональный

язык определяется общими задачами нормативного комплекса языковых средств и является функцией языка (langue)».

В Пражском лингвистическом кружке были разработаны «Общие принципы культуры языка» (1932), при этом их создатели допускали вмешательство людей в развитие литературного языка. Культурой литературного языка называется его сознательная обработка. Деятельность языковедов должна быть направлена на поддержку стабильности литературного языка и на сохранение его функциональных различий и стилистического богатства. А это требует теоретического познания нормы и ее кодификации, что и было сделано прежде всего в работах Гавранка.

Как сведение морфологии к морфологическим оппозициям ограничило и исказило задачи изучения системы языка, так и принцип функциональности привел к преувеличению самостоятельности функциональных образований языка. «Каждая функциональная речевая деятельность, — утверждает в «Тезисах», — имеет свою условную систему — язык в собственном смысле». Такие функциональные образования, как деловой стиль, научный стиль, поэтический и т. п., рассматриваются как особые языки. Литературный язык и поэтический язык рассматриваются как языки различные, отличающиеся друг от друга и от народно-разговорного языка (ср. с. 174, 176). Правильно подчеркивая, что в поэтическом произведении его элементы не могут быть поняты вне связи с целым, представители Пражского кружка, как и представители ОПОЯЗ, неправильно истолковывали поэтический язык только как структуру словесного выражения, а потому независимую и автономную по отношению к идейной стороне произведения.

§ 14. ДЕСКРИПТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Эта лингвистическая школа возникла в США. Она продолжала развивать традиции как европейские, так и возникшие в Америке. Расцвет дескриптивной лингвистики падает на 1933—1957 гг., но это направление никогда не представляло американское языкознание в целом.

Американское языкознание и дескриптивизм

У истоков американского языкознания стоят Э. Сепир и Л. Блумфилд. Другие языковеды в той или иной степени продолжают их традиции.

Э. Сепир (1884—1939) является родоначальником этнолингвистики и типологического изучения языков; его идеи получили дальнейшее развитие в исследованиях Б. Уорфа и Дж. Гринберга. Основная работа Сепира — «Язык» (1921, рус. пер. 1934). Как и Ф. Боас («Руководство по языкам американских индейцев», 1911—1922), Сепир является крупнейшим исследователем языков коренных народов США, Канады и Мексики.

Влияние Сепира можно обнаружить как в работах ученых, непосредственно продолжавших разработку интересовавших его проблем, так и в трудах по социолингвистике и психолингвистике, которые появились позднее. Несомненно влияние Сепира также на развитие структурального языкознания в Америке.

Менее разнообразное, но более сильное в определенном направлении влияние оказал на американское языкознание Л. Блумфилд (1887—1949), автор книги «Язык» (1933, рус. пер. 1968)¹. Блумфилд обосновал необходимость формального описания языка в «физических» терминах, разработал общую методику и исследовательские приемы. Он был родоначальником того направления в американском языкознании, которое получило наименование дескриптивной лингвистики, или Иельской школы американского языкознания.

Кроме Блумфилда к этой школе принадлежат **Б. Блок** и **Дж. Трейгер** («Очерк лингвистического анализа», 1942), **З. Харрис** («Метод в структуральной лингвистике», 1951, и «Структуральная лингвистика», 1961), а также **Ч. Хоккет** («Руководство по фонологии», 1955, и «Курс современной лингвистики», 1958) и **Г. Глисон** («Введение в дескриптивную лингвистику», 1955; рус. пер. 1959). Органом дескриптивной лингвистики стал журнал «Language», который издается лингвистическим обществом Америки.

Для американского языкознания и психологии характерно понимание речевой деятельности как словесного поведения (verbal behaviour), как реакции говорящего на ту или иную ситуацию. Язык — это система сигналов, имеющих внешние и внутренние связи, поэтому языкознание делится на металингвистику (долингвистику) и микрولингвистику (лингвистику).

Металингвистика изучает внешнюю сторону словесного поведения; она объединяет такие дисциплины, как этнолингвистика, психолингвистика, социолингвистика, менталингвистика, фонетика (изучение акустических и артикуляционных свойств звуков), паралингвистика (изучение околоречевых явлений — жестов, интонации и т. п.).

Микрولингвистика занимается описанием словесных сигналов без обращения к металингвистическим фактам и истории. Это наука о выражении, а не о значении. Единственной реальностью является текст (речевой отрезок). Язык признается линейной сущностью, а мельчайшие отрезки текста — единицами; слово (word) понимается как последовательность фонем и морфем (фонетическое и морфематическое слово). Реальность единиц и категорий языка подвергнута сомнению, а роль методики анализа признается самоценной. Это и есть дескриптивизм как лингвистическое мировоззрение.

Методика описания и метаязык

Сузив и ограничив предмет изучения, дескриптивисты направили свои усилия на разработку и усовершенствование методики лингвистического описания и уточнение лингвистической терминологии.

¹ Манифестом новой теории и методики стала статья Блумфилда «Ряд постулатов для науки о языке» («Language», 1926, vol. 2, No. 3).

Представления, возникающие в результате методических процедур, признаются не моделью объекта, а моделью описания. Они являются набором предписаний об описании (по формулировке Р. Уэллза) или *hocus-rocus approach* (по выражению Ф. Хаусхолдера)¹. Эта принципиальная установка дескриптивистов на описание, а не на объяснение фактов языка является отражением философского и естественнонаучного неопозитивизма.

Основным приемом лингвистического анализа текста является его сегментация и инвентаризация сегментов. Отрезки речевого потока (текста) выделяются путем подстановки (с у б с т и т у ц и), позволяющей выявить повторяющиеся сегменты. Они становятся единицами наблюдения и анализа.

Идентификация (отождествление) сегментов осуществляется при помощи дистрибутивной методики. По мнению Харриса, главной задачей дескриптивной лингвистики является изучение отношения распределения (дистрибуции) или порядка расположения (аранжировки) отдельных частей, или черт, речи относительно друг друга в процессе речи.

Уточнение методики описания сопровождается созданием новой терминологии, которая настолько разнообразна, что появилась необходимость в специальном терминологическом словаре. В 1957 г. вышел «Словарь американской лингвистической терминологии» Э. Хэмпса (рус. пер. 1964). Терминология дескриптивной лингвистики отражена и в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (1966).

Фонемика и морфемика

Структура языка понимается дескриптивистами как структура выражения, которая образуется распределением двух основных единиц языка — фонем и морфем. Центральными разделами дескриптивной лингвистики являются фонология и морфология. Фонология делится на фонемикку (учение о системе фонем того или иного языка) и фонотактику (учение о классах фонем и их сочетаемости, т. е. аранжировке). Морфология делится на морфемикку (учение о системе морфем того или иного языка) и морфотактику (учение о сочетании морфем в более сложные последовательности); к морфологии относится также морфофонемика, соответствующая морфофонологии Трубецкого (см. с. 146—147).

Фонема понимается как звуковой тип, представляющий собой чередующийся ряд звуков, совокупность фонем, выявляемых при свободном варьировании. Кроме сегментных фонем (гласных, согласных и полугласных) дескриптивная фонология выделяет также суперсегментные фонемы — просодемы. Просодемами называются фонемы ударения, фонемы тона и высоты тона, фонемы интонации и фонемы стыка (juncture). Чередования разных фонем в пре-

¹ Подход фокусника, эквилибристский подход. В американской лингвистике используются в данном случае термином «model», тогда как модель-образец, обобщенно отражающий свойства объекта, обозначается термином «pattern», введенным Сепиром.

делах морфемы, представляющие собой фонологические трансформации, относятся к морфологии.

В дескриптивной лингвистике морфема является важнейшей единицей языка, так как ее структура охватывает фонемы, а инвентарь морфем охватывает лексику, и признается, что слово можно описать через морфемы. Так, не надо, например, в словарь латинского языка включать слово *urbanus* — *городской*, достаточно указать лишь морфемы *urb-* — *город-*, *-an-* — *-ск-* и *-us* — *-ой*.

Дескриптивная морфология асемантична и аналитична; анализ грамматического строя осуществляется в терминах морфем и их сочетаемости. Морфема линейна, она также сегмент текста. Морфема есть совокупность м о р ф — кратчайших последовательностей фонем, имеющих общую дистрибуцию. Отождествление морф как алломорф одной и той же морфемы осуществляется при помощи субституции (или сравнения высказываний). Тождество морф, их принадлежность одной морфеме, по Харрису, считается доказанным, если они: а) имеют одно значение (например, *-ы* и *-а* в *стол-ы* и *город-а* являются алломорфами одной морфемы, так как имеют значение множественного числа); б) находятся в отношении дополнительной дистрибуции (*-бр-*, *-бер-* и *-бер-* являются алломорфами, так как имеют дополнительную дистрибуцию: *бр-ать*, *бер-у* и *бер-ешь*); в) встречаются в параллельных конструкциях, в которых употребляются неварьирующиеся морфемы того же класса.

Поскольку морфема линейна по структуре и по употреблению, постольку в дескриптивной лингвистике актуальной является не только проблема нулевой морфы, ранее разработанная в неограмматизме, но и проблема прерывистой, слитной и пустой морфы.

Конструкция и ее анализ

Поскольку слова, появившиеся в результате словообразования и словоизменения, соединяются в более крупные сочетания, постольку в грамматике выделяется синтаксис, который, по определению Глисона, изучает принципы аранжировки слов. Как при изучении морфем дескриптивисты опирались на открытия, сделанные Казанской лингвистической школой, так при изучении синтаксиса они опирались на достижения грамматики Пор-Рояля и разрабатывали проблемы, выдвинутые Московской лингвистической школой.

Основной синтаксической единицей признается конструкция и я — любая значащая группа слов или морфем. Конструкция состоит из составляющих и сама может быть составляющим более крупной единицы. Иначе говоря, термин «конструкция» употребляется в том же значении, что у нас имеет термин «словосочетание». Поскольку конструкция состоит из непосредственно составляющих (НС) и их аранжировки, постольку синтаксический анализ дескриптивистов сводится к выявлению НС и дерева НС.

Каждая пара НС содержит ядро и спутник, т. е. независимый и зависимый элементы. Ядрами являются те члены, которые определяются при первом выделении элементов. Так, сравнение предло-

жений *Король Англии открыл парламент* и *Джон работает* показывает, что в первом предложении ядрами являются *король/открыл*. Синтаксические морфемы объединяются со спутниками, выражая их отношения. Так, в конструкции *the king of England* предлог *of* объединяется с *England* в одно НС: *the king/of England*.

Каждый язык располагает набором центральных и периферийных конструкций, которые можно исчислить, вывести правила деривации, а каждое предложение проанализировать как цепочку зависимостей, представив его как дерево составляющих, т. е. формализовав развертывание предложения, его иерархическую структуру. Так, предложение *Всего, труднее было мне проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении* (Пушкин) имеет структуру



Трансформационная методика и порождающая грамматика

Дескриптивная модель описания языка была аналитической и линейной. Несмотря на разработанность дистрибутивной методики и эвристической техники, формализовавшей интуитивные представления, полученные результаты оказались весьма скромными и не удовлетворили ни традиционную, ни структуральную грамматику. Отмечается поверхностность и формальность методики, ограничивающие ее возможности только инвентаризацией и классификацией выделенных при анализе элементов.

Хоккет обратил внимание на традиционную модель, назвав ее «слово и парадигма». В свою очередь Харрис предложил трансформационную методику, которая дает возможность определять формальные отношения между предложениями, позволяющие рассматривать структуру одного предложения в качестве трансформации структуры другого (например, актив и пассив или вопрос и ответ)¹. Его ученик Н. Хомский² разработал трансформационную методику порож-

¹ Харрис З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. — Цит. по кн.: Новое в лингвистике, вып. 2. М., 1962, с. 528.

² См.: Уленбек Э. М. Еще раз о трансформационной грамматике. — «Вопросы языкознания», 1968, № 3, 4; Хомский Н. Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике. — «Вопросы языкознания», 1962, № 4; Хольбиг Г. Учение Харриса и Хомского о трансформациях в языке. — «Иностранные языки в школе», 1966, № 5—6 и 1969, № 5.

дающей грамматики. Основными работами Хомского являются: «Три модели описания языка» (1956, рус. пер. 1961); «Синтаксические структуры» (1957, рус. пер. 1962), «Логические основы лингвистической теории» (1962). В 1958 г. была опубликована работа Д. Уорса «Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке» (рус. пер. 1962).

Работы Хомского опровергли формально-линейный синтаксис дескриптивистов. Он вернулся к идеям синтаксических парадигм и логических основ синтаксической теории, причем предметом синтаксиса стал не анализ текста, а порождение текста в результате речевой деятельности говорящих. Язык рассматривается не как набор единиц языка и их классов, а как своеобразный механизм, создающий правильные (или отмеченные) фразы.

Языковая деятельность как порождающий механизм не выводится из материала, а дедуктивно моделируется; текст не анализируется, а синтезируется. Предписание лингвистического исследования становится подчеркнуто операциональным, широко используются понятия и методики математической логики. Трансформационная методика позволяет вскрыть связи между разными уровнями языка и обнаружить глубинные, семантические структуры.

Выделяются синтаксические структуры двух родов — ядерные (*kernel sentences*) и неядерные (*non-kernel sentences*), являющиеся трансформами ядерных предложений; их описание содержит правила соединения элементов и правил классификации. Это описание осуществляется при помощи трансформационной методики.

Трансформации понимаются как формальные операции, необходимые для того, чтобы из простого (ядерного) предложения получить более сложное как глубинную структуру и трансформу. Хомский выделяет 24 типа трансформаций и разрабатывает «алгебру трансформации», т. е. последовательность трансформаций, если она не единственная. Среди трансформационных операций выделяются основные: а) замена одного элемента другим (субституция, например: *Я знаю, что он взял* → *Я знаю это*); б) перестановка элементов (пермутация, например: *Иван приехал* → *Приехал Иван?*); в) добавление элемента (адъюнкция, например: *Иван пришел* → *Иван не пришел, Иван ли пришел?*); г) исключение элемента (эллипсис, например: *Они говорят, что дождь идет* → *Говорят, что дождь идет*).

Теория порождающей грамматики Хомского обратила внимание на логические основы синтаксической деривации, на взаимосвязь и динамику синтаксических структур. Однако речевая деятельность и порождение предложений рассматриваются в этой теории только с точки зрения операций мышления и создания формул предложения — синтаксических конструкций.

Порождение конкретных предложений как правильных, свойственных тому или иному языку, порождающая грамматика определить не может, исключив из теории предложения лексическую наполняемость и ее вероятность появления в тексте. Поэтому Хомский принужден «сделать вывод, что грамматика автономна и независима от значения и что вероятностная модель не дает особого проникновения

в сущность основных проблем синтаксической структуры»¹. Лингвистика понимается как учение о языковедческих теориях, которые оцениваются с точки зрения приемов и методики создания грамматики.

Следовательно, при всем различии предписаний дескриптивистов о процедурах описания текста и правил описания механизма порождающей грамматики они сходны в том, что методика описания занимает центральное место. Реальный язык с его словарным составом и исторической обусловленностью, его семантика остаются за пределами исследования.

§ 15. ГЛОССЕМАТИКА

Копенгагенский кружок структуралистов возник в начале 30-х годов. С 1934 г. издается «Bulletin du Cercle linguistique de Copenhague», а с 1939 г. — «Acta linguistica», в первом выпуске которого помещена статья Брэндаля «Структурная лингвистика».

Кроме В. Брэндаля и Х. Ульдалля («Основы глоссематики», 1957) в Копенгагенский кружок входит Л. Ельмслев (1899—1965). Его основные работы: «Принципы общей грамматики» (1928), «Основы лингвистической теории» (1943; рус. пер. «Пролегомены к теории языка», 1960)².

Глоссематика³ (термин введен в 1936 г.) Ельмслева и Ульдалля является попыткой создать аксиоматическую теорию лингвистики. Сам Ельмслев подчеркивал, что «между логиками и лингвистами должно быть особенно тесное сотрудничество»⁴, и указывал на связь его теории с работами А. Уайтхеда, Б. Рассела и особенно Р. Карнапа. В теории Ельмслева, являющейся «имманентной алгеброй языка», вводится метод дедуктивного алгебраического исчисления, независимого от языковой реальности. Важным признается «понимание языка как чистой структуры соотношений, как схемы, как чего-то такого, что противоположно той случайной (фонетической, семантической и т. д.) реализации, в которой выступает эта схема»⁵.

Схема, норма и узус

Рассматривая сосюроевское противопоставление языка и речи, Ельмслев, поймав речь как индивидуальный акт, противопоставляет ей схему, норму и узус. Схема понимается как чистая форма;

¹ Хомский Н. Синтаксические структуры. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2, с. 421.

² Русские переводы работ Ельмслева и Ульдалля помещены в сборнике «Новое в лингвистике» (вып. 1. М., 1960).

³ От греч. γλῶσσα — язык.

⁴ «Пролегомены к теории языка» Ельмслева цит. по кн.: Новое в лингвистике, вып. 1.

⁵ Автономность языка понимается как противопоставленность функции описания функциям назначения (т. е. биологической, психологической, социологической).

независимая от ее социального осуществления и материальной манифестации; она противостоит норме и узусу. Нормой называется материальная форма, определяемая в данной социальной реальности, но независимая от деталей; узусом называется совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых манифестаций.

Из всех этих понятий норма, по мнению Ельмслева, характеризуется как «фикция, и притом единственная фикция среди интересующих нас понятий. Узус вместе с актом речи и схема отражают реальность»¹. Языковая схема оказывается безразличной к реальному материалу: лингвистика рассматривает панхронично не только языковые системы, но и языкоподобные системы, как-то: уличная сигнализация, телефонный диск, бой часов, азбука Морзе и т. п. «Язык = схема в конечном счете, — подчеркивает Ельмслев, — это игра и больше ничего». Предметом лингвистики, следовательно, становится метаязык (см. с. 121); лингвистика превращается в метасемиотику. Задача теории состоит в том, чтобы учесть все логически возможные случаи. Поэтому описание должно строиться на дедуктивной и формализованной основе, необходимо использовать строго заданную систему терминов или алгебраическую запись.

Фигуры и функции

Отрицание реальности языка, особенно языковой нормы, неизбежно приводит к отрицанию единиц языка, морфологии и синтаксиса, которые в лингвистике признавались и признаются, когда говорится о языковых нормах.

Язык, как считает Ельмслев, по внутренней структуре представляет собой набор фигур и знаковых функций. Фигурами называются признаки единиц — знаки, используемые для построения знаков; под функцией понимается зависимость, удовлетворяющая условиям анализа, т. е. зависимость между членами функции (функциями) — между классом и его сегментами (цепью и его частями, парадигмой и ее членами) и между сегментами (частями или членами). «...Сущность, — пишет Ельмслев в «Пролегоменах», — в тексте (или в системе) имеет определенные функции в силу того, что, во-первых (в значении, близком к логико-математическому), сущность зависит от других сущностей, так что некоторые сущности предполагают существование других, и, во-вторых (в значении, близком к этимологическому), сущность функционирует определенным образом, выполняет определенную роль, занимает определенное «место» в цепи». При этом специально подчеркивается, что термины — чисто операциональные понятия, вводимые для удобства анализа. Функции и фигуры исчислимы, «язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков». Например, изучая систему падежей, Ельм-

¹ Ельмслев Л. Язык и речь. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания..., ч. 2, с. 119—120.

слев логически рассматривает ее как систему трех семантических зон — направленности, контактности и субъектности-объектности, причем в каждой зоне возможно установить иерархию, доходящую до шести единиц. В результате логико-математических операций делается универсальный вывод о том, что в языках минимальное количество падежей 2, а максимальное 216 (6³).

Принцип экономии и сокращения заставляет Ельмслева расщепить языковой знак на фигуры двух планов — плана выражения и плана содержания, а языковые образцы — на варианты и инварианты.

Выделение фигур и функций как единиц и категорий языковой структуры приводит Ельмслева к выводу о том, что «структура языка представляет собой сеть зависимостей, или, говоря более четким, специальным и точным языком, сеть функций. Структура характеризуется иерархией, основанной на своем внутреннем порядке и имеющей одну-единственную исходную точку. Эту иерархию можно вскрыть посредством дедуктивной и необратимой процедуры, переходя постепенно от самых абстрактных (общих и простых) явлений ко все более конкретным (частным и сложным)»¹.

Метод описания

Интерпретировав языковую схему как метаязык, основанный на взаимоотношениях признаков, подлежащих описанию, Ельмслев излагает свои требования к методу и системе функций, обозначенных при помощи специальных терминов и служащих способом описания языковой схемы и ее манифестаций.

Ельмслев выдвигает три основные требования к глоссематическому описанию языка — непротиворечивость, исчерпанность и простоту описания; при этом подчеркивается, что требование непротиворечивости предшествует требованию исчерпывающего описания, а требование исчерпывающего описания — требованию простоты. Принцип простоты уточняется как принцип экономии и сокращения. Высоко оценивается описание, которое удовлетворяет всем требованиям.

Функции понимаются также логически, что и обеспечивает их общеприменимость. Их классификация построена на двух основаниях — на устойчивости функцива и на характере вхождения функцивов в язык. По устойчивости функцивы делятся на постоянные (константы) и переменные; с этой точки зрения выделяются основные функции: взаимозависимость (интердепенденция) — функция между двумя постоянными; детерминация — функция между постоянной и переменной; констелляция — функция между двумя переменными.

По характеру вхождения функцивов в язык выделяются две функции — корреляция (конъюнкция, или функция «и — и») и реляция (дизъюнкция, или функция «или — или»). Функцивы

¹ Ельмслев Л. Понятие управления. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания..., ч. 2, с. 101.

соответственно называются коррелятами и релятами, а система определяется как коррелятивная иерархия (процесс, соответственно, — как релятивная иерархия).

Таким образом, в начальный период своего развития лингвистический структурализм занимался преимущественно анализом языковой формы, структурных отношений в языковой системе и разработкой методики лингвистического анализа, опирающейся на выделение языковых единиц и их признаков. Однако исключительный интерес к методике анализа языка как семиотической системы привел к тому, что в концепции Ельмслева и Хомского языковая система была истолкована как абстрактная, дедуктивная схема и процедура анализа стала подчеркнута операциональной и логической, в которой лингвистические приемы и методики стали подчиняться общелогическим операциям, конструирование и описание схемы вытеснило изучение и анализ реальных языков. Естественно, это привело к сближению структуральной и математической лингвистики на основе общесемиотических и логико-математических идей.

§ 16. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языкознание в последние десятилетия испытало на себе влияние таких дисциплин, как семиотика, кибернетика и теория информации, которые усилили роль абстрактно-математических идей и математической методики. Интерес к дедуктивным и математическим методам анализа и описания языка поддерживался также работами в области инженерной лингвистики (машинный перевод, обучающие и поисковые машины, технические средства обучения языку).

Возникновение математической лингвистики

К концу 50-х годов в разных странах возрастает интерес к математическим приемам и интерпретациям языкового материала. Возникает математическая лингвистика¹; ее центрами становятся университеты и научные учреждения США и СССР (см. с. 108—110).

Математическая лингвистика развивается как теоретическая и прикладная наука, причем в том и другом случае методически (операциональный) аспект является ведущим.

Теоретический аспект математического изучения языка характеризуется созданием различных моделей (гипотез) языка, речевой деятельности и текста. Наиболее распространенными являются логико-математические, теоретико-информационные и вероятностно-статистические модели. Их отличительная особенность — в понимании языка как такой структуры, которая может быть представлена как упорядоченная и формализованная тем или иным способом, а потому

¹ См.: Плат У. Математическая лингвистика. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4; Добрушин Р. Л. Математические методы в лингвистике. — В кн.: Математическое просвещение, вып. 6. М., 1961.

математически описана. Это дает основание для распространения на языкознание не только математической и лингвоматематической символики, но и математических теорий и приемов исследования. Наиболее интересны работы Л. Ельмслева, Н. Хомского и К. Шеннона.

Понимание языка как метаязыка поставило проблему текста как единственной языковой реальности. Соотношение реальности языковой модели и ее текстовой конкретизации было представлено как соотношение текста и смысла, текста и познающей способности говорящего. Все модели стали делиться на аналитические и синтетические: если задача анализа сводится к методике сегментации текста с последующей идентификацией и математической интерпретацией сегментов, то задача синтеза представляется как описание ситуации речи и механизма порождения текста.

Машинный перевод и инженерное языкознание

Прикладной аспект, который возник в языкознании в середине XX в., прежде всего был связан с машинным переводом¹. Первые опыты машинного перевода были осуществлены в середине нашего века: в 1954 г. в США при помощи ИБМ-701 П. Гарвин, Л. Достерт и П. Шеридан перевели на английский язык около 60 предложений, составленных из 250 заранее отобранных русских слов. В 1955 г. в СССР при помощи БЭСМ был осуществлен перевод с английского на русский (И. К. Бельской, Л. Н. Королевым, И. С. Мухиным, Д. Ю. Пановым, С. Н. Разумовским). С тех пор машинным переводом стали заниматься многие ученые в разных странах мира.

Однако широкого практического использования автоматического перевода достичь не удалось. Лабораторные эксперименты и их теоретическое осмысление показали, что осуществление машинного перевода требует предварительного решения ряда теоретических и технических задач. На первых порах казалось, что лингвистическая сторона дела состояла в составлении двуязычных алгоритмов и их обработке программистами. Однако опыты показали, что проблема может быть решена, если алгоритмы будут характеризоваться максимальной независимостью анализа и синтеза текста, расчлененным представлением лингвистической и математико-алгоритмической информации, а также делением процесса перевода на последовательные этапы; кроме того, решение на всех уровнях анализа должно быть многовариантным, учитывающим многозначность естественных языков и взаимодействие их ярусов.

Перед лингвистикой встала теоретическая задача — создать такое описание языка, которое допускало бы его переформулировку на

¹ См.: Панов Д. Ю. Автоматический перевод. М., 1958; Мельчук И. А. Машинный перевод и лингвистика. — В кн.: О точных методах исследования языка. М., 1961; Розенцвейг В. Ю. Машинный перевод. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968; Пиотровский Р. Г. Машинный перевод (некоторые итоги и перспективы). — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.

машинный язык. Возникают теории формальных грамматик и языков, синтаксического синтеза, семантического анализа и синтеза. «Трудность оказалась не в том, чтобы формализовать и «машинизировать» нечто известное о языках, а в том, чтобы понять, какого рода информация о языке необходима в данной связи, а затем научиться добывать и описывать эту информацию»¹.

Решение новых лингвистических задач потребовало автоматизировать и классифицировать языковые данные. Так, автоматизация лингвистических исследований сожмнулась с проблематикой инженерного языкознания (см. с. 251—252).

* * *

Известные трудности развития структурного и математического языкознания, успехи традиционного языкознания доказали необходимость объединения усилий разных школ и направлений (о необходимости интеграции говорилось на IX Международном конгрессе лингвистов, проходившем в 1962 г. в Кэмбридже, США). Р. О. Якобсон, подводя итоги работы конгресса, отметил: «Еще вчера так называемая структурная лингвистика решительно противопоставляла себя традиционной науке о языке. Сегодня же мы слышим призывы к реабилитации «традиционной грамматики»². Еще конкретнее этот процесс был определен на X конгрессе лингвистов (Бухарест, 1967).

Тенденция объединить достижения разных школ и направлений свидетельствует о новом этапе развития языкознания, который характеризуется тем, что постструктуральное современное языкознание предстает перед нами как разветвленное и многоаспектное, как интегративное языкознание, или плюралистическая лингвистика, опирающаяся на все достижения прошлого и включающая в себя различные научные и национальные традиции.

Библиография

- Основные направления структурализма. М., 1964.
Маслов Ю. С. Основные направления структурализма. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1967, т. 354; то же. — «Русский язык в школе», 1966, № 5.
Кондрашов Н. А. Пражская лингвистическая школа. — «Русский язык в школе», 1968, № 2.
Звегинцев В. А. Дескриптивная лингвистика. — В кн.: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
Лекомцев Ю. К. Основные положения глоссематики. — «Вопросы языкознания», 1962, № 4.

¹ Кулагина О. С., Мельчук И. А. Автоматический перевод: краткая история, современное состояние, возможные перспективы. — В кн.: Автоматический перевод. М., 1971, с. 12.

² Якобсон Р. Итоги Девятого конгресса лингвистов. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4, с. 579. Еще раньше, на VIII конгрессе, Ельмслев заметил: «Если проследить всю линию развития лингвистики и взглянуть на вещи взглядом постороннего наблюдателя, отвлекаясь от споров, которые все еще продолжаются, то можно обнаружить, что беспристрастное сравнение практических методов, используемых в фонологии и морфологии, с одной стороны, классической, а с другой — структурной лингвистикой, создает впечатление скорее преемственности, чем разрыва» (Новое в лингвистике, вып. 2, с. 118).

Глава 6

СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Советское языкознание, базирующееся на марксистско-ленинской философии, объединяет языковедов, работающих в Советском Союзе, и его теория и практика наследуют лучшие традиции отечественного языкознания. Однако советская лингвистика тесно связана и с мировым языкознанием.

Советское языкознание возникло в ходе исторического развития советского общества, его науки и культуры. Советские языковеды принимают активное участие в коммунистическом строительстве.

17. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

История советского языкознания — это сложный и порой противоречивый процесс обогащения и углубления лингвистической теории; накопления богатейшего фактического материала и усовершенствования приемов и методик лингвистического анализа. История языкознания тесно связана с историей советской науки, развитием социалистической культуры и языков народов Страны Советов, перестройкой системы народного образования.

Создание советской школы и овладение традициями

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала коренные изменения в жизни нашей Родины. Культурная революция, являвшаяся составной частью строительства социализма, началась с перестройки всей системы народного образования. В. И. Ленин говорил, что «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»¹. В ликвидации неграмотности принимали участие не только школьные учителя, но и виднейшие языковеды.

Наши успехи в образовании, обучении и воспитании подрастающего поколения общеизвестны и признаны. Если в дореволюционной России даже в развитых районах страны $\frac{3}{4}$ населения не умели писать и читать, а многие национальности не имели своей письменности, то по переписи 1939 г. 89% населения в возрасте от 9 до 49 лет было грамотно и около 50 народностей получили письменность на родном языке. По переписи 1959 г. назвали себя неграмотными лишь 1,5% граждан СССР. И это тогда, когда еще $\frac{2}{5}$ населения земного шара не умеют читать и писать (даже на юге Италии 46—48% населения неграмотны).

С первых же послереволюционных лет развитию науки, в том числе филологии, уделяется большое внимание. «С первых лет Советской власти наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа. Советское государство даже в самые тяжелые для страны годы не жалело средств на организацию

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 41, с. 315.

широкой сети научно-исследовательских учреждений, развитие фундаментальных и прикладных направлений науки, экспериментальной базы научных исследований, подготовку кадров. В научных учреждениях, высших учебных заведениях и других организациях СССР трудится более 700 тысяч научных работников. Это — четвертая часть всех научных работников мира¹.

Создание теории советского языкознания в значительной степени началось с овладения традициями отечественного языкознания. Особенно влиятельны были семасиологическая и грамматическая концепции А. А. Потебни, грамматическое учение Московской школы Ф. Ф. Фортунатова (особенно в изложении А. М. Пешковского, Д. Н. Ушакова и А. А. Шахматова) и идеи И. А. Бодуэна де Куртене (в изложении В. А. Богородицкого, Е. Д. Поливанова и Л. В. Щербы).

В работах Г. О. Винокура, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, А. М. Пешковского, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского был сделан поворот от исторического языкознания к описательному, к изучению живой речи, речевой культуры, к социологическому и стилистическому аспектам изучения языка. Получила признание и распространение яфетическая теория Н. Я. Марра.

Языковое строительство и борьба за марксистско-ленинские основы в языкознании

В 30-е годы, когда в нашей стране развернулось социалистическое строительство, произошли существенные изменения в положении науки и культуры. Практическая деятельность лингвистов в этот период была связана прежде всего с созданием и реформированием письменности народов СССР, составлением стабильных школьных учебников, подготовкой педагогических и научных кадров.

До революции большинство народностей, населявших Россию, не имели письменности. Свою национальную графику имели только русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи. На многих языках печатались лишь буквари и церковные книги. Поэтому необходимым компонентом культурной революции должно было стать языковое строительство — реформирование и создание письменности², составление нормативных словарей и грамматик.

В 1935—1940 гг. вышел «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Издаются словари и грамматики других языков народов СССР. Так, за годы Советской власти созданы описательные грамматики почти всех литературных тюркских языков (не только таких известных, как азербайджанский, башкирский, казахский, киргизский, татарский, туркменский, узбекский, чувашский, но и менее распространенных и известных: гагаузского,

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, с. 44.

² См.: Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958; Зах Л. М., Исаев М. И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции. — «Вопросы истории», 1966, № 2.

каракалпакского, кумыкского, тувинского, уйгурского, якутского, а также алтайского, караимского, ногайского, хакасского и шорского).

Оживляется и теоретическая работа: философской основой советского языкознания становится марксизм. Марксистское языкознание понимается как социология языка. В ряде работ разъясняется методологическое значение для лингвистов высказываний классиков марксизма-ленинизма: «Марксизм и философия языка» (1929) В. Н. Волошинова, «Языковедение и материализм» (1929—1931), «На путях к марксистской лингвистике» (1931) Р. О. Шор, «За марксистское языкознание» (1931) Е. Д. Поливанова, «Ленин о языке и язык Ленина» (1936) Е. М. Рыт; в 1934 г. появляются статьи С. Н. Быковского, С. Д. Кацнельсона и Н. Я. Марра, в которых оценивается значение работ К. Маркса для развития языкознания.

Издаются оригинальные и переводные работы по проблемам языка и общества, языка и мышления: «Язык и общество» (1926) и «Общее языкознание» (1929) Р. О. Шор, «Очерки по языку» (1932) А. М. Иванова и Л. П. Якубинского, «Мышление и речь» (1934) Л. С. Выготского, «Национальный язык и социальные диалекты» (1936) В. М. Жирмунского; «Язык и революция» (1930) П. Лафарга, «Курс общей лингвистики» (1933) Ф. де Соссюра, «Язык» (1934) Э. Сепира, «Язык» (1937) Ж. Вандриеса.

Широкое распространение получает теория академика Н. Я. Марра (1865—1934); появляются книги и статьи о нем как создателе «нового учения о языке»: «Н. Я. Марр и его теория» (1933) С. Н. Быковского, «Н. Я. Марр и новое учение о языке» (1934) В. Б. Аптекаря, «Николай Яковлевич Марр» (1935) В. А. Миханковой, «Марксизм и учение Марра о языке и мышлении» А. М. Деборина (1935)¹.

Во всех названных работах можно обнаружить поспешные и ошибочные выводы, однако несомненным является то, что в эти годы происходит сложный процесс оформления теории советского языкознания, основанной на принципах диалектического материализма, процесс вооружения лингвистов философией и идеологией марксизма.

Накопление фактического материала и философское его осмысление привели к тому, что была выяснена теоретическая основа советского языкознания: не только критика недостатков работ старого языкознания, но и построение новых лингвистических концепций и разработка новых аспектов лингвистики.

Советские лингвистические концепции

Советские лингвисты исходят из признания общественной природы языка — важнейшего средства человеческого общения. Именно такое понимание языка и практическое участие в языковом

¹ См.: Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, ч. 1—2. М., 1951—1952; Абаев В. И. Н. Я. Марр. — «Вопросы языкознания», 1980, № 1.

Строительстве выдвинули на передний план проблему литературного языка как формы национальной культуры.

В младограмматических и сосюррианских концепциях литературный язык рассматривался как явление искусственное, противостоящее естественности народно-разговорных форм. Литературный язык понимался как язык образованных слоев населения, как явление буржуазной и дворянской речевой культуры.

В первые послереволюционные годы «старому» языку противопоставляли язык новой эпохи, новых классов. Идеи «проблетарского» и «крестьянского» языков, классовости языка, особенно языка художественной литературы, были распространены не только в среде теоретиков-филологов, но и в писательской практике, в частности среди деятелей Пролеткульта.

Огромное значение имела борьба М. Горького за понимание литературного языка как высшей формы общенародного языка, обработанного мастерами культуры. Горький решительно выступал против засорения языка художественных произведений диалектными и жаргонными словами, за чистоту литературного языка, за повышение качества литературной речи и писательского мастерства. В 1934 г. в «Правде» была опубликована статья Горького «О языке» с редакционным примечанием о том, что «надо понять необходимость борьбы за очищение языка, за хороший, чистый, доступный миллионам, действительно народный язык литературных произведений».

В советском языкознании литературные языки стали не только предметом пристального изучения и кодификации, но и одной из ведущих проблем лингвистической теории. Опыт развития литературных языков народов Советского Союза и разработка теории литературного языка имеют большое теоретическое и практическое международное значение. В советской теории литературного языка была подчеркнута его социальная значимость, раскрыты такие аспекты проблемы, как первостепенность языковой нормы, функциональная многоплановость и многоаспектность связей языковых стилей, историчность литературной нормы и стилей языка, взаимозависимость форм социальной общности и социальных типов языка.

В развитии социолингвистической теории большую роль сыграли работы В. И. Абаева, И. К. Белододе, Р. А. Будагова, В. В. Виноградова, М. М. Гухман, Ю. Д. Дешериева, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, И. И. Мещанинова, Ф. П. Филина, Л. П. Якубинского¹.

Для развития теории советского языкознания большое значение имели лингвистические труды академиков Мещанинова, Щербы и Виноградова.

И. И. Мещанинов (1883—1967) — археолог и языковед, исследователь древнеписьменных языков и проблем общего языкознания. Его основные работы: «Введение в яфетидологию» (1929), «К вопросу о стадиальности в письме и языке» (1931), «Проблема классификации

¹ Основные достижения советской социолингвистики и исторической лингвистики рассмотрены в главах 10, 11 и 14.

языков в свете нового учения о языке» (1934), «Новое учение о языке. Стадиальная типология» (1936), «Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения» (1940), «Члены предложения и части речи» (1945).

Выступив как ученик Марра, Мещанинов подчеркивал такие принципы «нового учения о языке», как связь языка и общества, языка и мышления, единство глоттогонического¹ процесса, стадиальность (прерывистость) в развитии языков, типологическое единство и разнообразие языков, их частей речи и членов предложения.

Если стадиально-типологическая характеристика языков Марра была поиском семантико-этимологических универсалий (так называемые семантические пучки и четырехэлементный палеонтологический анализ), не подкрепленным достаточным фактическим материалом, то стадиальная типология Мещанинова опиралась на стратификацию типов предложения разноструктурных языков. Типы предложения рассматривались с точки зрения универсальности субъектно-предикатных отношений и конкретно-морфологической выраженности их. Детальный анализ каждого типа направлен на выделение трех последовательных стадий (посессивной, эргативной и номинативной) и путей трансформаций, прослеживаемых на материале различных языков народов СССР, в том числе таких малоизученных, как нивхский, чукотский, эскимосский. С концепцией диахронической типологии Мещанинова связаны работы его учеников (Г. А. Меновщикова, В. З. Панфилова, П. Я. Скорика, О. П. Суника) и германистов М. М. Гухман, А. В. Десницкой и С. Д. Кацнельсона.

В последних своих работах, в том числе в «Структуре предложения» (1963), Мещанинов обращается к проблемам синхронной типологии, опирающейся на соотношение логики и грамматики, понятийных категорий и категорий языка, членов предложения и частей речи. Функционально-семантическая методика и морфолого-синтаксическая типология Мещанинова занимают почетное место в типологических исследованиях и теорий грамматики.

Л. В. Щерба (1880—1944) — продолжатель бодуэновских традиций в советском и мировом языкознании, создатель оригинальной лингвистической концепции, а также своеобразного направления в фонетике². Его основные работы: «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912), «О частях речи в русском языке» (1928), «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), «Фонетика французского языка» (1937), «Современный русский литературный язык» (1939), «Опыт общей теории лексикографии» (1940), «Литературный язык и пути его развития» (1942), «Очерёдные проблемы языковедения» (1945), «Преподавание иностранных языков в средней школе» (1947).

¹ От греч. γλῶσσα — язык и γένος — рождение.

² См.: Ларин Б. А. Значение работ акад. Л. В. Щербы в русском языкознании. — В кн.: Диалектологический сборник, вып. 3. Вологда, 1946; Виноградов В. В. Синтаксические взгляды и наблюдения акад. Л. В. Щербы. — «Уч. зап. МГУ», 1952, вып. 150; Фурашов В. И. Проблема языка и метода его исследования в лингвистической концепции акад. Л. В. Щербы. — «Уч. зап. Владимирского педагогического института», 1971, т. 33, вып. 4.

Щерба считал, что лингвистическая теория должна строиться на материале живых языков, быть индуктивно-теоретической. Он возражал против схематизации и априоризма: «...Голая схематизация кроет в себе опасности для дальнейшего развития науки: люди приучаются смотреть на факты сквозь клеточки таблички или схемы, вместо того чтобы их попросту и по возможности беспристрастно описывать; все новое и хоть сколько-нибудь непредвиденное безвозвратно для них погибает. Между тем опыт показывает, что всякие таблицы и схемы расползаются по всем швам, как только попробовывать вставить в них факты живой действительности»¹. Основные приемы лингвистического исследования — наблюдение и эксперимент, основанные на сравнении теорий и фактов разных языков.

Языковые явления, по мнению Щербы, имеют три аспекта — речевую деятельность, языковой материал и языковую систему. Речевая деятельность (т. е. механизм говорения и понимания) психофизична, причем интерпретация знаков языка активна и является социальным продуктом. Языковой материал — это «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы»², т. е. тексты. Система языка — «это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала».

Знание языковой системы (словарь и грамматика) должно исчерпывать знание данного языка. Различие между лексикой и грамматикой — функциональное: лексика — это индивидуальная принадлежность слова, существующая в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи; грамматика — это правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единств высшего порядка. Это противопоставление частного общему находит свое выражение в противопоставлении системы слов набору средств, знаменательных элементов — строевым. «Наша лексика, — указывал Щерба, — представляет систему слов, из которых по правилам грамматики и самой лексики и строится наша речь с ее синтагмами». Основные отделы грамматики — фонетика, словообразование, формообразование и синтаксис, а также учение о частях речи.

Грамматика должна быть семантической и активной. «Надо, — писал Щерба, — различать грамматическое описание языка и справочник, который в конце концов всегда может быть заменен хорошо сделанным словарем».

Активная грамматика — это объективная языковая действительность, управляющая нашей речью. Как «сборник правил речевого поведения» грамматика имеет большое общеобразовательное значение.

¹ «Изв. Отд. рус. языка и словесности АН», 1911, т. 16, кн. 4, с. 162.

² Цит. по изд.: Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958; его же. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947.

ние. Грамматика должна не только объяснять, как образовано то или иное слово, форма слова или словосочетание, но и учить, как надо образовывать новые слова и формы для выражения мысли.

Так, учение о словообразовании должно давать правила, как можно делать слова («Вопрос же о том, как сделаны готовые слова, — добавлял Щерба, — дело словаря, где должна быть дана и делимость слова, если его состав еще ощущается»). В связи с этим существенным является не морфемная членимость, а способы словообразования. Активный синтаксис точно так же изучает не формы словосочетаний (синтаксические формы должны изучаться в разделе формообразования), а то, как выражается та или иная мысль, «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы». Не противоречит этому и учение Щербы о двучленных фразах и синтагме — фонетическом единстве, выражающем единое смысловое целое в речи-мысли, но состоящем не только из слов, но также из словосочетаний и даже из групп словосочетаний.

Широко известно щербовское учение о фонеме. Фонемой Щерба называл «кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо из речи без исчисления фонетического состава слова». В «Фонетике французского языка» Щерба определение фонемы связал с определением оттенка (варианта), который понимался как «реально произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема)», и фонологической системой языка. «...Каждая фонема, — писал он, — определяется тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп»¹. Отстаивая известную самостоятельность звуковых представлений, Щерба подчеркивал, что эти представления узнаются также потому, что они являются элементами словоформ (= слов). Так, л в словах *пил, бил, выл, дала* ассоциируется с представлением прошедшего времени, но а в словах *корова, вода* — с представлением объекта. Это не значит, что звук имеет значение сам по себе: суффикс -л ассоциируется с представлением прошедшего времени только в ряду глагольных словоформ (они перечислены), но фонема (л) сама по себе (как абстрактная изолированная морфема) ассоциируется не только с этим представлением, потому что в ряду других словоформ и слов (*мыло, мыла, мылу* и т. п. или *пыл, зал, стрела* и т. п.) она выступает как фонетическая часть слова, а не его морфема (глагольный суффикс).

Щерба возражал против отрыва фонетики от фонологии, связывая их как два аспекта единого языкового явления с учением об активном и пассивном аспектах грамматики. «Фонетика, — говорил он, — в своем пассивном аспекте выясняет среди пестрого разнообразия произносимого смысла различительные звуковые противопоставления

¹ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Изд. 2. Л., 1939, с. 17, 18.

данного языка; в своем активном аспекте она изучает правила произношения фонем в разных фонетических условиях»¹. Разнообразные исследования фонем, слогов и интонации в различных фонетических условиях осуществлены учениками и последователями ученого в лаборатории экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы при Ленинградском университете.

В. В. Виноградов (1895—1969) — ученик Шахматова и Щербы крупнейший специалист в области русского языка и литературы. Лингвистические взгляды Виноградова, сложившиеся в 30-е годы, характеризуются синтетизмом, стремлением утвердить целостность филологических знаний и на базе развития отечественного языкознания, а также французских и чешских лингвистических традиций создать универсальную концепцию, опирающуюся на богатый фактический материал русского языка.

Его основные работы: «О задачах стилистики» (1923), «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1934), «Язык Пушкина» (1935), «Стиль Пушкина» (1941), «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947), «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947), «О категории модальности и модальных словах в русском языке» (1950), «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (1952), «Вопросы изучения словосочетаний» (1954), «Из истории изучения русского синтаксиса» (1958), «О языке художественной литературы» (1959), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963), ряд работ по истории русского языкознания.

Центральными понятиями в лингвистической концепции Виноградова были слово и стиль языка в их системной, социальной и исторической обусловленности.

Слово как система форм и значений (лексических и грамматических) многоаспектно. Слово принадлежит к одному из четырех структурно-семантических типов: слова-названия (части речи), служебные слова (частицы речи), модальные слова и частицы, междометия. Структурно-семантический тип слов характеризуется пятью признаками — семантическим, морфологическим, словообразовательным, синтаксическим и фонетическим. Установление многоаспектности слова и выделение среди частей речи «категории состояния» и «модальных слов» оказали огромное влияние на изучение частей речи в разных языках.

Обращение к содержательной и функциональной сторонам слова, к единству в нем лексического и грамматического привело к разработке словообразовательных и лексико-фразеологических характеристик слова. Виноградов обосновал тесную связь словообразования с грамматикой и лексикологией, выделив словообразование как особую лингвистическую дисциплину, и создал учение о четырех способах словообразования — морфологическом, морфолого-синтаксическом, лексико-синтаксическом и лексико-семантическом.

Как сложная структура рассматривались лексико-фразеологические значения. Считая, что слово отражает действительность и выражает свои значения как составной элемент лексико-семантической системы данного конкретного языка, Виноградов развил учение о разных типах лексического значения слова [номинативное — прямое (основное), производно-номинативное и экспрессивно-синонимическое] и фразеологических единиц (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания). Виноградов одним из первых выделил фразеологию как науку. Кроме того, его этюды по истории отдельных слов и выражений способствовали обособлению как особой отрасли знаний исторической лексикологии.

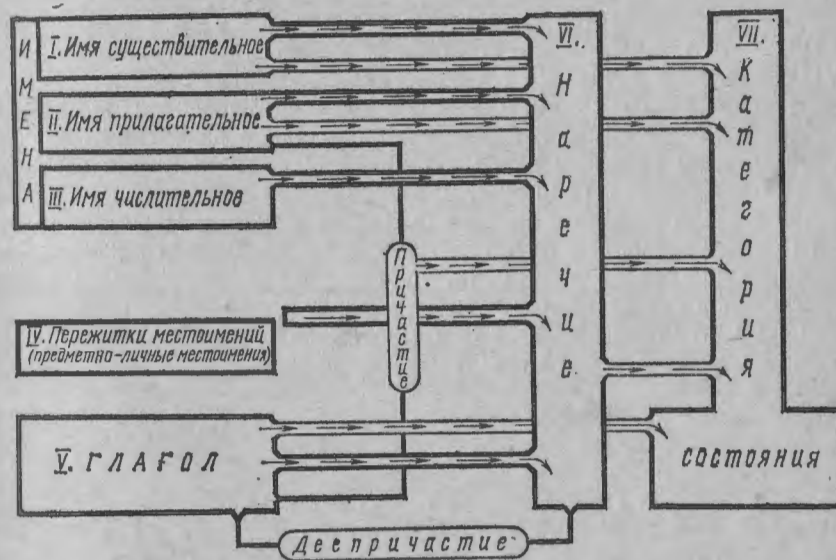


Рис. 5. Система частей речи (по В. В. Виноградову)

Синтаксическая теория, по мнению Виноградова, должна включать: учение о словосочетании и его типах, учение о предложении и его типах и учение о сложных синтаксических единицах и синтагмах. Словосочетание как единица номинативного уровня языка противостоит предложению — основной единице коммуникативного уровня; предикативность и модальность рассматриваются как основные признаки предложения и центральные категории синтаксиса.

Стиль языка — компонент его функционально-стилистической системы (см. с. 177). Общественные функции языка сводятся к функциям общения, сообщения и воздействия. Соответственно выделяются обиходно-бытовой стиль (функция общения), обиходно-деловой, официально-документальный и научный стили (функция сообщения), публицистический и художественный стили (функция воздействия). Стилистика языка занимается стилями языка

¹ Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 69.

в их синонимических связях и противопоставлениях; стилистика речи изучает массовую и социально, а также персонально ограниченную коммуникацию, социальные стили речи, употребление языка и его стилей в монологической и диалогической речи, культуру речи и кодификацию языковой нормы.

Особо выделяется стилистика художественной литературы, в которой обнаруживается единство коммуникативной и эстетической функций языка, происходит превращение элементов бытовой речи в факт искусства, создаются индивидуальные стили. Учение о языке художественных произведений рассматривается как особая отрасль знаний, находящаяся на стыке стилистики, теории поэтической речи и поэтики. Художественное произведение понималось Виноградовым как явление общественное и историческое.

Виноградов является создателем истории литературного языка. Его «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» — первый в славистике систематический курс истории литературного языка, отличный от исторической грамматики. Всесторонне были изучены переломные периоды в развитии стилистической системы русского литературного языка, связанные с деятельностью Ломоносова и Пушкина, преобразования литературного языка в связи с формированием языка народности и нации. Взаимодействие двух типов древнерусского литературного языка, борьба и взаимодействие народно-разговорной речи, церковнославянского языка и западноевропейских элементов в более позднее время — все это рассмотрено на материале произведений многих авторов в связи с общей историей общества и его культуры.

Возникновение советского структурализма и прикладной лингвистики

После Великой Отечественной войны были предприняты попытки создать единую унифицированную теорию советского языкознания. Административное внедрение «нового учения о языке» академика Марра как единственного материалистического учения вызвало протест ряда советских ученых.

В 1950 г. на страницах газеты «Правда» была проведена свободная лингвистическая дискуссия. В ней принял участие И. В. Сталин; его работа «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) оказала определенное влияние на развитие советского языкознания.

В июле 1950 г. был создан Институт языкознания АН СССР, а в 1957 г. вновь образован Институт русского языка. Улучшилась подготовка научных кадров по языкознанию. Языковедческая работа стала более результативной и разносторонней. Растет международный авторитет советской науки о языке.

Наряду с развитием предметной теории языкознания усиливается интерес к структурным и математическим методам изучения языка, возникает проблема определения статуса структурализма и структурных методов. С одной стороны, продолжается критика структуралистического лингвистического мировоззрения. С другой стороны,

структурализм определен как новый этап в истории лингвистики, которая тем самым сближена с логико-математическим языкознанием и семиотикой. С 1960 г. издается сборник «Новое в лингвистике»; публикуются статьи и книги, популяризирующие идеи и методы структурализма. Обсуждаются проблемы семиотики, языковой структуры, ее стратификации. Предпринимаются попытки структурно-математического изучения языка. Повышается интерес к построению формализованных моделей языка, статистике речи, алгоритмическому анализу, программированному обучению языку.

Ставится вопрос о статусе математической лингвистики как науки¹. Более чем десятилетнее развитие «математического языкознания» (матлингвистики) привело не к единству взглядов, а, напротив, к появлению разных определений статуса этой науки и значимости применения математических методов и математического аппарата к решению теоретических и практических вопросов языкознания. Намечилось три подхода.

Во-первых, математическую лингвистику рассматривают как лингвоматематику — математическую дисциплину, возникшую на основе интереса к проблемам языкознания. «Математическая лингвистика — это специальная математическая дисциплина, возникшая в связи с необходимостью выработки точных методов исследования языка. Она не является частью собственно лингвистики (языкознания); последняя изучает конкретные языки, в то время как содержание первой — выработка и изучение некоторых абстрактных понятий, используемых в собственно лингвистике в качестве моделей различных аспектов языка»².

Лингвоматематика как ответвление математической логики и абстрактной алгебры занимается метаязыком и метатеорией. Как часть дискретной математики, она разрабатывает теорию исчислений на основе исследования порождающих и распознающих грамматик и теорию замещаемости на базе теории алгоритмов и автоматов. Имеются и другие направления исследований³. Естественно, что все эти работы представляют ценность с точки зрения таких математических дисциплин, как математическая логика, теория алгоритмов и рекурсивных функций, топология и теория графов. Но их лингвистическое значение необходимо специально доказывать.

Во-вторых, математическую лингвистику понимают как соединение некоторых математических идей и методик с лингвистическими идеями и методиками, которое диктуется конкретными задачами и целями исследования. С одной стороны, это сочетание математических, струк-

¹ См.: Звегинцев В. А. Применение в лингвистике логико-математических методов. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4; Лосев А. Ф. О методах изложения математической лингвистики для лингвистов. — «Вопросы языкознания», 1965, № 5; Мельчук И. А. Проблемы математической лингвистики. — «Вестник АН СССР», 1959, № 8; Пнотровский Р. Г. Математическое языкознание и его перспективы. — «Вестник высшей школы», 1964, № 6.

² Гладкий А. В. Лекции по математической лингвистике... Новосибирск, 1966, с. 1.

³ См., например: Маркус С. Теоретико-множественные модели языков. М., 1970; Шрейдер Ю. А. Топологические модели языка. М., 1968.

туральных и семиотических идей и приемов исследования (например, работы Ю. С. Степанова). С другой стороны, это соединение математических идей и методик с теорией информации и задачами автоматического перевода и инженерной лингвистики (работы, возглавляемые Р. Г. Пиотровским, а также исследования И. А. Мельчука). Именно для указанных направлений исследования более подходящим является термин «математическая лингвистика».

Наконец, в-третьих, к математическому языкознанию относят те исследования, в которых применяются символика и некоторые положения математической логики, а также вероятностно-статистические идеи и методика. Это прежде всего традиционное языкознание, которое использует в качестве вспомогательных простейшие приемы моделирования, формализации и статистики.

Для языкознания середины XX в. характерно усиление практической направленности. С одной стороны, развивается педагогическая лингвистика, связанная с разработкой содержания и методики преподавания родного и неродного языков (см. гл. 14). С другой стороны, получает развитие инженерная лингвистика, связанная с применением инструментов, приборов и машин для решения различных языковых задач.

Инженерное языкознание возникло вначале как экспериментальная фонетика. Ее основателями были В. А. Богородицкий в России и П. Русло во Франции. Богородицкий опубликовал первое экспериментально-фонетическое исследование «Гласные без ударения в общерусском языке» (1884), организовал первую лабораторию экспериментальной фонетики при Казанском университете¹. В настоящее время фонетические лаборатории существуют во многих университетах и педагогических институтах, и экспериментально-фонетические исследования имеют не только свою проблематику, но и методику и технику анализа (см. с. 250—251). Особое развитие инженерное языкознание получило в последние годы, в связи с применением для нужд автоматического перевода и составления частотных словарей БСМ (компьютеров).

История советского языкознания показывает, что наука о языке непрестанно обогащается новыми фактами и теоретическими построениями; становится наукой, предполагающей существование многих школ и направлений, использующих разные приемы и методики исследования и решающих различные задачи.

§ 18. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ПРАКТИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАБОТ

Теория советского языкознания характеризуется прежде всего единой марксистско-ленинской методологией и тесной связью с развитием социалистического общества, его культуры и науки. Поэтому при своеобразии концепций отдельных ученых и целых лингвистических школ советское языкознание обнаруживает много общего,

¹ Позднее, в 1899 г., С. К. Булич организовал лабораторию при Петербургском университете, которую затем возглавил Л. В. Щерба.

например: внимание к социальному аспекту языка и разнообразию конкретного материала языков, интерес к содержательной и функциональной сторонам языка при учете его формальных и структурных особенностей, признание динамики языковых явлений и устойчивости системы языка.

Советские языковеды принимали и принимают непосредственное участие в культурном строительстве. Велики их заслуги в создании школьных и вузовских учебников, различных словарей языков народов Советского Союза, алфавитов для ранее бесписьменных языков и реформировании и унификации старых алфавитов и орфографий.

Практика оказала огромное влияние на развитие теории языка и методики лингвистического анализа. Теоретическое языкознание непосредственно связано с практикой изучения самых разнообразных языков; теория строится как обобщение богатейшего фактического материала.

Опора на разнообразный фактический материал и связь исследований с практическими задачами сделали теоретическое советское языкознание многоаспектным. С одной стороны, разносторонне разрабатывается теория речевой деятельности, типологическое, сравнительное, историческое и ареальное языкознание, теория функционирования и развития национальных и литературно-письменных языков, языка художественной литературы, вопросы культуры речи. С другой стороны, практическое изучение отдельных ярусов языковой системы сопровождается теоретическими обобщениями в области лексикологии, фонетики и грамматики.

Лексикография и лексикологическая теория

Лексикографическая работа в Советском государстве началась под непосредственным руководством В. И. Ленина¹. Он неоднократно указывал на необходимость создать «словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»².

В 1935—1940 гг. выходит четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Он подвел итоги развития отечественной лексикографии, описал семантику и грамматические формы 85 289 слов, дал им стилистические характеристики. Система помет охватывала стилистическую природу слова (книжное, торжественное, просторечное, вулгарное), выразительность слова (бранное, ироническое, неодобрительное, шутовское, презрительное и т. п.), историческую перспективу (старинное, устарелое, дореволюционное, новое и т. п.), специальную сферу применения (научное, техническое, канцелярское, поэтическое и т. п.). На основе этого словаря С. И. Ожегов составил однотомный толковый «Словарь русского языка» (1949).

¹ См.: Левашов Е. А., Петушков В. П. У истоков советской лексикографии. — «Изв. АН СССР», серия лит. и языка, 1970, т. 29, вып. 2; Карпук Г. В. Русская лексикография в советскую эпоху. — «Русский язык в школе», 1967, № 5.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 51, с. 122 (письмо А. В. Луначарскому от 18 января 1920 г.); см. также письмо М. Н. Покровскому от 5 мая 1920 г. (с. 192).

В 1957—1961 гг. выходит четырехтомный «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, а в 1948—1965 гг. — «Словарь современного русского литературного языка», удостоенный Ленинской премии. В 17 томах этого словаря исследовано 120 480 слов и дано самое полное и разностороннее описание словарного состава современного русского литературного языка. Охватывая речевую практику более чем за сто лет, большой академический словарь является не только пособием по культуре речи, но и справочником при чтении произведений русской литературы XIX—XX вв.

Издаются также специальные словари русского языка — диалектологические, этимологические, синонимические, фразеологические, орфографические и орфоэпические, словообразовательные, двуязычные и т. п. За годы Советской власти получило развитие лексикографическое описание различных языков народов Советского Союза и других стран¹.

В непосредственной связи с лексикографической практикой и теорией познания развивается лексикологическая теория. Семасиологическая теория советского языкознания опирается на исследование различных номинативных средств языка — слов, фразеологизмов, терминов и т. п.

Слово как основная номинативная единица языка рассматривается со стороны его связей с единицами и категориями общества и мышления, а также и со стороны внутриязыковых связей, как внутри лексико-семантического яруса языка, так и внутри других ярусов и функциональных стилей и сфер использования. Если в 20—40-е годы преобладало социологическое и семантико-идеологическое изучение слова (работы В. И. Абаева, Р. А. Будагова, Н. Я. Марра, Ф. П. Филина, Р. О. Шор), то в 50—60-е годы на передний план выдвигается исследование внутриязыковых связей. Разрабатываются проблемы синонимии, полисемии, омонимии, лексико-семантического варьирования слова, изучается распределение слов в тексте, создаются вероятностно-статистические характеристики классов слов (работы Н. Д. Андреева, Б. Н. Головина, А. А. Холодовича).

Глубокое и всестороннее освещение получил центральный вопрос семасиологии — учение о лексическом значении слова. Считая лексическое значение обобщением, советские языковеды, логики и психологи различают его отношение к понятию как форме мысли, знанию и конкретному смыслу; лексическое значение понимается или как логико-предметное, или как формальное содержание слова; лексическое значение слова отграничивается от его конкретного смысла, применения в определенных условиях речи и мыслительной деятельности. Одновременно подчеркивается, что лексическое значение зависит от системы языка — от специфики части речи, к которой принадлежит слово, от его синонимических и других смысловых связей в лексико-семантической системе языка. Изучение языковой системы в лексике началось с описания отдельных семантических групп и

разрядов слов; в работах В. В. Виноградова, А. А. Уфимцевой, Ф. П. Филина, Д. Н. Шмелева предпринята попытка определить самое понятие лексико-семантического яруса языка.

Как особая лингвистическая дисциплина развивается фразеология. Изучение фразеологических единиц началось как исследование «языка революционной эпохи» и языка отдельных писателей. В 50—60-е годы фразеологическая проблематика выделяется в особую отрасль знания (благодаря работам В. В. Виноградова, Б. А. Ларина и Е. Д. Поливанова). В исследованиях Н. Н. Амосовой, В. Л. Архангельского, А. М. Бабкина, В. П. Жукова, М. М. Копыленко, А. В. Кунина, И. И. Чернышевой, Н. М. Шанского фразеологическая теория получила разностороннее развитие как с точки зрения понимания предмета фразеологии и фразеологизма, объема и состава фразеологических единиц, так и с точки зрения анализа фразеологических единиц и их лексикографического описания.

Историческое изучение отдельных слов и групп слов связывалось с развитием общества и словарного состава языка. Теоретические вопросы сопоставительного изучения лексики представлены в работах Е. С. Истриной, А. И. Смирницкого, Л. В. Щербы и других языковедов.

Фонетико-орфографическая практика и общая фонетика

Одним из первых декретов Народного Комиссариата Просвещения РСФСР был декрет о введении нового правописания в русском языке. Орфографическая реформа 1918 г. явилась лишь частью революционных преобразований, способствовавших развитию новой культуры.

Реформирование (и создание) письменности языков разного фонетического строя потребовало их экспериментально-фонетического и теоретического изучения. Советские языковеды успешно справились с этой задачей, чему способствовало использование теории фонемы, разработанной представителями Казанской лингвистической школы.

Теория фонемы получила глубокую и всестороннюю разработку в трудах многих советских фонетистов и фонологов. Значителен вклад в эту отрасль лингвистических знаний Р. И. Аванесова, С. И. Бернштейна, В. А. Богородицкого, А. Н. Гвоздева, Л. Р. Зиндера, А. А. Реформатского, Л. В. Щербы, Н. Ф. Яковлева.

Фонема изучалась прежде всего как типовой социально-значимый звук речи, артикуляторные характеристики получили гласные и согласные многих типологически различных языков и их диалектов народов Советского Союза. Значительны успехи советской науки в разработке вопросов исторической и сравнительно-исторической фонетики.

Изучалась фонема и с точки зрения ее связи с морфемной структурой слова, исследовалась позиционная обусловленность фонемы,

¹ См.: Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель. 1918—1962. М., 1966.

структура ее дифференциальных признаков в фонологической системе того или иного языка. Развитие общезвучной теории опиралось на многочисленные экспериментальные исследования, в том числе осциллографические и спектральные.

Артикуляционные и акустические исследования звуков речи, фонологические и морфонологические теории фонемы превратили фонетику и фонологию в один из влиятельных и развитых отделов языкознания. Стали предметом теоретического и экспериментального изучения слог и слогораздел, ударение и интонация.

Разные аспекты фонологических исследований, различное истолкование фонетических, семантических и синтагматических факторов в функционировании фонемы нашли свое выражение в спорах между Ленинградской фонологической школой Щербы — Зиндера и Московской фонологической школой Аванесова — Реформатского. Однако эти споры, порой весьма острые, не должны заслонять главного — успехов в разработке фонологической теории и в фонетических исследованиях, достигнутых советскими учеными.

Нормативная грамматика и грамматическая теория

Практика составления советскими языковедами нормативных и исторических грамматик оказала большое влияние на развитие грамматической теории. Кроме того, развитию грамматической мысли способствовала общезвучная направленность исследований. Грамматическая теория явилась ареной острой теоретической и идеологической борьбы. Системы формальных и семантических грамматик сталкивались в различных вариантах: под названиями формальной и «пролетарской», логической и психологической, формальной и функциональной, статической и динамической и т. п. грамматик.

Грамматический строй языка в теоретическом языкознании понимался и понимается как сложная система грамматических единиц, явлений и категорий. Два основных яруса (морфологический и синтаксический) рассматриваются в тесном взаимодействии и взаимообусловленности; многое сделано для изучения морфемного строения слов и выделения словообразования как особого предмета изучения (см. с. 146, 147). Единство формы и содержания, структуры и функции, категории и единицы, как и многие другие направления исследования, всегда характеризовали советскую теорию грамматики как многоаспектную, учитывающую сложность грамматического строя отдельных языков различной типологии.

Центральным вопросом теории морфологии было и остается учение о частях речи и грамматической (морфологической) категории, особенно глагола, имени и местоимения. Решающее влияние на развитие морфологической теории оказали труды В. В. Виноградова, Н. К. Дмитриева, И. И. Мещанинова, А. М. Пешковского, А. И. Смирницкого, А. А. Шахматова.

Часть речи понимается или как лексико-грамматический разряд слов, или как первичная морфологическая членность слова и набор

типовых словоформ, или как дистрибутивный (синтагматический) класс слов (это встречается реже). Однако во всех случаях отмечается разнотипность классов и разрядов разных частей речи и их потенциальный характер, так как часть речи по любой классификации представляет типовую модель, охватывающую и объединяющую все слова только по основным признакам, и то не по всем, так что на периферии оказываются слова, находящиеся на стыке разных частей речи. В этом отношении показательны расхождения в определении статуса таких разрядов слов, как местоимения и категория состояния (безлично-предикативные слова).

Определение части речи как лексико-грамматического разряда (или класса) слов опирается на семантический принцип трактовки слов и грамматических категорий, на всестороннее изучение морфемного строения и морфологической структуры слова, его словообразовательных и словоизменительных моделей. Изучается и элементарная единица языка — морфема.

Разносторонне развивается в советском языкознании синтаксическая теория; значительную роль сыграли работы В. Т. Адмони, В. В. Виноградова, И. И. Мещанинова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, Н. Ю. Шведовой.

Основной вопрос синтаксической теории — соотношение коммуникативной и конструктивной сторон предложения и словосочетания. Предложение как конструктивная единица языка изучается с точки зрения соотношения в нем словоформ и членов предложения (составов), частей речи и членов предложения; разрабатывается систематика (классификация) типов предложений, создается учение об их основе, наборе моделей предложения, их вариантности и распространении. Семантическая структура предложения рассматривается с точки зрения выражения предикативности и модальности, соотношения логико-грамматического и смыслового (актуального) членения предложения.

Предметом разностороннего исследования стали проблема осложнения простого предложения и сложное предложение, которое трактуется обычно как самостоятельная целостная структура; в становлении современной теории сложного предложения значителен вклад В. А. Белошапковой, В. А. Богородицкого, Е. В. Гулыга, Н. К. Дмитриева, Н. С. Поспелова, И. Г. Чердиченко, А. Б. Шапиро. Изучается сложное предложение, особенно сложноподчиненное, в историческом и сравнительно-историческом аспектах (работы В. И. Бориковского, Л. А. Булаховского, Е. С. Истриной, Э. И. Коротаевой, Т. П. Ломтева, А. С. Мельничука, Т. В. Строевой, В. Н. Ярцевой). Предпринимались попытки количественно-статистического и стилистического изучения объема и структуры сложного предложения.

Советскими языковедами выделена единица более широкая, чем сложное предложение, — сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое), установлены ее семантические, структурные и коммуникативные особенности, выявлены основные типы сверхфразового единства — сверхфразовое единство монологического типа и сверхфразовое единство диалогического типа; поставлен вопрос о статусе

конструкций с чужой речью. Вообще проблемы соотношения языковой единицы и текста, синтаксические особенности разговорной речи приобрели большую теоретическую и практическую значимость,

* * *

Успехи советской науки бесспорны и общеизвестны. Значительны и достижения советского языкознания. За годы Советской власти языковедами выполнена огромная исследовательская и практическая работа, развита теория языка, подготовлены многочисленные высококвалифицированные кадры языковедов — не только в специальных академических учреждениях и университетах, но и во многих педагогических институтах всех республик нашей страны.

Библиография

- Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.
Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет. — «Вопросы языкознания», 1967, № 5.
Будагов Р. А. Общее языкознание в СССР за 50 лет. — «Филологические науки», 1967, № 5.
Дешериев Ю. Д. Основные достижения СССР в развитии и исследовании языков советских народов за 50 лет. — Там же.
Конрад Н. И. Октябрь и филологические науки. — В кн.: Октябрь и научный прогресс. М., 1967.
Филин Ф. П. Пятьдесят лет советского языкознания. — «Изв. АН СССР. СЛЯ», 1967, т. 26, вып. 5.
Чемоданов Н. С. 50 лет советского языкознания. — «Русский язык в школе», 1967, № 5.
Языки народов СССР, т. 1—5. М., 1966—1968.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ВВЕДЕНИЕ

История языкознания убедительно показывает, что важнейшим вопросом теории языка является определение сущности (природы) языка и уточнение предмета языкознания. Решение этой проблемы охватывает более широкий круг вопросов, поскольку язык и как средство общения, и как структура теснейшим образом, хотя и различно, связан с обществом, мышлением, речевой деятельностью говорящих.

И эти связи языка с обществом и мышлением определяют влияние на лингвистическую теорию представлений смежных наук и появление таких «стыковых» наук, как социолингвистика, менталингвистика, лингвосемиотика. Эти связи подчеркивают общенаучное значение языкознания и истории языка, которые, по определению В. И. Ленина, относятся к тем областям знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика¹. Известно также, что преувеличение значения фактов языка является гносеологической причиной ошибок неопозитивизма, проникающих нередко и в лингвистические работы².

Определение и уточнение предмета языкознания в значительной степени зависит от понимания природы языка, его связей с другими явлениями объективной действительности. В теоретическом языкознании наиболее влиятельны концепции, сближающие язык с мышлением (логическое языкознание и в то же время менталингвистический аспект теории языка), с психической деятельностью (психологическое языкознание и в то же время психолингвистический аспект теории языка), с другими социальными институтами (социологическое языкознание и в то же время социолингвистический и этнолингвистический аспекты теории языка), с явлениями природы (натуралистическое языкознание и в то же время акустико-физиологический аспект теории языка), с другими знаковыми системами (семиологическое и математи-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 29, с. 314.

² См.: Филин Ф. П. О некоторых философских вопросах языкознания. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 9; Корнфорт М. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968, с. 149—244; Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972.

ческой языкознание и в то же время лингвосомиотический аспект теории языка).

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения»¹. «...Язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание»². Таким образом, как сложное общественное образование, теснейшим образом связанное с разными сторонами деятельности человека и общества, язык представляет собой многокачественное явление. Многокачественность, а порой и противоречивость языка проявляется как в его единицах и категориях, так и в общей структуре.

Различно также отношение к языку говорящих, социальных групп и общества в целом на разных этапах его развития. Обращает на себя внимание и антонимия, которую мы можем наблюдать в словах язык и речь, слово и глагол, предложение и фраза. Аналогичное явление наблюдается и в других языках:

рус.	фр.	англ.	нем.	тат.	венг.
язык	<i>langue</i>	<i>tongue</i> (<i>language</i>)	<i>Sprache</i>	<i>тел</i>	<i>nyelv</i>
речь	<i>parole</i> (<i>discours</i>)	<i>speech</i> (<i>discourse</i>)	<i>Rede</i> (<i>Sprechen</i>)	<i>сүз</i> (<i>сөйләм</i>)	<i>beszéd</i>

Сложность языка и языковой деятельности, а также стихийное их противопоставление способствовали распространению гипотезы, представляющей язык как антинорму и речь. Эта антинормия подсаживалась прежде всего логическим учением о дихотомии и учением о философских категориях.

Философское осмысление антинормии языка и речи приводит к диалектической категории взаимосвязи и взаимоперехода. Чаще всего антинормию языка и речи подводят под категории сущности и явления, общего (всеобщего) и частного (отдельного, единичного), логического и исторического, абстрактного и конкретного.

Лингвистическая интерпретация и терминологическое выражение противоположных сторон, их понимание менялось в учениях разных направлений и школ; объективно это вело к накоплению знаний о противоречивой и сложной природе языка, хотя и создавало трудности их обобщения.

Основание деления понятий также менялось. Наиболее известны противопоставления «языка» и «речи», при которых в языке разграничивались:

1) постоянное и переменное — эта дихотомия (антинормия) понималась то как аналогия и аномалия, то как воспроизводимое и творимое, то как статика и динамика, то как логическое (общечеловеческое) и национальное (индивидуальное), то как потенциальное (возможное) и действительное (реализованное);

2) современное и прошлое (историческое) — это противопоставление понималось то как синхроническое и диахроническое, то как пан-

хроническое («внеисторическое») и историческое, то как правило и закон (тенденция);

3) логическое и психологическое — это противопоставление понималось то как общее и частное (индивидуальное), то как объективное и субъективное, то как рациональное и эмоциональное, то как форма мышления и процесс мысли, то как абстрактное и конкретное;

4) социальное и индивидуальное — это противопоставление понималось то как норма (узус) и стиль (слог), то как нейтральное и стилистическое, то как грамматика и стилистика (лексика), то как общенародное и диалектное;

5) речевая деятельность и результат ее — это противопоставление понималось то как механизм речи и его результат, то как язык и текст, то как речевой акт и речь, то как язык и стиль, то как творчество и произведение;

6) система и процесс — это противопоставление уточнялось то как грамматика и лексика, то как морфология и синтаксис, то как парадигматика и синтагматика, то как мнемоническое и воспринимаемое, то как логико-математическая модель и статистическая модель;

7) форма и содержание — это противопоставление уточнялось то как грамматика (грамматическая форма) и семантика (лексика), то как язык и норма, то как морфология и синтаксис (логико-психологический), то как система и язык;

8) предмет и объект науки — это противопоставление уточнялось то как абстрактное и конкретное, то как системное (формализуемое) и несистемное (неформализуемое), то как метаязык и текст или модель языка (речевой деятельности) и исследовательская модель, уровень наблюдения и уровень конструкторов.

Естественно, что при столь разных основаниях термины «язык» и «речь» получили неоднозначное содержание у представителей разных школ и направлений. Ф. де Соссюр пытался учесть предшествующий опыт развития языкознания, придав ему характер теоретической интерпретации. Синтегизм утверждений де Соссюра, построенных строго антинормически и терминологически выраженных, сделал популярной проблему «язык — речь», причем существенным здесь оказался ее перевод в методический аспект. Более того, методическая выраженность позиции исследователя стала признаваться более



Рис. 6. Схема взаимодействия языка, речи и текста

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 258.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 3, с. 29.

важной, чем определение свойств самого языка. Тёрмин «язык» стал таким неопределенным, что объектное содержание предмета науки отошло на задний план как что-то неопределимое и неясное. Конечно, противоречия в языке-объекте есть, но это не значит, что не нужно и не возможно определить объект науки о языке.

Строго антиномическая концепция «язык — речь» имеет два существенных недостатка: а) в этой концепции сложная природа языка как основного средства общения представлена упрощенно; как будет показано ниже (см. с. 121—122), язык представляет единство системы и структуры языка, языковой нормы и речевой деятельности; б) концепция «язык — речь» нередко истолковывается как противопоставление объекта исследования (речи-текста) субъекту исследования (метаязыку, исследовательской модели).

В марксистско-ленинской теории познания учение о взаимоотношениях между объектом и субъектом познания признается основополагающим. Результат познания содержит как объективные знания об объекте, так и субъективные моменты, привносимые познающим субъектом, так как наши ощущения, понятия есть, по определению В. И. Ленина, субъективный образ объективного мира¹.

Наличие субъективных моментов наших знаний объясняется и тем, что в данный момент отсутствуют возможности к их устранению, и тем, что познание постоянно развивается. Однако в принципе, как это подчеркивал В. И. Ленин, познание есть движение от субъективной идеи к объективной истине², и познающий субъект, его теории отражают свойства, присущие объекту познания.

Чтобы избежать субъективности, субъект должен четко противостоять объекту, т. е. тому, что он изучает. Что же изучает языковед?

Язык как средство общения недоступен непосредственному наблюдению. Можно наблюдать лишь речь отдельного индивида: его речевую деятельность и результат ее — текст. Умножая наблюдения, мы получим совокупность текстов. Но это будет не язык, а язык о языке (по терминологии Щербы), который лишь частично и не всегда точно фиксируется в словарях и грамматических справочниках.

Что же является объектом лингвистики — текст или речевой материал? В дескриптивной лингвистике, в глоссематике, при логико-математическом моделировании объектом признают текст, поскольку его можно наблюдать и измерять. Языковой материал, особенно зафиксированный в словарях и грамматических справочниках, отвергается на том основании, что он якобы необъективен, так как вырывает факты из текста и отражает субъективность исследователя.

Это недоверие к прошлому опыту; отрицание объективности его данных нельзя признать правильным. Во-первых, языковой материал содержит не меньше объективного, чем текст, который отражает лишь частично язык, и притом индивидуально.

Во-вторых, сторонники гипотезы, признающей текст единственной объективной реальностью, объявляют научную теорию независимой

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 18, с. 120.

² Там же, т. 29, с. 183.

от опыта, индивидуальный текст сопоставляют не с языковым материалом, а противопоставляют исследовательской модели и метаязыку.

Любой развитый язык выступает не только как объект познания, но и как средство познания и описания того же языка: В этом случае, правда, он наполняется специальной терминологией и научной символикой и по своему назначению выполняет ту же роль, что счетная машина или логическая система. Такой «язык» — его называют метаязыком или формализованным языком — не является уже средством массового общения. Метаязык — это набор символов (в том числе и терминов, заимствованных из реального языка)¹.

Иногда языком (в отличие от речи) называют абстрактное построение ученого, метаязыковое описание. «...Соотношение между языком и речью, — пишет Й. Коржинек, — представляет собой просто отношение между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией, т. е. научной интерпретацией фактов, с одной стороны, и определенными явлениями действительности, составляющими объект этого анализа, абстракции и т. д., — с другой»².

Понимание языка как метаязыка и исследовательской модели, а речи как текста не определяет природы языка и речи как предмета и объекта языкознания. При таком подходе объектом выступает результат речевой деятельности, а предмет подменяется методикой, подчиняется ей.

Поэтому, определяя язык, мы должны установить те его признаки и свойства, которые порождают текст и которые существуют объективно как объект и предмет языкознания. Языковед не создает языка, а изучает его, отражая в разной степени полно и глубоко объект своего исследования.

Однако язык, будучи важнейшим средством человеческого общения, выражения и передачи мыслей и другой информации, по своей структуре и функционированию обладает тремя различными качествами. Язык — это а) языковая структура (или система), внутренняя организация его единиц, категорий, систем; б) языковая норма, сложившаяся исторически и способная к дальнейшему развитию; в) речевая деятельность говорящих, которые знают язык, его структуру и норму и используют их для того, чтобы создавать речевые произведения, выражающие их мысли, волю, чувства.

Язык — структура (система), язык — норма, язык — речевая деятельность говорящих — таков тройкий предмет языкознания, о чем убедительно писал в свое время Л. В. Щерба.

Наличие разных аспектов исследования уточняет предмет языкознания, но не может служить основанием для отрицания единого предмета языкознания. В то же время неправильно ограничивать предмет языкознания каким-либо одним аспектом и считать, что аспект иссле-

¹ В нормативном плане проблема метаязыка связывается с работой по упорядочению терминологии. См.: А х м а н о в а О. С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики. — «Вопросы языкознания», 1961, № 5.

² Кор ж и н е к Й. М. К вопросу о языке и речи. — В кн.: Пражский лингвистический кружок, с. 317.

дования, точка зрения и создает предмет науки (как это думал Ф. де Соссюр).

Предмет языкознания не меняется, а уточняется. Теория языкознания должна давать общее представление о языке, охватывающее все аспекты его изучения, а также возможность дальнейшего уточнения предмета языкознания и появления в будущем новых аспектов исследования.

Если изучение структуры и системы языка предполагает пристальное изучение абстрагированных внутренних свойств языка, то изучение языковой нормативности и реальности дает возможность сосредоточить внимание на социальной обусловленности и ограниченности той же самой структуры, на функционировании и историческом развитии языка.

Речевая деятельность отличается от языка-нормы и речевого отрезка (текста) тем, что она предполагает рассмотрение языка, во-первых, как процесса порождения текста, а во-вторых, как взаимодействия языка и говорящего человека.

Речевая деятельность есть один из видов практической и теоретической деятельности людей. С одной стороны, это психофизическая деятельность; она изучается как речемыслительный акт, как взаимоотношение говорящего и слушателя. С другой стороны, это социальная деятельность (см. с. 169—170). Речевой акт (речь), непосредственно порождающий текст, представляет собой сложное взаимодействие между языком и речевой деятельностью говорящих (пишущих).

Наличие трех сторон языка, естественно, ставит вопрос о том, необходимо ли различать разные единицы языка, соответствующие трем его сторонам, или можно считать, что есть единые единицы языка, своеобразно проявляющиеся в этих трех сторонах, или состояниях, языка.

Противопоставление языка и речи создало учение о различии языковых и речевых единиц, опирающееся на учение Гегеля о сущности и явлении как проявлении этой сущности.

Еще в середине XIX в. была высказана мысль, что в языке мы имеем дело с грамматикой, а в речи — со словарем, что язык — это морфология и словосочетания, а речь — это и есть предложение; подчеркивалось, что семантика может быть узальной и оқказиональной. В работах представителей Пражского лингвистического кружка говорится о языке как системе фонем, морфологических оппозиций и моделей предложения, в то время как в речи наблюдаются звуки речи, слова и высказывания; различал отношения в языке и тексте и Л. Ельмслев. Различие этих концепций состояло в том, что языком-сущностью признавали то языковую норму, то абстрактную модель. Естественно, что речью — проявлением сущности — считали соответственно то текст или контекст, то языковую норму.

Между тем в марксистской философии сущность и явление не противопоставляются в самом объекте, который един и целостен в своей основе. Основа (а в познании, следовательно, полное основание) — «это не совокупность всех внутренних оснований, выступающих в роли его сторон, а такое звено исследуемого целого, которое определяет

все другие стороны и связи материального образования, все другие, частные, определяющие отдельные стороны материального образования, основания и взаимосвязь между ними»¹.

Поэтому языковые единицы имеют не две, а три стороны: типологическую (системную), языковую (нормативную) и речевую. Языковая сторона является основой качественной определенности языковой единицы; типологическая сторона обнаруживает более универсальные свойства, нивелируя своеобразие реальной языковой единицы; в реч и проявляются как системные (универсальные), так и нормативные свойства.

Что же касается аспектов исследования, то каждая из сторон языковой единицы может быть обособлена и стать предметом специального исследования. Инвариантом может быть признана формализованная схема, типологическая универсалия, сравнительно-историческая форма, языковая норма и даже текст как синтагматическая или вероятностно-статистическая протяженность. Естественно, что вариантом соответственно будет или человеческий язык, или конкретный язык, или та или иная разновидность конкретного языка.

Итак, предметом языкознания является человеческий язык как конкретно-историческая норма. Все остальные стороны языка определяются этой действительной его основой. Обособление тех или иных сторон языка, методическое их разделение необходимо постольку, поскольку оно способствует прямо или опосредованно познанию основного качества языка.

Библиография

- Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.
Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967, с. 32—37.
Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, с. 10—24.
Общее языкознание. М., 1970, с. 85—93.
Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 140—176.
Мыркин В. Я. Различные толкования соотношения язык — речь. — «Иностранные языки в школе», 1970, № 1.

Глава 7

ЗНАКОВЫЕ И НЕЗНАКОВЫЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКА

Язык состоит из единиц, которые являются знаками для передачи внеязыковой информации. Изучением знаковых свойств языка занимается лингвосемиотика — раздел языкознания, возникший на стыке языкознания и семиотики. Это обязывает нас рассмотреть как взаимоотношение семиотики и языкознания, так и основные вопросы лингвосемиотики.

¹ Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967, с. 307.

В философии и языкознании давно установлено, что слова выражают понятия, а предложения — суждения, что слова являются символами, или знаками, понятиями.

Еще Аристотель писал, что «слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письмена — символы слов». Философы Гоббс, Локк, Лейбниц видели в языке прежде всего систему знаков; Гумбольдт и Фортунатов рассматривали язык как совокупность знаков мыслей, чувств, волеизъявлений; «слова нашей речи, — писал В. А. Богородицкий, — являются с и м в о л а м и, или з н а к а м и, для выражения понятий и мыслей»¹. Однако знаковость языка как особая проблема языкознания в то время не ставилась: она рассматривалась как аспект проблемы взаимоотношения языка и мышления (ср. с. 155).

Ф. де Соссюр также считал, что «язык есть система знаков, выражающая идеи», однако принципиально уточнил это общеизвестное положение; он подчеркнул, во-первых, системность языковых знаков, обладающих значимостью, а во-вторых, необходимость сравнения системы языковых знаков с другими знаковыми системами (с символическими обрядами, формами учтивости, с военными сигналами), поскольку наука о знаках (семиология) является частью психологии, а лингвистическая проблема есть прежде всего проблема семиологическая.

Эта мысль де Соссюра была подхвачена структуралистами, которые при помощи понятия значимости пытались изгнать понятие значения. Структурные модели языка стали уподобляться простейшим кодам и системам сигнализации, отличаясь от них лишь количественно (количеством знаков, функций и уровней).

Общая семиотика и лингвосемиотика

Такое направление лингвистических исследований поддерживалось и активизировалось утверждением семиотики² как логико-психологической науки, получившей дальнейшее развитие в работах Ч. Морриса³ и ряда современных философов, психологов и лингвистов.

Се м и о т и к а понимается как общая теория знака. Она рассматривает природу знаков и знаковых систем, виды знаков и знаковую ситуацию, основные операции над различными знаками. В соответствии с этим в семиотике выделяются три раздела: а) синтактика (синтаксические правила), которая изучает отношение знаков друг к другу в пределах данной знаковой системы (или знаковой ситуации); б) семантика

¹ Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. Изд. 2. Казань, 1915, с. 4.

² Термином «семиотика» пользовался еще Д. Локк. Однако более употребительным этот термин был в медицине, где он обозначал раздел диагностики, изучающий и оценивающий проявления (признаки, симптомы) болезней.

³ См.: Morris Ch. Signs, Language and Behaviour. N. Y., 1955; Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968; Степанов Ю. С. Семиотика. М. 1971.

(семантические правила), изучающая отношение знаков к обозначаемым (указываемым) предметам; в) прагматика (прагматические правила), которая изучает отношение использующих знаки к знакам.

В семиотике специфика отдельных знаковых систем, особенно языка, не учитывается в достаточной степени; более того, подчеркивается общность знаковых систем (знаковых ситуаций) человека, животного (например, пчелы) и машины. Значение выводится за пределы языка — как его употребление и функционирование.

Термин «знак» стал употребляться очень широко, без достаточной специализации. При расширенном понимании знака (и информации (сообщения)) как замещения и представительства знаками обладают человек и животное, природа и машина.

Нетрудно, однако, заметить, что «знаки» природы и знаки людей существенно отличаются друг от друга. Поэтому в семиотике различают два типа знаков: естественные знаки (или знаки-признаки) и искусственные знаки (или знаки-информаторы).

П р и з н а к и (их называют также симптомами) собственно знаками не являются. В отличие от знаков, которые существуют отдельно от предметов и явлений, признаки являются частью того предмета или явления, которое люди воспринимают и изучают. Жаркое солнце — свойство лета, снег — свойство северной зимы; эти свойства могут стать признаками, при помощи которых люди представляют в своем сознании лето и зиму.

Признаки или их совокупность отличают разные предметы, характеризуют их качества и свойства. Знаковое использование не превращает предмет в знак; семиотическое истолкование признаков не превращает естественные (и общественные) явления в знаковые системы, хотя логическое и семиотическое изучение признаков имеет большое значение для методики научного анализа (см. с. 221).

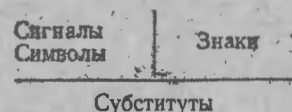
Условные з н а к и (или собственно знаки) специально предназначены для формирования, хранения и передачи информации, для представления и замещения предметов и явлений, понятий и суждений. Знак не является частью (или существенной частью) того, что он представляет, замещает, передает. В этом смысле он искусствен и условен (конвенционален). Условные знаки служат средством общения и передачи информации, поэтому их называют также коммуникативными или информативными знаками (знаками-информаторами).

Если естественные знаки называть признаками, то условные (коммуникативные, информативные) знаки можно называть знаками вообще¹.

Существует много разных информативных знаков и их систем, отличающихся друг от друга назначением, структурой и организа-

¹ Общепринятого термина для обозначения знака вообще и коммуникативного знака в частности нет. В качестве родового наименования чаще всего используются два термина: «сигнал» и «знак». Если родовым термином признается с и г н а л, тогда знак является видом сигнала, а знаковые системы — частным случаем сигнализации. Если родовым термином считать з н а к, то сигнал окажется видом знака, а сигнализация — частным видом знаковой системы. В данном тексте родовым признается термин «знак»; этот же термин употребляется для обозначения языкового знака.

цией. Основными видами информативных знаков являются сигнал, символ, знак (языковой) и знак-субститут. Их взаимоотношения можно представить так:



Как видно, среди информативных знаков особое место занимают языковые знаки, т. е. знаки человеческого языка, основные коммуникативные знаки. Остальные «знаки» не являются собственно коммуникативными, так как они существуют как подсобные и вспомогательные знаки, необходимые для построения и замещения основных коммуникативных знаков. Рассмотрим каждый из видов «знаков».

С и г н а л — это звуковой, зрительный или иной условный знак, передающий информацию. В отличие от других видов знака, он неотвирован, не содержит сам по себе информации: информацию содержит знаковая ситуация; значение находится, следовательно, вне «знака».

Простейшими видами сигнала являются, например, заводской гудок или школьный звонок. Школьный звонок ничем не отличается по качеству звука, продолжительности или количеству сигналов от тех звонков, которые можно услышать в другой обстановке. Однако сигналы звонка имеют разное значение: если ученик находится на уроке, то звонок сигнализирует об окончании урока; если ученик находится на перемене, то звонок сигнализирует об окончании перемены; когда мы слышим звонок в квартире, то это сигнал, приглашающий открыть дверь, и т. д. Содержание сигнала как условного знака, таким образом, варьируется в зависимости от ситуации, а также количества и порядка сигналов. Особенно разнообразна сигнализация транспортная — железнодорожная, морская, путевая; системой таких сигналов являются дорожные знаки.

С и м в о л отличается от сигнала тем, что его содержание наглядно, образно мотивировано, благодаря чему символ в известной степени свободен от ситуативной обусловленности, для передачи какой-либо информации имеет систему символики. Примером символа может служить герб — изображение какого-либо предмета как признака принадлежности определенному государству, городу, роду и т. п.; герб всегда выражает какую-либо идею, он изображается на печатях, монетах, флагах и т. п. Герб и флаг — это сложные знаки-символы. Более простыми символами являются военные знаки различия, знаки пионерской символики, нагрудные знаки (например, ордена и медали), различные значки и т. п.

В отличие от сигнала и символа, **языковой знак** — основной вид коммуникативного и информативного знака — двусторонняя единица, способная быть воспринятой и нести закрепленную информацию. Собственно коммуникативным и информативным знаком являются

единицы типа предложения или слова. Именно они выполняют номинативную и предикативную функции, связывают язык с мышлением и обществом. Слова как знаки свойственны всем языкам, однако понятие, например, «дом», и название самой реалии выражается различно: рус. *дом*, укр. *дім*, болг. *къща*, нем. *Haus*, англ. *house*, фр. *maison*, венг. *ház*, тат. *йорт*.

Следует подчеркнуть, что язык обладает не только коммуникативными и информативными знаками, но и структурными знаками и сигналами, а сами языковые единицы — признаками.

Знаки «естественного» языка являются первичными. Наряду с ними существуют вторичные знаки, характерные для вспомогательных и искусственных языков, такие знаки называют **с у б с т и т у т а м и**. Знаки-субституты замещают не предмет и понятие, а первичные знаки. Так, например, если фонема есть знак, то буква является ее субститутом; если предложение есть коммуникативный знак, то формула — субститут модели предложения.

Знаки-субституты широко распространены; особенно в информативных системах; наиболее известны математические знаки. Знаки-субституты, возникнув на основе языковых знаков, часто обособляются от них, образуя особые знаковые системы. Так появились искусственные международные языки (например, эсперанто) и научная символика (алгебраическая, химическая, лингвистическая и др.). Знаки подобных «языков» представляют собой знаки-субституты и знаки-символы, так как они, с одной стороны, возникли на основе реальных алфавитных систем (особенно на базе латинского и греческого алфавитов, к буквам которых были добавлены другие знаки), а с другой стороны, они служат для записи математических, химических и т. п. понятий, суждений. Знаки-субституты являются средством выражения метаязыка.

Лингвосомиотика исследует свойства языка как знаковой системы особого рода, специфику языкового знака, оставляя за пределами своего рассмотрения общесомиотическую проблематику, а также гносеологические аспекты, возникающие в связи с этим.

Своеобразие знаковой системы языка

Язык как важнейшая знаковая система отличается от всех остальных вспомогательных (специализированных) знаковых систем рядом признаков.

Во-первых, другие знаковые системы предназначены для передачи ограниченной информации; более того, в ряде случаев вспомогательные знаковые системы служат для передачи и перекодировки уже известной информации. Язык является **в с е о б ъ е м л ю щ и м** средством не только передачи и хранения информации, но и рождения и оформления самой мысли, а также эмоционально-психических отношений и актов волеизъявления. Поэтому языковая система, многоплановая и сложная, включает разные единицы, в том числе промежуточные и незнаковые. Слово как знак обладает не только значимостью, но и значением, сложной структурой, в том числе семантической.

Второе отличие языка от других знаковых систем состоит в том, что сфера употребления специализированных знаковых систем узкая, ограниченная. Язык же является универсальным средством общения, он обслуживает человека и то или иное общество во всех сферах его деятельности. Гибкость и применимость на различных коммуникативных участках обеспечивает любому развитому языку вариантность его форм и значений.

Наконец, третье отличие языка от вспомогательных и специализированных средств общения, передачи и хранения информации в том, что они являются актом разового соглашения, имеют придуманный, искусственный характер. Язык же создается постепенно и развивается в процессе функционирования. Как конкретно-историческое явление и порождение ряда эпох и поколений, язык сохраняет многие избыточные черты, противоречивые факты, системные, асистемные и иносистемные образования.

Поэтому социальность языка проявляется не только в том, что он существует в обществе, но и в самой его природе. Языковой знак не есть порождение системы и знаковой ситуации, он сам создает определенную знаковую ситуацию, характерную для того или иного конкретного языка.

Конечно, у языка как знаковой системы есть общее с другими знаковыми системами. Поэтому изучение этих знаковых систем может способствовать выявлению свойств знака и знаковой системы вообще, однако оно отвлекает от изучения специфики языка, в том числе его номинативных и коммуникативных свойств. Именно этим объясняется появление в лингвистике теорий, которые опираются не на специфику языка, а на то или иное общесемiotическое понимание знака и распространение его на лингвистику.

§ 20. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОСЕМИОТИКИ

Понимание знака

Сторонники знаковой теории языка по-разному понимают знак, предмет и задачи лингвосемиотики. Нет единой знаковой теории языка, есть несколько лингвосемиотических школ. Наиболее влиятельны три: феноменологическая (физиколистическая), логико-психологическая (операциональная) и билатеральная.

Представители феноменологической философии (И. Кант, Э. Гуссерль, Ч. Моррис) обращают внимание лишь на материальность знака. Они считают, что человеческому познанию доступны явления (феномены), а сущности или непознаваемые, или являются результатом конструктивной способности человека. Поэтому знаком признается любой предмет, воспринимаемый органами чувств, если он сигнализирует о другом явлении, которое прямо не наблюдается. Знак, следовательно, понимается как сигнал или признак. «Знак есть... предмет, находящийся в особого рода отношениях. И никаких идеальных сторон в нем самом нет и быть не может...

Значение знака при этом не есть нечто, обнаруживаемое в нем самом. Оно вне знака»¹.

Как сигнал языковой знак понимали Ф. Бопп, Л. Блумфилд, а также представители инженерного языкознания, изучающие язык с точки зрения теории информации (см. с. 249—250). Знаками-сигналами языка признаются звуки и буквы.

При таком понимании выделяется два вида языка — акустический и оптический. К акустическому виду средств общения относится звуковой язык, а также язык свиста, отмеченный на острове Ла Гомера (Канарские острова), язык барабанов в Африке, Америке, Полинезии и Ассале. К оптическому языку относят письменность (разных систем), язык жестов, пантомиму. Субституцией письменного языка являются шифры, азбука Морзе, телеграф, телетайп, стенография, морская сигнализация при помощи флажков, дорожные знаки, шрифт Брайля, дактилология, а также научная символика.

Понимание языкового знака только как сигнала, хотя оно необходимо при решении некоторых частных задач, которые возникают при изучении технической передачи языка и вопросов письма, не определяет сущности языкового знака. Поэтому феноменологическая знаковая теория языка является весьма-ограниченной, а по философской сущности вульгарно-материалистической.

При логико-психологическом операциональном подходе знак понимается как идеальное или функциональное образование, безразличное к материальной стороне. «...Знак не есть реальный предмет или явление действительности. Это модель, обобщающая функциональные свойства данного предмета»². Реальный знак в этом случае рассматривается как элемент конкретной знаковой операции, а функциональная близость знаков возникает благодаря психофизиологической общности говорящих, сложившейся и закрепившейся у них под влиянием усвоения языка, языковых знаков.

Как ни странно, но у феноменологической и логико-психологической концепций есть общая основа: знак сам по себе не существует, он часть знаковой ситуации. Знаковая же ситуация понимается различно. В первом случае она содержательная, идеальная и функционирование знака есть наполнение его предметным и смысловым содержанием; знаки понимаются как сигналы о предметной и содержательной действительности. Во втором случае, напротив, знаковая ситуация психофизиологическая и функционирование знака есть его материализация, приближение к предметной, материальной действительности; знаки понимаются как сигналы, являющиеся наглядно-образной стороной моделирующей деятельности познающего субъекта (см. с. 208—210).

В языкознании более распространено билатеральное понимание языкового знака, т. е. как единства (ассоциации) материального (внешнего, звукового) и идеального (внутреннего, значения).

¹ Зиновьев А. А. Об основах абстрактной теории знаков. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1963, с. 15—16.

² Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, с. 47.

Так понимали языковой язык В. Гумбольдт и Ф. де Соссюр, А. А. Потебня и И. А. Бодуэн де Куртенэ; языковыми знаками признавались значимые единицы языка — слова, морфемы и предложения. Знаковая теория языка связана с проблемой классификации языковых единиц.

Виды знаков и единицы языка

Верона.

Язык располагает разными единицами, и в этом его отличие от простейших знаковых систем. Поэтому лингвосомиотическая теория языка должна учитывать многокачественность языка, наличие в нем единиц, обладающих различной структурой и назначением. Классификация языковых единиц обязана учитывать их различную знаковую природу (сигналы и знаки), соотношение знаков друг с другом (полные знаки и частичные знаки), их назначение (структурные и коммуникативные знаки). Естественно, что необходимо рассмотреть субординацию языковых единиц — выделить среди них основные (базисные) и второстепенные (вспомогательные).

При структурном подходе обычно обращают внимание на мельчайшие единицы, из которых образуются комбинированные (сложные) знаки; при функциональном подходе, напротив, обращают внимание на полные знаки, которые являются единицами, непосредственно участвующими в формировании и передаче внеязыковой информации.

Если вспомнить, что язык — средство общения, то языковым знаком необходимо признать такие единицы, которые несут внеязыковую информацию. Единицы, выражающие структурно-системные значения, являются языковыми сигналами и полужаками.

В языке есть сигнальные знаки — это фонемы как типовые звуки языка. Фонемы в качестве подсобных сигналов не являются знаками языка: они, как считал Потебня, всего лишь знаки знака, сигнализирующие о языковом знаке. Включение фонем в число знаков языка мотивируется учением об иерархии уровней языковой структуры (см. с. 150). Э. Бенвенист полагает, что знак языка входит в связи уровней так, что морфема имеет нижний уровень фонем, а верхний — слов. Подчеркивая свойственную фонемам функцию различения, их называют иногда знаками-делиминаторами. Если считать, что фонемы как мельчайшие единицы и есть основные знаки языка, то остальные знаки окажутся немотивированными, лишенными внутренней формы. Язык в этом случае будет лишен собственной семантики, а языковая система станет системой сигнализации. Понимание языка как системы сигнализации иногда практически необходимо, однако оно не объясняет ни сложности, ни коммуникативной сущности, ни отличий языка от простейших кодов.

Минимальным знаком языка считают также морфемы. В отличие от фонемы, морфема является двусторонней единицей. Если признать морфему базисным знаком языка, то все остальные единицы будут сложными (или комбинированными) знаками. Это необходимо в ряде случаев для изучения словообразовательной и словоизменительной структуры слова.

Однако такое понимание морфемы сталкивается с трудностями, связанными прежде всего с явлениями морфемной нечленности и с наличием корневых языков. Значение морфемы не является единицей информации. Морфемы не существуют отдельно; они выделяются из слов, мотивируя их словообразовательное и словоизменительное значения. В свою очередь, эти значения сами по себе не являются предметом сообщения: они лишь средство выражения и передачи внеязыкового содержания. Таким образом, морфемы не являются единицами, из которых строится основная коммуникативная единица — высказывание. Поэтому с коммуникативной точки зрения морфемы есть сигнальные знаки, указывающие на языковые значения; в то же время они являются структурными знаками.

Сигнальными знаками являются также языковые формулы: словообразовательные, словоизменительные, синтаксические. Языковые модели-образцы организуют типовое языковое значение и в этом смысле представляют его. Сложными сигнальными знаками являются и языковые модели.

Основной знак языка — слово. Еще Потебня обратил особое внимание на иерархический (многослойный) характер слова, особенно его семантического содержания: будучи выразителем представления (образа) или ближайшего значения, слово представляет понятие, является его символом или знаком; оно способно входить в модель предложения и в состав высказывания.

Слово является единицей второй сигнальной системы, представляющей собой знаковую систему особого рода.

Как и любой другой знак, слово обладает перцептивной функцией: это звуковой (или письменный) факт, воспринимаемый органами чувств и представляющий (замещающий) нечто другое — понятие или предмет.

Однако принципиальное отличие слова от других знаков состоит в том, что а) слово как языковой знак обладает еще собственным значением. С точки зрения восприятия звукового ряда *рак* — «животное» и *рак* — «болезнь» являются тождественными сигналами, но это слово-омонимы, так как у них разное значение; б) слово как знак структурно и социально мотивировано, так что условным является лишь материальная сторона знака, тогда как идеальная сторона отражает объективный мир и знания говорящих.

Рассмотрим такой пример: *красовица* — нам ясно, что перед нами слово, более того, его морфемная структура подсказывает нам, что это имя существительное; можем даже предполагать, что это форма именительного падежа существительного женского рода (или родительного — винительного падежей существительного мужского рода *красовица*). Однако, не зная лексического значения этого знака, морфемно организованного, мы должны сказать, что это выдуманное слово¹.

Следовательно, слово является знаком особого рода: оно замещает не только предмет, но и понятие, обладает значением (и не одним), структурно и социально мотивировано.

¹ Наше предположение неверно: *красовица* — реальное слово болгарского языка — *огурец*.

Структурная мотивированность слова и его сложность способствуют выполнению словом номинативной и коммуникативной функций. Слово не только фиксируется в словаре и включается в систему языка: благодаря своей многосторонности, оно способно входить в состав предложения и при необходимости оформлять предложения (однословные безличные и номинативные).

Обычно коммуникативную функцию слова выполняют в составе предложения. Поэтому полноценным коммуникативным знаком является предложение. В предложении, как высшей знаковой единице, приводятся в действие все знаки и сигналы языка, а сами предложения вступают в связь друг с другом, с контекстом и ситуацией речи. Предложение обеспечивает языку возможность передавать любую конкретную мысль, любую информацию.

С этой точки зрения, предложение (имеется в виду предложение-высказывание; см. с. 144, 157—160) является полным знаком, слово — частичным знаком, а морфема — полужзнаком, необходимым для структурной организации знаков языка. Наличие слов и предложений (высказываний) как основных знаков языка доказывает, что в языке важнейшую роль играет семантика. Без этого семантического аспекта язык превращается в схему, выявляющую лишь некоторые, в основном сигнальные, свойства языка.

Незнаковые свойства языковых единиц

Своеобразие слова как основного знака языка выделяет язык из числа простейших знаковых систем, характеризующихся количеством знаков, их комбинированием и дифференцирующими их систематикой. Семантика слова отражает внезнаковый мир и направлена на этот мир, а не только на самое себя. В этом смысле язык есть общественный институт, признак человеческого коллектива. Поэтому изучение языка как знаковой системы, обособленной от общества и передаваемого содержания, не вскрывает всей совокупности свойств языка.

Языковые единицы имеют также признаки, которые являются их неотъемлемыми свойствами. Такой, например, признак фонем <б> и <б'>, как твердость ~ мягкость, не считается еще сигналом сигналов: это признак фонем, а не особые единицы языка. Родовые отличия существительных *перо* и *дыра* не образуют особых знаков: это неотъемлемое свойство существительных русского языка. Значения «прозрачная жидкость» и «водная поверхность» не образуют особых единиц языка: это неотъемлемое свойство слова *вода* — его прямое и переносное (генетически) значения.

Наличие в языковой системе признаков языковых единиц было особенно четко подчеркнуто Л. Ельмслевом, который считал язык незнаковой системой. Такие признаки языковых единиц он назвал *ф и г у р а м и*; называют их также дифференциальными признаками (диакритиками). Фигуры (диакритики), не являясь сами по себе единицами языка, могут стать единицами лингвистического анализа (см. с. 221).

Таким образом, понимание языка как знаковой системы обращает внимание на знаковость и системность языка. Знаковая теория не является единой и охватывает не все существенные свойства языка как важнейшего средства человеческого общения, выражения мысли и передачи информации.

Общесемиотическое учение подчеркивает материальную сторону знака, считая знаками лишь фонемы и частично морфемы (если они рассматриваются как материальная сторона слов). При таком подходе передаваемым содержанием оказываются языковые значения; язык замыкается в самом себе, значение (предметная направленность) относится к знаковой ситуации; отношение знака к миру мыслей заменяется изучением природы и классификацией языковых значений. Отождествление признаков языковых единиц и знаков ведет к подмене вопроса о природе языка и его единиц проблемой методики анализа языка и языковых единиц.

Лингвесемиотическое учение подчеркивает специфику единиц языка, их знаковый и незнаковый характер, а также направленность основного знака языка — слова — на мир вещей и понятий. Благодаря наличию сложной знаковой структуры в слове нельзя видеть только его материальную сторону, которая немотивирована и произвольна по отношению к стороне идеальной. Слово является не просто условным знаком — сигналом, оно есть важнейшее средство для выражения мысли, т. е. отражения объективной действительности, и передачи различной информации, более широкой и глубокой, чем значения слова.

Ограниченность общесемиотической знаковой теории проявляется в плоскостном и одностороннем понимании языкового знака, системности языка и связи языка и мышления.

Библиография

- Общее языкознание. М., 1970, с. 96—196.
Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 92—139, 177—275.
Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
Маслов Ю. С. Знаковая теория языка. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1967, т. 354.
Савченко А. Н. Язык и система знаков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 6.

Глава 8

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

Язык не является простой номенклатурой единиц, перечнем слов и морфем, фонем и букв. Язык — единое целое, система.

Система языка — это внутренняя организация его единиц и частей. Каждая единица языка входит в систему как часть в целое, она связана с другими единицами и частями языковой системы непосредственно или опосредованно — через языковые категории. Система языка сложная и многоплановая, это касается как ее строения, так и функционирования, т. е. использования и развития.

Понятие системы языка как предмета и объекта лингвистики связано прежде всего с определением открытости и гетерогенности этой системы.

Потенциальность и открытость системы языка

Язык является открытой, динамичной системой. Язык как система противостоит конкретному языку, подобно тому как модели его единиц противостоят самим единицам, которые порождены этими моделями-образцами.

Система языка — это не только то, что есть в языке, но и то, что возможно в языке, в его норме и речевых проявлениях. Нет и не может быть такого языка, который реализовал бы все свои возможности, исчерпал бы все свои ресурсы. Если бы это было так, то язык не был бы способен развиваться и удовлетворять новым потребностям мышления и общения, он перестал бы быть важнейшим средством общения.

Система, структурная организация языка делает его устойчивым в условиях функционирования и развития, позволяет воспроизводить свои особенности даже при образовании родственных языков, сохраняющих общую языковую основу и тенденции развития.

Система языка определяет пути его развития, но не конкретную форму, потому что в любом языке, его норме можно обнаружить факты системные (структурные) и асистемные (деструктурные). Это возникает как в результате нереализованности всех возможностей системы, так и в результате влияния других языков и социальных факторов.

Вот несколько примеров нереализованности возможностей системы языка. Система согласных русского языка характеризуется, в частности, противопоставленностью звонких и глухих согласных. Однако эта система не реализована полностью и непоследовательна. Например, аффрикаты [ц] и [ч] не имеют звонкой пары, но противопоставлены по твердости ~ мягкости. Сонорные согласные [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [л], [л'] не имеют и не могут иметь глухой пары, но противопоставлены по твердости ~ мягкости. Хотя согласные [в] и [ф] образуют пару по звонкости ~ глухости, это противопоставление проявляется лишь на парадигматическом уровне [при сочетании с согласными в фонетическом ряду [в] ведет себя как звук сонорный, сочетаясь и с глухими, и со звонкими согласными (*зверь* и *сверь*, *дверь* и *Тверь*)¹].

Существительные русского языка потенциально обладают 12-элементной парадигмой склонения, но не каждое существительное имеет весь комплект словоформ, и есть существительные, которые располагают большим количеством словоформ [ср.: *о саде* и *в саду*, когда предложный падеж распадается на изъяснительный и местный, или (*нет*)

¹ Напротив, когда фонетический ряд определяется глухим согласным, [в] подвергается ассимиляции: *вторник* [фт].

чая и *чаю*]; несклоняемые существительные в русском языке — асистемное явление, аномалия (за пределами литературной нормы давление системы легко обнаруживается, когда говорят: «без пальта», «в пальте», «пóльта» и т. д.¹).

Нереализованность системы проявляется не только в том, что некоторые факты не охватываются парадигмой, выпадают из системы, но и в строении самих парадигм, в наличии дефектных парадигм и моделей-образцов.

Говорят, что в языке нет ничего, чего не было бы в речи, и что речь изменяет язык. Это верно только в том смысле, что носителями языка являются люди, что язык проявляется в речевой деятельности говорящих. Но это неверно по отношению к причинной зависимости и направленности языковых изменений, ибо в речи нет ничего, чего нет в возможностях языка. «Все подлинно индивидуальное, — справедливо отмечал Л. В. Щерба, — не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет»².

Языковая система непосредственно противостоит не речи, а норме языка. Давление системы и требования языковой нормы управляют речевой деятельностью говорящих, язык народа является результатом сложного взаимодействия системы и нормы языка. Сложность этого взаимодействия состоит в том, что любой современный язык представляет различные реализации системы языка, и в языке можно обнаружить многочисленные хронологические напластования, которые сосуществуют друг с другом, создавая вариантность. Например, в современном русском языке есть возникшие в разное время формы множественного числа существительных (*соседи, друзья, командиры, крестьяне, учителя, портные*). Вариантность возникает также в результате одновременной, но различной реализации возможностей системы на разных коммуникативных участках.

Сосуществуя в языке, варианты формы неодинаково охватывают словарный состав языка. Вариантность — естественное состояние языка как конкретно-исторического явления. Поэтому давление языковой системы ограничено существующей нормой языка, в которой аккумулируются разные традиции. Таким образом, потенциальность системы языка нельзя истолковывать только как ее возможности, реализованные и нереализованные, и заменять изучение языковой системы исследованием дедуктивно построенной модели.

В современных теориях систем³ анализируются различные типы и виды систем. Для языкознания важны системы, которые обладают

¹ «Не очень еще давно академик И. И. Срезневский не смущался тем, что русские люди говорят *без пальта, в пальте, под пальтом*, хотя и указывал, что мода смеется над такими выражениями. Книжная речь здесь, однако, взяла верх над народной, и мы теперь не склоняем подобных слов» (Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Изд. 2. Пг., 1915, с. 116).

² Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений... — «Изв. АН СССР», серия 7, 1931, № 1.

³ См.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 7—126; Исследования по общей теории систем. М., 1969; Проблемы формального анализа систем. М., 1968; Общая теория систем. М., 1966.

свойством оптимальности и открытости. Признак открытости и динамизма свойствен языку как системе. Динамизм системы проявляется в противопоставленности ее языковой традиции, закреплённой в литературном языке, стереотипу речевой деятельности. Потенциальность как проявление динамизма и открытости языковой системы не противопоставляет ее языку с его категориями и конкретными единицами.

Язык как система систем

Второй особенностью языка как системы является то, что он есть система систем, или гетерогенная система.

В современных системных исследованиях различают два типа систем — гомогенные и гетерогенные. Гомогенные системы состоят из однородных элементов; их структура определяется противопоставленностью элементов друг другу и порядком следования в цепи. К таким системам относятся, например, системы сигнализации, как гомогенная рассматривается система согласных в звуковом строе языка.

Гетерогенными системами называют такие, которые состоят из неоднородных элементов, им свойственна «многоэтажность». В гетерогенных системах наблюдается распадение системы на подсистемы однородных элементов, взаимодействующих друг с другом, а также с элементами других подсистем.

Гомогенные и гетерогенные системы обозначаются одним и тем же термином «система», иногда для различения гомогенные системы называют системой, а гетерогенные — структурой¹.

Язык как структура состоит из таких подсистем, которые хотя и обладают структурной самостоятельностью, различно реагируют на требования системы и нормы языка, но не могут функционировать отдельно, почему и являются частями единого целого, подсистемами системы языка. Подсистемы языка называют также (ярусами) (или уровнями) языковой системы (= структуры). Учение о подсистемах языка, стратификация (расслоение) языка на ярусы — один из характерных компонентов современной теории языка как системы систем.

Единицы языка входят в систему языка различными свойствами — системообразующими и системоприобретёнными. С системообразующие свойства формируют внутрисистемные связи и отношения; системоприобретённые свойства — это те свойства, которые единица (элемент) приобретает, будучи вовлечённой в системные связи и отношения. Поясним это на примере грамматической парадигмы, которая также является системообразующими, противопоставляя винительный падеж именительному. Напротив, формы *окно*, *стол* или

стены в этом смысле обладают системоприобретёнными свойствами, представляя то именительный падеж, то винительный.

Язык как структура образует сложную систему систем, каждая из которых как бы располагается в особой плоскости. Пересечение ярусов языка не лишает их относительной самостоятельности.

Открытость и глубинность системы языка, ее непосредственная связь с языковой нормой, мышлением и обществом делают ее системой особого рода. Задача языкознания состоит в том, чтобы исследовать специфику языка и открыть закономерности его функционирования и развития.

§ 22. ОСНОВНЫЕ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЯРУСЫ ЯЗЫКА

Уже давно языковеды стали различать звуковой строй языка, его грамматический строй и словарный состав. Однако это различие долгое время носило чисто прикладной характер; его теоретическое осмысление стало возможным лишь в XX в., когда возникли фонология и лексикология, когда грамматика четко определила свои единицы — морфемы и словоформы, словосочетания и предложения. В разные исторические периоды внимание ученых сосредоточивалось то на фонологии или морфологии, то на синтаксисе или лексикологии. Уточнение предмета исследования и классификация лингвистических наук привели к выделению ярусов языка, а в ряде концепций даже к изоляции их друг от друга.

Было установлено, что каждый ярус обладает набором своих единиц и категорий, своими внутриярусными связями, своей структурой, которые различаются характером гетерогенности и степенью сложности. Фонологическая система, например, существенно отличается от лексико-семантической, а последняя — от грамматической. Ярусы связаны друг с другом как в системе (структуре) языка, так и при его функционировании, и это еще раз подтверждает целостность языка, как бы ни называли это целое — организмом, формой, системой или структурой.

Основными ярусами-системами языка являются фонетико-фонологический, морфемо-морфологический, синтаксический и лексико-семантический. Выделяются также промежуточные ярусы: морфофонологический, словообразовательный и фразеологический.

Фонетико-фонологический ярус

Звуковой строй языка состоит из звуков речи, правил сочетания их в речевом потоке и фонетических категорий.

Звуки речи характеризуются артикуляционными, акустическими и фонологическими свойствами. Артикуляционные характеристики звуков речи связывают звуковой строй языка с физиологическими возможностями и навыками говорящих, и следовательно, с обществом, так как артикуляционная база языка есть явление социально-психологическое.

¹ См.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967, с. 25—31. Такое словоупотребление принято и в настоящем учебнике. При этом надо иметь в виду, что в ином употреблении структурой называют гомогенные системы, отношения между ее однопорядковыми элементами.

Звуковая система языка располагает двумя основными категориями — гласными и согласными. Они отличаются друг от друга артикулятивным, структурной и функцией — ролью в образовании слога и морфемы; гласные являются слогообразующими звуками, согласные выполняют только морфеморазличительную функцию.

Фонемы как сигналы языка различают морфемы и слова (одноморфемные), имеют внутреннюю организацию, обеспечивающую им выполнение их функции и употребление в речевом потоке.

Различаются два типа организации звуков языка: а) фонологические оппозиции и дистрибутивные классы фонем, б) позиционные изменения звуков, их слоговая структура.

Учение о фонемах как членах фонологических оппозиций было разработано Н. С. Трубецким. Фонологическая противопоставленность наблюдается в большей степени в системе согласных, чем у гласных.

Изменения звуков в потоке речи нашли отражение в учении о комбинаторных и позиционных изменениях, в фонетике конца и начала слова, в фонетических явлениях на стыке морфем, а также в сегментации и классификации фонем, предложенных дескриптивной фонемикой.

Морфемо-морфологический ярус

Морфологический ярус языка охватывает два типа единиц: морфему и словоформу, которые объединяются в парадигмы и категории. Иногда эти единицы рассматриваются в порядке соподчинения: считается, что морфема является минимальной морфологической единицей; ее представляет (репрезентирует) словоформа, которая сама (или морфема) является элементом морфологической парадигмы.

Если морфема — мельчайшая значимая (двусторонняя) единица языка, то морфемами являются не только аффиксы и корни, но и служебные слова. Так, в слове *стена* мы обнаруживаем корень (основу) и окончание (флексию), а в слове *die Wand* — корень (основу) и служебное слово (артикль); окончание и артикль оказываются функционально тождественными единицами, поскольку они выражают грамматические значения рода, числа и падежа.

Рассматривая морфему как двустороннюю единицу, т. е. как структурный знак, в ней выделяют материальную и идеальную стороны. Так, в словах *стена*, *вена*, *земля* и *воля* звуки [а], [Λ], [ʼа] и [ʼΛ] являются фонетическими вариантами одной и той же морфемы (алломорфами). С другой стороны, каждая морфема и каждый ее вариант обладает совокупностью грамматических значений. Так, флексия *-а* (в слове *стена*) имеет три значения (семы): женский род, единственное число, именительный падеж. Расщепление морфемы на план выражения и план содержания, установление несовпадения этих планов приводит к разделению их изучению и даже выделению двух единиц — морфемы и грамемы.

Материальная сторона морфемы изучается при помощи дистрибутивной методики и фонетико-фонологических чередований. Идеальная сторона изучается при помощи компонентного анализа и оппозиционной методики.

Морфема как двусторонняя знаковая единица — это единство совокупности фонетических вариантов (алломорф) и пучка сем. Исключения составляют слитные, нулевые и пустые морфемы, которые выделяются при анализе морфемы как части словоформы, входящей в состав парадигмы или словообразовательного ряда.

Учение о морфеме не может не касаться ее роли в языке. Морфемы сами по себе не являются коммуникативными знаками, они служат для построения слов и словоформ. Морфемы подразделяются на два класса: знаменательные морфемы (корни) и служебные (аффиксы).

Хотя существуют одноморфемные слова, а многоморфемные членятся на морфемы, однако морфемы не являются самостоятельными единицами языка вообще и морфемо-морфологического яруса в частности. Морфемы, служащие для построения слов и их форм, употребляются совместно, морфемными блоками, причем функционирование слов и словоформ объясняется не просто перечислением морфем, из которых они состоят, а их первичным делением на две части, которое и выявляет форму слова.

Понятие формы слова (словоформы) было введено в морфологическую теорию представителями Московской лингвистической школы. Словоформа — важнейшая единица морфологического строя флективных и агглютинативных языков, т. е. языков, имеющих аффиксы.

Словоформа — это первичное членение слова, распадение слова на постоянную часть — основу¹ и переменную — окончание (флексию). Основа выражает лексическое и общее грамматическое значения, окончание — частные грамматические значения. Например, формы слов *вижу*, *стену* распадаются на основы *виж-* и *стен-* и флексий *-у¹* и *-у²*; глагольная основа выражает значение настоящего времени, именная — значение предметности, флексия *-у¹* — значение 1-го лица ед. ч., флексия *-у²* — значение вин. п. ед. ч.

Второе членение слова — это выделение в нем производящей (мотивирующей) основы и словообразующего аффикса. Например, в словах *учительница* и *переписать* выделяются основы *учитель-* и *писа-* (*пиш-*), от которых они образовались прибавлением суффикса *-ниц-* и префикса *пере-*. Блоки морфем, образующих производные основы и сложные аффиксы, — такая же реальность морфемо-морфологического яруса, как и сами морфемы, из которых они диахронически и исторически возникли.

Первое и второе членения слова возможны благодаря тому, что для морфемо-морфологического яруса характерны два типа парадигм — морфологическая парадигма и словообразовательный ряд.

Парадигма — это совокупность словоформ, свойственных слову как представителю той или иной части речи. Например, имя прилагательное в русском языке изменяется по родам, числам и падежам, следовательно, в системе языка каждое слово, являющееся полным именем прилагательным, может иметь 36 словоформ.

¹ Основа является неделимой только с точки зрения выявления словоформы, т. е. структуры слова. Что же касается морфемной членности, то основа слова может быть производной, например, *пре-по-да-ва-тель-ниц-(а)*.

Словоформа может быть простой и аналитической. Простые словоформы различаются основами и аффиксами (флексиями и словоизменительными суффиксами); аффиксы могут быть нулевыми и омонимичными. Поэтому количество элементов парадигмы не равно количеству материально разных словоформ. Например, словоформа *стол* представляет две падежные формы, потому что при склонении имен существительных в русском языке различаются именительный и винительный падежи (*командир — командира, сестра — сестру*).

Парадигма часто не охватывает всей лексики, относящейся к данной части речи. Надо различать парадигму части речи и парадигму отдельного слова; именно парадигма отдельного слова или лексико-семантической группы слов создает дефектные и избыточные варианты общих, типовых парадигм.

Так, например, в русском языке у вещественных существительных мужского рода в родительном падеже единственного числа используется дополнительная флексия *-у* со значением частичности (*кусочек сыру — но производство сыра, стакан чаю — но вкус чая*). Те же вещественные существительные (*горох, сахар, чай* и т. п.) не имеют форм множественного числа. Дефектность (неполнота) или избыточность парадигмы отдельного слова осознается на фоне общих парадигм, свойственных грамматическому строю языка. Вариантность парадигм отдельных слов и групп слов может увязываться с семантическими различиями; она может отражать историческую изменчивость литературной нормы и ограничиваться формальным, фонетическим и акцентологическим варьированием (*капают* и *каплет, дверями* и *дверьми, долгий* и *долг[ъ]й, родил[с]я* и *родил[ь]ся* и т. п.).

Парадигмы являются формой организации, выражения и объединения грамматических явлений языка, его единиц, категорий и классов. Так, словоизменительная парадигма глагола теснейшим образом связана с такими его категориями, как лицо, время, склонение, вид, число. Парадигмы и категории языка, хотя они и соприкасаются друг с другом, не тождественны.

Категории были введены в науку Аристотелем; он называл категориями наиболее общие, высшие логические понятия, которые объединяют все остальные понятия. Категории как предельно широкие понятия отражают наиболее общие и существенные (категориальные) свойства, признаки, связи и отношения предметов и явлений объективной действительности. Каждая наука имеет свою систему категорий.

В теории языкознания проблема категорий возникла в учениях психологического направления, когда логическим категориям были противопоставлены категории грамматические. В российском языкознании проблема грамматических категорий разработана представителями Московской лингвистической школы, особенно А. М. Пешковским и А. А. Шахматовым.

Шахматов считал, что грамматическая категория является представлением, сопутствующим основному значению, вызываемому словом. «Грамматическими категориями, — писал он, — определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению; слова определяются как части речи именно постольку, поскольку они

вызывают представление о грамматических категориях или, напротив, не вызывают такого представления».

Пешковский «формальные» категории разделил на синтаксические и несинтаксические, или словообразовательные. Синтаксические категориями он считал категории падежа существительных; падежа, числа, рода и краткости прилагательных; лица, числа, рода, времени и склонения глаголов. Несинтаксическими категориями он считал категорию рода и числа существительных, вида и залога глаголов. Впрочем, эта терминология была недостаточно четкой, так как характеризовала «формальные» (= морфологические) категории с точки зрения их отношения к речи (синтаксису) и словарному составу языка (его словообразованию). Синтаксические и словообразовательные категории были признаны особыми категориями языка.

Собственно морфологические грамматические категории распадутся на два типа — словоизменительные и классификационные. Грамматическая категория словоизменительного типа создает противопоставление в рамках одного и того же лексического значения, в пределах одной лексемы, проявляется в различии грамматических форм одного и того же слова, тогда как в классификационных категориях члены грамматической категории противопоставляют не грамматические формы, но выступают одновременно как рубрики классификации словарного состава, охватываемого данной категорией¹.

Примером классификационных категорий может быть род имени существительного. Существительные не изменяются по родам (*учитель — учительница, петух — курица, бык — корова* и т. п. — это пары двух разных слов), но делятся на группы по роду (наличие общего рода не отрицает, а предполагает наличие нескольких родов).

Категория рода у имен прилагательных (а также притяжательных местоимений, порядковых числительных, причастий и форм прошедшего времени глагола) является словоизменительной. Прилагательные изменяются по родам (потеря этой особенности говорит о переходе прилагательного в существительное, наречие, категорию состояния). Поскольку все прилагательные изменяются по родам, постольку родовые формы имени прилагательного не образуют трех лексем, выполняя лишь синтаксическую функцию и являясь средством согласования.

Грамматические категории — это не только грамматические понятия: они находят выражение в грамматических средствах языка и в структуре парадигм.

Структура парадигмы, как и ее понятийная нагрузка и реализация, может быть разной. Так, категория вида получает семантическую характеристику, тогда как категория рода семантической характеристикой обладает неполностью: у имени существительного она получает такую характеристику только тогда, когда слово называет лицо или одушевленный предмет, но она становится асемантической, когда существительное обозначает неодушевленный предмет.

¹ См.: Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значения и употребления). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 167.

Грамматические категории не ограничиваются только морфологическими категориями: классификационные грамматические категории теснейшим образом связаны со словообразовательными, образуя в ряде случаев лексико-морфологические категории, а словоизменительные категории — с синтаксическими.

Синтаксический ярус

Синтаксический ярус языка выделяется не всегда. Одни языковеды считают, что синтаксис занимается семантикой и функционированием частей речи; другие отождествляют синтаксис с синтагматикой и логикой высказывания. Вспомним, что исторически синтаксис как учение о конструкциях и предложениях обособился из морфологии и логики.

Действительно, в синтаксисе мы обнаруживаем использование словоформ и лексем, соотношенность синтаксических построений с логическими формами мысли; синтаксические единицы более линейны и прерывисты, чем единицы морфологические. Однако неверно, что от этого исчезает синтаксический ярус языка, его единицы и категории.

Морфологический ярус языка располагает своей семантикой, а синтагматические отношения можно обнаружить не только в морфологии, но и в фонологии. Следовательно, специфику синтаксической семантики и синтагматики нельзя объяснить, если ее интерпретировать только как функцию морфологических (или лексических) форм.

Например, у имен существительных морфологическое значение формы именительного падежа можно определить, сравнивая ее со значением других падежных форм, интерпретируя систему падежных форм как равнозначную или привативную оппозицию (ср. с. 236). Однако семантическая структура морфологической парадигмы падежа никак не объясняет ряда синтаксических построений, где обнаруживается форма именительного падежа имени существительного [*Человек — к у з н е ц своему счастью* (Федин); *Чижа захлопнула з л о д е й к а - западня* (Крылов); *Ночь. Нянька В а р ь к а, девочка лет тринадцати, качает колыбель* (Чехов) и др.].

Синтаксический ярус языка располагает набором своих единиц; ими оказываются синтаксические образцы (модели), по которым строится бесконечное множество сочетаний слов и фраз. Так, фразы *Я читаю книгу; Он пишет письмо; Они пилят дрова* и т. п. построены по одному синтаксическому образцу, который и является единицей синтаксического яруса языка.

Синтаксический ярус языка, как и морфологический, имеет единицы двух типов — словосочетание и предложение. Между ними имеется определенная зависимость: словосочетания, как и словоформы, являются конструктивным материалом для построения предложений по их собственным образцам. Как морфемное членение слова не тождественно морфологической структуре слова, так и членение модели предложения на словосочетания, использованные в предложении, не тождественно синтаксической структуре предложения: предложение делится не только на словосочетания, но и на члены предложения и синтагмы.

Словосочетание как синтаксический образец состоит из форм слова, объединенных на основе синтаксической связи и синтаксического значения (которое нередко называют отношением). Так, словосочетание *приказ командира* представляет собой сочетание именительного и родительного падежей имени существительного, находящихся в подчинительной связи управления и выражающих атрибутивно-субъектные отношения: если по форме связи «управляет» именительный падеж, то по семантике отношения «управляет» существительное в родительном падеже.

Предложение как синтаксический образец состоит из форм слов и словосочетаний, объединенных моделью данного предложения. Модель предложения отличается от модели словосочетания не только своей протяженностью, но и глубиной (многоэтапностью) строения. Позиционная модель предложения не тождественна ее морфологической выраженности.

Глубинный характер модели предложения проявляется прежде всего в том, что структура предложения образуется сочетанием его первичных (основных) и вторичных (добавочных) членов предложения; эта особенность структуры предложения впервые была сформулирована как учение о главных и второстепенных членах предложения, претерпевшее в дальнейшем существенные изменения.

Например, основу предложения *Наконец, мало-помалу отец мой успокоился* составляют его главные члены, тогда как обстоятельство и определение распространяют ее, входя в предложение как вторичные элементы, как части соответствующих словосочетаний; слово *наконец* необходимо лишь с точки зрения связи предложений, для построения синтаксического контекста. К основным членам предложения могут относиться не только главные члены предложения, но и дополнения и обстоятельства (*Мне не спится; На фабрике было беспокойно; Я вышел из лесу* и т. п.). Особенно многокомпонентной является модель сложного предложения, в которую входят не только основные члены главного и придаточного предложений, но и синтаксические показатели (союзы, союзные слова и т. п.), выражающие отношения между частями предложения.

Вторая особенность предложения — его коммуникативная направленность, способность выступать как образец построения конкретных фраз и синтаксического контекста. Коммуникативная нацеленность предложения возникает благодаря двум его свойствам:

1) семантическая сторона модели предложения соотносена с основной логической формой мышления — суждением (пропозицией, логемой); эта соотношенность делает предложение единицей, способной выражать и передавать различное конкретное содержание в логически понятных формах;

2) структура предложения как коммуникативной единицы языка способна включаться в различные формы общения, в конкретную ситуацию речи, в диалогические и монологические единства.

Синтаксический ярус охватывает словосочетания и предложения, которые объединяются в группы и разряды. Классификация предложений и словосочетаний выявляет общие синтаксические катего-

рии синтаксического яруса. По строению основы предложения делят на односоставные и двусоставные, глагольные и именные. По степени сложности выделяют, с одной стороны, простые, распространенные и осложненные предложения, а с другой стороны — простые и сложные, среди которых различаются сложносочиненные и сложноподчиненные.

Каждая модель предложения способна варьировать свои формальные и семантические признаки. Это обеспечивает взаимосвязь данной модели с моделями предложений близких групп и разрядов, а также вхождение любого предложения, построенного по языковым синтаксическим моделям, в синтаксический контекст и ситуацию речи, позволяет служить образцом для построения самых различных высказываний и фраз.

Использование синтаксических моделей, актуализация их содержания и построение синтаксического контекста — все это составляет предмет синтаксиса контекста.

О лексико-семантическом ярусе языка

Лексико-семантическая система языка отличается от фонологической и грамматической систем языка. Первая особенность: словарный состав языка непосредственно открыт для «вмешательства» людей, допускает замены конкретных единиц, выбор слов различного происхождения и образования. Конкуренция синонимов и вариантов отражает не только историческое развитие, но и состояние лексики языка.

Подвижность и проницаемость словарного состава языка проявляется также в том, что ему свойственны лексические пласты, различающиеся по происхождению и сфере употребления. Так, в современном русском литературном языке кроме «исконных» слов (общеславянских, восточнославянских и диалектных по происхождению) есть славянизмы (заимствования из церковнославянского языка) и иноязычные слова (грецизмы, галлицизмы, тюркизмы и т. п.). Современный английский язык является своеобразным сплавом германских и романских слов и корней. В лексике любого языка можно обнаружить интернациональную лексику — слова, характерные для ряда языков. Особенно разнообразны лексические пласты, возникшие под влиянием общественной, экономической и культурно-бытовой жизни народа.

Тематические группировки слов весьма разнообразны и базируются на понятийных и социологических категориях. Особое место в лексико-семантической системе занимает специальная, в том числе терминологическая, лексика. Она в известном смысле противопоставлена обычной лексике: как средство выражения понятий той или иной науки терминологическая лексика образует терминологические системы, непосредственно интерпретированные системой знаний конкретной науки.

Второй особенностью лексико-семантической системы языка является ее непосредственная связанность с внешней структурой языка — стилями языка и разными коммуникативными участками речевой деятельности, так что при описании лексической системы учения о внут-

решней и внешней структурах языка перекрещиваются (см. с. 164, 177—179). Центральной лексико-стилистической оппозицией считается противопоставление нейтральной (межстилевой) и стилистической лексики. Нейтральная лексика основная и наиболее распространенная, так что частота употребления и безразличие к стилистическим характеристикам определяют ее как явление не только качественное, но и количественное (среднее). Нейтральной лексике противопоставлена лексика книжная и разговорная, которые, в свою очередь, также подразделяются на группы.

Третьей особенностью лексико-семантической системы языка является то, что лексико-семантические категории выделяются на разных и многих семантических основаниях. Поэтому ее категории не носят столь замкнутого характера, как фонологические оппозиции и грамматические категории.

Лексема — центральная единица лексико-семантической системы — может притягивать другие лексемы и в то же время сама притягиваться ими. Поэтому лексико-семантические категории могут быть двух типов: лексико-семантической группой слова (лексической) и лексико-семантической группой слов (семантической). В обоих случаях обнаруживаются синонимические и антонимические связи как более частные и зависимые семантические группировки слов.

Наличие двух типов категорий лексико-семантической системы, а также принципиальная многозначность и семантическая мобильность лексем дают основание выделять в ней лексический и семантический уровни. Лексема многозначна в изолированном состоянии; будучи соотносительной с лексическими и стилистическими пластами, лексическими и семантическими группами, лексема становится однозначной. Однозначно слово и в контексте. Системная и контекстная обусловленность значения слова не уничтожает реальности лексем и не делает ее столь зависимой от системы, как это наблюдается в фонологической и морфологической системах.

Лексико-семантическая система языка обладает своей сложностью и организованностью, существенно отличающейся от сложности грамматических явлений и известной организованности фонологической системы. Во всяком случае, связи лексики с грамматикой иные, чем связи лексики с фонетикой.

О внеярусных явлениях и промежуточных ярусах

Ярусы языка и их единицы не изолированы друг от друга, а язык тесно связан с материальной и идеальной действительностью, поэтому учение о системе языка не может быть сведено только к учению о ярусах языковой системы, тем более основных ярусах. Внутренняя система языка обладает глубиной своего строения. Система языка охватывает не только структуру ярусов языка, но и систему надъярусной содержательной внутренней формы языка (по терминологии Гумбольдта) и систему стилей языка и его социально-территориальных вариантов (см. с. 173—179). Отличие языка от искусственных (вспомогательных) знаковых систем состоит и в том, что структура его

ярусов связана с нормой языка, а язык — с мышлением. Кроме того, структура ярусов на своих крайних (маргинальных) участках, которые можно назвать полюсами языковой системы, связана с неязыковой действительностью, а между основными ярусами возникают промежуточные явления. Полюсов языковой системы два — материальный и идеальный.

На материальном полюсе обнаруживаются признаки плана выражения языковых единиц — это, с одной стороны, речевая цепь, а с другой — дифференциальные признаки фонем, которые не являются языковыми знаками и не образуют единиц языка. Однако наличие материального полюса необходимо для того, чтобы языковые единицы могли быть материализованы и имели выход за пределы языка. Они, как отметили К. Маркс и Ф. Энгельс, являются материей языка, его чувственной природой¹.

На идеальном полюсе обнаруживаются признаки плана содержания — это, с одной стороны, контекст, а с другой — дифференциальные признаки семантических единиц языка. Не будучи языковыми единицами, они также являются признаками коммуникативных и информативных единиц языка. Однако наличие идеального полюса языка необходимо для того, чтобы языковые единицы могли выражать и передавать внеязыковую информацию — мысли, чувства, волеизъявления.

Речевая цепь и контекст образуют фон языковых единиц, дифференциальные признаки обеспечивают включение единиц в этот фон. Фон и дифференциальные признаки как признаки единиц языка могут подвергаться лингвистическому анализу.

Языковые ярусы, как и их единицы, связаны друг с другом. Взаимосвязь между ярусами проявляется также в том, что возникают межъярусные явления и промежуточные ярусы.

Промежуточными ярусами являются: морфонологический, словообразовательный, фразеологический. Их единицы носят двойственный характер: образуются они на одном ярусе, а функционируют как единицы другого яруса. Структурная членимость и системные связи единиц внутри яруса не образуют промежуточного яруса. Так, деление словоформы *стен-а* на основу и флексию не образуют разноярусных единиц, как и включение словоформы *стена* в парадигму склонения не уничтожает реальности самой единицы.

Морфонологический ярус возникает на стыке фонем и морфем. Еще представители Казанской лингвистической школы обратили внимание на необходимость различения фонетических изменений и чередований, на связь фонем и морфем языка. Н. С. Трубецкой, определяя морфонологию как связующее звено между морфологией и фонологией, считал, что ее предметом является исследование морфонологического использования фонологических средств какого-либо языка.

Морфонология изучает чередование гласных и согласных, а также ударения и сочетания фонем в составе морфемы и слова. Так, чередования фонем <к/ч> в словах *рука* — *ручной*, <г/ч, е/о> в формах *лечь* —

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 1, т. 3, с. 630.

лечь не связаны с фонетическими изменениями, а обусловлены единством морфемы. В то же время фонологическое различие помогает опознанию вариантов морфем; словоформы и лексемы [*вод-(ить)* — *вож-(дь)* — *вожд-(ение)*].

Морфологическую функцию может нести и ударение. Так, в русском языке ударения характеризуют разновидности именных и глагольных парадигм, различают словоформы и слова (*стены* — *стёны*, *замок* — *зámок*).

На стыке лексемы и словоформы находятся словообразовательные модели и словообразовательные ряды слов (их образование связано с использованием аффиксов и основ). Так, например, суффиксы могут использоваться для образования нового слова и формы слова; ср., например, омонимичные: *влас-ть* и *владе-ть*; *старожил*, *зубрила*, *точило* и *читал*, *читала*, *читало*; *вводить* — *вводимый* и *неделимый*; *ощутимый*, *нелюдимый*. Однако словообразующие и формообразующие аффиксы различаются и по составу, и по количеству. Прэтому словообразование, существенно отличающееся от образования форм слова, выделяется в отдельную лингвистическую дисциплину.

Своеобразие словообразования как промежуточного яруса языка состоит в том, что морфемы и их категории (производящие основы, словообразовательные модели), воспроизводя морфемы и морфологические категории, порождают номинативные единицы языка — слова, которые обладают лексическим значением, независимо от того, сохраняются ли они, как словообразовательно мотивированные единицы или утрачивают эту мотивированность. Более того, словообразовательное и лексическое значения слова не совпадают.

Номинативные единицы языка возникают не только словообразовательно-морфологическим путем, но и на своей собственной основе — путем изменения лексического значения и освоения заимствованных лексем, например, в результате интеграции двух или нескольких лексем (*точить лясы*, *положить зубы на полку*, *железная дорога*, *белый гриб*, *Чёрное море*).

Хотя такие единицы построены по моделям словосочетаний и сохраняют раздельнооформленность, они воспроизводятся как одна номинативная единица. Среди аналитических номинативных единиц выделяют прежде всего фразеологические единицы (фразеологизмы, идиомы, устойчивые фразы) и составные наименования. Они являются предметом специального изучения.

Однако фразеологические единицы и составные термины, не являясь особым типом единиц, образуют промежуточный ярус языка — между лексемами и их сочетаниями. Так, например, фразеологические единицы двойственны: с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют своеобразное устойчивое сочетание, а с другой стороны, они обладают единым значением, функционируя как и обычные номинативные единицы — лексемы. Возникая на базе словосочетания фразеологические единицы и составные термины относятся к синтагматике и синтаксису, но по условиям функционирования в качестве номинативных единиц могут быть причислены к своеобразной прослойке лексико-семантической системы языка.

Таким образом, наличие внеязычных и промежуточных явлений показывает, что аспекты изучения явлений языка и выделение ярусной языковой структуры не совпадают, так как аспектом изучения может быть любое явление языка, тогда как ярусы языка выделяются на основе изучения строения яруса, единиц и категорий языка. А это связано с пониманием языка как единого целого.

§ 23. ТЕОРИИ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

Что структура языка объединяет единицы различного строения и назначения, было известно давно. Практически лингвисты всегда различали фонетику и грамматику, слово и предложение; части речи рассматривались как лексико-грамматические разряды, объединяющие единицы структуры языка.

В начале XIX в., особенно в трудах В. Гумбольдта, были выделены два вида единиц языка — материальные, которые образуют внешнюю форму языка, и идеальные, образующие внутреннюю форму языка; единство внешней и внутренней формы и понималась как структура (форма) языка. Одновременно продолжалось изучение специфики единиц языка — слова и предложения, грамматической категории и морфемы. В первой половине XX в. представители Пражского лингвистического кружка выделили две элементарные (предельные) единицы языкового анализа — дифференциальный признак и сему. При анализе единиц языка и разработке методики лингвистического анализа было обнаружено, что идеальная сторона (или план содержания) значительно сложнее материальной стороны (или плана выражения) языковых единиц и их категорий.

Обнаружение противоречий между предметом и методикой анализа, между идеальной и материальной сторонами языковых единиц, как и различие самих единиц, создало гипотезы, авторы которых стремятся преодолеть обнаруженные противоречия с помощью стройности и последовательности процедуры лингвистического анализа.

В языкознании получили распространение два рода теорий — субстанциональные и операциональные. Субстанциональные (онтологические) теории пытаются решить проблему структуры языка исходя из коммуникативной функции языка и выдвигая на передний план лексико-грамматические классы слов. Операциональные (методические) теории (их называют и структуралистическими) пытаются решить проблему структуры языка, выдвигая на передний план структурную функцию языка, а также изоморфизм и иерархию сторон единиц языка. Структуралистическое понимание языка основывается на отождествлении таких понятий, как структура, система и форма языка, причем предпочтение отдается пониманию языка как структуры, построенной на отношениях (субстанциональные свойства языковых единиц признаются нерелевантными, т.е. выведенными за пределы собственно лингвистического изучения).

Теория изоморфизма

Эта теория единство языка объясняет изоморфизмом, т.е. структурным тождеством или параллелизмом языковых единиц. Так, Курилович высказал мысль о структурном параллелизме между единицами звукового и семантического планов (между слогом и предложением), указав на структурное тождество гласного в слове и предиката в предложении¹.

Теория изоморфизма (или «уровней интеграции») целостность структуры языка рассматривает на уровне методики описания, опирающейся на достижения современной фонологии. Реальные единицы языка заменены единицами описания, сложный характер идеальной стороны игнорирован. Поиск методических универсалий затемняет качественное своеобразие ярусов языка и разных сторон языковой единицы.

Подобие «единиц» плана выражения и плана содержания устанавливается по внешним аналогиям. Конечно, можно сопоставить структурную функцию согласного и «лексемы», однако это подобие будет случайным. Во-первых, согласных в любом языке насчитывается не более полусотни, тогда как лексем — сотни тысяч; естественно, что структура лексем разнообразнее и сложнее. Во-вторых, лексемы обладают номинативной и в ряде случаев коммуникативной функцией, это не может не отразиться на их структуре. «Означаемое слова» (т.е. лексическое и грамматическое значения, их пучки) соотносится непосредственно не со слогом, а с морфемным строением, которое не совпадает со слоговым членением. Так, в *альм/тля* различие порядка следования фонем указывает на разные слова, тогда как в *Он/читает книгу* и *Книгу/читает он* (*Книгу/он читает*) дает разное актуально-смысловое членение предложения (при общей логико-морфологической его формуле). Точно так же, «означаемое предложения» соотносится не с фонетическим словом, а со словоформами: *вѣла* потому предикат, что это временная форма глагола, а не потому, что ударный слог предшествует безударному (ср. *дала*); *стенá* и *стола́* потому «члены предложения», что это падежные формы имени существительного, а не потому, что ударный слог следует за безударным и перемещается при склонении.

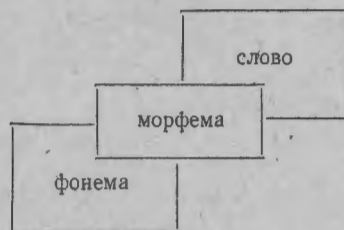
Идея изоморфизма не объясняет сложности языковой структуры как системы особого рода; она сводит ее к простейшим структурам с плоскостным строением. Оценивая теории изоморфизма как учения о целостности структуры языка, следует помнить мнение К. Маркса и Ф. Энгельса о подобного рода абстрагировании: «Минералог, вся наука которого ограничивалась бы установлением той истины, что все минералы в действительности суть «минерал вообще», был бы минералогом лишь в собственном воображении»².

¹ См.: Курилович Е. Понятие изоморфизма. — В его кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962; ср. также: Булыгина Т. В. Об организации плана содержания с точки зрения ее соответствия организации плана выражения. — В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967 (ср.: «Вопросы языкознания», 1967, № 5).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 2, с. 63.

Теория иерархии уровней

Эта операциональная теория опирается на идею одновекторного иерархического строения языковой структуры. Наиболее четко она была сформулирована в 1962 г. Э. Бенвенистом. Он исходит из того предположения, что единицы языка планом выражения опираются на низший уровень, а планом содержания входят в высший уровень; структура языка представляется так:



Уровень есть оператор: фонемы, морфемы, слова — элементы основных уровней, составляющих структуру языка. Если фонема определима, то лишь как составная часть единицы более высокого уровня — морфемы. Разница между морфемой и словом только в том, что морфема — знак связанной формы, а слово — знак свободной формы. Между фонемами, морфемами и словами как элементами своих уровней существуют дистрибутивные отношения, а между разными уровнями — интегративные. Это порождает две функции — конститутивную и интегративную, создающие форму и содержание единицы. Формой языковой единицы является ее способность разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня, а значением — способность быть составной частью единицы высшего уровня. Такое понимание языковой структуры допускает только одно направление анализа — от низшего уровня к высшему, от формы к содержанию. Проблема взаимодействия уровней отодвигается на второй план, а самому понятию уровня придается операционалистический смысл. Морфема считается основным знаком языка, благодаря чему фонема признается как его нижний уровень, а слово — как высший.

Как артикуляционные характеристики выводятся за пределы структуры языка, так и предметно-понятийное содержание слов и предложений оказывается вне структуры языка. Осуществляется это при помощи двух приемов. Первый состоит в признании того, что значение языковой единицы можно определить как ее способность быть составной частью единицы высшего уровня. Второй прием состоит в том, что предложение считается речевой единицей, при помощи которой мы общаемся, но которое не является знаком языка, хотя компоненты его — слова.

Части речи как реализация связей ярусов языка

При всем различии идеи изоморфизма и иерархичности (одновекторности) опираются на признание автономности и структурной самостоятельности ярусов языка. Язык как структура онтологически

распадается на части и замыкается сам в себе, не имея выхода в экстралингвистическую действительность, уподобляясь простейшим знаковым системам.

Между тем ярусы не изолированы друг от друга; структура языка не безразлична к передаваемой информации, ибо язык — средство передачи не своих собственных значений, а внеязыковой информации, с которой он различно связан на разных структурных и коммуникативных участках.

Звуки речи не обладают сами по себе значением, они приобщаются к нему только в составе морфем и слов. Фонемы не порождают морфем, морфемы — словоформ, а словоформы — предложений. Язык есть по преимуществу система слов, связанных друг с другом и структурно организованных. Лексико-семантические и лексико-грамматические разряды слов, с которыми непосредственно связаны правила словообразования и словоизменения, формулы построения словосочетаний и предложений, системы парадигм и полей — вот что образует систему систем языка, а правила выбора и употребления слов реализуют систему языка в речевой деятельности говорящих.

Слово как основная структурная единица языка имеет многоярусное строение. Связь между единицами и категориями всех ярусов осуществляется через слово как единицу, принадлежащую той или иной части речи.

В истории лингвистики проблема частей речи всегда занимала центральное место. Учеными разных направлений и школ решалась она неоднозначно, но все пытались привязать части речи по преимуществу к какому-то одному ярусу языка и объяснить типами отражения в языке категорий мышления. Очень распространенными являются теории, которые относят части речи к морфологическим или синтаксическим классам слов: менее распространены попытки связать части речи с фонетикой и морфемикой слова.

Части речи — это лексико-грамматические разряды слов. Будучи разрядами прежде всего знаменательных слов, они организуют словарный состав языка, соотнося лексику с морфологическими категориями (словоизменительными, а также словообразовательными) и синтаксическими единицами. Поэтому теория частей речи как лексико-грамматических разрядов (классов) более реалистично объясняет структуру языка, образующую систему систем, и сложный механизм реализации свойств всех ярусов языка в конкретной единице — слове.

Любое слово принадлежит той или иной части речи, независимо от того, относится оно к ядерным или периферийным единицам данной части речи. Слово потенциально представляет часть речи, в разной степени выражая ее свойства. Таким образом, слово связывает конкретную лексему (данное слово) с особенностями структуры языка; оно объединяет материальную и идеальную стороны языковых знаков, полузнаков и сигналов.

Материальной стороной слова являются морфемы и морфемная структура слова, его словоизменительные и словообразовательные модели. Так, фонема ⟨а⟩, имея единую звуковую характеристику, является разной единицей в морфемных рядах *стена, молода, сгоряча*;

не здесь, а там; а? и т. п. Поскольку материальная сторона морфем непосредственно связана с фонемным подъярусом, то в слове (его материальной стороне) эти ярусы прочно связываются не только друг с другом, но и с остальными ярусами, в которые слово входит своей идеальной стороной.

Уже не раз было отмечено, что идеальная сторона слова значительно сложнее материальной: Слову свойственны разные типы значений, причем каждый тип в подавляющем количестве слов представлен не одним, а несколькими значениями. Так, слову свойственны значения: лексическое, морфологическое, словообразовательное и синтаксическое. И самым существенным является то, что они непосредственно реализуют общее их значение как слов, принадлежащих той или иной части речи. Связывая эти значения в одной единице, слово объединяет морфологический, синтаксический, лексический ярусы языка.

Библиография

- Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма. — «Вопросы языкознания», 1970, № 1.
Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 9—91.
Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 8—119.
Минина Н. М. Система и структура в языке. — В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе, вып. 4. М., 1967.
Кацнельсон С. Д. О теории лингвистических уровней. — В кн.: Вопросы общего языкознания. М., 1964.
Колшанский Г. В. Проблема стратификации языка. — «Вопросы языкознания», 1968, № 2.
Маслов Ю. С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка. — «Вопросы языкознания», 1968, № 4.

Глава 9

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Особенностью языковой системы является ее открытость для мышления, которое не только передается при помощи языка, но и постепенно и опосредованно проникает в язык, правда, не во все его участки и ярусы.

Язык и мышление, речь и мысль настолько связаны друг с другом, что многие языковеды и философы считают возможным говорить о языке-мышлении как синкретическом явлении, а контекст и речевую ситуацию отождествляют с опытом человека или общества. Так, Дж. Фёрс полагал, что значение может быть раскрыто при помощи контекста ситуации, которая включает не только самую обстановку речи и собеседников, но и окружающие предметы, социальный и культурный опыт говорящих¹.

Такое широкое понимание языковой семантики приводит к мысли о том, что она не может быть предметом строгой лингвистической теории. «...Содержание, — пишет, например, Г. Глисон, — вне его структуры, не поддается какому-либо обобщению. Субстанцию содер-

¹ См.: Фёрс Дж. Р. Техника семантики. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2.

жания составляет, несомненно, вся совокупность человеческого опыта»¹. Конечно, в этом случае семантический аспект языкознания утрачивает свою специфику, становится неопределенным и необозримым, на что указывал в свое время А. А. Потенция.

Это, однако, не значит, что семантический аспект лингвистики отменяется и вся семантическая проблематика выводится за пределы лингвистики как менталингвистическая. Напротив, теория языковых значений, связь языка и мышления являются важнейшим аспектом лингвистики, образуют особую область лингвистических знаний. Раздел общего языкознания, который изучает взаимоотношение языка и мышления, можно назвать менталингвистикой².

§ 24. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕНТАЛИНГВИСТИКИ

Менталингвистика, естественно, соприкасается с другими разделами языкознания — этнолингвистикой и психоллингвистикой, социоллингвистикой и лингвосомиотикой, а также с рядом смежных наук — логикой и психологией, этнографией и семиотикой, философией и социологией. Именно эти связи и объясняют существование основных менталингвистических направлений: логического, психологического, семиотического и контенсивного.

Язык и логическое мышление

Логическое направление — самое влиятельное, хотя и неоднородное в менталингвистике. Предметом логической менталингвистики является изучение логического в слове и предложении, соотношения понятия и суждения как форм мышления со значением слова и предложением; исследуются также синтаксическое выражение умозаключения. В последние десятилетия логический аспект был распространен на семантическую структуру грамматических категорий и парадигм, а также на лексико-семантические разряды и группы слов.

Логическая менталингвистика обращает внимание и на случаи несовпадения логических и языковых форм. Эти трудности решаются двойным образом — путем уточнения самих логических представлений и путем усовершенствования логических приемов анализа языка.

Наличие вопросительных и побудительных предложений, а также односоставных предложений заставляет искать соответствующие формы

¹ Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, с. 45.

² Термин «менталингвистика» образован по образцу наименований научных дисциплин, возникающих на стыке разных наук (ср.: прагматическая лингвистика, лингвистическая лингвистика, лингвосомиотика и т. п.). Первый компонент термина *мент(a)* образован на базе лат. *mens, mentis* — «ум», «разум», «мнение», «мышление» и фр. *mental* — «мысленный», «умственный». Использование термина «менталингвистика» поддерживается термином «ментализм», которым Л. Блумфилд и его школа обозначают то направление в лингвистике, которое рассматривает речевой акт как результат сложного взаимодействия умственной (психической) и речевой деятельности говорящего индивида.

мышления. Так, П. В. Чесноков говорит о новой логической единице — логической фразе (логеме), которая объединяет суждение с вопросом и побуждением как ее логемными разновидностями¹; В. В. Бабайцева — о логико-психологическом суждении, в котором вербализованным оказывается один из компонентов суждения (предикат или субъект). Наличие сверхфразовых единств дает повод Г. Я. Солганику говорить о логических строфах — форме констатирующего мышления, объединяющего несколько суждений (в отличие от доказывающего мышления, которое пользуется умозаключениями). Актуальное (смысловое) членение предложения В. З. Панфилов интерпретирует как логико-грамматический уровень языка. В содержании слова обнаруживается не только значение, но и смысл (см. с. 159).

Усовершенствование логико-грамматических приемов анализа языка состоит в более широком и разностороннем применении конструктивного моделирования (см. с. 242—243), использовании нулевых компонентов синтаксических формул и трансформационной методики, позволяющей вскрыть глубинные логические формы. Так, Д. Уорс и Р. Ружичка считают, что односоставные глагольные предложения по своей логической природе тождественны двусоставным, так как являются их синтаксическими и морфологическими трансформами. Например, предложение *Шляпу унесло ветром* суть трансформы предложения *Ветер унёс шляпу*; ср. также: *Светает* ← *День светает*; *Знобило* ← *Снег знобил ноги*; *Страшно (ему)* ← *Потеря страшна (ему)*.

Язык и психическая деятельность говорящего

Психологическое направление противостоит логической менталингвистике. Поэтому психологической менталингвистике свойственны подчеркивание несоответствия форм языка логическим формам и критика логической менталингвистики.

Основными несоответствиями логического строя мышления грамматическому строю, по мнению сторонников психологической менталингвистики, являются:

1) структура суждения (пропозиции) и структура предложения в ряде случаев не совпадают; суждение — утвердительно-отрицательная форма мысли, причем двучленная, тогда как предложения бывают повествовательными, вопросительными и побудительными, односоставными и распространенными; к тому же в речи логико-грамматическое членение предложения не совпадает со смысловым, имеются морфолого-синтаксические различия и в языках разных типов;

2) не совпадают логические и грамматические категории, категории субстанции (предмета), качества, действия и т. п. и общая семантика части речи, логическая и грамматическая модальность (наклонение);

3) не совпадают также логическая форма понятия и значение слова, и не только потому, что понятия выражаются словами и сочетаниями

¹ А. А. Шахматов на психологическом основании предлагал для этой цели термин «коммуникация».

слов, но и потому, что слово многозначно и выражает как понятия, так и представления, чувства, выполняет указательную и другие функции.

Все эти отличия от логических форм мысли в языковой семантике стали предметом специального изучения. Само понимание мышления и сознания расширяется и углубляется: логико-понятийному мышлению противопоставляется образное (художественное) и обыденное мышление; ставится вопрос о специфике технического, эмоционального и индивидуального мышления; логическим формам и логическому суждению противопоставляется ассоциация представлений и психологическое суждение; изучаются речевая деятельность, контекст и ситуация речи; абстрактно-логическим общим формам языка противопоставляется подвижная семантика речевых образований.

Язык и передача информации

В логических и психологических теориях учение о языке как знаковой системе и передающем устройстве подчинено проблеме связи языка и мышления. В семиотическом направлении язык понимается как форма, а значение — как функция, которая проявляется при пользовании языком, при изучении контекста и знаковой ситуации.

Структурная функция противопоставляется контекстной, как первичная вторичной. «Первичная функция, — пишет Е. Курилович, — базируется на релевантных противопоставлениях, вторичная — на первичной функции плюс контекст»¹. При таком понимании значения им наделяются фонемы и морфемы, словоформы и словосочетания; термины «значение» («семантика») и «функция» становятся синонимичными, что заслоняет проблему языковой семантики.

Передаваемая информация и даже значение языковых единиц выводятся за пределы языка, связываются с ним случайной, произвольной ассоциативной связью. «Значение не есть отражение объективной реальности в какой бы то ни было форме, а является связью, отношением между словом (звуковым комплексом) и различного рода духовными формами, отражающими внешний мир»². Значение противопоставляется также обозначению и значимости, причем главным признается не то, что и как обозначается и выражается в языке, а то, как передать и обозначить передаваемое. Самое мышление понимается как процесс преобразования информации.

При таком понимании связи языка и мышления семиотическое изучение языка смыкается с теорией информации, изучающей количество информации, ее статистическое прикрепление к текстам и обработку информации текста, пригодную для ее экономной, в том числе машинной, передачи (см. с. 249—250).

¹ Курилович Е. О методах внутренней реконструкции. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4, с. 411.

² Мальцев В. И. Значение и понятие. — В кн.: Проблема значения в лингвистике и логике, М., 1963, с. 6.

Логическое и семиотическое направления в менталингвистике исходят из понимания языка как формы того или иного содержания, которое находится за пределами языка. Психологическое направление обратило внимание на содержательную сторону языка, правда, связав это с речевой деятельностью, контекстом и ситуацией речи (этот аспект был учтен и семиотикой, которая относит значение к знаковой ситуации).

Четвертое направление в менталингвистике характеризуется тем, что оно рассматривает язык как содержательную форму, как совокупность знаний, отраженных и закрепленных в языке. Это направление не имеет устойчивого названия. Его называют *п о н я т и й н ы м н а п р а в л е н и е м* (имея в виду, что предметом изучения являются не только отражение форм мышления и психических ассоциаций, но и содержание языковых понятий и категорий), а также когнитивным и контенсивным¹.

Контенсивная менталингвистика изучает языковые значения как мыслительные образования, их типы и виды, структуру, отношение к логическим и психологическим категориям, универсальные и идиоэтнические («национальные») свойства. Следовательно, контенсивная менталингвистика является лингвистической концептологией, т. е. учением о языковых значениях как особых концептах, их категориях и структурах.

Содержание языковых форм (слов и словоформ, словосочетаний и предложений) рассматривается с точки зрения его специфики, и только в связи с этим устанавливаются их логические и психологические корреляты, универсально-языковые и идиоэтнические характеристики.

Проблематика контенсивной менталингвистики возникла в недрах философии языка и лингвистического психологизма. Однако в работах психологического направления содержательное изучение языковых форм связывалось с психологией народа, индивида и речевого акта. Это привело к тому, что значение языковых форм получило подчеркнутую психологическую интерпретацию, причем настойчиво отрицались общезыковые содержательные категории как проявление лингвистического логизма.

С другой стороны, сторонники лингвистического логизма общие содержательные категории истолковывали как методические универсалии, как учение о методах и приемах лингвистического анализа.

Хотя проблематика языковой относительности и методики лингвистического анализа, опирающиеся на содержание языковых форм, играют большую роль в современном языкознании, онтологическое (субстанциональное) учение о языковом содержании занимает в современной теории языка не меньшее место.

¹ От лат. *cognitum* — *познанный, замеченный* и лат. *contentum* — *утвержденный* (ср. фр. *contenu* — *содержание*). Термин «контенсивный» («содержательный», т. е. ориентированный на содержание языковых форм) применительно к грамматической теории предложил С. Д. Кацнельсон.

Разные направления менталингвистики отличаются, как мы видели, друг от друга истолкованием назначения языка, отношением к языковому значению, его типам и видам.

Язык является системой, обладающей собственной разнообразной семантикой, функции которой различны. Кроме того, язык отражает формы мышления и результаты познавательной деятельности людей и способен передавать различную внеязыковую информацию. Поэтому языковая семантика многообразна по своему качеству и количеству, структуре и назначению. Установление типов и видов языковых значений — одна из важных задач менталингвистики, лингвистической концептологии.

Языковые значения можно подразделить на два типа по их отношению к единицам языка. В первом случае речь идет о семантике самих языковых единиц, их содержании — это структурные языковые значения. Во втором случае речь идет о понятийных и других категориях и передаваемой информации, о семантическом назначении единиц языка и контекста — это информативные языковые значения.

Значение как содержание языковых единиц

Значение является семантической функцией языковой единицы, потому что эти единицы, имея свое собственное содержание, образуют внутреннюю форму мысли. Значение языковых единиц не является предметом мысли говорящего, если он не на них направляет свое внимание. Значение языковых единиц абстрагировано от их внеязыковых коррелятов и конкретности, и в этом смысле в языке есть только общее и формальное, но содержательное формальное.

Языковые значения как содержание единиц языка подразделяют на лексическое и грамматическое значения. Эти значения не совпадают со значением словарной единицы и значением грамматической формы, которые проявляются в одном знаменательном слове (поскольку словарная единица и грамматическая форма реально не существуют друг без друга)¹.

Лексическое значение отличается от грамматического тем, что оно привязано к отдельным словам (или их группам — синонимическим, тематическим и т. п.), тогда как грамматическое значение свойственно не какому-то отдельному слову (или их группам), а языку в целом: любое лексическое значение может проявиться только через общее значение — групповое лексическое и грамматическое. Грамматические значения являются, следовательно, способом представления лексического значения. Так, понятие черного не может существовать вообще;

¹ «...Слово выступает как необходимая единица языка и в области лексики (словарного состава), и в области грамматики (грамматического строя); лексическое в слове, хотя оно и является основным в нем, все же всегда соединено с грамматическим и в действительности не выступает отдельно» (Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 11 и 15).

оно существует лишь как *чёрный* (признак), *чернота* (предметность), *чернеть* (действие) и т. п.

Грамматические значения как классифицирующие понятия и категориальные семантические свойства языка обязательны для всех говорящих на данном языке; лексические значения в различной степени используются говорящими — в зависимости от наличия специальных знаний, знакомства со словарным составом языка и владения стилистическими ресурсами языка. Вариантность лексических значений, их синонимичность значительно шире и разнообразнее, чем вариантность и синонимичность грамматических значений.

Деление языковых значений на лексические и грамматические предполагает их взаимосвязь, наличие переходных случаев и дальнейшее уточнение. Необходимо различать, во-первых, значения модели языковой единицы и конкретных языковых единиц; во-вторых, разные виды единиц (например, морфемы и словоформы, словосочетания и предложения). Наконец, языковые единицы бывают простые и сложные (лексема и фразеологизм, синтетическая и аналитическая формы слова и т. п.), и это влияет на структуру их значения.

Говоря о структурных языковых значениях, мы должны различать среди них указательные и характеризующие. Указательные значения означают и называют значение или отношение; характеризующие значения выражают отношение к этому значению или отношению; они являются как бы значениями о значениях, отношениями к отношениям, характеристиками значений и отношений. А. М. Пешковский, например, к первым значениям относил значение множественности ~ единичности существительных, само значение предметности, согласованности и т. п., а к значениям второго вида — значение (категорию) времени и наклонения глагола, местоименность и т. п.

Называют эти виды значений и другими терминами: первый — означающим, номинативным, тогда как второй — обозначающим, смысловым, модальным, модально-смысловым. Особенно много терминов существует для названия видов значений применительно к лексическому значению слова, причем многие из них пришли из логики и семиотики: референт и символ, денотат и дисигнат (сигнификат), значение и смысл и т. п.

Следует подчеркнуть, что структурное значение языковых единиц, их категорий и моделей (до своей природе семантических и воспроизводимых) не является непосредственным предметом сообщения. Лексическое значение, обладая номинативным и десигнативным содержанием, в речи наполняется конкретным смыслом и получает дополнительное денотативное и коннотативное (стилистическое) значение. Таким образом, лексическое (как и грамматическое) значение используется для организации и передачи внеязыковой семантики, конкретного сообщения.

Значение и типы передаваемых сообщений

Второй тип языковых значений характеризуется, как уже сказано, направленностью на структуру передаваемых сообщений. Поскольку эта направленность постоянна для единиц, категорий и моделей языка,

образуя его внутреннюю семантическую форму, эти значения также являются предметом менталингвистики. За пределами языковой семантики оказывается не структура, а конкретное содержание передаваемого сообщения.



Рис. 7. Значение слова и передаваемая информация

Информативные языковые значения подразделяются на следующие основные виды:

1) логико-языковые значения. Обычно выделяют логико-грамматические значения, обнаруживаемые чаще всего при формально-логическом и смысловом (актуальном) членении предложений. Логико-языковые значения обнаруживаются и при анализе соотношения лексического значения и понятия как формы мышления, причем объем и содержание понятия находятся в прямой зависимости от многозначности и употребительности слова как конкретной лексической единицы;

2) предметно-понятийные (когнитивные) значения — это прежде всего те значения, которые зафиксированы словарным составом языка в качестве конкретных знаний о вещах и понятиях, означенных и обозначенных при помощи указательных и предметно-логических слов. Такими значениями располагает и грамматика, когда она вскрывает такие значения, как вещественность, активность и т. п.;

3) эмоционально-оценочные (субъективные) значения обнаруживаются среди лексических и грамматических значений;

4) стилистические (коннотативные) значения выделяются благодаря тому, что язык является не только структурой, объединяющей единицы

разных ярусов, но и структурой функциональных стилей. Кроме того, коннотативная семантика непосредственно связана с разными формами общения, различными коммуникативными участками, стилистическими и ситуативными контекстами и особенностями говорящего (пишущего) субъекта.

Информативные значения связаны не только с семантической структурой языка, но и выражаются в словах и предложениях языка. Так, лексическое значение слова содержит понятие, представление, оценку, т. е. отношение говорящего к понятию и представлению, причем это отношение может быть рациональным и эмоциональным. Соотношение компонентов семантической структуры лексического значения друг с другом, а также их отношение к культурно-историческому содержанию слова различно. В конкретной речи, в контексте может быть актуализирован любой компонент; в словарном составе языка, в лексических значениях слов происходит специализация лексического значения.

Например, в историзме происходит выдвигание на передний план его культурно-исторического и понятийного компонентов, тогда как в архаизме на переднем плане оказываются его символический, оценочный и стилистический компоненты. В термине (например, *фонема*, *интеграл*, *гелий*) лексическое значение направлено прежде всего на обозначение понятия, реже оно содержит представление, мотивирующее это понятие, и оценку. Слова *выскачка*, *выюн* (о человеке) содержат прежде всего образ-представление; а *войка*, *расчудесный*, *лицезреть* — это прежде всего слова-оценки, и в них выделяются оценочные и стилистические компоненты содержания слова, что и приводит к их семантической специализации, обусловленной коммуникативной функцией.

Прямые и переносные значения

Специфика языковых значений состоит в том, что значения единиц, категорий и моделей языка могут быть прямыми и переносными, структурно мотивированными и немотивированными, системными и асистемными. Именно эти свойства языковых значений делают язык не только запоминаемым, но и осознаваемым, обеспечивают подвижность языковой семантики и способность передавать конкретные сообщения. Широкая многозначность слов и полифункциональность грамматических категорий — универсальное свойство любого естественного языка, которое определяется «самой его природой и его функциями в обществе»¹.

Конечно, в языке встречаются однозначные слова и не только среди терминов. Так, в современном русском литературном языке однозначными являются слова *графин* — «стеклянный сосуд с узким длинным горлом», *лаванда* — «пахучий полукустарник с голубыми или темно-синими цветками», *сметана* — «молочный продукт из сквашенных сливок».

¹ Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, с. 23.

Каждое значение слова, в том числе и однозначного, представляет собой совокупность семантических признаков (сем), которые образуют структуру значения. Например, значение *графин* образуется соединением, по крайней мере, трех видов признаков: а) сосуд (стеклянный), б) с узким длинным горлом, в) для воды, вина и т. п. Эта объемная структура значения обеспечивает разнообразное использование данного слова, при котором актуализируется какой-то один признак значения, хотя для точной характеристики значения необходимо наличие всех видов семантических признаков. Только совокупность признаков позволяет узнать называемое понятие. Предметно-понятийная прикрепленность слова делает его однозначным, хотя и однозначное слово потенциально способно приобретать новые значения.

Особенностью слова как единицы языка является то, что оно может обозначать в речи многие предметы, явления, свойства. В ходе исторического развития различная предметно-понятийная направленность может закрепиться за одним и тем же словом; слово становится многозначным (например, слово *лысина* двухзначно, *гузок* трехзначно, *голос* четырехзначно). Многозначных слов в языке больше, чем однозначных; многозначны и грамматические формы.

Значения многозначного слова имеют общую семантическую основу: они принадлежат одной лексеме, не образуя двух самостоятельных единиц языка (за исключением тех случаев, когда в результате распада полисемии возникают слова-омонимы). Эта связанность значений многозначного слова с общей лексемой дала основание многим современным языковедам вслед за А. И. Смирницким рассматривать отдельные значения многозначного слова как лексико-семантические варианты.

Значения многозначного слова связаны семантической производностью как прямые и переносные значения одного и того же слова. Прямое значение обладает первичной, непосредственной предметно-понятийной направленностью (например, *голова* обозначает часть тела человека или животного, а *пышка* — пышную круглую булочку).

Прямое значение может быть мотивированным и немотивированным. Немотивированным является значение слова тогда, когда его происхождение неясно (ср. слово *голова*) и связь значения слова и его звукового состава удерживается по традиции как ассоциативная связь по смежности. Мотивированным прямое значение является тогда, когда ясны его словообразовательная членимость и словообразовательное значение, сохраняющее направление номинации и признак, который лег в основу названия. Так, наличие слов *пышный*, *пухлый* делает мотивированным значение слова *пышка*.

Переносное значение слова всегда является мотивированным, семантически производным от прямого значения. Следовательно, переносное значение обладает вторичной предметно-понятийной направленностью (обозначая иной предмет, явление, качество, чем прямое значение) и связью с прямым значением, на базе которого оно возникло. Так, когда сыр в форме шара называют *головой сыра*, то сравнивают сами предметы, обнаруживая в них сходство; когда в разговорной речи пухлого ребенка называют *пышкой*, то образуют не

новое слово, а используют переносное значение слова *пышка*; благодаря двойной мотивированности название становится ярким, наглядно-образным.

Образование переносных значений происходит по особым семантическим законам, связывая языковую семантику с мыслительной деятельностью людей. «Метафора, — писал П. Лафарг, — есть один из главных путей, по которым абстракция проникает в голову человека»¹. Важно подчеркнуть еще и то, что переносные значения, когда они сохраняют свою мотивированность, являются активным средством выражения мысли и воздействия на читателя и слушателя; это особенно ярко проявляется при употреблении переносных значений слов в контексте.

Объемная структура языковых значений, наличие переносных значений — все это делает семантику языковых единиц очень мобильной, способной перегруппировывать свои семантические признаки при выражении и передаче конкретных сообщений и вхождении в контекст.

§ 26. ОТРАЖАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

Семантическая сторона языковых единиц обладает отражательной функцией. Языковые знания, языковое мышление по своей гносеологической природе не отличаются от других знаний. Отличие языковых значений от понятий и представлений, суждений и умозаключений, возникающих в результате непосредственных операций мышления и наблюдения, состоит в том, что языковые значения представляют собой отчужденное мышление. Возникнув в ходе исторического развития, значения единиц языка превратились в типовые знания, известные всем говорящим на данном языке и используемые как средство оформления и передачи конкретной мысли.

Формальные и содержательные значения

Значения, закрепленные в единицах языка, напоминают значения логических форм и законов прежде всего тем, что они категориальные, классифицирующие, общие. «Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее»².

Однако обобщающая функция мышления и языка, логическая и языковая формализация существенно различаются. Если мыслительные операции направлены на познание действительности и достижение истины, то языковые операции направлены на формирование мысли, эмоционального, волевого и т. п. знания, на точную и выразительную их передачу. Логические формы мышления и познания всеобщие, языковые формы национальны. Языковые значения общеизвестны, народны, без них невозможно ни понимание, ни передача сообщения.

¹ Лафарг П. Соч., т. 3. М. — Л., 1931, с. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 29, с. 246.

Поскольку языковые значения являются отчужденным мышлением и само это отчуждение носит избирательный характер, постольку их актуальность для передачи и выражения мыслей бывает разной. Знания, отраженные в языке, и знания, передаваемые при помощи языка, не одно и то же. С точки зрения актуальности для выражения и передачи сообщений, языковые значения делятся на формальные и содержательные.

Формальные языковые значения организуют форму мысли и структуру высказывания, что необходимо для понимания, тогда как содержательные языковые значения организуют конкретную мысль для выражения и передачи сообщения, нового знания. Формальность и содержательность в различной степени проявляются у всех видов языковых значений.

Так, значение рода может быть формальным (*стол, чёрный, лежал* и т. п.) и содержательным (*писатель, рабочий, петух* и т. п.). Если мы сравним фразы *Он человек!* и *Он хороший человек*, то заметим, что лексическое значение слова *человек* в первом случае является содержательным, а во втором — формальным, необходимым для построения обычного предложения. В стихотворной строке *Вечер чёрные брови насопил* (Есенин) многие языковые значения формальны: и множественное число, и число и род глагольной формы, и значение слова *вечер* — «часть суток перед наступлением ночи». Напротив, персонификация понятия, выраженного отвлеченным существительным, делает актуальным и содержательным значение глагольного действия, имеющего при себе объект — прямое дополнение, лексическое значение остальных слов, причем поэтическое *чёрные брови* соседствует с народно-диалектным *насопить* (вм. *нахмурить* и *насупить*).

Формальность и содержательность языковых значений, как видно из примеров, проявляется и в самом языке, и при пользовании языком, при построении контекстов, где происходит преобразование языковых значений.

Языковые единицы и контекст

He's dieding

Языковые единицы (слово, словоформа, модель предложения) обладают собственным значением. Это значение выражается структурой единиц языка, их связями в отдельных языковых ярусах, взаимодействием разных ярусов языка, словоформы и лексемы, слова и предложения. Однако использование языка характеризуется не только реализацией и актуализацией значений языковых единиц, их воспроизведением в речи, в контексте, но и порождением контекстных значений.

Термин «контекст» в современном языкознании употребляется очень широко, им обозначают три рода явлений: 1) словесный контекст; 2) речевую ситуацию (конситуацию) — условия общения, обстановку речи, условия бытования словесного контекста; 3) контекст культуры — условия интерпретации бытующего словесного контекста, словесную и контингентную культуру народа. Все эти аспекты важны для понимания речи говорящих, передаваемого содержания; они свя-

заны друг с другом. Однако ведущим является понимание контекста как словесного контекста, т. е. контекста в узком значении слова.

Словесный контекст противостоит языку и речевой ситуации, а также контексту культуры. С л о в е с н ы й контекст как явление семантическое и линейное есть законченный по смыслу отрывок письменной или устной речи, в пределах которого можно понять значение каждой входящей в него единицы языка. Хотя единицы языка выступают при этом как части контекста, они в то же время вычлениют отрезок текста, выступая контекстообразующими единицами.

Контекстообразующими единицами являются потенциально самостоятельные единицы языка, которые могут быть единицами коммуникации. Например, фонемы и морфемы обладают синтагматическими свойствами, но не образуют контекста; напротив, контекст может превращать их в текстовые слова (*Наши русские т и д принадлежат к собственно зубным согласным; Образования с -ня иногда имеют прерзительно-просторечный оттенок: матросня, солдатня*). Перед нами, следовательно, не контекст функционирования, а контекст порождения.

Не является контекстом и синтагматическая структура единиц языка. Так, *учитель* — это слово, т. е. единица языка, а не постоянный или переменный контекст основы *учи-* или суффикса *-тель*; *бить баклуши* — это фразеологизм (единица языка), а не постоянный или переменный контекст слова *баклуши* или *бить*. Контекст есть условие функционирования и порождения единиц языка и их контекстных вариантов.

Контекстообразующими являются такие единицы языка, как слово и предложение, фразеологизм, словоформа и словосочетание. Обычно выделяют два типа семантических контекстов: лексико-семантический и семантико-синтаксический контекст (его называют также иногда грамматическим, поскольку он охватывает функционирование словоформ и частей речи).

Л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к и й контекст возникает тогда, когда контекстообразующим и интерпретируемым контекстом выступает лексема или фразеологизм. Контекстом лексемы может быть сочетание слов, фраза, сверхфразовое единство. Так, прилагательное *глубокий* в сочетании со словами *река, озеро, овраг* и т. п. реализует значение «имеющий большую протяженность сверху вниз», тогда как в сочетании со словами *тишина, молчание, спокойствие* и т. п. — значение «ничем не нарушаемый, полный». В художественных текстах связи между словами могут выходить далеко за пределы фраз и сверхфразовых единств, пронизывая все произведение, которое в этом случае оказывается широким контекстом слова.

С и н т а к с и ч е с к и й контекст понимается в современной науке неоднозначно, распространены две точки зрения. Согласно лексико-семантической точке зрения, впервые обоснованной А. А. Потемной, контекстом называют лексемное и смысловое наполнение синтаксических моделей — моделей предложения и моделей словосочетаний; сюда же относится изучение переносных или частных значений грамматических форм. В. В. Виноградов, например, таким употреблением считал выражение оттенка негодования и протеста, следующего из синтак-

сического контекста, формой повелительного наклонения [*Девушка платок уронила — ты поднимай, она входит — ты вставай и давай ей стул, уходит — ты провожай* (Чехов)].

Согласно семантико-синтаксической точке зрения, впервые обоснованной Л. П. Якубинским и Н. С. Поспеловым и получившей широкое распространение в советском языкознании, предметом контекстного синтаксиса является сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое). Сверхфразовое единство как основная единица контекстного синтаксиса есть объединение простых и сложных предложений в большую синтаксически прерывистую единицу, вычленимую прежде всего на семантическом и коммуникативном основаниях. Выделяются два основных типа сверхфразовых единств — монологического и диалогического типа; особое место занимают сверхфразовые единства с чужой речью — сложные синтаксические целые с прямой, косвенной и несобственно-прямой речью.

Таким образом, отражательная функция языка проявляется не только в контекстной обусловленности языковых значений, но и в отражательной природе самих языковых значений.

Теория языковой относительности

Поскольку языковая форма устойчива, а языковые значения избирательны и формальны, постольку одно и то же внеязыковое содержание передается и выражается по-разному не только говорящими на одном и том же языке, но и различно отражается во внутренней (семантической) форме языка.

Открыты и описаны особенности содержания многих языков, в частности, зависимость языковой семантики от этнокультурных, идеологических (классовых) и стилевых (культурных) факторов. Так, Гумбольдт писал о связи внутренней формы языка и «духа народа»; Фосслер и Марр рассматривали язык как речевую надстройку, связанную с идеологией и культурой как идеологическим образованием; Фёрс и Хаймс говорили об обусловленности языковой семантики контекстом культуры и функциональными стилями.

Эти различия в семантической структуре разных языков были абсолютизированы, когда последователь Гумбольдта Л. Вейсгербер признал язык особым видением мира, третьей силой, которая управляет людьми, а последователь Сепира Б. Уорф выдвинул теорию языковой относительности¹.

Уорф, наблюдая влияние слов на поведение людей, заметил, например, что около склада бензиновых цистерн люди ведут себя соответствующим образом, т. е. с большой осторожностью; в то же время рядом со складом с названием «пустые бензиновые цистерны» они ведут себя недостаточно осторожно: курят и даже бросают окурки. Однако эти «пустые» цистерны могут быть более опасными, так как в них содер-

¹ См.: Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 1.

жаты взрывчатые испарения¹. На основании своих наблюдений Уорф пришел к выводу, что люди подчиняются «тирании слов», так как общие формулы их поведения обуславливаются чисто лингвистическими факторами. Дальнейшее сравнение языкового европейского стандарта (= английского языка) и языка хопи приводит его к еще более решительному выводу о том, что грамматические модели являются истолкователями действительности, что, например, ньютоновские понятия пространства, времени и материи выведены не из опыта, а из культуры и языка.

Философская несостоятельность теории лингвистической относительности, отождествляющей структуру языковой семантики со структурой мышления и культуры, состоит в том, что Уорф переоценивает роль языка, считая, что язык непосредственно соотносится с действительностью, минуя мышление, и рассматривая языковые значения как знания данного народа. Это неверно потому, что языковые значения формальны и различие языковых структур, их грамматики и словарного запаса, не мешает передавать при помощи разных языков одно и то же конкретное содержание.

Несостоятельность гипотезы Сепира — Уорфа доказывается также тем, что «содержание, выражаемое в процессе речи, отнюдь не является простой суммой тех языковых единиц, которые используются в этих целях. Остается фактом, что, несмотря на существенные различия содержательной стороны соответствующих единиц различных языков, одно и то же содержание может быть адекватно передано средствами любого языка, о чем свидетельствует сам факт перевода с одного языка на другой... Именно несовпадение содержательной стороны речи и языковых единиц, используемых в ней, благодаря чему мышление всегда имеет возможность выйти за пределы содержания языковых единиц, и создает самую возможность воздействия мышления на содержательную сторону языковых единиц, на их становление и развитие»².

Преувеличение влияния языка на поведение людей доказывается и тем, что речевая деятельность людей носит не только психологический и семиотический, но и социальный характер. Идиоэтнические особенности языков неправильно рассматривать как проявление некоего духовного начала: они суть результат исторического развития языка в связи с историей данного народа.

Библиография

- Общее языкознание. М., 1970, с. 376—418.
Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
Язык и мышление. М., 1967.
Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965.
Савченко А. Н. Часть речи и категории мышления. Ростов-на-Дону, 1959.
Чесноков П. В. Логическая фраза и предложение. Ростов-на-Дону, 1959.

¹ См.: Новое в лингвистике, — вып. 1, с. 136.

² Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 230—231.

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965.

Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966, с. 146—166.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 36—69.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 3—20, 95—216.

Глава 10

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Связь языка и общества вполне определена: язык существует лишь в обществе, общество не может существовать и развиваться без языка. Язык, который перестает функционировать и развиваться, — мертвый язык: он сохраняется всего лишь как предмет научного изучения, познания прошлого. Антиномия языка и общества носит условный, исследовательский характер.

Хотя свойства языка непосредственно не отражают ни структуры общества, ни законов его функционирования и развития, ни тех задач и целей, которые общество ставит перед собой и решает в данный момент, — при всей относительной самостоятельности языка изучение его связей с обществом, социальной обусловленности языка и его социальных функций является одной из главных задач теории языка.

Социология языка, или социолингвистика¹, — один из основных разделов теоретического языкознания, влияющих на языковую политику и имеющих непосредственный выход в практику — языковое строительство.

27. ЯЗЫК И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Понятие речевой деятельности настолько важно, что некоторые ученые (например, сторонники психолингвистики) рассматривают язык как часть речевой деятельности. И это верно только в том смысле, что язык не существует сам по себе как абстрактная идея, а является результатом и компонентом человеческой деятельности. Речевая деятельность имеет две стороны: индивидуально-психическую и объективно-социальную.

Речевой акт и психофизические механизмы речи

Речевая деятельность — это прежде всего акт общения людей друг с другом при помощи языка, коммуникативный акт. Схематически его можно представить как взаимоотношения двух говорящих или как взаимоотношения передающего и принимающего устройств, т. е. как канал связи. Взаимоотношения говорящего (адресанта) и собеседника (адресата) предполагают установление контакта

¹ Термин «социолингвистика» употребил впервые в 1952 г. американский исследователь Х. Карри, хотя социология языка уже существовала.

между ними. Поэтому коммуникативный акт определяется наличием общего контекста и ситуации речи, общего языка (кода, как говорят в теории связи) и индивидуальных сообщений (иногда говорят — темы сообщения). Следовательно, коммуникативный акт имеет сложный характер, включая не только отношения говорящих друг с другом, но и их восприятие обстановки речи, языка и передаваемой информации.

Коммуникативный акт обычно имеет форму д и а л о г а, устного или письменного. Речь групповая и монологическая, устная и письменная, представляет собой развернутые или свернутые типы речевого акта.

Коммуникация как проявление речевой деятельности говорящих предполагает порождение и восприятие речи, представляющие собой психофизиологические механизмы речи, которые в психологии, физиологии и психолингвистике называются также языковой способностью¹.

С психофизиологической точки зрения, языковая деятельность является целенаправленной и комплексной, уровневой. Целенаправленность речевой деятельности проявляется в активности говорящего. Его речевая деятельность является не пассивным приспособлением организма к окружающей среде, а процессом, по определению И. П. Павлова, «опережающего отражения».

Уровневый статус речевой деятельности выражает ее сложный и многоаспектный характер, систему динамических стереотипов, связанных друг с другом и действующих в определенной последовательности. Выделяются четыре основных уровня порождения речи: мотивационный, семантический, грамматический и фонетический.

Мотивационный уровень — подготовительный: он, выражаясь образно, настраивает говорящего на определенную волну высказывания, охватывающую коммуникативную целеустановку, стиль речи и общее содержание высказывания. Это обеспечивает не только порождение речи, но и ее восприятие, поскольку слушатель улавливает этот настрой.

Семантический и грамматический уровни порождения речи тесно связаны друг с другом, и пока трудно решить, что чему предшествует. Так, Н. Хомский полагает, что семантика начинается с логического каркаса, выбора «ствола» древа развертывания структуры предложения; Л. С. Выготский считает, что все начинается с выбора лексем и установления их ассоциативной связи, так как для внутренней речи характерно преобладание смысла над значением, синкретизм смыслов и их синтагматическое взаимодействие.

Семантический уровень порождения речи выражает единство обобщения и общения. Смыслы возникают в результате взаимодействия предметно-понятийной отнесенности слов и выражений с одной стороны, и мотивов и целей говорящего — с другой. Это приводит к тому, что говорящий выбирает семантические варианты слов и конструкций, актуальные для выражения передаваемой информации, конкретной мысли говорящего (на что обращал особое внимание А. А. Потебня).

¹ См.: Общее языкознание. М., 1970, с. 314—375.

Грамматический уровень порождения речи — это оформление смысла высказывания в соответствии с грамматическими формами и знаниями говорящих, причем процесс порождения идет слева направо, так что результат порождения должен удовлетворять и восприятию речи (при определенной длине порождаемого).

Фонетический уровень порождения речи состоит в артикулировании фонем; обеспечивающих семантическое тождество и различие звуковых структур слов, и слогаобразования. Это создает единство «статического» и «динамического» компонентов фонетического речевого механизма; «без статических элементов речь потеряла бы смысловозначительную функцию, а без слоговой динамики она просто не может осуществиться в звуковом произнесении»¹.

Социальная природа речевой деятельности

Речевой акт и языковая способность говорящего имеют психофизиологическую сторону. Однако это не означает, что речевая деятельность индивидуальна; она явление социальное по своей обусловленности и сути.

Социальная обусловленность речевого акта и речевой деятельности проявляется в том, что они предполагают наличие типовых речевых ситуаций и контекста культуры, которые являются общими для всех говорящих или групп говорящих. Структура речевого акта предполагает не отдельного говорящего (адресата и адресанта), а типового говорящего.

Следует добавить к этому, что носитель языка усваивает грамматический строй языка и его словарный состав. Это усвоение социально обусловлено и никогда не прекращается, особенно в области слов, непрерывно происходит обогащение пассивного запаса слов и их значений, превращение пассивного словаря в активный. Поэтому непрерывным компонентом речевого акта и речевой деятельности говорящего являются реальный язык и общая структура содержания информации, которые социальны, так как принадлежат обществу. Ограниченность микролингвистических исследований (формально-структурных и психолингвистических) состоит в том, что они говорящего представляют как идеального носителя языка, пребывающего в однородном человеческом коллективе, связанного с однородным типом и стилем языка, т. е. речевая деятельность изолируется от реального языка, являющегося сложной функционально-стилевой структурой (см. с. 177).

Социальная природа речевого акта и речевой способности состоит также в социальной обусловленности активности речевой деятельности говорящего. Люди говорят не для того, чтобы воспроизводить язык или демонстрировать свои речевые способности, а для того, чтобы передать внеязыковую информацию. Они используют средства языка для выражения своих мыслей, чувств и волеизъявлений, и эта социально обусловленная информация воздействует на слушателя (или читателя).

¹ Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958, с. 348.

Социальная природа речевой деятельности проявляется также в том, что говорящие не могут безразлично относиться к форме выражения своих мыслей и чувств, к сохранению и изменению языковой нормы. Наконец, социальная природа речевой деятельности доказывает также тем, что она является составной частью социальной деятельности человека и всего общества, для которых язык служит орудием развития. Конечно, на функционирование и развитие языка социальный фактор может влиять менее осознанно (стихийно) и более осознанно — в форме особой языковой политики и языкового строительства.

Речевой акт и речевая способность могут включать в качестве компонентов несколько языков; в этом случае речевая деятельность становится более сложной, но ее природа принципиально не меняется.

Двуязычие как психофизическое и социальное явление

Двуязычие как форма функционирования и развития языка занимает важное место в теории языкознания. Языковые контакты, смешение языков, их взаимодействие рассматриваются как одно из необходимых условий развития языка (см. с. 189—191). Двуязычие как факт речевой деятельности носит не только индивидуально-психический, но и социально-идеологический характер.

Двуязычием (или билингвизмом) называется владение двумя языками¹. Степень владения языками бывает различной; высшая степень двуязычия возникает тогда, когда говорящий признает родным второй язык.

Двуязычными могут быть не только отдельные лица, но и целые народы или социальные слои общества. Формы и виды двуязычия зависят от конкретно-исторических условий развития народов, их социально-экономической и культурно-политической структуры.

Хотя двуязычие известно всем социальным общностям людей и историческим эпохам, как заметное общественно-историческое явление оно привлекло внимание в эпоху Возрождения, когда стали узнаваться новые языки и возникать литературно-письменные языки специального назначения (богослужение, государственные акты, научная деятельность). Такие языки были межнациональными: для народов Востока это арабский, персидский, китайский языки; в Западной Европе — латинский; у ряда славянских народов — церковнославянский. Двуязычие носило социально-ограниченный характер: двумя языками владели представители господствующих классов и профессионалы (деятели культуры, дипломаты, ученые).

Более глубокий и широкий характер носит двуязычие в современном мире. Двуязычной является, например, значительная часть современного населения Латинской Америки; двуязычие распространено в Бельгии и Швейцарии, Англии и Франции. При переписи населения в 1940 г. более 22 млн. граждан США, владеющих английским языком,

¹ Человек, владеющий двумя языками, называется билингвом, а владеющий несколькими языками — полиглотом.

в качестве родного назвали другие языки — французский, немецкий, русский, украинский и др. Распространено двуязычие в Советском Союзе, где сформировалась новая социальная общность людей — советский народ.

Изучение истории и видов двуязычия позволяет говорить о двух его типах — контактном и неконтактном. Контактное двуязычие возникает в условиях совместной повседневной жизни двух народов. Оно более устойчиво и постоянно, передается из поколения в поколение и является языковой основой для изменения языка при скрещивании языков (см. с. 190). Контактным является двуязычие при возникновении языка межнационального общения.

Неконтактное двуязычие возникает в результате овладения языком другого народа путем его специального изучения. Так, английский, испанский, немецкий, русский, французский и другие языки международного значения изучаются в школах и специальных учебных заведениях различных стран мира. Двуязычными становятся отдельные лица и целые социальные группы. Поэтому не следует смешивать язык межнационального общения и межнациональные языки науки, дипломатии и культуры.

Как контактное, так и неконтактное двуязычие в своем развитии и функционировании имеет не только индивидуально-психологические, но и социальные стороны.

§ 28. ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ НОРМА

Любой язык выступает в той или иной форме своего существования как конкретно-историческая социальная норма. Понятие языковой нормы было свойственно языкознанию на всех этапах его развития; это понятие связывалось с разными концепциями и получало различное терминологическое обозначение. Это было койне во времена александрийской грамматики, идеи нормативных грамматик и толковых словарей в XVII—XVIII вв.; в языкознании XIX в. проблема нормы обсуждалась как соотношение общечеловеческого (логического), национального и индивидуального (психологического); младограмматики выдвинули понятие узуса, противопоставив его искусственности литературно-письменной нормы и индивидуальности речевого акта. Особенно актуальной стала проблема нормы в лингвистике XX в., когда она стала разрабатываться, с одной стороны, в связи с проблемой реализации языковой системы, а с другой стороны — в связи с изучением литературных языков и культуры речи.

Языковая система и языковая норма

Языковая норма в современных теориях выводится из сравнения ее с системой языка и речью. Языковая система понимается как структурные потенции языка и его абстрактная схема, языковая норма соответственно — как реализация возможностей этой структурной схемы в конкретно-исторической форме того или иного языка.

Э. Косериу, понимая норму как историческую коллективную реализацию системы, писал: «...Норма соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе. Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, т. е. технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает модели, исторически уже реализованные с помощью этой техники и по этим шаблонам. Таким образом, через систему выявляется динамичность языка, то, как он формируется, и в силу этого — его способность выходить за пределы уже реализованного; норма соответствует фиксации языка в традиционных формах. Именно в этом смысле норма в каждый момент представляет синхронное («внешнее» и «внутреннее») равновесие системы»¹.

Языковая норма как конкретно-историческое явление характеризуется, по крайней мере, тремя свойствами — избирательностью, устойчивостью (традиционностью) и обязательностью («правильностью»).

Избирательность нормы языка проявляется в том, что каждая языковая норма реализует по-своему возможности системы языка и различно фиксирует познавательную деятельность людей. Именно благодаря этой особенности языковая норма способна к развитию и вариатности. Избирательность делает языковую норму явлением сложным, противоречивым, динамическим.

В то же время языковая норма является устойчивым образованием. Ее устойчивость состоит прежде всего в том, что норма проявляется в сознании и практике всех членов данного языкового коллектива как что-то общее; передаваясь от поколения к поколению, она объединяет речевую деятельность говорящих, разделенных временем, местом, социальным положением, уровнем знания и духовного развития. Устойчивость проявляется как сохранение языковых традиций, постепенное развитие культуры языка.

Важная роль языковой нормы в речевой деятельности говорящего делает ее не только социально-объективным явлением, но и социальным фактором, значение которого признают все говорящие.

Обязательность языковой нормы вытекает не из внутренних проявлений системы языка, а из внешних для нее требований к принятию тех или иных фактов языка. Все признанное общество считается не только обязательным, но и правильным.

Норма как конкретно-историческое социальное явление предполагает сохранение системных и асистемных фактов (см. с. 134—135), признание вариатности реализаций системы и асистемных явлений, возникших в результате взаимодействия языков. Вариантным явлениям языковой нормы присущи вторичные отличительные признаки — стилистические, территориальные и социальные.

¹ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3, М., 1963, с. 175.

Язык как конкретно-историческая норма управляет речью тех, кто пользуется данным языком. Языковая норма всегда есть взаимодействие между языком как реализованной системой и орудием общения и носителями данного языка, которые охраняют его и оказывают влияние на его функционирование и развитие.

Языковая норма — это совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы языка, исторически отобранных и закрепленных общественной языковой практикой.

Типы языковой нормы

Поскольку языковая норма закрепляется языковой практикой общества, которое не является однородным, а язык коммуникативно многофункционален, постольку языковая норма не является единой. Язык образует систему разных видов и типов нормы как форм существования и функционирования языка. Основными типами языковой нормы являются узус, литературный язык, стиль языка.

Узус есть элементарная форма существования и функционирования языка, совокупность всех реальных употреблений языка. Этот языковой обычай разнообразен и многолик; даже условно, искусственно выделяемое общение двух лиц предполагает наличие чего-то общего и обычного, что позволяет им пользоваться языком.

Узуальную норму можно обнаружить в диалектах и говорах, социальных диалектах и жаргонах; она свойственна разным видам обиходно-разговорных форм языка — городским и областным койне, разным видам интердиалектов. Многообразие и подвижность узуальных норм указывают на три измерения языка — историческое (хронологическое), пространственное (ареальное) и социальное.

Литературный язык¹ — форма существования и функционирования языка, узус и норма особого рода. Литературный язык — это обработанная и образцовая форма языка того или иного народа. Будучи в большей степени, чем любая другая форма языка, традиционным и обязательным, литературный язык обладает большим функциональным, социальным и хронологическим охватом, чем любое другое проявление нормы языка. Литературный язык занимает центральное место среди всех форм существования и функционирования языка потому, что его назначение — объединять членов социальной общности — народности, нации, народа. Литературная норма изменчива, ее роль в разных исторических условиях отлична, но она всегда представляет общее среди всех проявлений того или иного языка.

¹ Наряду с термином «литературный язык» для обозначения этой языковой нормы используются также другие термины: «стандартный язык» (языковой стандарт), «письменный язык» (нем. Schriftsprache, чеш. spisovný jazyk), «язык культуры» (культурный язык, польск. język kulturalny), «общий язык» (фр. langue commun, нем. Gemeinsprache), «общенародный язык», «общенациональный язык». Впрочем, термином «общенародный язык» иногда называют язык простого народа, синонимизируя этот термин с термином «простонародный язык». Высшей формой общенародного языка является литературный язык.

Литературный язык как главная норма характеризуется следующими признаками:

1) наличием письменной формы, которая нормализована и кодифицирована; процессы нормализации и кодификации проходят различно у разных народов и в разных исторических условиях, но они необходимо сопутствуют образованию любого литературного языка;

2) обязательностью для всех говорящих на данном языке; литературная норма носит общий характер: она противостоит всем другим территориальным, социальным и функциональным вариантам данного языка;

3) полифункциональностью; литературный язык используется на всех коммуникативных участках, а потому стилистически дифференцирован.

Полифункциональность и стилистическая дифференциация языка непосредственно подводят нас к вопросу о языковых стилях. С т и л и я з ы к а — это коммуникативные и функциональные разновидности языковой нормы. В отличие от узуса диалектов, стили языка не только языковой обычай, но и традиция, зафиксированная в руководстве по стилистике. Но в отличие от нормы литературного языка его стили не являются столь общеобязательными и кодифицированными.

Стили языка оформляются с появлением письменных форм языка, в связи с противопоставлением книжного и разговорного типов языка, письменной и устной речи. Однако между книжным и разговорным типами языка различие может быть иное в тех случаях, когда литературно-письменным языком становится народный язык и возникает функциональное двуязычие, отличительным признаком которого является то, что один язык используется как письменный, а другой — как разговорный.

Функциональное различие, наличие структурных расхождений между литературной нормой, стилями языка и диалектной речью вызвало появление в языкознании понятий языка поэтического, разговорного и диалектного¹. В таком употреблении термин «язык» становится неточным. Например, говоры и диалекты имеют различия во всех компонентах языковой структуры, так что их общая основа является реконструкцией исследователя, а не языковой реальностью (говоры и диалекты — это варианты одного языка). Поэтому термины «диалектный язык» и т. п. (употребляемые в ряду таких терминов, как «русский язык», «поэтический язык») только вводят в заблуждение. Использование термина «язык» в этих случаях неправильно (см. с. 121).

Узус и территориальное и социальное расслоение языка

Варьирование языковой нормы объясняется не только фактором времени, но и социальными условиями, которые воздействуют и тогда, когда создается и распространяется единая норма, и тогда,

¹ Эти идеи развивались и развиваются сторонниками Пражского лингвистического кружка. К материалу русского языка идеи диалектного и разговорного языков применяют Р. И. Аванесов и Е. А. Земская (см.: Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 7—24; Земская Е. А. Русская разговорная речь. — «Вопросы языкознания», 1971, № 5).

когда возникают и сохраняются местные (территориальные) и социальные диалекты.

Узусы местных говоров и социальных диалектов, узусы городских койне и интердиалектов отличаются друг от друга по социальному положению и назначению, по структурной наполняемости и допустимой вариантности. В. М. Жирмунский, анализируя соотношение местных и социальных диалектов, писал: «...Социальные диалекты в языке классового общества образуют как бы пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной форме литературного языка. Основу расхождения наиболее значительны и представляют наибольшую дробность; в полудиалектах (на среднем уровне) пирамида сужается как в смысле значительности расхождений, так и в смысле количества дифференцирующих признаков; в обиходной (разговорной форме) литературного языка, более или менее унифицированной (на высшем уровне), схождение еще больше, но в результате незавершенности процессов унификации пирамида остается усеченной и точка схождения (общенациональная «норма») представляется скорее идеальным предельным понятием, чем осуществленной действительностью»¹. Следует добавить, что общенациональная норма идеальна скорее в том смысле, что она вариантна (функционально и хронологически) и представляет собой конкретно-историческое явление, постоянно развивающееся.

Близость местных и социальных вариантов языка несомненна. Местные диалекты имеют значительный слой профессиональной лексики, отражающей занятия местных жителей. Именно это дает основание говорить о диалектах двух типов — территориальных и социальных.

Однако между диалектами местными и социальными имеются существенные различия: местные диалекты охватывают все население данной местности, имеют своеобразную лексику, фонетику и грамматику; социальные диалекты своеобразны прежде всего в области лексической системы и охватывают узкую социальную сферу.

Социальность языка проявляется также в его социальном и специальном использовании с одной стороны, а с другой — в наличии социальной дифференциации языка.

Социальность использования языка характеризуется прежде всего распространением его литературной нормы, что непосредственно связано с социально-экономическим и культурно-политическим развитием общества, а также появлением международных языков специального назначения — научного (в такой функции использовали, например, латинский, санскрит, арабский языки) и культового (в христианстве в функции культового языка использовались и используются, например, латинский, древнегреческий, церковнославянский языки).

¹ Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика. — В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 21.

Социальная дифференциация языка сказывается в наличии социальных вариантов языка, особенно в области словарного состава, свойственных отдельным социальным группам, сословиям и классам. Наиболее изучены такие социальные варианты языка, как профессиональные «языки», жаргоны и аргю.

Профессиональные «языки» не являются языками в собственном смысле слова; это профессиональные лексические системы, употребляемые представителями промыслов и ремесел (например, рыболовами, охотниками, сапожниками и т. д.). Профессиональная лексика выражает практическую деятельность тех или иных групп населения, подчеркивая экономическую замкнутость определенных территорий и профессий. Так, В. И. Ленин, отметив три ветви офенского языка, употребляющегося во Владимирской, Костромской и Нижегородской губерниях, в том числе в селе Красном, писал: «Небезынтересно отметить здесь особый жаргон красносельцев; это — характерная черта территориальной замкнутости, свойственной мануфактуре. (...) Только крупная машинная индустрия вполне разрушает земляческий характер общественных связей и ставит на их место национальные (и интернациональные) связи»¹.

В современных языках наблюдается включение научно-технической терминологии в литературный язык, «профессионализация» языка. Наряду с появлением профессиональных диалектов профессиональную специализацию могут получать и отдельные языки; но такая специализация осуществляется на разной фонетической и грамматической основе и отражает социальную избирательность языков.

Жаргоны возникают в социальных группах людей, связанных друг с другом не только производственными интересами, но и общим времяпрепровождением (служба в армии, учеба, занятия спортом и т. п.). В отличие от профессиональных лексических систем, вызванных производственной необходимостью, жаргонная лексика обычно является повторением того, что названо в общем языке. Так, современный студенческий сленг состоит из переименований слов профессиональной и бытовой лексики [шпоры — «шпаргалка», удочка — «удовлетворительно», столкнуть — «сдать экзамен или зачет»].

Жаргонным образованием являются так называемые классовые языки — дворянский, купеческий и т. п. Жаргон русских дворян, возникший в конце XVIII в., представлял собой смесь переосмысленных русских и французских слов и некоторых отклонений от литературного произношения этих слов. Классовые жаргоны и классовую жаргонизацию языка не следует смешивать с классовым использованием языка, его литературной нормой. Так, в XI—XIII вв., после завоевания Англии норманнами, «дворянским языком» стал французский, на котором говорили при дворе, тогда как простой народ говорил по-английски.

Аргю — это жаргоны деклассированных элементов общества. Например, воровское аргю, свидетельствующее об языковой изоляции, о тайном языке, включает слова и выражения, относящиеся к воров-

ству и воровскому быту (*ширмач* — «карманный», *банищик* — «вокзальный», *майданик* — «поездной», *скокарь* — «квартирный» и т. п.), ругательства и эвфемизмы; распространено искаженное произношение слов (например, мягкое произношение шипящих).

Социальные варианты речи имеют не только территориальную прикреплённость; они выступают как функционально-стилистические образования на ограниченных коммуникативных участках и обслуживают узкие сферы общения.

Литературный язык и его стили

Современный национальный язык имеет не только структуру ярусов, но и функционально-стилевую структуру, структуру стилей языка. «Если исходить из понимания общей структуры языка как «системы систем»..., — писал В. В. Виноградов, — то стиль языка — это одна из частных систем (или «подсистем»), входящих в общую систему. Понятие «стиля языка» в основном определяется теорией функций языка и их реальным разграничением. В этом аспекте стиль языка — это структурный облик функции языка в ее многообразных проявлениях»¹. Следует добавить, что функционально-стилевая структура языка увязана не только с правилами речевой экспрессии, но и с типами языковой нормы, с общественными функциями языка. Если ярусная структура языка опирается на ярусы языка и структурные функции его единиц, то стилиевая структура языка опирается на типы языковых норм и мыслеобразующие и общественные функции языка (см. рис. 8).

Объединяющим началом функционально-стилевой структуры языка является его литературная норма; основными полями выступают книжный и разговорный типы языка, на крайних полюсах которых находятся с одной стороны научная речь, а с другой — местный говор. Крайние полюса непосредственно связаны с искусственным языком науки, абстрагированным от реального языка и реальной жизни, и с индивидуальной речью говорящего, пользующегося общо-разговорной речью или местным (или социальным) диалектом.

Очень важными частями функционально-стилевой структуры языка являются язык художественной литературы и просторечие, которые возникают как результат взаимодействия типов языковой нормы и стилей языка в речевой деятельности говорящих.

Язык художественной литературы как стиль книжного типа языка непосредственно связан с основными родами (жанрами) словесного художественного творчества — стихотворной, прозаической и драматургической речью, что было осознано в древнегреческой риторике и поэтике и развито в лингвистической концепции М. В. Ломоносова. Представители Пражского лингвистического кружка разработали теорию поэтического языка как особого структурно-функционального образования. Язык художественной литературы в то же

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 3, с. 392.

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, с. 201.

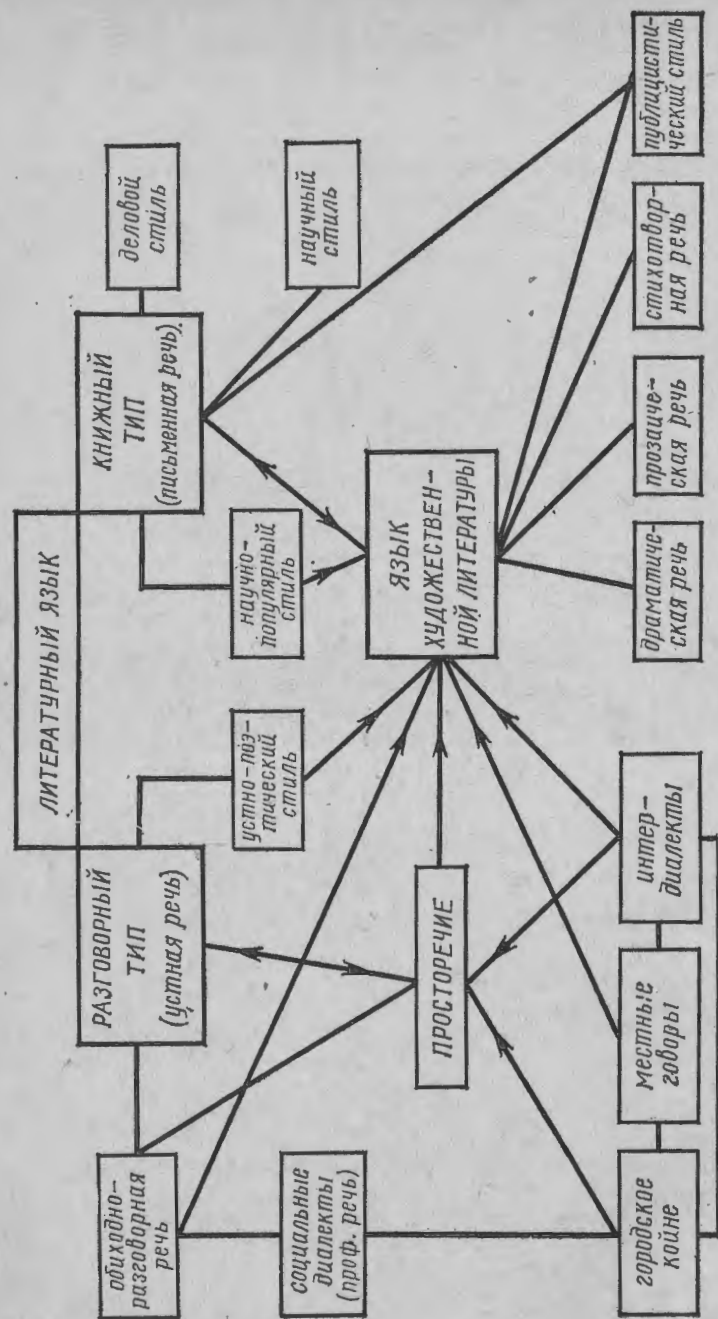


Рис. 8. Функционально-социальная структура языка

время национален; его связи с литературным языком, с другими стилями книжного языка и разговорной речью являются органическими, так что он предстает как высшая форма народного языка, обработанного мастерами культуры. Язык художественного произведения является формой выражения идеологии, эстетического отражения действительности и эмоционального воздействия на читателя, поскольку в художественном произведении отражается личность его творца. Этот идеолого-эстетический аспект языка художественной литературы был подчеркнут в концепции Фосслера — Виноградова.

Просторечию, как и языку художественной литературы, отводится центральное место среди форм и видов разговорного типа языка и устной речи — оно занимает промежуточное положение между литературным языком и диалектом. Не случайно теория просторечия возникла и развивается в связи с практикой составления нормативных словарей и грамматик, в связи с теорией языковой нормы и стилистики общенародного языка.

С одной стороны, просторечие непосредственно смыкается с разговорным вариантом литературного языка, поэтому в некоторых концепциях оно рассматривается как разговорный вариант литературной нормы и как общенародный язык, его обиходно-разговорная речь, на которую опирается язык художественной литературы. С другой стороны, просторечие непосредственно связано с городскими койне и интердиалектами, совокупность которых и образует народно-разговорную речь данного языка. Таким образом, функционально-стилевая структура языка зависит от уровня исторического развития общества и социальных типов языка.

§ 29. СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВ

«Человек, — писал К. Маркс, — есть в самом буквальном смысле ζῷον πολιτικόν, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества — <...> такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидуумов»¹. Функционирование и развитие языка связано с историей общества, с социальными общностями людей. Этим общностям свойственны социальные типы языков, так как для любой социальной общности характерен языковой признак, а существование и функционирование языка обуславливаются социальной общностью людей.

Основные известные формы общности людей — этническая группа, народность, нация и межнациональная общность людей. Будучи историческими образованиями, их языки и в современных условиях сохраняют специфику своей общественной природы, функционирования и структуры.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 12, с. 710; ζῷον πολιτικόν — общественное животное.

Основные этнические группы прошлого — племена, возникшие в родо-племенном обществе. Родовой строй предполагает наличие семьи и племени, объединяющихся на основе кровного родства. По мнению Ф. Энгельса, племя отличает «особый, лишь этому племени свойственный диалект». В действительности племя и диалект по существу совпадают¹. Более современными социальными типами языков являются язык народности и национальный язык.

Народность и ее язык

Народности² возникают на основе племен и их союзов. Экономическая база возникновения народности — докапиталистические производственные отношения. Общий язык и общая территория, единство духовного склада и культуры — основные признаки народности.

Язык народности, являющийся ее важнейшим признаком, характеризуется асимметрической функционально-стилевой структурой: общему языку, который проявляется в виде койневедущего экономического и политического центра или в виде литературно-письменного языка, противостоят местные (территориальные) диалекты.

Диалекты возникают в период феодальной раздробленности и продолжают в известном смысле развитие племенных языков. Так, по данным русской летописи, уже в IX—XI вв., когда укрепилось Киевское государство и сформировалась древнерусская народность, словене сменяются новгородцами, вятичи — рязанцами и т. д. Образование народностей в более поздний период также сопровождается концентрацией диалектов и в то же время их оппозицией общему языку.

Язык и диалект различаются тем, что язык обслуживает всю этническую общность (тогда как диалект — только ее часть), а потому является полифункциональным и структурно-независимым образованием (тогда как диалект ограничен в своих функциях, а его структура зависима от языка, вариантом которого он является).

Язык народности может иметь литературно-письменную форму. Однако объединяющее значение литературно-письменного языка остается незначительным, что проявляется в его малой функциональности, распространенности и авторитетности. Именно этим объясняется использование в функции литературно-письменного языка неродного языка. Тем не менее раннеписьменные языки сыграли большую роль в развитии современных литературных языков.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 21, с. 93.

² См.: Агаев А. Г. Народность как социальная общность. — «Вопросы философии», 1965, № 11; Якубинский Л. П. Образование народностей и их языков. — «Вестник ЛГУ», 1947, № 1; Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, с. 28—81.

Нация и национальный язык

Нации возникают, существуют и развиваются только при наличии экономических связей большого количества людей, связанных общностью территории, языка, национального самосознания, проявляющегося в единстве культуры и духовного склада людей¹.

В. И. Ленин писал: «Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»²; «во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»³. Подлинный расцвет наций наступает в социалистическом обществе, когда крепнут дружба наций и народностей, интернациональные связи трудящихся.

Единство языка и беспрепятственное его развитие — один из основных признаков нации. Национальный язык, в отличие от языка народности, обязательно имеет литературно-письменную форму; распространение и укрепление общей нормы составляет особую заботу нации. Чувство родного (материнского) языка как этнический признак сохраняется благодаря тому, что на этом языке имеется литература, выражающая национальное чувство и национальное самосознание. Национальный язык есть форма национальной культуры.

Однако язык является лишь одним из признаков нации. Поэтому марксистско-ленинская теория показывает односторонность гипотез, растворяющих национальность⁴ в языке, как это делает этнолингвистика, и возражает против отказа от понятия национального языка как якобы понятия философского, а не лингвистического, поскольку структура языка, типы языков не находятся в прямой зависимости от их национальной принадлежности.

Связь языка и нации — конкретно-историческая, и пути образования национальных языков, их функционально-стилевой и ярусной структуры разнообразны. Каждая нация имеет свой язык, однако это не значит, что язык нации всегда исконно-собственный и все нации соотносятся со своим языком одинаково.

Можно выделить три типа соотношений языка и нации⁵:

¹ См.: Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; Рогачев П. М., Свердлов М. А. Нации — народ — человечество. М., 1967; Филлин Ф. Л. Ленинское учение о нации и некоторые проблемы национального языка. — «Изв. АН СССР», 1970, т. 29, вып. 2.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 26, с. 75.

³ Там же, т. 25, с. 258.

⁴ Термины «национальный язык» и «национальность» употребляются расширенно (как признак всех этнических общностей — племени, народности и нации) и в работах, которые не основываются на этнолингвистической гипотезе.

⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 3, с. 427—428.

1. Национальный язык возникает на базе языка народности и потому является не только своим, но и единичным, неповторимым.

2. В процессе складывания наций и национальных языков иногда один и тот же язык используется для создания своего языка несколькими нациями. Например, в Латинской Америке более 20 наций используют в качестве национального испанский язык; английский язык стал языком английской, североамериканской, англоязычной канадской, австралийской и новозеландской наций; арабский язык используется у ряда развивающихся арабских наций; немецкий язык является национальным языком не только немцев, но и австрийцев, а португальский язык обслуживает португальскую и бразильскую нации. Путь создания национальных языков на общей основе также естествен, как образование родственных языков или использование предшествующего опыта при создании слов путем заимствования и создание письменности на общей графической основе.

Язык, общий для двух или нескольких наций, в пределах каждой нации приобретает свои особенности, создается норма языка со своей функционально-стилевой структурой. Например, североамериканский вариант английского языка некоторые американцы склонны даже считать особым («американским») языком. Следует заметить, что поздние образования новых родственных языков находятся в противоречии с тенденцией к образованию языков межнационального общения.

Использование одного и того же языка как языка разных наций и языка межнационального общения можно рассматривать как его общественную функцию. Однако такой подход непоследователен, потому что носители языка — разные народы и общественные функции язык выполняет в различных конкретно-исторических условиях. Национальный язык — это не функция языка как структуры, а социальный тип языка.

3. Складывание наций и их языков может проходить в таких условиях, когда распределение социальных функций нескольких языков происходит в пределах как литературно-письменных и государственных языков, так и языков устного общения. Так было в прошлом, например в Монголии и Англии; так случилось сейчас у некоторых народов (швейцарцы говорят на французском, немецком, итальянском и ретороманском, бельгийцы — на французском и фламандском языках). Подобная языковая ситуация не отрицает связи языка и нации. Она требует только более четкого разграничения понятий национального и государственного языков, разноязычия и двуязычия.

Язык межнационального общения

Развитие современной экономики, которая связывает разные народы и государства, создание многонациональных государств приводят к тому, что образуются новые исторические общности, более широкие и глубокие, чем нации.

Такой новой исторической общностью является советский народ¹. Имея общую социалистическую родину и общее социалистическое хозяйство, советские социалистические нации и народности образовали межнациональную общность советских людей.

Советский народ не представляет собой какую-то новую нацию. Эта новая историческая общность людей характеризуется единством национального и интернационального, возникшим благодаря качественным изменениям в экономике и культуре советских наций. Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила все возможности для развития и расцвета экономики, науки, культуры и языков всех народов Советского Союза. Наша страна стала страной всеобщей грамотности, в чем большая заслуга советских учителей и филологов.

В нашей стране около 70 литературных языков; более 50 наций и народностей получили свою письменность после Октября: среди них есть национальности союзных республик (казахи, киргизы, туркмены), автономных республик (аварцы, башкиры, буряты, калмыки, кумыки, марийцы, мордва, удмурты, чуваша, якуты и др.), автономных областей и округов (манси, ненцы, ойроты, хакасы, чукчи, эвенки и др.). Книги и журналы выпускаются на 60 языках народов СССР; радиовещание ведет передачи на 56 языках.

Свободное развитие культур и языков народов Советского Союза сопровождалось их взаимодействием и взаимообогащением, особенно в области словарного состава языков, а в области терминологической лексики в языках народов СССР образовался общий лексический фонд. Велика в этом процессе роль русского языка, особенно для народов, проживающих в автономных республиках, областях и округах РСФСР.

Развитие нашего многонационального государства, образование советской межнациональной общности поставило вопрос о языке межнационального общения. В ходе социалистического и коммунистического строительства на добровольной основе развивается двуязычие: один из национальных языков начинает выполнять функцию языка межнационального общения. Более 20% населения нашей страны, наряду с родным, свободно владеют вторым языком народов СССР.

Языком межнационального общения называется такой язык (обычно в литературной форме), который используется как средство общения между лицами разных наций, народностей и этнических групп. Основным языком межнационального общения в нашей стране является русский. В Программе КПСС записано: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению

¹ См.: Рогачев П. М., Свердлин М. А. Советский народ — новая историческая общность людей. — «Коммунист», 1963, № 9; Ананченко Н. П. От нации к интернациональной общности людей. — «Вопросы истории», 1967, № 3; Белодед И. К. Советский народ, нации, языки. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1.

каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»¹.

Выдвижение русского языка как основного средства межнационального общения обусловлено историей нашей родины, историей развития языков народов, населяющих страну:

1) это язык большинства населения страны (половина населения — русские, знают его большинство белорусов и украинцев); русский язык стал вторым родным языком, особенно для интеллигенции, всех народов СССР (по переписи 1970 г. его назвали родным 13 млн. лиц других национальностей);

2) русский народ сыграл авангардную роль в победе социализма, в оказании экономической и культурной помощи всем республикам СССР; уважение к братскому народу распространилось и на его язык;

3) наконец, выдвижение русского языка на положение языка межнационального общения было обусловлено огромной ролью, которую играла и играет русская культура и наука в развитии народов Советского Союза.

Считая русский язык мощным орудием распространения передовых идей и богатой русской культуры, В. И. Ленин мечтал о том времени, когда бы «каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку»².

Ленинские заветы воплощены в жизнь. Созданы необходимые условия для изучения русского языка представителями всех народов Советского Союза: они добровольно овладевают русским языком и пользуются им как языком межнационального общения.

Язык межнационального общения не является обязательным, государственным языком. Так, русский язык, выполняя функцию языка межнационального общения, в политическом и правовом отношении занимает равное положение среди других языков народов нашей страны. В каждой республике развиваются свои языки, многие из которых являются также государственными, как русский язык в РСФСР. Вместе с тем, выполняя интернациональную роль сближения всех социалистических наций и народностей, русский язык получает все более широкое распространение как язык мира и дружбы народов.

Библиография

Ленин В. И. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956.

Общее языкознание. М., 1970, с. 419—596.

Язык и общество. М., 1968.

Филин Ф. П. Об изучении общественных функций языка. — «Изв. АН СССР», 1968, т. 17, вып. 4.

Ицкович В. А. Языковая норма. М., 1968.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, с. 115—116.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 24, с. 295.

Русановский В. М. Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1970, № 4.

Будагов Р. А. Литературные языки и литературные стили. М., 1967.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967, с. 499—526.

Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963.

Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.

Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.

Белодед И. К. Развитие языков социалистических наций СССР. Киев, 1969.

Костомаров В. Г. Программа КПСС о русском языке. М., 1963.

Глава 11

ЯЗЫК И ИСТОРИЯ

Историческая изменчивость, динамизм языковой системы — постоянное и существенное качество языка. Одним из важнейших результатов исторического развития является разнообразие языков, языковых категорий и явлений. Поэтому познание природы языка предполагает определение влияния на язык фактора времени, раскрытие типов и форм языковых изменений, причин и результатов этих изменений.

Как неоднократно подчеркивали Гумбольдт, Потебня и Пауль, язык есть и деятельность, и продукт этой деятельности. Универсальность исторической изменчивости и динамизма языка не означает того, что в нем нет ничего постоянного. Любой конкретный язык представляет единство устойчивого и подвижного, статического и динамического, хотя его статика динамична, а динамика эволюционна.

§ 30. РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА И АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ

Функционирование и развитие — две стороны одного и того же качества: язык не может развиваться, не функционируя, а функционируя, он не может не развиваться. Изучение этих сторон важно как с точки зрения теории языкознания, так и с точки зрения методов и приемов изучения языка.

Синхрония и диахрония

Противоречие между синхронией и диахронией в начале XIX в. было выявлено как противопоставление логической и сравнительно-исторической грамматик, как правила и закона. В. Гумбольдт рассматривал это как две стороны речевой деятельности — воспроизводство и творчество.

Эти положения были использованы Ф. де Соссюром при обосновании деления языкознания на лингвистику синхроническую и диахроническую. Он считал, что противопоставленность в языке состояний и фазы эволюции дает основания, разграничив предмет и методы лингвистики, выделить два типа лингвистики.

Такое противопоставление способствовало уточнению приемов и методики описательного изучения языка. Однако описание языка как чего-то идеального и статического искажало представление о реальных языках, где состояние и эволюция, синхрония и диахрония, статика и динамика представлены в их диалектической взаимосвязи.

Изменчивость языка — естественное его состояние. Поэтому учение о видах изменчивости языка так же важно, как и учение о его статической структуре. Как нельзя смешивать лексику и фонетику, морфологию и синтаксис, так же нельзя смешивать динамическое и диахроническое, развитие и историю языка.

Состояние как динамическое равновесие

Если взять язык в синхронном срезе, т. е. какой-то отрезок его истории и развития, то любой язык в любом состоянии, в любой форме существования представляет собой динамическую устойчивость, сплав явлений, возникших в разное время и проявляющих различные тенденции к изменчивости. Это объясняется социальной природой языка.

Динамическое равновесие как свойство функционирующего языка, выполняющего роль средства общения и выражения мыслей, обеспечивается потенциальностью его системы и вариантностью нормы.

Наличие синонимических и параллельных средств выражения позволяет считать в а р ь и р о в а н и е одним из основных процессов изменения языка. Новые варианты сосуществуют со старыми и друг с другом, конкурируют, что приводит, в конце концов, к замещению одного варианта другим.

Процесс варьирования связан с речевой деятельностью говорящих. И потому единицей развития выступает не лексема, а ее употребление, не фонема, а ее вариант (фона), не морфема, а ее вариант (морфа), не формула (модель), а ее вариант. Так, например, в современном русском языке есть варианты формы *жу[ж]ать* и *жу[ж']ать*, *слесари* и *слесаря*, *он был студент* (архаич.) и *он был студентом*. В немецком языке говорят: *Worte* и *Wörter* (слова, мн. ч.), *brings* и *bringest* (несешь, наст. вр.), *Man sagte, er ist krank* и *Man sagte, er sei/wäre krank* (Говорят, что он болен, косв. речь). Эти варианты формы возникли в разное время и различно соотносятся с языковой нормой. Поэтому один из вариантов в конце концов вытеснит другой, если за ним не закрепится смысловое и стилистическое отличие, что будет удерживать его на каком-то коммуникативном участке в языковой норме.

Динамизм языковой нормы не ограничивается только варьированием отдельных фактов языка, он захватывает также и структуру языка, его ярусы и категории. В любом состоянии языка можно обнаружить «сильные» и «слабые» парадигмы, продуктивные и непродуктивные модели, ядерные и неядерные (периферийные) явления. Их развитие, конечно, проходит значительно медленнее, чем отдельных фактов, и связывается с историческими преобразованиями языка.

Языковые изменения различно соотносятся друг с другом и имеют свою историю. Еще младограмматики отметили, что развитие начи-

нается как индивидуальное новообразование, которое затем превращается в территориальный или стилистический вариант. Станет ли это новообразование фактом литературной нормы, зависит от многих факторов и причин, которые связаны не только с динамизмом языка, но и с его историей.

История языка и хронологические срезы

Развитие языка и его история — не одно и то же. В споре пергамских и александрийских грамматиков это различие связывалось с аномалией и аналогией в языке, в нефилологии оно рассматривалось как противоречие между правилом и законом. В индоевропейстике понятие органического развития и истории было осмыслено как учение о двух периодах развития человечества. Позднее это учение пересмотрено как различие между происхождением языка и происхождением и историей отдельных языков. Критикуя гипотезу о двух периодах развития языка и понимании языка как природного организма, И. А. Бодуэн де Куртенэ подчеркнул различный характер законов развития и законов истории (см. с. 63).

Основной процесс изменений в пределах одного и того же состояния языка — варьирование языковых средств и накопление количественных изменений, а в пределах разных периодов истории одного и того же языка — замещение языковых средств и качественные сдвиги в его структуре и норме.

З а м е щ е н и е, или естественная трансформация¹, как языковой процесс состоит в том, что одно из существующих средств или одна из существующих категорий языка вытесняет другие и утрачивает с ними связь, используя уже как новую единицу языка, новую его категорию. Инновации (новообразования) могут возникать как совершенно новое явление языка (например, как заимствованная форма), так и в результате переоформления и переосмысления уже имеющихся форм, в результате различных видов переинтеграции. Во всех случаях трансформация подготавливается варьированием языка, превращением индивидуальных изменений в социальный факт.

Например, в древнерусском языке существовал ряд флексий для выражения неединственного числа имен существительных (-и, -ы, -а). Они служили для образования форм множественного числа существительных: -и — у мужского рода (*города*), -ы — у женского рода (*жены*), -а — у среднего рода (*села*); кроме того, флексия -а была омонимична флексии двойственного числа существительных мужского рода (*города*). Поскольку в языке существовало особое двойственное число и категория рода существительных охватывала формы числа, постольку употребление всех этих флексий было мотивированным и устойчивым.

Однако мотивированность употребления многих форм, возникших ранее, становилась с течением времени непонятной, а потому фор-

¹ Этот процесс изменения языка называют еще терминами «смена», «преобразование».

мальной. Изменение в содержании грамматических категорий привело к изменению морфологических парадигм. Категория числа приобретает двучленную структуру (единственное — множественное), утрачивается двойственное число, теряется необходимость в родовых различиях во множественном числе; возникает вариантность и синонимия флексий множественного числа исконного происхождения, т. е. происходит перераспределение языковых средств.

Особенно это коснулось существительных мужского рода, где появилось большое количество вариантов; так, в частности, наряду с исконной формой *городи* стали употреблять *городы* (как у слов женского рода), а позднее — *города* (как у слов среднего рода)¹. Эти флексии стали связываться с лексической группировкой слов, но уже в национальный период русского языка утвердились флексии *-ы* (*рабы, шары*) и *-а* (*города, поезда*); старая флексия *-и* была вытеснена из типовой парадигмы и теперь не употребляется².

Трансформации как процесс исторического развития языка связаны с качественными изменениями отдельных явлений и всей структуры языка. Поэтому изучение трансформаций непосредственно связано с выделением хронологических срезов, с периодизацией истории языка, на что было обращено внимание на первом этапе развития сравнительно-исторического языкознания (см. с. 23).

Историю новых европейских языков обычно делят на три периода — древний, средний и новый. При этом подчеркивается, что периодизация языка должна учитывать коренные изменения в структуре языка, в соотношении разговорно-диалектных и литературно-письменных форм в связи с историей народа³.

Темпы развития языка также зависят от исторических условий. Установлено, что формирование народности и нации, возникновение литературно-письменных языков оказывают значительное влияние на историю языка. В то же время история языка есть история его отдельных явлений в их взаимосвязи и обусловленности.

§ 31. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА — ИСТОРИЯ НАРОДА

Проблема связи истории языка и истории народа, истории языка и человеческой деятельности — проблема не только лингвистическая, но и философская.

Мысль о противопоставлении истории и человека наиболее четко была сформулирована Гегелем. Он считал, что двигателем историче-

¹ Флексия множественного числа *-а* возникла под воздействием формы двойственного числа и формы собирательных существительных (*господа*).

² Флексия *-и* сохраняется у слов *соседи* и *черти*, которые склоняются по мягкой разновидности, где флексия *-и* обычна; впрочем, еще в начале XIX в. в литературном языке употреблялись формы *соседы, соседов* и т. д. Зато колебание форм на *-ы* и *-а* стало обычным (*волосы* и *волоса, кузовы* и *кузова, редакторы* и *редактора* и т. п.), такое варьирование представляет процесс развития этих форм.

³ См.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка, М., 1963, с. 31—32; Жирмунский В. М. История немецкого языка, М., 1956, с. 36—38; Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М. — Л., 1953, с. 4—6.

ского процесса является сама История, воплощающая развивающуюся Идею, но не люди, которые есть всего лишь ее орудие, а не сознательные творцы. «...Единственную мысль, которую привносит с собой философия, — писал Гегель, — является та простая мысль разума, что разум господствует в мире»¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс субъект истории видят не в самой истории, а в людях, делающих историю, ибо история есть целостный процесс теоретического и практического освоения (познания и преобразования) человеком природы и общества. «Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»².

В языкознании эта проблема получила разнообразное истолкование, особенно в плане форм существования языка и причин его исторического развития. С одной стороны, связь между историей языка и историей его носителей понимают как одностороннюю, как детерминацию. Утверждают, что история общества, его социальное (экономическое, культурное, политическое) развитие является основной причиной развития языка, как это думал, например, Н. Я. Марр. Иногда, напротив, язык признается особой силой — «третьим миром», управляющим людьми, как это можно заметить в неогумбольдтианских теориях. С другой стороны, утверждают, что развитие языка протекает самостоятельно, и связи истории языка и общества, слова и вещи не образуют собственно лингвистической связи, а составляют проблематику внешней лингвистики (как это полагал, например, Ф. де Соссюр).

На самом деле связи языка и общества, языка и человека являются более сложными и, главное, не могут быть отнесены к числу второстепенных лингвистических проблем, а тем более вынесены за пределы науки о языке.

Связь языка и общества как историческая проблема предполагает рассмотрение влияния как языка на людей, так и общества на язык. Эти связи многосторонние и разнообразные.

Наиболее важными причинами языковых изменений, связанных с историей общества, являются: а) изменение состава носителей языка и контакты народов, б) распространение просвещения и культуры, в) материальный и социальный прогресс общества.

Языковые контакты

Взаимодействие языков (или языковые контакты) — один из важнейших факторов их исторического развития. Изучение взаимодействия языков занимало большое место в теоретических концепциях Гумбольдта и Шухардта, Бодуэна де Куртэна и Марра; языковые контакты являются предметом изучения и современных лингвистов.

¹ Гегель. Соч., т. 8, М. — Л., 1935, с. 10.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 2, с. 102.

Взаимодействие языков — сложный процесс, охватывающий не только речевую деятельность при овладении вторым языком и при двуязычии, не только проблему проницаемости языковой структуры, но и взаимодействие самих народов — носителей языка.

Наиболее существенными аспектами языковых контактов являются заимствование, скрещивание и образование смешанных языков.

Заимствование подвергается прежде всего и главным образом лексика. Более того, заимствование — один из основных способов обогащения словарного состава языка. Заимствование не является механическим включением слова одного языка в другой: при заимствовании происходит изменение лексического значения, фонетики и морфологии слова. На основе заимствованных и усвоенных слов и морфем (в основном словообразовательных префиксов и суффиксов) образуются новые слова, которых нет в языке-источнике.

Различаются непосредственные (контактные) и опосредованные (неконтактные) заимствования. Опосредованные заимствования распространяются прежде всего на терминологическую лексику, причем заимствование идет нередко через язык-посредник. При контактном заимствовании проникновение иноязычных слов более значительно. Так, в современном английском языке слов англосаксонского происхождения около 30%: завоевание Англии в XI в. норманнами привело к тому, что английский язык усвоил большое количество слов романского происхождения (французских и латинских); в румынском языке только в основном лексическом фонде около 22% славянских слов.

При непосредственном и длительном контакте языков и происходящем при этом скрещивании (интеграции, интерференции) языков один из языков сохраняет свою самостоятельность, приобретая некоторые особенности, возникающие под влиянием соседнего языка. Эти различные случаи языковой ассимиляции получили названия субстрата, суперстрата и адстрата.

Длительные языковые контакты могут охватывать ряд языков, в результате чего возникает языковой союз, характеризующийся общими структурно-типологическими и материальными особенностями генетически разных языков одного ареала. Так, балканский языковой союз включает языки греческий, албанский, румынский, болгарский, македонский. Эти языки имеют такие, например, грамматические общие черты, как аналитизм именного склонения, постпозитивный артикль, аналитическое образование формы будущего времени (при помощи глагола *хотеть*), совпадение форм родительного и дательного падежей.

Особый характер взаимодействие языков приобретает в современных условиях, когда возникают новые исторические общности людей, как, например, содружество наций и народностей в Советском Союзе. Это еще раз подтверждает обусловленность взаимодействия языков, их контактов конкретно-историческими условиями развития общества.

Если смешение языков понимать очень широко, включая сюда факты заимствования слов, то все языки в той или иной мере являются смешанными. Однако еще Л. В. Щерба предлагал различать два типа

взаимного влияния языков — заимствование и смешение языков. Смешение языков бывает только контактным и охватывает лексику, фонетику и грамматику, так что строй языка обуславливается не только родством языков, но и внеродственными влияниями.

Наряду со смешанными языками типа английского или болгарского языков необходимо отметить возникновение языковых образований типа языка идиш, креольских языков и жаргонов.

Более искусственными являются гибридные языки (креольские языки острова Маврикия, пиджин-инглиш Японии и Гонконга, сабир портов Средиземного моря). Это упрощенные языки, приспособленные для элементарного общения. Они не являются языками в собственном смысле слова. Например, креольские (гибридные) языки островов Индийского океана возникли в результате использования английского, французского, испанского, голландского и португальского языков как средства общения с коренным населением.

Язык и культура

Распространение просвещения (в том числе книгопечатания) и развитие культуры влияет как на укрепление литературной нормы языка, так и на обогащение его общественных функций и стилиевой структуры. История литературных языков непосредственно связана с историей литературы и деловой письменности, а также языка науки.

Конечно, связи языка и культуры отличны у разных народов и в разные исторические периоды. Так, история славянских литературных языков свидетельствует о том, что утверждение литературных норм и их распространение более интенсивно протекали, с одной стороны, в XV—XVI вв., когда развивается деловой язык и историческое повествование, а с другой стороны — в конце XVIII — первой половине XIX в. (и даже в XX в.), когда возникает художественная литература и литературный язык становится многофункциональным.

Значительна, например, роль деловой письменности в истории немецкого языка, делового (или приказного) языка в истории русского языка. Деловая письменность Киевской Руси представлена грамотами, договорами и сводом законов — «Русской правдой». Традиции делового языка сохраняются и в Московской Руси; «по мере укрепления и роста влияния центральной московской власти «деловой язык» Москвы, основанный на разговорном московском языке, все более и более распространяется по всей территории русского государства и начинает оказывать некоторое воздействие на разговорный язык в его диалектных ответвлениях»¹. Влияние делового языка на литературный русский язык особенно ощутимо с середины XVII в., когда было напечатано и широко распространено «Уложение» царя Алексея Михайловича.

Не менее значительна для развития литературных языков роль художественной литературы. Так, во второй половине XVIII в.,

¹ Горшков А. И. История русского литературного языка. М., 1969, с. 105.

когда в России наблюдается интенсивный рост капитализма в экономике страны и обостряется общественно-политическая борьба, существенные изменения претерпевает русская литература: возникают художественно-политические журналы, русский роман, русская комедия, литература становится выразителем общественного мнения.

Художественно-повествовательная проза сыграла исключительную роль в развитии русского литературного языка периода становления нации: утверждается литературная норма, ориентированная на разговорную речь и в то же время сохраняющая связь с предшествующей традицией. Как и в истории литературы, в истории литературного языка основой развития стали не догмы классицизма и сентиментализма (ограничение стилистики литературного языка), а стремление к многофункциональности и стилистическому многообразию при одновременном утверждении единой нормы национального литературного языка.

Признание огромной роли художественной литературы в истории литературного языка нередко приводит к тому, что историю литературного языка начинают рассматривать как историю языка литературных направлений и жанров, языка отдельных писателей, поэтов и драматургов. Такое одностороннее рассмотрение само по себе интересно и поучительно, но оно не отражает полностью не только историю языка народа, но и историю литературно-письменного языка. Понятие языка художественной литературы не совпадает с понятием литературного языка во всех его вариантах и разновидностях.

Связь языка и культуры проявляется более разнообразно и широкор. Несомненно важным моментом культуры народа, оказывающим влияние на развитие языковой нормы, является кодифицирующая деятельность ученых, писателей, общественных деятелей. С тех пор как само развитие новых литературных языков потребовало составления нормативных грамматик, словарей и орфографических сводов, культурно-просветительная деятельность стала включать как свой обязательный компонент утверждение и распространение литературной нормы, борьбу за культуру речи.

Культурный фактор в развитии литературных языков проявляется через человеческую деятельность, которая может быть осознанной и неосознанной, индивидуальной и групповой, сформулированной как программа языковой политики. Особенно значительно сознательное вмешательство людей в историко-литературный процесс развития языка в период национального самоопределения. Показательны многочисленные манифесты и параграфы различных документов, определяющие отношение к развитию литературного языка. Так, в 1850 г. крупнейшие сербские, хорватские и словенские писатели подписали «Литературное соглашение», утверждавшее единый подход к развитию литературного языка. К концу века эти требования были приняты в Сербии и Хорватии, хотя некоторые расхождения и привели к созданию двух вариантов литературного языка.

В становлении и укреплении литературных норм велика роль писателей и деятелей культуры. Данте, Петрарка и Боккаччо

доказали право и возможность писать по-итальянски и закрепили авторитет флорентийского диалекта как основы литературной нормы; автор «Божественной комедии» по праву считается основателем итальянского литературного языка. Велика заслуга в истории немецкого литературного языка Мартина Лютера, староузбекского — Алишера Навои и Захиредина Бабура, новогрузинского — Шота Руставели, татарского — Габдулы Тукая; основоположником русского литературного языка национального периода стал А. С. Пушкин.

Отмечая роль отдельных личностей в истории литературных языков, мы должны в то же время подчеркнуть, что современные нормы языка складываются в результате разнообразной деятельности всех культурных слоев общества.

Социальная обусловленность истории языка

Если изменение состава носителей языка и контакты народов могут считаться внешними причинами развития общества и его языка, то экономическое, политическое и культурное развитие общества не может признаваться внешним (в точном смысле этого слова) для языка данного общества. Влияние этих факторов на историю языка говорит о социальной обусловленности истории языка, особенно истории его литературно-письменной нормы.

Социальная обусловленность истории языка проявляется прежде всего в том, что общая история языка, исторические типы языковых норм, история литературно-письменного языка находятся в зависимости от развития социальных общностей людей, общественно-политической и хозяйственно-экономической истории общества. Особенно показательны в этом отношении различные формы литературных языков донационального и национальных периодов.

Образование, например, восточнославянских народностей и их языков проходило в сложных исторических условиях. Как известно, сначала возникла древнерусская народность и ее язык. Однако древнерусская земля, ослабленная монголо-татарским нашествием и феодальной раздробленностью, подвергается разобщению: белорусские и украинские территории попадают под власть литовских и польских феодалов. В XV—XVI вв. образуется великорусская народность со своим письменным языком, который примерно с конца XVII в. начинает превращаться в литературный язык формирующейся нации. Складывание украинской и белорусской народностей сопровождалось борьбой этих народов за национальную самостоятельность. Успех национально-освободительного движения под руководством Богдана Хмельницкого обеспечил возможности развития литературного украинского языка; разговорная речь проникает в деловую речь и художественные произведения, происходит взаимодействие «простой мовы» с древнекнижной традицией, с польским и русским языками; наиболее ярко воплотился украинский литературный язык в творчестве Тараса Шевченко. Более длительным оказалось становление белорусского литературного языка: только в творчестве Янки Купалы и Якуба Коласа была утверждена современная норма.

Возникновение наций сопровождается значительными изменениями в народно-разговорном языке. Экономическая основа национальных движений «состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сращивание территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹.

Демократизация литературной нормы связывается обычно с ориентацией на разговорную речь населения определенной территории. Ведущую роль в формировании литературной нормы национального языка играет обычно речь населения, живущего около столицы. В формировании нормы русского языка велика роль койне Москвы, английского — Лондона, узбекского — Ташкента и т. д. Диалектная база литературного языка по тем же социально-политическим причинам также претерпевает исторические изменения; можно отметить и исторические смены диалектной базы литературной нормы (обновление диалектной базы литературной нормы национального языка легко прослеживается в истории болгарского, польского, немецкого, английского и ряда других языков).

Различна также роль книжно-письменных традиций в становлении и утверждения литературных норм национальных языков. Если не было предшествующей письменной традиции, то литературно-письменная норма формируется непосредственно на основе народно-разговорной речи и устного народного творчества. Это можно проследить на истории словацкого, македонского и эстонского языков (основы литературного эстонского языка были заложены изданием в 1861 г. эпоса «Калевипоэг»).

Если в период становления нации уже существует книжно-письменная традиция, то она вступает в различные взаимоотношения с формирующимся народно-разговорным языком, различно приспособляется к полифункциональности национального языка, к расширению его коммуникативных участков и стилей. При этом, с одной стороны, обнаруживается более или менее непрерывная линия развития литературного языка, как это можно наблюдать, например, с XV в. в чешском, а с XVI в. в польском языках. Возникновение чешского литературного языка связано с национально-освободительным движением первой половины XV в. и литературной деятельностью вождя Реформации Яна Гуса, который, редактируя старочешский перевод Библии, освободил ее язык от архаизмов и иноязычных элементов. Перевод в конце XVI в. «Кралицкой библии» становится образцом для подражания не только в XVII в., но и значительно позднее; так, Й. Добровский, составляя в начале XIX в. грамматику и словарь новочешского языка, ориентируется на язык лучших произведений XVI в., и тем не менее утверждаемая им литературная норма в основном действует до сих пор.

С другой стороны, происходит разрыв с донациональной традицией и формирование литературного языка на новой основе, как

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 258.

это можно обнаружить в истории сербскохорватского и болгарского, а также украинского и белорусского языков. Как известно, первым литературно-письменным языком славян был старославянский. Македонский (древнеболгарский) по своей народной основе, он как язык богослужения и религиозно-философской литературы получил распространение в Паннонии и Моравии, Хорватии и Болгарии, а затем и в Киевской Руси. В XII—XV вв. болгарский язык претерпел значительные изменения, особенно в морфологии, где развиваются элементы аналитического строя, однако они слабо отражались в письменности. И только в XVIII в. оживляется борьба за национально-культурное возрождение; характерными памятниками письменности этого времени являются «История славяно-болгарская» (1762) Паисия Хилендарского и «Житие и страдание грешного Софрония» (1804) Софрония Врачанского, хотя и в этих произведениях наблюдается смешение народного и церковнославянского языков.

В 30—60-е годы XIX в. начинается процесс нормализации и кодификации литературного болгарского языка, причем «учительская и литературная, журналистическая и книгоиздательская деятельность известных, малоизвестных и совсем неизвестных деятелей болгарского Возрождения привели к тому, что в течение всего лишь нескольких десятилетий были установлены основные правила функционирующего ныне литературного языка, определившие характерные особенности его орфографии, грамматики, лексики, а в значительной мере и орфоэпии»¹. Литературная деятельность П. Славеякова, Л. Каравелова, Х. Ботева и И. Вазова закрепила и развила литературный болгарский язык национального периода.

Еще больший разрыв между старой письменностью и новым литературным языком возникает тогда, когда в качестве письменности использовался чужой язык (в католической части Германии и в Польше это был латинский язык, в Прибалтике — немецкий, у ряда тюркских народов — арабский и т. д.). Естественно, что создание нового литературного языка национального периода предполагает смену письменного языка, создание литературного языка на народной основе.

§ 32. ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Существование определенных закономерностей развития языка и внешних причин, влияющих на историю языка, выдвинули в теории языкознания проблему внешних и внутренних законов развития языка и проблему противоречия как источника и основы исторического изменения языка. Эта проблематика имеет общенаучное значение, так как «для познания причин и содержания процесса развития явлений необходимо изучать их внутренние закономерности и противоречия в органической взаимосвязи с внешними», «нужно расма-

¹ Венедиктов Г. К. О нормализации устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1969, № 6, с. 94.

Персона
840501.

тривать во взаимосвязи весь комплекс противоречий и лишь тогда путем конкретного анализа выяснять, какое из них в данном случае играет решающую роль»¹.

Внутренние законы

В процессе функционирования в языке создается динамическая устойчивость и относительная самостоятельность его развития, получившая наименование внутренних законов развития языка. В младограмматизме этот вопрос был сформулирован как учение о фонетических законах и законах аналогии. Со временем внутренние законы языка стали пониматься как тенденции исторического развития, действие которых ограничено отдельными языками или группами языков и определенным временем, а также как формулы исторических процессов, происходящих в разных ярусах языка, взаимодействия ярусов языка и давления языковой системы. Так, формулой исторического развития славянских языков признается, например, закон возникновения полногласных ~ неполногласных форм на основе действия закона открытого слога. По закону открытого слога закрытые слоги с плавными согласными *r* и *l* превращались в открытые, вследствие чего и возникли полногласные и неполногласные формы (ср.: нем. *Garten*, болг. *град*, рус. *город*; лит. *gatvā*, болг. *глава*, рус. *голова*). Если любой согласный обозначить буквой *t*, то общая формула будет выглядеть так: $tart \begin{cases} trat \\ torot \end{cases}$ и $talt \begin{cases} tlal \\ tolot \end{cases}$.

Примером взаимодействия ярусов языка могут служить морфологические последствия падения редуцированных гласных: так, по аналогии с *днь* → *день* и *днья* → *дня* возникли формы *ветр* → *ветер/ветра*; в результате падения слабых редуцированных возникла нулевая флексия: *домъ* → *дом*. Давление системы можно объяснить возникновением унифицированных флексий множественного числа.

Разнообразие проявления внутренних законов в языках послужило основанием деления внутренних законов на общие (общечеловеческие) и частные (национальные, индивидуальные).

Общими внутренними законами стали называть законы и принципы, которые относятся ко всем известным языкам и всем ярусам языковой структуры. Общими внутренними законами были признаны такие особенности языков, как наличие последовательных исторических форм языка, несоответствие внешней и внутренней языковых форм (асимметрия языкового знака) и в связи с этим различие закономерностей их развития, сохранение трех основных единиц языка (звук, слово, предложение) и в связи с этим различие закономерностей и темпов изменения отдельных ярусов структуры языка. В последние годы проблема общих законов языка была вытеснена проблемой универсалий (см. с. 280—281).

Частными внутренними законами стали называть такие формулы и принципы, которые применимы лишь к определенным языкам или группам языков и отдельным ярусам языковой структуры. Так,

фонетическим законом в славянских языках является первая и вторая палатализация заднеязычных, в германских языках — первое и второе передвижения согласных. Как морфологические закономерности флективных языков выступают тенденция к единообразию парадигм склонения и спряжения, морфологические процессы переразложения и опрощения и т. п.

Внешние законы

Связь истории языка с историей народа, наличие в структуре языка системных и асистемных изменений, многокачественная природа языка — все это привело языковедов к мысли о наличии в нем и тех законов языка, т. е. таких законов, которые обнаруживают связи языка с различными сторонами человеческой деятельности и истории общества. Если внутренние законы внутривидовые, ограничены закономерностями ярусов языка, то внешние законы внеструктурны, они охватывают его норму и содержательную (содержательную) структуру языка, выступая нередко причиной изменения внутривидовых закономерностей.

В истории языкознания внешние законы отождествлялись с законами других явлений, которые так или иначе связаны с человеком и человеческим языком. Ф. Бопп и А. Шлейхер, понимая язык как организм, отождествляли языковые законы с законами биологическими и физическими; сторонники психологического направления, понимая язык как психическую деятельность, отождествляли законы языка с психическими законами ассоциаций; сторонники логического направления законы языка рассматривают как конкретно-национальную реализацию логических, семиотических и логико-математических законов; Н. Я. Марр, понимая язык как надстройку над базисом, усматривал в языковых законах проявление идеологических и экономических закономерностей. При этом особенно важно отметить, что во многих подобных концепциях высказывалась мысль о непосредственной связи и детерминированности всех языковых изменений биологическими, психологическими, логическими, идеологическими, экономическими и т. п. закономерностями и причинами.

Такая прямолинейность связи внешних и внутренних законов развития языка не соответствует ни многокачественной природе языка, ни конкретной истории языков. Из-за пересечения различных закономерностей и причин, их вызывающих, конкретные результаты бывают отличными даже в близкородственных языках и в разные периоды развития одного и того же языка. Поэтому взаимодействие внутренних и внешних законов более сложно, а связь частных внутривидовых закономерностей с деятельностью общества осуществляется через внешние законы. Так, фонетические закономерности развития не могут быть объяснены ни морфологическими, ни психологическими, ни биологическими, ни экономическими законами и причинами прямо, непосредственно и однозначно. Ф. Энгельс писал: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически (...) происхождение верхне-немецкого передвижения согласных, превратившего географическое

¹ Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972, с. 174, 212.

разделение, образованное горной цепью от Судет до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию»¹. Это не означает, что между различными закономерностями нет никакой связи. Они есть, но они опосредованные. Изменения экономических закономерностей сопровождаются изменениями закономерностей политических и идеологических, которые, в свою очередь, влияют на формирование психического склада людей, развитие культуры, что может оказать влияние на развитие структурных особенностей языка. Так, фонема ⟨ы⟩ в современном русском языке утратила позиционную свободу, но она сохраняет свою устойчивость благодаря артикуляционной базе языка и осознанию фонемы как особой фонетической и орфографической единицы.

Как среди внутренних законов выделяются общие и частные законы, так и среди внешних законов можно выделить общие и частные законы истории и развития языка.

Общие внешние законы устанавливают взаимосвязь, характерную для всех языков. Общим внешним законом является взаимосвязь общей истории языка с историей общества, связь форм существования языка с историческими общностями людей. Конечно, конкретные формы связи различны, эта общая закономерность своеобразно проявляется в отдельные периоды жизни языка и у разных народов. Так, возникновение и развитие языка национального периода протекает различно в разных конкретно-исторических условиях: «...В любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»².

Общим внешним законом является зависимость исторического развития языка от территориально-географических условий его функционирования. Продолжительный контакт народов ведет к взаимовлиянию языков, к образованию языковых союзов и языков межнационального общения. Так, в балканском языковом союзе возникли общие грамматические черты, словарный фонд, фонетические черты (например, особая гласная фонема: болг. ⟨ъ⟩, рум. ⟨а⟩, алб. ⟨ë⟩). Под влиянием соседних языков появляются не только новые слова, но и происходят фонетические и грамматические изменения. Например, под влиянием падежной системы эвенкийского и эвенского языков в якутском языке образовалось девять падежей (в большинстве тюркских языков, к которым принадлежит и якутский язык, шесть падежей). Напротив, длительное разобшение групп народа или племени ведет к возникновению сначала разных вариантов ранее единого языка, а затем и разных языков. К. Маркс писал: «Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не может оставаться

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 37, с. 395.

² Там же, т. 3, с. 427.

неизменной. Локальное разобшение — в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке»¹.

Общим внешним законом развития языка является также различная степень связи с внеязыковыми закономерностями разных структурных единиц языка. Так, лексика языка непосредственнее всего связана с общественно-политическими и культурными изменениями в обществе, с познавательной деятельностью людей, звуки языка — с физиолого-психологическими закономерностями, тогда как синтаксис обнаруживает больше связей с логическими формами мысли и логическими операциями. Общий закон для содержательной структуры языка — избирательный характер языковой семантики, ее формально-организующее назначение.

Территориальное ограничение использования языка оказывает заметное влияние на фонетический строй, словарный состав и грамматический строй языка. Эта закономерность прослеживается на материале диалектов любого языка и в истории любого литературного языка. Так, наличие двух культурных центров (Москвы и Петербурга) привело к тому, что в русском языке возникло два варианта орфоэпической нормы; еще более показателен пример вариантности нормы сербскохорватского литературного языка.

Деление языковых законов на внешние и внутренние в известной степени условно, поскольку язык, общество и познавательная деятельность людей тесно взаимосвязаны. Поэтому признание лишь одного вида закономерностей односторонне представляет историю языка и законы функционирования. Так, А. Мартине утверждает, что только внутренние причинные связи представляют интерес для лингвиста. Напротив, представители логического и психологического языкознания придавали исключительное значение роли логических форм и психике говорящего, в которых и усматривалась причина новообразований. А. Соммерфельт правильно замечал, что все изменения в языке, в конечном счете, носят социальный характер. И особенно важно подчеркнуть, что рассмотрение внутренних законов только как формул исторического развития нередко снимает вопрос о причинах и факторах исторического развития, приводит к смешению понятий формулы исторических изменений и причин этих изменений.

Причины исторического развития языков

Как специфика закономерностей развития языка сравнительно с законами природы привела к истолкованию лингвистических законов как тенденций и формул исторических изменений языковых явлений, так и обнаружение причин, вызывающих исторические изменения языка, привело к истолкованию лингвистической причинности как принципов историзма и факторов развития или к отрицанию причинности в языковом развитии. Так, Ф. де Соссюр считал, что диахронические события всегда носят характер случайный и ча-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. 9, с. 79.

стный, так что об общих законах и причинах развития языка нельзя говорить, а только о частных изменениях того или другого элемента языковой системы, вызывающих различные последствия и вторичные изменения.

Неправомерность подобного истолкования законов и причин исторического развития языка состоит в том, что причинность понимается только как историческая последовательность событий, при которой причина всегда должна порождать следствие, а также в том, что причинность отождествляется с необходимостью. Между тем в ходе развития следствие может стать причиной другого следствия: развитие может быть эволюционным и скачкообразным (революционным), а причинная взаимосвязь — однофакторной и многофакторной, вероятностно-статистической. Наличие многих причин и форм их выражения не отрицает актуальности проблемы причинности языковых изменений.

Хотя причиной появления и действия той или иной исторической закономерности служит нередко много факторов, связывающих друг с другом исторические события, это не значит, что нельзя говорить об основных причинах и факторах исторического развития языка. Основная причина развития языка кроется в его динамизме как важнейшем средстве общения, способном находить все новые и новые формы для выражения мыслей.

Поскольку язык существует как языковая структура, языковая норма и речевая деятельность, то причины языковых изменений надо искать в противоречии и взаимодействии языка и нормы, нормы и речевой деятельности. Но так как языковая норма есть явление социальное, а речевая деятельность теснейшим образом связана с познавательной деятельностью говорящих, то причину языковых изменений надо искать также во взаимодействии языка и общества, языка и познавательной деятельности людей.

С точки зрения речевой деятельности говорящих, причина языковых изменений кроется в совершенствовании языка как средства передачи и выражения мысли и в использовании языка на различных коммуникативных участках. Стремление к удобству, принцип экономии и признается многими лингвистами (например, Г. Курциусом, И. А. Бодуэном де Куртенэ, А. Мартине) как непосредственная причина и источник многих языковых изменений.

Выработка экономных средств, конечно, является одной из причин, побуждающих говорящих изменять язык, однако эта причина является в известной степени субъективной и разнонаправленной. Еще Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, что удобство различно проявляется в языковом мышлении, артикуляционной и акустической сторонах речевой деятельности. Более того, то, что непосредственно воспринимается как принцип экономии, обнаруживает противоречие между говорящим и слушателем, между существующими средствами передачи и формирования мысли и самой передаваемой мыслью, между индивидуальной (или групповой) речью и нормой (или системой) языка. Говорящий стремится меньше затрачивать усилий — слушатель требует мысли ясной и точной; поэт стремится

к речи образной, эмоциональной и индивидуальной — ученому нужна речь точная и доказательная. Так в языке появляются факты экономные и неэкономные, слова конкретные и абстрактные, конструкции простые и сложные, шаблонные и нешаблонные.

Принципу экономии языковых средств противостоит принцип универсальности языковых средств. Н. В. Крушевский этот принцип формулировал как стремление к заранее намеченной цели, к идеалу, к общему и частному соответствию мира слов миру понятий. Принцип экономии понимается также как стремление к языковому совершенству, как проблема прогресса в языке (со времен А. Шлейхера проблема прогресса в языке связывалась с морфологическими типами языка, с аналитизмом и синтетизмом морфологических форм). Следует отметить, что принцип универсальности и совершенности языка не может истолковываться как абсолютный, одинаковый для всех языков. Богатство языковых форм и особенно правил их использования ограничивается объемом памяти людей, для которых язык является прежде всего средством общения и передачи мыслей; более разнообразны и глубоки словарные богатства языка, лексические значения слов, однако и они обусловлены общественными потребностями, развитием сфер применения языка и общественно-познавательной деятельностью людей.

* * *

Понимание причин исторического изменения языка определяет специфику понимания языкового прогресса. Изменение фонетического и грамматического строя языка индивидуально своеобразно: эволюция и совершенствование языкового механизма носит относительный характер. Более универсальный способ совершенствования языка — обогащение его словарного состава и расширение общественных функций. Стремление к идеальной (совершенной) форме не является целью исторического развития языка, так как весьма разнообразные формы языков — результат длительного конкретно-исторического развития. Каждый язык неповторим, он близок и дорог тем, для кого является родным, естественным средством общения и выражения мыслей, чувств и волеизъявлений.

Библиография

- Общее языкознание. М., 1970, с. 197—313, 579—593.
Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, с. 201—289.
Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М.—Л., 1965.
Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968.
Дешериев Ю. Д. Проблема функционального развития языков и задачи социальной лингвистики. — В кн.: Язык и общество. М., 1968.
Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
Скредина Л. Н. Противоречие как источник развития языка. — «Филологические науки», 1970, № 1.
Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — «Вопросы языкознания», 1972, № 1.

МЕТОДЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Методология как учение о научном методе вообще и методах отдельных (частных) наук имеет принципиальное значение в теории и практике любой современной науки, в том числе языкознания. Вопросы методики исследования решаются как в общефилософском плане, так и в плане поиска наиболее эффективных приемов исследования при решении той или иной конкретной задачи.

Интерес к методике научного анализа вызван бурным и в то же время неравномерным развитием науки и техники, возникновением отраслей знаний на стыке разных наук. В этих условиях изучение правил и возможностей переноса (экстраполяции) знаний и методики научного анализа одной науки на другую, с одного участка науки на другой становится актуальной задачей. Повышение интереса к методам и приемам научного анализа вызвано также тем, что круг специалистов расширяется, образуются большие научные коллективы, поэтому возникает необходимость автоматизации умственного труда, важным становится не только результат, но и наиболее рациональный путь его получения.

Практическая потребность упростить и формализовать процедуру научного анализа, найти более экономные и эффективные способы поиска и обработки информации и оформления доказательства — все это не могло не повлиять на науковедение. В связи с этим появляются теории, авторы которых считают, что предметом науки могут быть только объекты, допускающие формализованное изучение: формализованная методика признается важнее теории, изучающей нерасчленимый объект.

Метод — не самоцель науки; он всего лишь средство познания объекта, его отдельных сторон, его функционирования. Познание (в том числе научное мышление) представляет собой бесконечное приближение мышления к объекту, процесс овладения человеком природой, а также законами развития общества и самого мышления. «В теории познания, как и во всех других областях науки, — писал В. И. Ленин, — следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким обра-

зом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹.

В результате общественного развития познание объективной действительности становится все более разносторонним и глубоким. В ходе познавательной деятельности отдельные отрезки этого процесса, развивающегося диалектически, по спирали, могут превращаться в особую линию познавательной деятельности, порождая разные отрасли знаний и различные теории и гипотезы. Любая частная наука представляет собой такую обособленную научно-познавательную и практическую деятельность общества, которая общими вопросами изучения объективной действительности занимается лишь постольку, поскольку они входят в поле интересов той или иной науки, поскольку особенности изучаемого объекта дают основание для таких общих выводов. Поэтому важно иметь представление о взаимоотношениях между философским методом (методом познания) и методами частных наук (научно-исследовательскими методами).

Глава 12

СПОСОБЫ ПОЗНАНИЯ И МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИКИ

С точки зрения теории познания, метод — это способ подхода к действительности; способ познания природы, общества и мышления. Методом познания марксизма-ленинизма является диалектический метод, диалектический и исторический материализм. Диалектический метод познания есть отражение диалектики самой природы. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга, *resp.* в более высокие формы»².

Частные методы исследования возникают и уточняются в процессе развития науки и зависят от накопленных знаний; более того, имеющиеся знания, будучи формализованными, переходят в метод исследования, если ими пользуются для получения новых знаний и изучения новых явлений. Так, четыре арифметических действия — это знания, вначале полученные эмпирическим путем; в дальнейшем они превратились в элементарные правила численных методов решения математических задач. Искусственные спутники Земли — величайшее научное достижение, но с течением времени они стали средством экспериментального метода исследования.

Способы познания бывают общими и частными. Поэтому можно говорить о философском методе, т. е. методе (или способе) познания вообще; методология в этом случае будет пониматься как соответствие принципам метода познания, свойственного той или иной философской

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 18, с. 102.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 20, с. 526; *respective* — соответственно.

системе. Можно говорить также об общенаучном методе и понимать методологию как учение о методах исследования, характерных для той или иной науки или группы наук.

Методология наук является конкретизацией философского метода познания применительно к своеобразию изучаемых объектов и обобщением методов и приемов, разработанных в той или иной науке.

§ 33. МЕТОД ПОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Философский метод, т. е. метод познания (диалектический или метафизический), представляет собой учение о наиболее общих законах природы, общества и мышления.

Марксистский диалектический метод признает, что мир материален, материя первична, сознание вторично, мир познаваем. Явления объективной действительности связаны друг с другом, взаимообусловлены, но они находятся также в движении и развитии, причем внутреннее содержание процесса развития и его причину составляет борьба противоположных свойств и тенденций развития предметов и явлений.

Философский метод не может быть сведен только к законам формальной или математической логики, исследующей формы мышления и правила оперирования мыслями, при которых доказательство не имеет никаких противоречий, а ход, рассуждения формально правилен. Конечно, логических противоречий не должно быть ни в каком виде научного анализа (исследователю необходимо владеть логическими приемами). Однако нельзя думать, что освоение логического метода доказательств заменяет знание специальных методов исследования конкретных наук, которые якобы включают лишь методику открытия новых фактов.

Общеметодологические принципы возникли как обобщение данных различных наук. Являясь их общим выражением, диалектико-материалистический метод познания обеспечивает единство всех наук, всех исследований, опирающихся на марксистский диалектический метод. Однако одного лишь знания общей методологии, ее основных положений недостаточно для успешной исследовательской работы в области конкретных наук. Марксизм требует творческого отношения к науке; он выступает против механического «накладывания» общих принципов на проблематику отдельных наук; в равной степени марксизм возражает против истолкования методов отдельных наук как общеметодологических, против превращения их в теорию и метод познания вообще.

Всякая наука создает свою, прикладную логику¹, вырабатывая специальные методы исследования. Эти научно-исследовательские методы соотносятся с философским и логическим методами обычно не прямо, а через методологию той или иной группы наук, т. е. через общенаучные методы. Среди общенаучных методов выделяются прежде всего методы математические, физические, биологические, филологические (историко-гуманитарные). Лингвистические методы соотносятся со всеми этими методами, причем истории языкознания известно, что

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 29, с. 183.

механическое перенесение принципов и методов смежных наук на лингвистику приводило к вульгаризации и переносимых принципов, и методов, и самой лингвистики. И напротив, умелое использование достижений «соседних» наук приводит к новым открытиям.

Филологические методы исследования заметно отличаются от математических и физических прежде всего слабой формализацией доказательств и почти полным отсутствием методики проведения инструментального эксперимента. Филолог ведет анализ обычно путем накладывания имеющихся знаний об объекте исследования на конкретный материал (текст), из которого производится та или иная выборка, а теория строится на основе моделей-образцов. Рассуждение ведется по правилам формальной логики (как иногда говорят, «здравого смысла») с использованием процедурных приемов, превратившихся в исследовательский навык. Богатство ассоциаций, т. е. свободное владение разнообразным фактическим материалом, и научная интуиция свидетельствуют о более разностороннем охвате различных связей (и следовательно, о глубине знания); сравнительно-историческая интерпретация конкретных фактов является ведущей в исторических и филологических исследованиях.

Нередко выдвигается понятие нормы или общественной необходимости как причины и цели развития культурно-исторических явлений, причем филолог и историк с философских, идеологических и морально-этических позиций расставляют акценты и дают событиям и явлениям оценки, без которых гуманитарное исследование предстает как описательское и потому недостаточное. Филологическая методология характеризуется подчеркнутыми знаниями философского метода и свойств самого объекта и свернутыми знаниями о правилах и процедурах анализа.

Общим для методов всех наук является признание того, что научное познание есть процесс; поэтому процедура исследования учитывает наличие разных этапов (уровней) познания.

§ 34. НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ПРОЦЕСС

Познание как процесс включает три основных этапа: исследования (открытия фактов или их взаимосвязи), систематизации (интерпретации и доказательства) и изложения (описания).

В процессе научного творчества большое значение имеют постановка проблемы и выдвижение рабочей гипотезы, которая должна получить экспериментальное или теоретическое обоснование. Вопросы и гипотезы направляют исследовательскую мысль, определяют то, что необходимо пронаблюдать, доказать, объяснить. Общенаучными способами исследования являются наблюдение, эксперимент, моделирование.

Наблюдение как способ изучения языка

Наиболее распространенный и естественный способ научного исследования — наблюдение. Наблюдение (или, по физической терминологии, измерение) как способ научного познания есть

планомерное и целенаправленное непосредственное восприятие объекта, позволяющее отмечать в предметах и явлениях детали, незначительные и незаметные на первый взгляд, но необходимые для понимания сущности того или иного явления. Наблюдательность — особенность психической деятельности человека; специалиста характеризует целенаправленное и планомерное наблюдение.

Лингвистическое наблюдение — это правила и техника выделения из текста (или потока речи) того или иного факта и включение его в изучаемую категорию (систему). Правила наблюдения касаются отбора фактов, установления их признаков, уточнения предмета наблюдения и описания наблюдаемого явления. Фиксация результатов наблюдения может быть различной — словесной и символической, в форме таблиц, графиков, дефиниций (формулировок).

Способ лингвистического наблюдения предполагает хорошее знание языка исследователем, наличие у него так называемого языкового чутья. Однако языковед должен хорошо уяснить себе, что подход к языку читателя (говорящего) и подход исследователя отличаются друг от друга тем, что первый пользуется текстом только для того, чтобы понять или передать при помощи языка конкретную мысль; тогда как второй выделяет в тексте (или потоке речи) отдельные факты и явления для того, чтобы подвергнуть их специальному наблюдению. Лингвистическое наблюдение поэтому предполагает наличие специальных навыков и знаний, необходимых для того, чтобы видеть изучаемое явление и давать ему оценку с определенной точки зрения, т. е. с той, с которой изучается языковой факт. Эффективность наблюдения увеличивается вместе с развитием знаний о данном явлении.

Наблюдение является составной частью всякой научной деятельности; оно входит как необходимый элемент в процедуру любого лингвистического метода и приема. Распространенность наблюдения как общенаучного способа познания объясняется тем, что оно дает возможность изучать явления в естественных условиях при помощи органов чувств и мозга (в отличие от эксперимента, при котором создаются искусственные условия и нередко используется специальная аппаратура).

Эксперимент как способ изучения языка

Эксперимент — это научно поставленный опыт, позволяющий следить за функционированием изучаемого явления, воссоздавая его каждый раз в точно учитываемых условиях.

В современном эксперименте видоизменяют не только условия появления объекта, но и сам объект, изучая вместо исследуемого объекта его модель. Модельный эксперимент обосновывается теорией подобия: модель, замещающая объект, дает возможность получить дополнительную информацию об объекте. Кроме материальных моделей (геометрических и физических) широко используются модели математические, которые сохраняют подобие структурное и функциональное. К таким моделям относятся электрические модели механических, тепловых, акустических, биологических и т. п. явлений, структурные и цифровые

модели, а также кибернетические функциональные модели с различными каналами обратной связи.

Эксперимент как один из главных способов познания современной науки имеет три основные формы: лабораторный, социальный и мысленный.

Лабораторный эксперимент естественнонаучного типа проникает в лингвистику как экспериментальная (инструментальная) фонетика, машинный перевод, автоматический поиск языковой информации. Однако техническое обеспечение и автоматизация лингвистической работы находятся еще не на высоком уровне. Поэтому до сих пор самым распространенным «прибором» лингвистического эксперимента является карточка, изготавливаемая вручную или при помощи технических средств (фототипически). Правила заполнения карточки составляют технику лингвистической выборки, а правила выборки и обработки карточек — методику ручного лабораторного эксперимента.

Карточка, вычлняя изучаемый факт из речевой действительности, дает возможность воспроизводить его в любой связи и необходимом количестве раз. Карточки, собранные в большом количестве и систематизированные в соответствии с целями исследования, образуют лингвистическую картотеку — самый распространенный вид лингвистической установки. Языковой материал, записанный в словарях или грамматических справочниках, а также введенный в машинную память, является эмпирической базой лингвистики.

Социальный эксперимент — это научный опыт в области общественной деятельности, который проводится в заданных условиях, с целью проверки той или иной гипотезы. Основные виды социального эксперимента: экономический (прежде всего производственный), педагогический, социально-психологический, правовой и социологический. Лингвистика принимает участие в постановке и проведении педагогического и социологического экспериментов. С развитием общества роль социального лингвистического эксперимента будет возрастать. К. Маркс и Ф. Энгельс, подчеркивая социальную природу языка, писали, что в свое время индивиды целиком возьмут язык под свой контроль¹.

Мысленный эксперимент — это научно поставленный опыт, позволяющий изучать объект через исследование его идеальных (воображаемых) моделей. Хотя при мысленном эксперименте происходит отвлечение от непосредственного чувственного материала, связь с реальным объектом становится опосредованной, возрастает роль абстрагирования, идеализации и дедуктивного мышления, он строится по образцу эксперимента материального, воспроизводя его структуру и основные операции. Моделирование и мысленный эксперимент, однако, не совпадают, потому что моделирование как общенаучный метод исследования может применяться не только при экспериментальном, но и при теоретическом познании.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 3, с. 427.

Моделирование как экспериментальный и теоретический метод исследования в лингвистике практически применяется давно, однако задачи и методика лингвистического моделирования, как и сам термин «модель» или замещающее его слово, никогда не понимались однозначно.

В языкознании есть модели-теории (или модели-идеи). Наиболее известными моделями языка являются модели В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, К. Бюлера. Так, например, Бюлер предложил функциональную и структурную модель языка («Теория языка», 1934; «Структурная модель языка», 1936); это представление о языке как структуре, процессе, функциональном образовании получило широкое распространение в лингвистике.

Модели-идеи принадлежат теории языка, являются формой ее выражения. Учению о методах лингвистики принадлежат исследовательские модели. Модели — методы и приемы исследования могут выводиться индуктивно и задаваться дедуктивно, но в обоих случаях исследователь имеет дело с обобщением. Обобщение может происходить или путем абстрагирования, т. е. мысленного отвлечения от частных свойств и связей объекта, или путем идеализации, т. е. мысленного образования абстрактных объектов. Следовательно, модели исследования могут представлять объект, а могут замещать его. Отсюда деление моделей — методов исследования на модели-образцы и модели-конструкты.

Модели-образцы как прием изучения языка применяются давно и широко, хотя этот прием и не всегда явно осознается. Моделью-образцом называется фиксация повторяющихся, типичных для того или иного языкового явления признаков его постоянной структуры (например, модели слога, формы слова, словоизменительной парадигмы, структуры предложения). Модели-образцы, построенные как обобщение фактического материала, нередко содержат противоречия, свойственные объекту; однако они способствуют реальности лингвистического мышления, а при символическом изображении могут быть рассмотрены как замещение объекта, как квазиобъекты, как наглядно-образная основа теоретического мышления.

Модели-конструкты — это дедуктивно-гипотетические построения, которые замещают реальный объект, снимая его противоречия. Модель-конструкт дает возможность построить инвариантную структуру и ввести строгие, аксиоматические правила ее изучения. Нередко идеальные построения сопровождаются формализацией, при которой происходит абстрагирование не только от конкретности объектов, их фактического разнообразия, но и от содержательных характеристик языковых фактов. Модели-конструкты получили распространение в структурно-математическом языкознании.

Как модели-образцы, так и, особенно, модели-конструкты предполагают использование специальной наглядно-образной записи основных свойств модели. В лингвистике, кроме формулировок (т. е. вер-

бальных записей), основными невербальными способами записи являются формулы и чертежи.

Ф о р м у л а¹ — это комбинация символов, изображающая объекты или представления о них. Символами выступают обычно буквы какого-либо языка, чаще латинского и греческого, а также дополнительные знаки. Например, формула *зуб-* обозначает, что мы изображали или форму этого слова с нулевым окончанием, или производящую основу слова *зубной*; эта же формула может представлять тип склонения. Словообразовательная формула [(зим)ов]щик-() читается так: «Слово *зимовщик* образовано при помощи суффикса *-щик* от основы *зимов-*, которая есть в слове *зимовать*. А само это слово образовано с помощью суффикса *-ова(ть)* от основы *зим-*. Основу *зим-* имеет слово *зима*». Структурная схема предложения $N_1 - V_f$ читается так: «Подлежащее — имя в им. п., сказуемое — формально соподчиненная форма глагола».

В качестве образного представления языковых моделей используются также математическая символика и математические формулы, употребляемые, впрочем, не в строгом математическом (алгебраическом) смысле.

Ч е р т е ж — графическое изображение на плоскости геометрических образов и их совокупностей, выполненное линиями и штрихами. Для представления лингвистических моделей используются образы точек, линий, геометрических поверхностей и тел; лингвистические чертежи представляют собой различные диаграммы². Наиболее распространенными лингвистическими чертежами являются:

1) таблица, опирающаяся на образ квадрата; она обладает двумя измерениями; диаграмма квадрата используется для измерения оппозиционной и дистрибутивной совместимости, а также для классификационного распределения единиц, например:

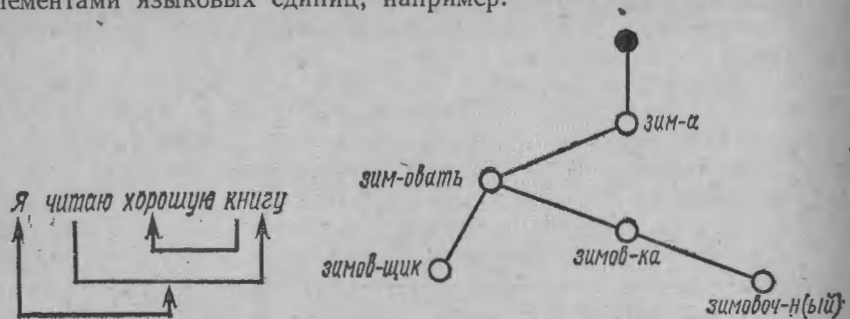
	[б]	[п]	[в]	[ф]	[м]
[э]	+	-	+	-	+
[с]	-	+	+	+	+
[д]	+	-	+	-	+
[т]	-	+	+	+	+

Слова	Формы				
	числа	рода	падежа	времени	вида
<i>стол</i>	+	(+)	+	-	-
<i>белый</i>	+	+	+	-	-
<i>белизна</i>	(+)	+	+	-	-
<i>бег</i>	+	(+)	+	-	-
<i>бежать</i>	+	(+)	-	+	+
<i>бегущий</i>	+	+	+	(-)	+

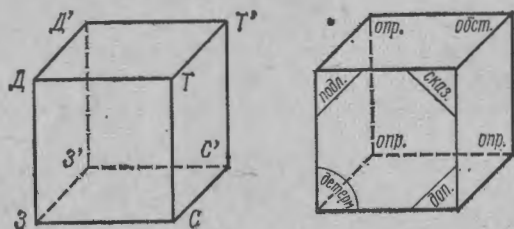
¹ Уменьшительное существительное от лат. *forma* — образ, вид.

² При статистическом изучении текстов используются диаграммы (линейные и векторные) и графики.

2) векторная диаграмма, изображающая при помощи направленных отрезков (векторов или графов) различные отношения между элементами языковых единиц, например:



3) диаграмма, опирающаяся на образ куба; она обладает тремя измерениями, а потому позволяет представить наглядно-образно глубинные отношения, например:



Лингвистическая интерпретация

Научное познание будет неполным, если наблюдение, эксперимент и моделирование не завершатся интерпретацией полученных результатов; эффективность того или иного приема и методики анализа окажется также неопределенной.

Интерпретация¹ состоит в раскрытии смысла полученных результатов и определении содержательной характеристики или путем включения их в существующие теории (как подтверждения или дополнения), или путем создания новой теории, если полученные результаты и их содержательные характеристики не укладываются в рамки старой теории. Без включения новых данных в систему существующих знаний их смысл и ценность остаются неопределенными, и только эффективное практическое применение может привлечь внимание к такому изолированному открытию.

Интерпретация, следовательно, есть оценка знаний. Она может быть различной. Можно, например, оценить полученные результаты, связав исчисление (частные результаты) с содержательной логикой и «перевести» их на формализованный язык. В метаязыке и метатеории

¹ От лат. *interpretatio* — объяснение, истолкование.

интерпретация рассматривается как перевод с одного языка на другой, в том числе с реального языка на «язык» математики (термины «интерпретация» и «модель» в этих случаях употребляются синонимически). При логической (семантической) интерпретации результаты эксперимента и сама теория оцениваются с точки зрения непротиворечивости, простоты, возможности вхождения в более общую теорию.

Интерпретация может быть эмпирической, когда полученные результаты и сама теория сравниваются с показаниями других наблюдений и других экспериментов, со всем имеющимся фактическим материалом; теория, которая охватывает большее количество фактов и свойств единиц объекта, обладает большей доказательной силой.

Ни логическая, ни эмпирическая интерпретации не требуют выхода за пределы существующих теорий. Своеобразная интерпретация может возникнуть в результате оценки полученных результатов с точки зрения смежной науки (открытия в одной науке очень часто оказывают влияние на развитие другой науки).

Наиболее важной является философская интерпретация, она требует оценки полученных результатов и частной теории с точки зрения общей теории и метода познания, с точки зрения общего процесса развития научного знания, обобщения существующего опыта и дальнейшего преобразования мира.

Практически необходима и имманентная интерпретация, т. е. интерпретация с точки зрения данной науки. Лингвисту, например, важно знать, в чем заключается собственно лингвистическая интерпретация, поэтому он определяет ценность того или иного результата, той или иной частной теории как теории именно лингвистической. Конечно, такая оценка является односторонней и не может признаваться единственно верной, но с точки зрения самостоятельности лингвистики как науки она очень важна; не может быть науки, у которой нет своей собственной интерпретации.

В частных науках есть два вида интерпретации: с точки зрения исторического закона, проявляющегося в той или иной форме в изучаемом объекте, и с точки зрения структуры, которую обнаруживает и сам изучаемый объект, и его отдельные единицы. В языкознании широко используется историческая и сравнительно-историческая интерпретация — при изучении структуры родственных языков, истории конкретного языка, его нормы. Структурная интерпретация чаще используется при теоретическом описании отдельных языков и типологическом изучении языков.

При изменении аспекта исследования внешней может оказаться как структурно-знаковая, так и социологическая интерпретация; единство предмета языкознания требует использования различных видов интерпретации, учитывающих многокачественность языка. Следует отметить, что лингвистическую интерпретацию нельзя смешивать с формализованностью способа описания и доказательства (см. с. 216).

Интерпретация всегда связывает теоретические и методические знания. При интерпретации действуют законы теории познания — это всегда восхождение или от конкретного к абстрактному, или от

абстрактного к конкретному. Пути научного поиска могут и должны быть самыми различными, но все они должны вести к истине, к углублению познания объекта.

Единство эмпирического и теоретического знания

Разработка методологии и методики научного исследования выдвинула и более общую проблему взаимоотношения предметных и методических знаний, эмпирического (экспериментального) и теоретического знания, роли индукции и дедукции в научном познании.)

В истории науки, и лингвистики в частности, известны односторонние концепции, которые отрицали значение то фактического материала, то абстрактных построений. Еще Г. Шухардт писал: «...Истинный прогресс заключается для меня в усовершенствовании методов познания, а не в увеличении числа объектов изучения»¹; более резко высказывался Э. Косериу: «Идея накопления фактов для решения теоретических проблем — реакционная идея; она способна скорее затормозить исследование, чем подвести под них более надежную основу»².

Конечно, роль методов исследования велика и теоретическое познание имеет относительную самостоятельность, но отсюда не следует, что накопление фактов не нужно для науки и что сами факты не имеют ничего общего с теоретическим познанием. Еще Гёте говорил: «Высшим было бы понять, что все фактическое есть уже теория»³. Физика XX в. также признает, что «без веры в то, что возможно охватить реальное нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира, не могло бы быть никакой науки»⁴.

Обособление эмпирических и теоретических знаний, естественно с точки зрения совершенствования методики исследования и специализации ученых и практиков разных областей знаний, в том числе лингвистических, настоятельно требует вспомнить общеметодическое положение об единстве теории и практики, теории и метода изучения объекта.

Теория может быть как эмпирической, выводимой индуктивно, так и дедуктивной, разрабатываемой не только для данного объекта, но и для группы объектов, причем иногда весьма удаленных от конкретных объектов. И тем не менее эта связь существует, ибо даже «математическое бесконечное заимствовано из действительности, хотя и бессознательным образом, и поэтому оно может быть объяснено только из действительности, а не из самого себя, не из математической абстракции»⁵.

Эмпирическое и теоретическое познание объединены общностью объекта, являясь тем самым не разрозненными видами знания, а разными сторонами диалектического познания действительности. Объектная (предметная) детерминированность познания видоизменяет направ-

ленность интерпретации при эмпирическом и теоретическом познании. Если экспериментальные факты и выводы интерпретируются путем подведения под объединяющую и объясняющую их теорию, то при теоретико-дедуктивном исследовании та или иная гипотеза интерпретируется путем уточнения ее предметной области. Следовательно, идем ли мы от объекта к теории или, напротив, от теории к объекту, — во всех случаях объектно-предметная направленность интерпретации обязательна. Методология науки охватывает как эмпирические, так и теоретические пути познания, хотя есть науки по преимуществу эмпирические (индуктивные) или теоретические (дедуктивные).

Лингвистическая теория должна быть прежде всего теорией своего объекта — естественных языков; она, следовательно, принципиально предметна, индуктивна, эмпирична. Что же касается работ в области лингвосомиотики, лингвоматематики и метаязыка, то, с одной стороны, они обслуживают языкознание, а с другой стороны, являются эмпирической базой для собственно семиотических, математических и гносеологических теорий.

Соотношение экспериментальных и теоретических знаний в разные периоды развития науки меняется, но эти знания не могут входить в конфликт без разрушения самой науки. Эксперименты и новые факты порождают новые гипотезы и теории, в свою очередь, новые гипотезы и теории требуют новых экспериментов и фактов. Рассуждения, даже формализованные и методически непротиворечивые, без богатого фактического материала и достаточной теоретической базы из теории превращаются в теоретизирование; описание фактов и лингвистические эксперименты без их теоретического освещения превращаются в бесцельное, хаотическое коллекционирование.

§ 35. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Кроме методов познания и общенаучных методов есть еще частные методы — научно-исследовательские, методы отдельных наук. Научно-исследовательским методом называется совокупность приемов и правил изучения того или иного явления или группы явлений. Научно-исследовательский (или исследовательский) метод есть в то же время аспект исследования, подчиняющий себе приемы исследования, которыми располагает тот или иной метод, методику (технику, процедуру) их использования, а также способы описания полученного результата.

Таким образом, структура исследовательского метода определяется взаимодействием аспекта, приема и методики исследования и способа описания. В лингвистических работах нередко обращается внимание лишь на один компонент исследовательского метода, в результате чего термин «метод» употребляется в разных значениях. Следует различать четыре понятия, выражаемые термином «метод»: метод-аспект, метод-прием, метод-методика, метод — способ описания.

¹ Шухардт Г. Избр. статьи по языкознанию. М., 1950, с. 68.

² Новое в лингвистике, вып. 3, с. 275.

³ Гёте И. В. Избр. сочинения по естествознанию. М., 1957, с. 399.

⁴ Эйнштейн А. Собр. научных трудов, т. 4. М., 1967, с. 543.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 20, с. 586.

Метод и аспект исследования

Аспект исследования является способом познания действительности, так как помогает выделить из нее отдельные стороны, явления, объекты для того, чтобы подвергнуть их специальному изучению¹. Выделение аспекта исследования предопределяет выбор того или иного приема (или приемов) исследования, наиболее эффективного (или эффективных) в данном случае.

Аспекты исследования различаются по своему назначению и лингвистической сущности. Среди лингвистических аспектов-методов надо выделить прежде всего собственные и заимствованные. Собственными лингвистическим методом является сравнительно-исторический. Он возник в результате открытия родства языков, изучение которого потребовало создания системы особых приемов, а также правил и процедуры лингвистического анализа звуков и морфем при их сравнительно-исторической интерпретации.

Заимствованными методами-аспектами в лингвистике являются статистический и логико-математический; их применение было вызвано стремлением уточнить методику лингвистического анализа.

Аспект исследования как метод (способ) познания часто смешивают, с одной стороны, с методом познания, с другой стороны — с приемом исследования, а также с задачей исследования или точкой зрения (говорят: структурно-семантический метод, логико-грамматический метод, формальный метод и т. д.). Естественно, что термин «метод» в этом случае получает значение аспекта исследования, предполагающее применение разных приемов и методик анализа.

Метод как прием исследования

Методом называют также исследовательский прием, т. е. совокупность правил исследования, сформулированных как методика анализа (приемом исследования является, например, метод внутренней реконструкции или дистрибутивный метод). Такие приемы не образуют основных лингвистических методов, так как они являются частью какого-то основного метода или могут быть использованы в разных методах. Например, прием преобразований (трансформаций) используется при синхронном и историческом изучении языка, при исследовании его системы и нормы, языка и речевой деятельности, при обычном и логико-математическом описании. Следовательно, трансформационный метод сам по себе не существует: он является приемом других методов анализа.

Однако в практике лингвистов термин «метод» часто совмещает эти два понятия. С одной стороны, методом называют совокупность научно-исследовательских приемов, объединенных аспектом исследования. В этом смысле говорят о сравнительно-историческом, сопоста-

¹ В значении «аспект исследования» употребляется также термин «уровень анализа»; «уровень анализа» может обозначать также этап анализа (см. с. 205).

вительном, структурно-математическом методах. С другой стороны, методом называют совокупность правил, а иногда и процедуру применения того или иного приема. В этом смысле говорят о методах внутренней реконструкции (прием историко-сравнительного метода) или стилистического эксперимента (один из приемов нормативно-эстетического метода).

Итак, лингвистический метод (в широком смысле термина) — это реализация аспекта исследования, нашедшая свое выражение в совокупности приемов и правил лингвистического анализа; в узком смысле слова методом является научно-исследовательский прием.

Методика исследования

Синонимично термину «метод» (прием) употребляется также термин «методика». Однако чаще этот термин означает не метод как прием, а самую процедуру применения того или иного метода-приема. И это правильнее, так как один и тот же прием может использовать разную методику.

Различия методики исследования зависят от многих причин: от аспекта исследования, от разного логического и общенаучного пути (например, индуктивного и дедуктивного), от самой процедуры и техники исследования, от способов описания и т. п. Например, прием количественного изучения использует различную методику, когда мы делаем приблизительные подсчеты или когда мы пользуемся аппаратом статистики (см. с. 245—246). Трансформационная методика, т. е. правила преобразования и порождения вторичных явлений и моделей, будет различной: а) когда мы используем ее при сравнительно-историческом и дескриптивном (описательном) изучении языка, б) когда она является реализацией логико-математического приема трансформаций и приема стилистического эксперимента, в) когда мы порождаем вторичные модели и сравниваем синонимические средства языка.

Научная методика охватывает все этапы исследования — наблюдение и сбор материала, установление единиц и их свойств, которые необходимо проанализировать, выбор единиц анализа (см. с. 219—221) и способ описания, определение самого приема анализа, характер интерпретации и аспект исследования.

Владение методикой научного исследования необходимо специалисту независимо от того, какие задачи он ставит перед собой и какими приемами пользуется. Самый хороший метод или прием анализа может не дать нужных результатов без верной методики исследования, так как важен не только сам метод-прием, но и мастерство применения того или иного метода.

Методика исследования и способ описания

С методикой исследования непосредственно связан способ (или манера) описания полученных результатов и ведения доказательства. Способы описания не являются методами исследования: они всего лишь внешняя форма того или иного приема и методики анализа.

Способы описания делятся по характеру описания на формализованные и неформализованные, а по средствам описания — на вербальные и невербальные.

Формализацией называется способ описания, который характеризуется тем, что при изучении какого-либо явления в явном виде и однозначно задаются исходные положения (аксиомы), содержащие определенные утверждения и правила обращения с ними, а также правила получения новых утверждений и фактов. Формализация широко применяется в структурном и структурно-математическом языкознании.

В языкознании часто используется также неформализованный способ описания и доказательства. Он состоит в том, что исследователь собирает фактический материал и на основе его выводит свои заключения, уточняя в ходе исследования выводы и формулировки. Опора на факты делает неформализованный способ описания гибким и подвижным, однако выводы в ряде случаев не носят всеобщего характера, так как они относятся лишь к данному фактическому материалу.

Приведем, например, словообразовательный анализ слов *смородина* и *малина*. При формализованном способе описания будем исходить, скажем, из предположения, что морфемы имеют дифференцирующее значение — как основы, так и аффиксы. Если суффикс *-ин-* в приведенных словах обозначает «ягода», то, естественно, *мал-* и *смород-* означают то в малине и смородине, что отличает их друг от друга и от прочих ягод¹. Следовательно, слова эти имеют морфемное членение, как и слова *дверка*, *писатель*, *теплота* и т. п. То, что самостоятельно не употребляющаяся основа *мал-* является уникально и что мы не знаем, какую ягоду следует называть смородиной, а какую малиной, — эти факты не принимаются в расчет — во имя формализованности способа описания морфемной структуры слова.

При неформализованном способе описания мы также выделяем суффикс *-ин-* у названий растений и ягод (*малина*, *смородина*, *калина*, *рябина*). Однако, отмечая факт отсутствия бессуффиксальных употреблений основ и немотивированность значений морфемной структуры, приходим к выводу о том, что в этих словах произошло опрощение. Следовательно, морфемный анализ подобных слов должен быть дополнен этимологическим. Он помогает нам понять, что малина, калина, рябина названы по их цвету, а смородина — по запаху: так, слово *каль* имело значение «куст с черными ягодами», а в *смородине* обнаруживается тот же корень, что и в словах *смерд*, *смердь* — «сильный запах» (название было дано по сильному запаху черной смородины, затем перенесено на другие виды этого растения и ягоды). Неформализованность при таком описании состоит в том, что мы совмещаем морфемную, словообразовательную и этимологическую методики.

¹ См.: Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. — «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», 1948, вып. 5, с. 24.

Вербальные способы описания характеризуются тем, что используются обычные слова, в том числе термины, и даются формулировки. Для невербальных способов описания характерно использование, вместо слов и терминов, буквенной символики и буквенных формул или схем и чертежей различных видов. Буквенная символика и чертежи широко применяются при моделировании.

Невербальные способы описания, как и создание специальной терминологии, могут быть связаны с теорией и методом исследования и могут быть по отношению к ним внешними — просто более кратким способом записи дефиниций. Например, если автор вместо терминов «фразеологизм», «сложное предложение», «подлежащее», «сказуемое», «существительное» и «именительный падеж» употребляет условные сокращения: *Ф*, *СП*, *П + С*, *S_{им.}*, то такая символика является лишь наиболее кратким способом записи; никакой новизны научной мысли она не содержит. Это следует подчеркнуть в связи с тем, что в последнее время получили широкое распространение такая сокращенная символика, а также использование символики математической логики, не имеющие ничего общего ни с математикой, ни с логико-математическим моделированием языка (при логико-математическом моделировании исследователь отвлекается от конкретного фактического материала и сама символика становится наглядно-образной основой научного мышления).

Таким образом, способ описания не является специальным методом исследования, он лишь варьирует существующие методы и приемы, придавая им ту или иную внешнюю форму.

Классификация основных методов лингвистики

Проблемами лингвистической методологии являются классификация лингвистических методов и приемов, разработка методики лингвистического анализа, а также вопросы, связанные с освоением лингвистикой приемов и методов смежных наук, т. е. проблема методической экстраполяции.

Поскольку главная задача языкознания — изучение конкретных языков, постольку классификация основных лингвистических методов (аспектов) должна основываться не на процедурных основаниях (методическая процедура и логические приемы, общие не только для ряда специальных методов, но и для многих наук), а на свойствах самого объекта.

Современное языкознание, как и другие науки, представляет собой комплекс лингвистических наук, изучающих разные стороны языковой системы и нормы, а также их функционирование и развитие. Попытки создания универсального (единого и одного) лингвистического метода исследования, равно как и попытка трактовать философский метод (метод материалистической диалектики) как собственно лингвистический не увенчались успехом. Лингвистическая методология представляет собой совокупность научно-исследователь-

ских аспектов и методов исследования, которые могут иметь общие процедурные моменты, а могут и отличаться методикой исследования и способом описания.

Лингвистические методы и приемы исследования можно классифицировать по их типичности для того или иного лингвистического направления или школы и по направленности на разные стороны языка. В первом случае речь пойдет о методике анализа у американских дескриптивистов, в Пражской лингвистической школе, в психолингвистике и лингвосомиотике и т. п. При характеристике каждого из лингвистических направлений и школ методическая проблематика занимает то большее, то меньшее место. Однако это будут не разные лингвистические методы и приемы исследования, а различные методика анализа и манера описания, степень их выраженности, формализованности и значимости в теории и практике лингвистической работы.

При второй классификации речь пойдет о приемах и методике фонетического и фонологического, морфологического и синтаксического, словообразовательного, лексикологического и фразеологического анализа. Хотя всегда будут применяться общенаучные приемы наблюдения и экспериментирования, моделирования и интерпретации, генерализации и классификации, они получат специализацию в связи с особенностями изучаемых объектов. Например, исследование звуков речи предполагает использование специальной аппаратуры, а также специализацию приемов оппозиционного и позиционного анализа. Синтаксические исследования характеризуются системой других приемов, причем позиционные приемы анализа в синтаксисе заметно отличаются от позиционных приемов анализа фонетики речевого потока. При изучении синтаксического строя и его единиц исследователи используют различные синтаксические приемы анализа: логико-грамматические, актуального членения, анализа по непосредственно составляющим и древу подчинения, трансформационные, прием межуровневой интерпретации синтаксических единиц. Все эти приемы можно объединить на основе предметной отнесенности в синтаксический метод лингвистического анализа.

Фонологический, морфологический, синтаксический и т. п. методы являются методическими аспектами, вызванными тем, что язык является сложной структурой. Однако языку свойственно не только структурное, но и историко-ареальное и функционально-стилевое расслоение. Своеобразие предмета языкознания, изучающего как внутрискруктурное, так и функциональное и историческое расслоение языковых фактов и явлений, влияет на определение основных аспектов исследования, а следовательно, и на определение методов лингвистического исследования.

Основными лингвистическими методами-асpekтами являются описательный, сравнительный и нормативно-стилистический. Каждый из лингвистических методов характеризуется своими принципами и задачами, объединяя и видоизменяя различные приемы и методики анализа в зависимости от особенностей изучаемых явлений и частных задач, поставленных перед исследователем.

Библиография

- Маркс К., Энгельс Ф. и Ленин В. И. Хрестоматия по диалектическому и историческому материализму. Изд. 2. М., 1969.
Основы марксистско-ленинской философии. Изд. 2. М., 1972, с. 156—218.
Мостепаненко М. В. Философия и методы научного познания. Л., 1972, с. 41—74.
Павлов Т. Диалектико-материалистическая философия и частные науки. М., 1957.
Гухман М. М. О роли моделирования и общих понятий в лингвистическом анализе. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Глава 13

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Описательный метод — самый старый и в то же время современный метод лингвистики. Древнейшие китайские, индийские и греческие грамматики были по преимуществу описательными; современные лингвистические школы, в том числе и структуралистские, обращаются прежде всего к принципам и методике научного изучения и описания современных языков.

Описательным методом называется система исследовательских приемов, применяемых для характеристики явлений языка на данном этапе его развития; это метод синхронного анализа. Описательный метод имеет исключительное значение для практики обучения языку.

§ 36. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ОПИСАНИЕ

Любая методика научного анализа предполагает выделение из объекта его сторон, частей и единиц, которые становятся предметом специального изучения, через которые познаются различные свойства изучаемого объекта. Следовательно, методика описательного изучения языка должна, с одной стороны, не упускать из виду язык как структурное и социальное целое, а с другой стороны, четко определить те явления и единицы, которые являются предметом специального изучения, выделив их из речевого отрезка и текста (единичного или совокупности их) и изолировав тем самым от других сторон.

Единицы языка и их признаки

На первом этапе описательного анализа из текста выделяются слова и предложения, т. е. номинативные и коммуникативные единицы языка. Практически выделение слов и предложений из современного письменного текста не представляет трудности, так как они практически выделены автором или издательством. Словами признаются отрезки текста (сегменты) от просвета до просвета, а предложениями — отрезки текста от точки до точки (могут быть и другие

¹ Ср.: Голант Е. Я. Методы обучения в советской школе. М., 1957; Текучев А. В. Методика русского языка в средней школе. Изд. 2. М., 1970; Федоренко Л. П. Принципы и методы обучения русскому языку. М., 1964.

разделительные знаки препинания — вопросительный и восклицательный знаки, многоточие, красная строка).

Однако возможности методики графической сегментации ограничены. Автор может пунктуационно изолировать части предложения (особенно сложного) и, напротив, употреблять разделительные по основной функции знаки препинания для актуализации частей простого и сложного предложений; известно также, что слитное и раздельное написание слов может быть колеблющимся и вариантным. Кроме того, номинативные и коммуникативные единицы не тождественны однословным и двусловным (многословным) отрезкам текста, так как существуют двусловные «номинативные» единицы (фразеологизмы и аналитические формы слова) и однословные предложения. Поэтому графическая сегментация должна быть дополнена методикой идентификации языковых единиц, которая основывается на сравнении разных текстов и использовании предшествующего опыта. Следовательно, выделение единиц языка из текста требует не только наблюдательности, но и обширных знаний.

Второй этап описательного анализа состоит в членении выделенных из текста единиц, т. е. нахождении структурных единиц. Поскольку первичная сегментация дала два типа единиц, постольку вторичная (или структурная) сегментация идет двумя путями: вычленяются морфема и словоформа, словосочетание и член предложения. Методика вторичной сегментации весьма разнообразна и зависит в значительной степени от понимания структурной единицы.

Следует при этом обратить внимание на два момента. Во-первых, структурные единицы обладают формально-структурной и функционально-структурной сторонами, причем они отличаются у разных структурных единиц. Поэтому методика структурной сегментации должна быть принципиально разнообразной, учитывающей структурные особенности анализируемых единиц. Во-вторых, структурная сегментация не тождественна текстовой сегментации, так как в тексте часто выявляются варианты, в том числе индивидуальные, единиц языка, тогда как структурная сегментация выделяет не сами единицы, а их компоненты.

Третий этап описательного анализа связан с интерпретацией выделенных номинативно-коммуникативных и структурных единиц. Структурная (не структуралистическая!) интерпретация осуществляется чаще всего при помощи методик категориального и дискретного анализа.

Категориальный анализ состоит в том, что выделенные единицы объединяются в группы, анализируется структура этих групп и каждая единица рассматривается как часть той или иной категории. Методика категориального анализа располагает разными приемами, среди которых наиболее известны приемы классификации, парадигм и трансформаций.

Методика дискретного¹ анализа состоит в том, что в структурной единице выделяются мельчайшие, далее неделимые,

¹ От лат. *discretus* — *раздельный, прерывистый*.

предельные признаки, которые и анализируются как таковые, изучается их структура, распределение и значимость, так что единица языка рассматривается как пересечение этих признаков-фигур.

Признаки единиц и их категории свойственны языку и отражаются в лингвистике как науке о языке. Лингвистика выработала систему своих категорий, которые как категории науки «суть ступеньки выделения, т. е. познания мира»¹.

Номинативно-коммуникативные и структурные единицы являются предметом анализа, отличаясь от единиц самого анализа, которые используются как инструмент познания языковых единиц.

Единицы языка и единицы анализа

Разграничение единиц объекта, который изучается, и единиц, которые с этой целью создает исследователь, — одно из основных положений современного учения об исследовательских методах. Единицы объекта существуют объективно; единицы анализа существуют субъективно, по воле и желанию исследователя. Единицы языка и лингвистического анализа могут принципиально не совпадать. Так, звонкость — глухость не образуют сами по себе единиц языка (они являются признаком ряда фонем), но эта парность может использоваться как прием описания единиц и категорий фонетико-фонологического яруса (см. с. 234—235).

Отношение к разграничению единиц языка и анализа разделяет языковедов на два лагеря: одни признают это различие существенным, другие (и среди них многие структуралисты), напротив, считают, что единицы языка и анализа совпадают, так как единицы анализа и есть научное, т. е. структурное, изучение языка.

П. В. Чесноков, отметив, что традиционное языкознание изучает отдельные языковые факты, пользуясь семантико-субстанциональной методикой, а структурное языкознание изучает простейшие отношения, пользуясь реляционной методикой, приходит к выводу: «Диалектическое раздвоение языка как объекта познания, обусловленное противоречивостью самого объекта, порождает два наиболее общих противоположных подхода к языку — традиционный и структурный. Эти подходы различаются многими познавательными особенностями, и прежде всего методикой исследования»². Такая попытка примирить традиционное и структурное языкознание неправомерна. Традиционное языкознание занималось не только отдельными языковыми фактами и пользовалось не только семантико-субстанциональной методикой. Достаточно вспомнить хотя бы К. Беккера, который признавал и элементы, и отношения, или А. Шлейхера, также различавшего эти два вида объектов и изучавшего материальные отношения и между компонентами слова, и между языками, как станет ясно, что основное различие не в этом.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 29, с. 85.

² Чесноков П. В. О диалектике процесса познания в науке о языке. — В кн.: Филологические этюды, вып. 1. Ростов-на-Дону, 1972, с. 32.

Субстанцию и отношения изучают все. Существует лишь различное понимание языковедами взаимоотношений субстанции и отношения, метода познания и метода описания, единицы языка и единицы анализа. Структуралисты ошибаются не в том, что они изучают отношения и совершенствуют методику лингвистического анализа (открытие дифференциальных признаков и сем — закономерное развитие науки о языке). Структуралисты (и не только они, так как подобные взгляды существовали и ранее) ошибаются тогда, когда эти единицы лингвистического анализа и отношения между ними объявляют имманентной сущностью языка. Это, несомненно, проявление неопозитивизма, преодолеть которое можно только с принципиальной позиции диалектического материализма.

Соотношение единиц языка и анализа бывает двояким. С одной стороны, единицами анализа могут выступать реальные единицы языка (морфема может быть единицей анализа слова, словоформа — предложения и т. д.). С другой стороны, единицами анализа выступают такие элементы и отношения, которые сами по себе не образуют ни единиц языка, ни его категорий (например, фигуры и функции Л. Ельмслева).

В тех случаях, когда единицами анализа выступают реальные единицы, их отношение к единицам языка, в свою очередь, бывает двояким: а) единица анализа оказывается меньшей, чем единица языка и речи; б) единица анализа оказывается большей, чем единица языка и речи. На этих типах соотношений базируются две различные методики лингвистического анализа и описания языка — компонентный и контекстный анализ.

Компонентный¹ анализ исходит из того, что единицами анализа являются части (элементы) языковой единицы — номинативно-коммуникативной и структурной. Методика такого анализа разработана Казанской и Московской лингвистическими школами. Примерами компонентного анализа являются разбор слова по его морфемному и морфологическому составу, разбор предложения по составу (при логико-грамматическом и смысловом его членении).

Примером компонентного анализа являются также толкования слов, например в нормативном словаре. Так, лексическое значение слова *солдат* в «Словаре русского языка» (т. 4, 1961) «рядовой военной служащий армии». В определении указывается три признака лексического значения: рядовой, военнослужащий, армейский. Эти компоненты лексического значения обобщают все употребления данной лексемы, поэтому такое обобщение достаточно, чтобы объяснить все случаи применения указанного лексического значения, его реализацию, актуализацию и выражение контекстных смыслов. Но в разных сферах общения и у отдельных лиц лексическое значение конкретизируется, указывая на рядового-пехотинца, рядового-матроса, солдата царской армии, советского солдата, воина вообще и человека долга (ср. *солдат революции*). Во всех случаях смысл выражается не только лексемой, но и уточняется контекстом.

¹ От лат. *componens* — составляющий, часть чего-либо.

В новейших исследованиях компонентный анализ стал рассматриваться как дискретный анализ¹. Лексическое значение как таковое было разложено на семы и их матричное описание, семантический уровень противопоставлен лексическому, методика анализа заменена методикой описания. В центре анализа находится тематический ряд — набор контрастирующих моносем (= сем), его матричное описание и контекстное подтверждение и составляют суть методики дискретного компонентного анализа. Несмотря на детальную разработку процедуры описания, недостатком методики такого анализа является то, что сами тематические ряды выбираются произвольно (на основе логико-семантических рассуждений) и не различаются такие понятия, как «значение слова», «смысл слова», «моносема». Система моносем используется для изучения понятий, а не значений слов; на это справедливо указал Л. Ельмслев: «...Семантическое описание не сводится просто к семантическому описанию элементов содержания, выделенных в результате анализа; остается необходимым описание манифестации больших единиц. Значение слова как до анализа, так и после него является основным объектом семантики; «семантическое слово», лексическое слово или просто слово сохраняет все свои права»².

Компонентный анализ недостаточен для анализа единиц языка: он должен быть дополнен анализом нормативности и контекстным анализом.

Контекстный³ анализ исходит из того, что единицами анализа выступают речевые или, реже, языковые единицы, более широкие, чем сама изучаемая единица; это анализ части через целое. В языковедении, однако, чаще применяется такая методика контекстного анализа, при которой единица языка анализируется в составе речевого образования — контекста⁴. Контекстом в этом случае считают часть текста, вычлененную из него и объединенную языковой единицей, которая в нем реализует и актуализирует свое значение. Контекстный анализ поэтому чаще всего используется при семантическом анализе слов (лексем и словоформ).

Наиболее известные приемы контекстной методики: прием семантико-синтаксического контекста Потебни, стратификационный прием школы Фёкса — Холидея и прием операционного контекста, предложенный Колшанским.

В новейших исследованиях методика контекстного анализа получает в то же время иное толкование. Во-первых, отказываются от понимания ее как семантического изучения единиц языка; контекстом наделяются фонемы и морфемы, значение заменяется функцией, контекст рассматривается как любое текстовое окружение анализируемой единицы. При таком подходе контекстная методика истолковывается как дистрибутивная методика, направленная на изучение любых

¹ См.: Основы компонентного анализа. Под ред. Э. М. Медниковой. М., 1969.

² Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2, с. 136.

³ От лат. *contextus* — соединение, тесная связь.

⁴ См.: Языковые единицы и контекст. Под ред. В. И. Кодохова. Л., 1973.

синтагматических отношений; она противопоставляется компонентной методике, которая изучает парадигматические отношения (см. с. 235—236). Во-вторых, контекстный анализ сближается с социологическими приемами: его предметом становится не только словесный контекст, но и ситуация речи и контекст культуры.

При всем различии приемов и методик компонентного и контекстного анализа общее у них то, что традиционная методика понимает компоненты и контекст как объективно существующее явление, тогда как нетрадиционная (структуралистическая и математическая) методика подчеркивает операциональную природу компонента и контекста как явлений субъективно-научных, как единиц и отношений анализа.

Основные типы приемов описательного метода

Методика и приемы описательного лингвистического метода весьма разнообразны и противоречивы, различна и их процедурная выразительность. Поэтому важно не только указать различные приемы описательного метода, но и установить их основные группы (типы).

Методы лингвистического анализа классифицируют по различным основаниям: по способу описания методы делятся на формализованные и неформализованные, математические и нематематические; по соотношению единиц языка и единиц анализа они подразделяются на субстанциональные и операциональные, среди которых выделяют структурные и математические. Эти две классификации пересекаются при интерпретации полученных результатов. В математических и структурных исследованиях интерпретация рассматривается как особый четвертый этап выделения единиц анализа. Интерпретация в этом случае понимается как учение о субординации выделенных единиц, их экспериментально-фактическая проверка; сама же методическая процедура лингвистического приема оценивается с точки зрения простоты, непротиворечивости и экономности.

В «традиционных» (субстанциональных) исследованиях интерпретация считается обязательным компонентом третьего этапа описательного анализа языка, потому что выделение единиц языка предполагает их оценку, которая влияет на процедуру анализа, выбор его единиц, приемов и методик. Лингвистическая интерпретация признается самой существенной, поскольку она определяет самостоятельность науки о языке.

Если исходить из такого понимания задач описательного изучения языка, то все приемы и методики лингвистического описательного метода могут быть подразделены на два основных типа — приемы внешней и внутренней интерпретации.

§ 37. ПРИЕМЫ ВНЕШНЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Языковой факт может обнаруживать как свойства языковой системы, так и свойства того явления или предмета, обозначением которого он служит. Исследование назначения языковых единиц порождает при-

их функциональной интерпретации. По отношению к строению самих языковых единиц такая интерпретация является внешней.

Долгое время приемы внешней, культурно-исторической интерпретации считались основными. Так, Р. О. Шор, обосновывая социологическую лингвистику, писала, что ее метод «есть метод и н т е р п р е т а ц и и, раскрывающий за выражением то значение, тот смысл, знаком которого оно является»¹. В последнее время функционирование языковых единиц стало пониматься как реализация их структурных возможностей, как выражение «структурного значения». Такое понимание языковой семантики и функционирования иногда смыкается с логико-психологической интерпретацией, а иногда с методикой вариантов и семантического поля.

Приемы внешней интерпретации не могут быть сведены ни к изучению назначения единиц, ни к их реализации, ни к семантической характеристике. Специфика состоит именно в том, что они изучают языковые единицы. Приемы внешней интерпретации подразделяются на два вида:

1) интерпретация языковых единиц со стороны их связей с неязыковыми явлениями; сюда относятся приемы социологические, логико-психологические и артикуляционно-акустические;

2) интерпретация языковых единиц по их связи с другими единицами языка. Эти приемы являются внешними для единиц изучаемого яруса, но они не выходят за пределы языковой структуры. Сюда относятся прежде всего приемы межуровневой интерпретации и дистрибутивная методика, которая вскрывает особенности изучаемой единицы через ее окружение.

Социологические приемы

Социологические приемы более применимы при нормативно-стилистическом и историческом изучении языка, однако они используются и при описательном исследовании языковой структуры, особенно при изучении словарного состава языка.

Наиболее распространенными приемами социологического изучения лексики являются: прием «слов и вещей», прием тематических групп, лингвистическая география и прием нормативно-стилевых характеристик.

Прием «слов и вещей» (Wörter und Sachen) был предложен Р. Мерингером и Г. Шухардтом для историко-социальных исследований; позднее он стал использоваться при изучении и описании лексики современного языка, в том числе в этнографических исследованиях и толковых словарях. Поскольку ранее всего прием «слов и вещей» стал применяться в энциклопедических словарях, то, видимо, будет справедливо сохранить за ним название энциклопедического приема изучения слов.

Этот прием состоит в том, что значение слова изучается в тесной связи с реалемой (вещью и понятием), которое слово называет и обо-

¹ Шор Р. Язык и общество. М., 1926, с. 97, 147.

значает. Значение слова раскрывается через описание реалем, свойства которых обнаруживаются и иллюстрируются примерами употребления данного слова. Так, В. И. Даль, описав в своем «Толковом словаре» значения слова *изба* и приведя названия *сборная изба, чёрная (курная) изба, белая изба, красная изба*, продолжает: «Вообще у нас изба бывает рубленая, бревенчатая; она обычно *четырёхстенная*; если же разгорожена рубленой стеною, то *пятистенная*, или о шести рубленых углах; тогда сени к одному боку и одна только жилая комната; *шестистенная*, если сени посредине и из них вход в обе половины, в зимнюю и летнюю, или в стряпную и в чистую, или собств. в избу, в горенку, светлицу. Изба делится на четыре угла: по одну сторону входа *стряпной, бабий кут* и печь; по другую *хозяйский кут (кутник нижний)* или *коник*, от *койки*, род ларя для поклажи упряжи и пожитков; прямо против печи *печной угол* или *жернов-угол* (он же *куть, кутной*), где стоит ручной жернов, где бабы работают; прямо против коника наискось противу печи, *красный; большой* или *верхний* угол, с иконами и столом».

Прием тематических групп состоит в том, что на основе какой-то одной предметно-тематической отнесенности избирается совокупность слов, которая и подвергается специальному изучению. При помощи тематических групп исследуется прежде всего субстантивная лексика (названия жилищ и построек, населенных пунктов и водоемов, экзотизмы, характеризующие ту или иную территорию или страну, и т. п.); в последние годы в качестве больших тематических групп стала изучаться терминологическая лексика.

Выбранные и объединенные в тематические группы лексемы исследуются при помощи различных методик. Отдельные лексемы могут получать энциклопедические характеристики; у них возможно выявить значения и компонентный состав, а также лексико-семантические группы и синонимические ряды. Это значит, что предметно-тематическая группировка слов не обязательно заканчивается социологической интерпретацией; она может получать также лексико-семантические интерпретации и предполагать, следовательно, использование приемов внутренней интерпретации, связанных с изучением языковых парадигм, полей и других семантических групп.

Прием лингвистической географии в области словарного состава состоит в изучении территориального распространения отдельных слов или их групп, выявления диалектных и языковых зон. Распространение слов и выявление ареалов их распространения осуществляются при помощи лексикографического описания и составления словарных карт. Интерпретация полученных результатов бывает исторической и экономико-политической (см. с. 267—269).

Прием нормативно-стилевых характеристик используется при составлении толковых словарей и при стилистической характеристике словаря отдельного художественного произведения или автора. Методика нормативно-стилевого приема опирается на систему стилистических помет; их раздельное и комбинированное использование позволяет дать достаточно точную стилистическую оценку как слову в целом, так и отдельным его значениям. Наиболее употреб-

тельными стилистическими пометами, указывающими на социальную характеристику, являются: книжное, разговорное, просторечное, областное, жаргонное (арготическое), специальное (с дальнейшей детализацией), историческое (устарелое), заграничное (экзотическое).

Логико-психологические приемы

Логические законы и правила логических операций являются составной частью любого исследовательского приема. Логическую природу обнаруживают все лингвистические приемы изучения языка — прямо или косвенно, открыто или завуалированно. Так, приемы логико-математического моделирования построены в значительной степени на применении логико-математических приемов к изучению языка; логические основания дистрибутивной методики скрыты.

Логическими приемами лингвистического анализа называют, однако, не логические основания лингвистических приемов, а такие приемы лингвистического анализа, которые исследуют связи содержания языковых единиц и категорий с единицами и категориями мышления. Среди логических приемов лингвистического анализа выделяются приемы инвариантно-метаязыковые и вариантно-языковые; в истории языкознания эти два рода приемов были осознаны как логические и психологические приемы анализа языка.

Инвариантно-метаязыковые логические приемы анализа языка основываются на подчеркнуто-дедуктивном пути познания, при котором конкретные единицы языка рассматриваются как реализация абстрактной модели языка. Поэтому изучение метаязыка, соотношенного прежде всего с абстрактной моделью языка, определение различных уровней абстракции и их структурно-системное описание составляют основную задачу логического познания языка. Эта задача определяет и методику лингвистического анализа.

Предметом изучения становится стратификационная структура языка, логическая структура речевого акта и логико-тематическая структура контекста. Языковое значение понимается как логико-понятийная ситуация, так что предметом исследования являются не сами языковые единицы, а их признаки. Языковые единицы рассматриваются как пересечение этих признаков и реализация инвариантно-метаязыковых структур. Выделение единиц языка осуществляется интуитивно, интерпретируются они логически. Поэтому этот род логических приемов лингвистического анализа называют иногда интуитивно-дедуктивным.

Инвариантно-логические приемы лингвистического анализа впервые были сформулированы грамматистами и логиками Пор-Рояля. В последнее время они получили распространение в структуральном и логико-математическом языкознании (см. с. 242—245), поэтому их называют также новыми методами лингвистики.

Инвариантно-логическим приемам противопоставляют традиционные методы, считая их имплицитными, с точки зрения выраженности методики лингвистического анализа, и неуниверсальными по охвату языкового материала. Действительно, так называемые традиционные

логические приемы лингвистического анализа, возникшие в первой половине XIX в., но широко употребляемые и совершенствуемые в современном языкознании, исходят из факта реальности языка, его единиц и категорий.

В а р и а н т н о - я з ы к о в ы е приемы логического анализа исходят из признания разнообразия единиц языка и самих языков, так что их общелогические свойства проявляются весьма своеобразно и противоречиво. Поэтому предметом анализа являются конкретные единицы языка, их функционирование и связи не только с логическими формами мысли, но и с иными содержательными единицами и категориями. К языку в целом вариантно-языковые логические приемы применяются тогда, когда говорят о лингвистической относительности, о различных типах языковых значений, их категориях и связях с контекстом. Так, например, при изучении содержательной структуры предложения широко используются приемы логико-морфологического и актуально-синтагматического членения предложения.

Прием логико-морфологического анализа предложения основывается на признании обусловленности образца предложения логической формой мысли и системой частей речи, свойственных тому или иному языку. Логическая форма мысли выделяет субъектно-предикатную основу предложения, представленную главными членами предложения, и ее логическое распространение, выраженное второстепенными членами предложения (дополнениями, определениями и обстоятельствами). Поскольку такие единицы выделяются не только на общелогическом, но и на конкретно-грамматическом основании, постольку эти категории получили наименование логико-грамматических категорий, свойственных предложениям разных языков. Морфологическая обусловленность образца предложения проявляется в том, что конструктивная основа предложения определяется формами слов, свойственными частям речи того или иного языка. Поскольку формы слов закреплены за определенными синтаксическими позициями, постольку они являются лишь одной из сторон синтаксической конструкции.

Между логико-грамматической и морфолого-синтаксической сторонами образца предложения, между его содержанием и формой полного совпадения нет и не может быть. Именно это свойство заставляет различать морфологизованные и неморфологизованные члены предложения, субъект и подлежащее, предикат и сказуемое и т. п. Так, в предложении *Дети идут* логическое и морфологическое членения совпадают; совпадают они и в предложении *Ему весело*, хотя в этом случае субъект и предикат выражены не обычной формулой предложения, а синтаксической конструкцией, в которой нет обычной, морфологизованной двусоставности. Несомненно, что такие конструкции существуют благодаря наличию в языке особых категорий слов, под влиянием лексико-семантических факторов. Так, различная семантическая членимость фраз *Человек идет* и *Дождь идет* объясняется не логико-морфологической структурой предложения, а лексико-семантическими свойствами слов *человек* и *дождь*. Поэтому в современных синтаксических работах формально-логический анализ дополняется различными приемами смыслового и семантического анализа синтаксиса.

Подвижность логической основы предложения наглядно проявляется при употреблении предложений. Логическая основа, выраженная конструктивной формой предложения, становится также формальной, не актуальной для передачи и понимания конкретной мысли: субъектно-предикатная основа высказывания связывается с темой и ремой, причем новым, психологическим предикатом может стать любой компонент предложения, акцентированный смысловым ударением, интонацией и словопорядком. Например, во фразе *Завтра я поеду в Москву* может быть выделено слово *завтра*; оно приобретает особую смысловую актуальность, воспринимаемую на фоне содержания предложения, а также контекста и ситуации речи.

Поскольку логическая основа речевого предложения зависит от актуализации отдельных компонентов содержания предложения и связывается с его интонационно-смысловым членением, постольку прием речевого смыслового членения предложения получил наименование актуального и синтагматического членения предложения.

Артикуляционно-акустические приемы

Звуки, слоги и интонация, составляя материальную оболочку единиц языка, связаны в то же время с природной материей, которая проявляется как артикуляционно-физиологические и акустико-физиологические явления. Поэтому звуки речи могут получать физические и биологические характеристики; вместе с тем как продукт высшей нервной деятельности человека они есть психические явления. Так, артикуляция звука — это мускульное усилие, которое предполагает не только движение органов речи, но и контроль и управление артикуляцией, выработку навыков артикуляции. Акустика звука речи есть в то же время восприятие звуков речи, воспитание фонологического слуха.

Физические и физиологические свойства звуков речи изучаются при помощи прямого наблюдения и различных приемов экспериментально-фонетического метода (см. с. 250—251). Артикуляционно-психологические и акустико-психологические особенности звуков речи изучаются при помощи классификационных методик и компонентного анализа артикуляции звука и артикуляционного акта.

Компоненты артикуляции описываются при помощи классификационных таблиц, разработанных отдельно для гласных и согласных. Набор артикуляционных признаков бывает различным для разных языков. Так, артикуляционная характеристика согласного звука русского языка включает четыре обязательных дифференциальных признака, указывающих на артикулятор (активный орган речи), место артикуляции, участие голосовых связок и наличие дополнительного движения артикулятора, создающего палатализацию (например, согласный [t'] характеризуется как переднеязычный, зубной, глухой, мягкий). Для характеристики гласного русского языка достаточно указания на три признака — ряд, подъем, лабиализацию. Естественно, что для других языков, имеющих большее количество гласных фонем, этого

минимального набора недостаточно; так, в польском или французском языке обязательно указание на участие носового резонатора, а в немецком или якутском — на длительность артикулирования гласного.

Приемы межуровневой интерпретации

Приемы межуровневой интерпретации, не имеющие однозначного наименования, в практике лингвистических исследований применяются очень широко. Смысл этих приемов состоит в том, что единицы смежного яруса или более мелкие единицы одного и того же яруса используются как единицы лингвистического анализа. При межуровневой анализе на свойства изучаемого явления смотрят с точки зрения смежного яруса, что открывает новые особенности изучаемых явлений и помогает установить межуровневые связи. Наиболее распространены приемы морфологического синтаксиса и морфемной морфологии.

Как известно, синтаксическими единицами обычно признают словосочетание и предложение; в их состав, не теряя при этом своей специфики, входят словоформы и части речи. Прием морфологического синтаксиса состоит в том, что синтаксическую структуру изучают с позиции ее морфологической выраженности. Например, признавая главные члены предложения, выделенные при помощи логико-психологического приема, описывают морфологическое выражение подлежащего и сказуемого. Так, в русском языке подлежащее прежде всего отождествляется с именительным падежом имени существительного; затем указывается, что подлежащее может быть выражено именительным падежом другой части речи (местоимения, числительного, прилагательного), а также инфинитивом и неразложимым словосочетанием.

Более последовательное применение приема морфологического синтаксиса ведет к отрицанию двух главных членов предложения, выдвиганию понятия о личной форме глагола как формальном центре конструкции, отрицанию членов предложения и самого предложения, замене его учениями о видах синтаксической связи и о форме словосочетания. Впрочем, прием морфологического синтаксиса в чистом виде применяется редко; обычно он сопровождается семантическими характеристиками словоформ и анализом функционирования конструкций; в котором семантическая интерпретация присутствует в виде логико-психологической или логико-ситуативной.

Прием морфемной морфологии состоит в том, что морфема рассматривается как основная единица морфологии и морфологического анализа. При таком подходе к грамматическому строю методика морфемной членности и морфемной структуры оттесняет все остальные стороны единиц и категорий морфологического яруса и языковой структуры языка в целом.

Дистрибутивная методика

Языковые единицы в тексте соседствуют, предельные (атомарные) единицы соединены друг с другом в составе более сложных единиц языка. Синтагматика и встречаемость единиц языка может

стать предметом специального изучения, порождая различные приемы изучения сочетаемости и теории синтагм. Среди приемов изучения сочетаемости выделяют позиционные и дистрибутивные.

Позиционные приемы основаны на признании позиционной структуры единиц языка (см. с. 238—239); с помощью дистрибутивных приемов (и дистрибутивной методики) изучают окружение языковых единиц, их контекст (дистрибутивная методика была разработана дескриптивной лингвистикой). Распределение единиц в тексте изучается также информационно-статистической методикой (см. с. 249—250).

Дистрибутивная методика включает различные приемы: валентности, окружений и дистрибутивных формул.

Валентность может быть формальной и семантической; при изучении, например, глагольного управления валентность глагола оказывается одновременно формальной (управление тем или иным падежом) и семантической (значение самого глагола и значение управляемой падежной или предложно-падежной формы). Валентность характеризует господствующую форму, в то же время она зависит от формы и семантики зависимого компонента.

Сравним, например, формально-синтаксическую валентность глаголов *любить*, *хотеть*, *идти*.

Глагол	Зависимый компонент		
	че- ние	чи- тать	чтобы читать
<i>люблю</i>	+	+	—
<i>хочу</i>	—	+	—
<i>пойду (иду)</i>	—	+	+

Глагол *хотеть* обладает способностью сочетаться только с инфинитивом, тогда как глаголы *любить* и *идти* формально-синтаксически поливалентны, хотя их валентность не тождественна. Инфинитив сочетается со всеми глаголами, причем в одном случае он синтаксически параллелен отглагольному существительному, а в другом — инфинитивному обороту с союзом *чтобы*. Замена инфинитивного оборота придаточным предложением (*чтобы он читал*) делает зависимость от глагола главного предложения свободной [*люблю, чтобы он читал; хочу, чтобы он читал; иду, чтобы он (мне) читал*]. Следовательно, дистрибутивная методика может использоваться для выявления формальной и семантической валентности синтаксически господствующих и зависимых слов.

Прием окружения состоит в том, что виды окружений (контекстов) единицы рассматриваются как характеристика единицы, которая анализируется через дистрибуцию; в этом случае дистрибуция понимается как совокупность окружений данной единицы. Различают

свободную (переменную), дополнительную и постоянную дистрибуцию. Дополнительная дистрибуция является дифференцирующей. Так, русские фонемы ⟨ы⟩ и ⟨и⟩, ⟨к⟩ и ⟨к'⟩ находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Компоненты сочетаний *бить баклуши* и *бить (забивать) гвозди* обладают различным окружением: слово *баклуши* индивидуально ограничивает семантику и лексику глагольного компонента, образуя идиоматическое словосочетание; во втором примере окружение глагола и существительного переменное, неиндивидуальное и в этом смысле свободное.

Однако свобода сочетаемости слов ограничивается содержанием и количеством их значений. Чем более содержательно значение слова и чем более у слова значений, тем сложнее его дистрибутивная формула, т. е. набор валентностей и окружений. Д и с т р и б у т и в н а я ф о р м у л а — это набор мест, которые могут быть одновременно заняты при употреблении данного слова. Если ограничиться субъектно-объектными характеристиками, то у глагола *спать* дистрибуция одноместная (*он спит*), у глагола *изучать* двухместная (*он изучает лингвистику*), у глагола *писать* четырехместная (*он пишет авторучкой письмо брату*) и т. д. Дистрибутивные формулы отличаются количеством и качеством мест. Так, глаголы *беседовать* и *рассказывать* обладают двумя общими местами — субъектным и делибиративным — и одним разным — по адресату (*Он беседовал о книге с ним, но Он рассказывал о книге ему*). Дистрибутивные формулы определяют дистрибутивные классы слов, но не объясняют использование конкретных слов; например, одинаковая субъектно-объектная дистрибутивная формула глаголов *рассказывать* и *говорить* не объясняет различия их значений.

§ 38. ПРИЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Языковые единицы обладают внутренним строением. Изучение строения языковых единиц и их категорий предполагает наличие собственной, или внутренней, интерпретации. Приемы внутренней интерпретации можно подразделить на три вида:

- 1) приемы классификации и систематики; они направлены на выделение различных групп, разрядов, классов языковых единиц, а также категорий, свойственных тем или иным единицам языка;
- 2) приемы вскрытия строения выделенных единиц и категорий их образцов; к ним относятся: а) парадигматические приемы, в том числе оппозиционный и прием семантического поля; б) синтагматические приемы, в том числе позиционные;
- 3) приемы преобразований, в том числе трансформационная методика.

Приемы классификации и систематики

Классификация как логическая операция деления объема понятия состоит в том, что все множество изучаемых предметов или явлений на основе сходных или различных признаков разбивается на отдельные группы или подчиненные множества — классы.

В лингвистике широко используются классификации, построенные на основе родо-видового и дихотомического деления объема понятий. Д и х о т о м и я как логическая операция деления объема понятия заключается в делении понятия на два противоречащих друг другу видовых понятия, одно из которых представляет собой отрицание признаков другого [вид. — совершенный и несовершенный, падеж — прямой и непрямой (косвенный)].

При использовании приемов классификации и систематики существенно не только процедура деления понятий, но и выбор основания такого деления, т. е. набора признаков, который характеризует родовое понятие, общее понятие или маркированный член логической оппозиции. Набор таких признаков и охват фактов языка у разных исследователей отличаются, поэтому в лингвистике широко распространены конкурирующие классификации.

Примерами лингвистической классификации могут служить классификации слов по частям речи, предложений (простых и сложных), фонем и морфем. Например, части речи могут пониматься узко и широко: в узком понимании они интерпретируются как морфологические или дистрибутивные классы слов, в широком смысле части речи понимаются как лексико-грамматические разряды слов. Так, при опоре на морфологические особенности местоимение как часть речи исчезает, при опоре же на лексико-синтаксические особенности сохраняется.

С логической точки зрения, классификация должна подчиняться правилам деления понятий; в лингвистических классификациях в ряде случаев не соблюдаются эти правила, а потому классификационный прием выступает часто как прием систематики без достаточной его логической обоснованности. Однако требование соблюдать прежде всего логические правила выдвигается во всех школах лингвистического логизма, особенно в логико-математической.

Приемы парадигм и парадигматическая методика

При изучении языковых категорий широко применяются парадигматическая методика и приемы парадигм. Их суть состоит в том, что языковые явления рассматриваются как компоненты категории, представляющей собой набор языковых единиц. Парадигма понимается как образец, который извлекается из речевого материала, но полностью одновременно не реализуется и не используется. Поэтому парадигматическая методика является одним из способов моделирования языка.

Парадигматическая методика раньше и полнее всего была разработана как прием морфологических парадигм при изучении словоизменения и словообразования. Парадигму понимали как совокупность словоформ данного слова или словоформ данной части речи; выявлялась парадигма на основе изучения фактического материала. В отличие от оппозиционной методики (см. с. 234—236), парадигматическая методика предполагает всестороннее изучение морфологического образца — его соответствия фактам языка, реального состава словоформ, структуры самой парадигмы и ее компонентов (словоформ).

С точки зрения соответствия парадигмы фактам языка исследуются ее комплектность ~ некомплектность (дефектность) и вариантность словоформ, приводящая к языковой избыточности. Однако в традиционном языкознании при характеристике парадигмы не ограничивались установлением самих фактов, но и предлагались объяснения причин расхождений между образцом и его реализацией, причем сами парадигмы трактовались как динамические системы с разной устойчивостью (продуктивностью и активностью).

Понимание грамматической категории как значения, а языка как парадигматики привело к широкому использованию парадигматической методики. Стали выделяться синтаксические и лексико-семантические парадигмы, возникают приемы семантических (лексикологических) и синтаксических парадигм, делаются попытки выявить фонологические парадигмы (их методика появилась как экстраполяция методики приема морфологических парадигм).

Такая универсализация парадигматической методики привела к ее логической интерпретации. С одной стороны, парадигматическая методика стала сближаться с инвариантной методикой и анализом метаязыка (см. с. 227), а с другой — парадигматическую методику истолковали как частный случай оппозиционного анализа.

Оппозиционный прием

В лингвистике оппозицией¹ в широком смысле слова называют любую минимальную пару: слова-антонимы, подлежащее и сказуемое, согласный и гласный, имя и глагол, совершенный и несовершенный вид и т. п. Изучение единиц языка путем объединения их в пары свойственно самым разным лингвистическим школам.

В первой половине XX в. была разработана логическая классификация оппозиций, разделенных на три вида: привативные, эквивалентные (равнозначные) и градуальные. Привативные оппозиции послужили основанием для создания особого лингвистического анализа — приема оппозиций (оппозиционного приема), созданного представителями Пражского лингвистического кружка: Н. С. Трубецкой первый применил его в фонологии, а Р. О. Якобсон — к изучению морфологических категорий как оппозиционных семантических структур.

Прием оппозиций основывается на противопоставлении языка (парадигмы) и речи (контекста) и на признании неравноправности членов оппозиции. Эти два принципа определяют методику оппозиционного приема.

Категории языка понимаются как общие значения (или первичные функции), образуемые совокупностью (пучком) дифференциальных (различительных) признаков. Дифференциальные признаки образуют фонологическое содержание фонемы и грамматическое содержание словоформы. Поэтому оппозиционному анализу предшествует компонентный анализ.

¹ От лат. *oppositio* — противоположение, противопоставление.

Первое правило методики оппозиционного анализа состоит в установлении набора дифференциальных признаков. Так, например, формы вида глагола в русском и других славянских языках могут иметь такие семантические признаки, как целостность действия, его процессность, одновременность, предшествование и следование, а также начало (*заговорил*) и конец (*договорил* и *отшумел*) действия, его многократность и однократность (*говаривал* и *крикнул*) и т. п. Собственно оппозиционный анализ начинается с отбора категориальных (инвариантных) дифференциальных признаков, релевантных (существенных) для данной категории. С этой точки зрения, признаки начала и конца, многократности и однократности действия и т. п. характеризуют лишь некоторые глаголы, отличая одну лексему от другой, связаны они также с словообразованием глаголов. Следовательно, они не являются формами одного глагола; это не видовые формы глагола, а способы действия — словообразовательные категории глагола. Признаки одновременности, предшествования и следования также являются не собственно видовыми, а временными. Итак, собственно видовыми признаками глагола из названных оказываются только целостность и процессность действия.

Следующий этап — определение неравномерности членов оппозиции; это второе правило оппозиционной методики. Один член оппозиции определяется как сильный (признаковый, маркированный), другой — как слабый (беспризнаковый, немаркированный). Сильный член оппозиции сигнализирует о семантическом признаке и соотносит грамматическую категорию с внесистемной действительностью; слабый член оппозиции не выражает эксплицитно семантического признака, но может выразить его имплицитно. Якобсон, характеризуя маркированный член как А, а немаркированный как не-А, привел пару слов *тёлка* — *тёлнок*: *тёлка* как маркированный член оппозиции всегда обозначает самку, тогда как *тёлнок* может обозначать и самца и самку. В системе видового противопоставления, по мнению ряда языковедов, совершенный вид является сильным членом оппозиции, обозначая действие как неделимое целое (несовершенный вид глагола сам по себе не содержит признака целостности действия).

Понимание оппозиции как неравноправного противопоставления привело к созданию методики вторичных функций, контекстного анализа и нейтрализации. С этим связано контекстное (третье) правило оппозиционной методики. Невыраженность содержательного признака члена оппозиции делает его зависимым от контекста, порождает его частные значения и вторичные функции: Например, при употреблении настоящего исторического глагол несовершенного вида может указывать на однократное действие, обычно выражаемое совершенным видом:

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.

(Крылов)

Таким образом, оппозиционный прием начинается компонентным анализом, а завершается контекстным. Собственно оппозиционными являются правила отбора дифференциальных признаков и их неравноправной интерпретации.

Разработка методики оппозиционного анализа привела к тому, что сама грамматическая категория была истолкована как привативная оппозиция. Так, Штеллинг предлагал рассматривать грамматическую категорию как противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм. Р. О. Якобсон, а вслед за ним и другие пытались представить всю систему русского глагола как набор бинарных привативных оппозиций. Якобсон как систему привативных оппозиций представлял и систему падежа русского имени существительного. С этой целью он дихотомически разбил падежи на привативные оппозиции при помощи признаков объемности, периферийности и направленности. Признак объемности указывает на пределы участия предмета в действии (это общее значение предложного и родительного падежей); признак периферийности — на побочную роль предмета в содержании высказывания (общее значение творительного и дательного падежей), а признак направленности — на предмет, на который направлено действие. С помощью этих же дифференциальных признаков противопоставляются члены выделенных оппозиций; предложный падеж — периферийный, тогда как объемный родительный — непериферийный, дательный падеж — направленный, тогда как периферийный творительный — ненаправленный; винительный падеж — направленный, тогда как именительный — ненаправленный. Вообще именительный падеж оказывается немаркированным членом всех оппозиций — не-объемный, непериферийный, ненаправленный. Схематически оппозиционную иерархию признаков можно представить в виде таблицы:

Признак	Им. п.	Вин. п.	Дат. п.	Твор. п.	Пр. п.	Род. п.	Всего
Объемность	—	—	—	—	+	+	2
Периферийность	—	—	+	+	+	—	3
Направленность	—	+	+	—	—	—	2
Итого	0	1	2	1	2	1	7

Оппозиционная методика обедняет содержание языковых единиц, восходя к более абстрактному уровню, который признается более существенным, и определенным оказывается, по сути дела, только сильный член оппозиции (самостоятельное определение слабого члена снижает четкость оппозиционного анализа).

Оппозиционный анализ в узком смысле слова основывается на привативной пропорциональной оппозиции. Равнозначные оппозиции используются в логико-психологических и парадигматических приемах, градуальные оппозиции — в приеме поля.

Приемы семантического поля

Семантические признаки языковых единиц могут быть выражены в разной степени и иметь различную степень близости друг к другу. Эти свойства языковой семантики лежат в основе приемов семантического поля (как и в основе трансформационной методики). От приема парадигм и оппозиционного приема прием семантического поля отличается прежде всего тем, что он предполагает построение модели по принципу «центр — периферия» и признает наличие постепенных переходов, непрерывность развертывания семантических признаков. В центре могут находиться семантические структуры, построенные по принципу привативной оппозиции, семантической парадигмы и пучка семантических признаков.

Раньше всего полевая семантическая методика нашла применение при изучении лексических значений, особенно при анализе таких лексико-семантических полей, как синонимические ряды. Были обнаружены различные лексико-семантические группы и разряды, применены различные методики, связанные с разработкой двух основных приемов семантического поля: приема понятийного поля и приема семантической валентности слова.

Прием понятийного поля (Begriffsfeld), или поля И. Трира, состоит в том, что в центре семантического поля находится концепт — семантическая доминанта, представляющая собой набор семантических признаков, объединяемых общим понятием, родовым понятием или темой (предметной отнесенностью). Наличие в центре многосемного компонента дает возможность развертывать его таким образом, что происходит сокращение семантических признаков и удаление анализируемой единицы от центра. Крайние периферийные элементы обладают разной степенью удаления от набора признаков семантической доминанты и тем самым получают свою семантическую определенность, которая может быть охарактеризована как степень семантического тяготения и семантического расстояния. Эта степень исчисляется по различным правилам, особенно в лексикологической практике, при синтаксических трансформациях, при психолингвистическом экспериментировании¹ и при логико-математическом моделировании языка (см. с. 243—244).

Разновидностями приема понятийного поля являются методика поля слова и лексико-грамматического поля. Методика поля слова (или лексико-семантической группы слова) состоит в том, что семантическим центром, т. е. семантической доминантой, делается значение слова. Значение слова представляется как набор семантических признаков — моносем и исследуются его отдельные значения (оттенки, лексико-семантические варианты) и связи данного слова с другими словами, их отдельными значениями.

¹ См.: Брудный А. А. Пути и методы экспериментальных семантических исследований. — В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968; Клименко А. П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970, с. 3—28.

Прием семантической валентности слова [его называют также методикой «смыслового поля» (Bedeutungsfeld) или полем В. Порцига] изучает семантическую сочетаемость слова: данного существительного со всеми глаголами или прилагательными, данного прилагательного со всеми существительными и т. д. Среди методик приема семантической валентности слова наиболее известны методика постоянного и переменного контекста, предложенная Н. Н. Амосовой для изучения свободных и фразеологических сочетаний слов, и методика семантико-синтаксических дистрибутивных формул, используемая прежде всего для изучения семантики глагола.

Прием понятийного поля сближается с приемом парадигм, когда изучается семантическая структура парадигмы. Прием поля валентности сближается с дистрибутивной методикой, когда изучается семантическая сочетаемость единиц языка. Однако все эти приемы отличаются друг от друга задачами исследования и методикой анализа. Дистрибутивная методика и методика семантической валентности напоминают позиционные методики, хотя и отличаются от них.

Позиционные приемы

Отличительной особенностью позиционных приемов является признание синтагматической структуры языковых единиц. Это значит, что линейно-вычленимые компоненты рассматриваются как части единой модели той или иной сложной единицы языка. При дистрибутивной методике и методике семантической валентности синтагматические свойства рассматриваются как сочетание единиц языка, их текстовая встречаемость и пересечение разных парадигм и полей языка.

Позиционные приемы используются в фонетике (при исследовании фонетики конца и начала слова, позиционных изменений звуков, структуры слога), при изучении словообразовательных моделей, морфемной членимости и морфемной структуры слова; широко распространены они и в синтаксисе.

Синтаксическая модель (образец, формула) понимается как набор позиций, который признается структурно и статистически устойчивым. При этом модель получает морфологическую, логическую и семантическую интерпретацию; признается способность модели к варьированию и синонимическим сближениям. Синтаксическая модель в общем виде рассматривается как синтаксический инвариант: Отклонения от него объясняются как варианты или разновидности модели, которые могут быть распространенными (избыточными) и неполными (дефектными). Речевое использование моделей языка понимается как их реализация и актуализация.

Например, предложение *Дед с матерью или впереди всех* (Горький) рассматривается как реализация трехкомпонентной модели простого двусоставного предложения, которая может быть представлена логико-грамматической и морфолого-синтаксической формулами: $S + P + D$ (субъект + предикат + детерминант, т. е. внешнее дополнение) или $N_1 + V_{\text{мн.}} + Pr_{\text{род.}}$ (существительное + глагол во мн. ч. + местоимение в род. п. с предлогом). Реализацией этой позиционной

модели предложения являются: *Дети идут по городу* ← *Он сидит там*. При логико-психологической интерпретации синтаксической модели предложения разновидностью данной модели являются также предложения *В комнате курить вредно; По вечерам ему читалось* и т. п. При морфолого-синтаксической интерпретации такие конструкции образуют особые образцы построения фраз.

Методика позиционного анализа приобретает своеобразие в зависимости от понимания позиционной модели, ее постоянных и переменных компонентов, допустимых пределов варьирования и уровня отвлечения от конкретного состава модели.

Приемы преобразований и трансформационная методика

Приемы преобразований опираются на понимание языка как процесса, как динамической структуры, отдельные единицы которой связаны друг с другом. Приемы преобразований возникли, с одной стороны, в сравнительно-историческом языкознании, а с другой — в логической лингвистике и при стилистическом анализе художественного текста.

В сравнительно-историческом языкознании приемы преобразований используются прежде всего для выявления хронологической последовательности языковых явлений, определения их относительной хронологии и реконструкции древнейших праформ (см. с. 32, 259, 266—267).

В логической лингвистике эти приемы были привлечены для анализа семантических особенностей синтаксических структур. Методика преобразований использовалась для определения значения омонимичных форм (типа *вижу мальчика* ← *девушку*), замены действительного оборота страдательным (пассивным), при сокращении сложного предложения и развертывании простого. Так, Ф. И. Буслаев широко использовал прием сокращения придаточных предложений (*тот, кто виноват* → *виновник*; *думаю о том, чтобы идти* → *думаю идти* и т. д.).

Методика преобразований получила наибольшую известность благодаря работам З. Харриса и Н. Хомского, причем Хомский не раз подчеркивал, что трансформационная грамматика ближе стоит к традиционной грамматике, чем структурная таксонимическая. Следует, однако, заметить, что современная трансформационная методика стала более упорядоченной и в ряде случаев формализованной, она связана с идеями порождения текста и языка, с методикой логико-математического моделирования (см. с. 243—244).

Распространение трансформационной методики в современном языкознании объясняется признанием динамизма языка и повышением роли экспериментальных методик (трансформационная методика обычна при искусственном или мысленном эксперименте).

Традиционная трансформационная методика (методика преобразований) состоит в установлении правил преобразований, определении направления трансформационного процесса и сравнении полученных трансформ или взаимотрансформируемых единиц (синонимических или производных). Трансформационная методика

исходит из признания взаимосвязи, родственности единиц языка. Она широко используется для изучения синтаксических и словообразовательных моделей, применяется и для анализа единиц других языков.

В синтаксисе трансформационная методика включает перестройку синтаксической конструкции или замену ее на сходную конструкцию, причем оба эти приема четко не различаются и не противопоставляются друг другу. Сравниваются разные словосочетания и члены предложения (например, *строительство моста — строить мосты, любовь матери — материнская любовь*), активные и пассивные конструкции, односоставные и двусоставные предложения, придаточные предложения и обособленные обороты (или члены предложения), вопросительные и повествовательные предложения, прямая и косвенная речь и т. д.

Направление трансформационного процесса не является строго фиксированным. Так, косвенная речь обычно считается преобразованием прямой речи; придаточное предложение рассматривается как с точки зрения его сокращения в член предложения, так и с точки зрения развертывания члена предложения в придаточное; согласованное и несогласованное определения изучаются с точки зрения их синонимичности.

При перестройке предложений допускается экспериментирование — добавление какого-либо компонента (например, прилагательного; *вдаль, но в даль голубую*), замена компонента (*вижу студента, но вижу студентку*), перестановка компонентов (например, при сравнении сложносочиненного и сложноподчиненного предложений), опущение компонента (например, при изучении неполных предложений и нулевой связки).

При трансформационном изучении сходных (измененных или замененных) конструкций разрешаются словообразовательные и лексико-семантические преобразования. Так, предложения *Рабочие строят дом* и *Дом строится рабочими* признаются логико-синтаксически эквивалентными (тождественными); страдательная (пассивная) конструкция получается путем изменения порядка слов, замены падежей и глаголов (*строить — строиться*). При сравнении предложений *Я вижу это — Мне видно это* и *Я люблю варенье — Мне нравится варенье* признается допустимым преобразование глагола *видеть* в предикатив *видно*, глагола *любить* в глагол *нравиться*.

Отличительной чертой традиционной трансформационной методики является то, что она не оформлена в строгую систему правил и не использовалась как теория языка. Традиционная трансформационная методика опиралась на признание реальности конкретного языка и применялась для изучения его сложных категорий и многозначных или недостаточно выраженных явлений.

Так, при изучении морфологических категорий трансформационная методика исходила из того, что любая морфологическая категория есть совокупность форм, так или иначе организованных. Например, для глаголов несовершенного вида в современном русском языке характерно наличие форм будущего сложного времени и форм настоя-

щего времени действительных причастий и деепричастий. Поэтому методика получения этого набора использовалась для характеристики того или иного глагола. Глагол *читать* потому глагол несовершенного вида, что его можно преобразовать в формы *буду читать, читающий* и *читая*; напротив, отсутствие таких преобразований характеризует *прочитать* как глагол совершенного вида.

Неударные гласные *о* и *а* в современном русском литературном языке нейтрализуются (*золить* и *залить*). Чтобы различить эти фонемы, мы совершаем преобразования, используя родственные слова и формы этих слов. Слово *золить* связано с такими словами, как *золение, золёный, зольный, зольник, подзол* и т. п.; в результате изучения имеющихся преобразований и подстановки разных морфем мы должны выделить корень *-зол-* и (на основании таких производных форм, как *подзол, зольный*) установить написание буквы *о*, обозначающей фонему $\langle o \rangle$. Слово *залить* связано со словами и формами *залил, залитый*, а также *налить, отлить, подлить* и т. п.; эти связи заставляют нас выделить в слове *залить* префикс *за-* и установить в нем фонему $\langle a \rangle$.

При использовании традиционной трансформационной методики, как и других традиционных методик, допускалось устанавливать любые связи, которые давали данные реального языка и его истории. Логическая процедура рассматривалась как правило формальной логики, а потому оставалась за пределами лингвистического анализа. Напротив, при структурно-математическом анализе логическая процедура анализа становится четко выраженной и составляет существенную часть этого анализа.

§ 39. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Хотя использование символического обозначения, математического аппарата и количественных критериев применялось в лингвистических описаниях давно, только в 50-е годы эта область знаний обособляется и математическая методика распространяется очень широко. Однако как само содержание теории, так и методические процедуры остаются до сих пор весьма разнообразными.

Обычно разграничивается моделирование языка и моделирование речи, направленные на изучение, с одной стороны, системы языка и порождения текста, а с другой — на исследование текста и его анализ. Эти два типа моделирования различаются и по характеру исследовательских операций. В первом случае опираются на дедуктивную методику, т. е. на логико-математическое моделирование и исчисление, которое чаще всего бывает аксиоматическим и алгоритмическим. Во втором случае опираются на индуктивную методику, т. е. на интуитивно-математическое моделирование и исчисление, которое бывает чаще всего вероятностно-статистическим и теоретико-информационным. В первом случае говорят о моделях-конструктах, во втором — о статистике речи.

Логико-математическое моделирование пользуется формальным аппаратом математической логики, который изучает общие закономерности теории доказательств¹.

Однако и при логико-математическом моделировании не следует смешивать лингвистическую теорию с математическими средствами и с формальным аппаратом, в ней используемыми, а также с правилами применения дедуктивного метода, ибо и формальный математический аппарат, и правила применения дедуктивного метода могут отличаться у разных представителей теории логико-математического моделирования языковых объектов.

Общим является допущение логической правильности инвариантной (моделирующей, генотипической) сущности речемыслительной деятельности, рассмотрение ее как логического устройства, в котором можно выделить простые исходные элементы и непротиворечивый, формализованный аппарат логических операций.

Аксиоматизация и формализация методики. Применение математических и логико-математических приемов начинается с распространения аксиоматической и формализованной методик анализа лингвистических объектов.

Аксиоматический метод состоит в том, что множество элементов или объектов разбивается на части (подмножества); одна часть рассматривается как исходные положения — аксиомы (или постулаты), которые принимаются без доказательства; остальные положения (теоремы) доказываются логическим путем. Аксиоматический метод опирается на теорию множеств и теорию функций.

В логике формализацией называется выявление формы (структуры) мыслей и символическое обозначение ее, так что формализованная теория понимается как система символов, рассматриваемых как последовательность логических терминов, т. е. субъекта и предиката в суждении, субъекта и предикатов в силлогизме. Формальные символы включают: логические символы (\wedge — и, \vee — или), символы предикатов ($=$) и функций ($+$), переменные (a, b, c). Из них создаются формальные выражения и их конечные последовательности².

Распространение аксиоматической и формализованной методик потребовало использования таких приемов решения лингвистических задач, как алгоритмизация, графическое исчисление и матричное (табличное) определение истинности функций сложных высказываний.

Применение логико-математических методик и приемов анализа привело к появлению различных видов логико-математического моделирования языка и текста, мысленного эксперимента и гипотетико-дедуктивного способа исследования. Наиболее известными видами

¹ См.: ГАРСКИЙ А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948; ЛЕРНЕР А. Я. Начала кибернетики. М., 1967; ГУДСТЕЙН Р. Л. Математическая логика. М., 1961; ГЛАДКИЙ А. В., МЕЛЬЧУК И. А. Элементы математической лингвистики. М., 1969.

² Символика математической и традиционной логики приведена в кн.: КОНДАКОВ Н. И. Логический словарь. М., 1971, с. 467—472.

логико-математического анализа являются различные модели порождения, синтаксические модели анализа и инвариантный семантический анализ.

Модели порождения. Структурно-математические модели порождения используются для описания механизма порождения языка и текста, а также для определения структуры речевой деятельности и структуры языка. Все модели порождения включают аксиоматику структуры и правила ее порождения. Например, модель Хомского есть генеративная грамматика и структурно-математическая синтаксическая трансформационная методика описания. Аппликативная порождающая модель (АПМ), разработанная советскими языковедами, предполагает понимание языка как порождающего устройства — математической системы, построенной на основе гипотетико-дедуктивного метода и формализованной трансформационной методики. Считается, что порождающее устройство действует независимо от правил перехода к реальному языку, т. е. эмпирической интерпретации исчислений. Поэтому механизм данной модели описывается как структура абстрактных объектов, заданных исследователем и дедуктивно интерпретированных.

Аппликация¹ — это бинарная операция комбинаторной математической логики, которая оперирует абстрактными объектами. По определению Х. Карри и Р. Фейса, «если X и Y есть объекты, то $X \vee Y$ также объект»². Аппликация записывается как два символа, поставленные рядом. Следовательно, АПМ имеет дело не с цепочками, а с комплексами, т. е. набором упорядоченных элементов, порядок записи которых несуществен. Структура цепочек образует фенотип, т. е. внешний вид; структура комплексов — генотип, т. е. конституцию единиц. Различаются два рода правил порождения комплексов: правила образования комплексов и правила их трансформации.

АПМ состоит из четырех соединенных друг с другом частных моделей (генераторов): абстрактного генератора, генератора слов, генератора фраз (комплексов слов) и генератора трансформационных полей.

Абстрактный генератор состоит из элементарных единиц — семионов (аналогичных дифференциальным признакам) и их пучков; на верхней ступени абстракции они репрезентируются как эписемионы.

Генератор слов имеет две формы — пятиклассную (систему А) и универсальную. Корень рассматривается как пустой семион O , реляторы — как абстрактные аффиксы: R_1 — аффикс глагола, R_2 — существительного, R_3 — прилагательного, R_4 — приглагольного наречия, R_5 — приаъективного наречия. Слова бывают первой, второй и третьей степеней производности, например: R_1O — личная форма глагола (*учит*); R_2R_1O — существительное (в им. п.), образованное от глагола (*учитель*); $R_1R_2R_1O$ — личный глагол, образо-

¹ От лат. *applicatio* — прикладывание.

² См.: CURRY H. B., FEYS R. Combinatory Logic. Amsterdam, 1958, p. 88.

ванный от отглагольного существительного (*учительствует*). Интерпретация работы генератора слов осуществляется при помощи графов. Классы слов и модели предложений лишены конкретности и понимаются как формы. Так, предложение *Сторож охраняет магазин* есть всего лишь формула — $R_2OR_1OR_4O$ (или $R_2XR_1XR_4X$).

Генератор фраз (фразой называется любая комбинация слов как абстрактный аналог словосочетаний) имеет также системы A и универсальную. Как генератор слов состоит из пяти элементарных слов и пяти реляторов, так и система A генератора фраз состоит из пяти элементарных фраз, пяти реляторов R_1, R_2, R_3, R_4, R_5 , модального оператора (он назван аднектором A) и оператора однородности (он назван коннектором C). Предложения *Брат сказал* и *Отец приехал* выражаются формулой R_2OR_1O ; если эту форму подставить в формулу R_4X , то образуется фраза $R_2OR_1OOR_4 (R_2OR_1O)$, являющаяся аналогом сложноподчиненного предложения с косвенной речью (*Брат сказал, что отец приехал*).

Генератор фразовых трансформационных полей основывается на понятиях конститутивной связи и блочной связи. Блочная связь — это аналоги непосредственно-составляющих; например, во фразе $R_3OR_2R_1O$ (ср.: *Маленький мальчик спит*) имеется две блочные пары: $(R_3OR_2O) (R_1O)$, т. е. *маленький мальчик/спит*, и $(R_3O) (R_2O)$, т. е. *маленький мальчик*. Конститутивная связь — это связь между ядрами блочных пар.

Трансформационное поле исчисляемое; в связанном генераторе насчитывается 34 трансформации, причем не все трансформации могут быть интерпретированы в конкретном языке. В полусвязанном генераторе кроме 14 трансформаций, принадлежащих связанному генератору, насчитывается еще 28 трансформаций. Еще больше трансформаций в свернутых трансформационных полях — 114.

Подчеркивая принцип двухступенчатого порождения и важность генотипического языка, в том числе абстрактного генератора, в котором реляторами являются константные операторы, необходимо указать, что реляторы играют фундаментальную роль во всей аппликативной модели. Слова, фразы, трансформационные поля — все это разные комбинации одних и тех же фундаментальных объектов — реляторов, а исчисление трансформаций — это разветвленное исчисление реляторов. Таким образом, аппликативная модель оказывается алгеброй реляторов, а сам язык — метаязыком, который далек от конкретной (лексически наполненной) реальности языка. Аналогично генеративная модель Хомского порождает не факты реального языка, а лишь модели единиц, как они понимаются в данной теории.

Синтаксические модели анализа текста были вызваны потребностями машинного перевода. Задачи машинного перевода требовали исследования текста как автоматической последовательности, как алгоритмического устройства, как последовательного ветвления дерева зависимостей, как марковского процесса (одного из вероятностных процессов, открытого А. А. Марковым). Наибольшее распространение получили методика последовательного анализа текста и гипотеза глубины В. Ингве и алгоритм И. А. Мельчука.

Мельчук¹ исходит из предположения, что текст — это «черный ящик», который должен быть препарирован и описан при помощи элементов анализа — тех единиц, которые хранятся в памяти машины. Важнейшими единицами анализа являются морфы (основы и аффиксы) и синтагмы, т. е. классы двучленных сочетаний словоформ или сегментов, имеющих одинаковое грамматическое строение. Алгоритм представляет собой множество таблиц стандартных форм (конфигураций) и правил обращения с таблицами.

Инвариантный семантический анализ. В основе этого анализа лежит методика перевода с естественного языка на семантический (логико-семантический), или на метаязык. Инвариантную методику такого типа предложил Л. Ельмслев.

Инвариантный анализ Ельмслева базируется на соотношении плана выражения и плана содержания, на мутации. Мутация бывает двух видов — коммутацией и пермутацией. Коммутацией называется корреляция в одном плане, которая имеет реляцию к корреляции в другом плане языка; инвариантами являются корреляты с взаимной коммутацией, т. е. мутацией между членами парадигм. Пермутацией называется реляция и сдвиг в цепи, которые имеют соответствие в другом плане языка; вариантами являются корреляты с взаимной субституцией, т. е. отсутствием мутации между членами парадигмы, но наличием ее в цепи. Иначе говоря, инвариантные признаки парадигматичны, тогда как варианты признаются синтагматичны. Инвариантный семантический анализ основывается на изучении семантической парадигмы и дистрибутивных (синтагматических) формул, обнаруживающих семантические структуры.

Таким образом, логико-математические приемы связаны с переводом семантики естественных языков на семантический язык, который рассматривается как формализованная структура и метаязык. Конкретность семантики единиц реального языка утрачивает свою специфику, сами реальные единицы языка предстают как идеализированные модели, лишенные своей основы.

Статистические приемы

Языковые явления имеют не только качественную, но и количественную характеристику. Хотя языковеды по преимуществу обращают внимание на раскрытие качественных сторон языковых единиц, с давних времен они интересуются и количественными характеристиками языковых единиц, и мерой их распространения. Так, еще пифагорейцы, считая сущностью вещей их числа (число мудрее имени вещи), подсчитывали количество «букв» (глухих, звонких и придыхательных глухих), ибо их чередование и сочетание признавались средством словесного волшебства, которое может быть чарованием духа и обманом мысли. Однако количественные характеристики обычно ограничи-

¹ См.: Мельчук И. А. Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов (общие принципы и некоторые итоги). — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1962, № 7.

вались указанием на употребительность («больше» или «меньше», процент употребительности), что считалось достаточным для отграничения правила от исключения, нормативного явления от ненормативного, узуса от окказионального, случайного факта.

Например, М. В. Ломоносов доказательством необходимости унификации окончания имен прилагательных считал тот факт, что «на е множественное окончание во всех родах употребительнее, нежели на я». А. С. Будилович подсчитывал процент употребления букв в церковнославянских текстах, а Д. Н. Кудрявский, отвечая на вопрос, был ли аорист формой живого языка, составил кривую распределения глагольных форм в Лаврентьевской летописи. Такая методика получила наименование количественной методики лингвистического анализа — симптоматической (с использованием приблизительных оценок «больше», «меньше», «много», «мало», «значительно больше» и т. п.) и процентной. Количественные оценки являются конечными, характеризующими имеющийся у исследователя материал.

Значение количественной методики для языкознания оценивается по-разному: одни исследователи считают ее вполне достаточной для собственно лингвистических исследований, другие — недостаточной¹. Так, А. А. Марков, проверив выводы и фактический материал лингвистических спектров Н. А. Морозова, уточнил, что при подсчетах должны учитываться размеры колебаний в каждом опыте, средние числа и обработка полученных результатов теорией вероятности².

Наряду с приблизительной количественной методикой в языкознании, особенно в последние десятилетия, получает распространение статистическая методика. Она основана на теории вероятностей и правилах математической статистики, которая требует не только соблюдения правил выборки фактического материала, но и оценки достоверности самих количественных данных.

Лингвостатистика есть применение статистических приемов для изучения количественных характеристик и распределения языковых явлений в текстах и речи. Возможность применения к речевому материалу статистических методов основывается на том, что развитие и функционирование языка, его единиц соприкасается с действием достаточно большого числа разных причин, взаимодействующих друг с другом и не дающих однозначного результата. Языковые законы и тенденции в ряде случаев являются статистическими.

Статистика изучает не индивидуальные факты, а совокупности событий, причем на основе изучения части событий делается заключение о целом. Поэтому кроме правил статистического наблюдения (выборка материала, его распределение, представленное в форме

¹ См.: Адмони В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. — «Вопросы языкознания», 1963, № 4; Зиндер Л. Р., Строева Т. В. К вопросу о применении статистики в языковедении. — Там же, 1968, № 6; Адмони В. Г. Об изучении количественной стороны грамматических явлений. — Там же, 1970, № 1.

² См.: Морозов Н. А. Лингвистические спектры. — «Изв. Отд. рус. языка и словесности АН», 1880, т. 20, кн. 4; Марков А. А. Об одном применении статистического метода. — «Изв. АН», 1916, серия 6, № 4.

цифровых таблиц, графиков — полигон, гистограмм и кривых) предполагается вычисление погрешностей и оценка достаточности выборки, вероятностно-статистическая интерпретация полученных результатов¹.

В языкознании используются различные приемы статистического изучения лингвистических событий. Наиболее распространенными являются приемы лексикографической статистики, стилостатистики и приемы измерения текста².

Закон Ципфа — Мандельброта и частотные словари. Лексикографическая статистика — это теория и практика составления частотных словарей. Еще в 1898 г. Ф. Кэдинг составил частотный словарь немецкого языка, в 1931 г. вышел словарь французского языка Г. Вандер Беке, в 1934 г. Э. Итон опубликовала сравнительный частотный список первой тысячи слов английского, французского, немецкого и испанского языков. В нашем распоряжении есть частотные словари английского языка И. Торндайка и Л. Лоджа (1944), испанского языка Г. Оса (1953) и А. Юлланда и Е. Родригеса (1964), чешского языка Я. Елинка, Я. Бечки и М. Тешителовой (1961), латышского языка (вып. 1, 1966).

Созданы частотные словари русского языка: Г. Г. Йоссельсона (1953), Э. А. Штейнфельдт (1963) и Н. П. Вакара (1966). Отмечает употребительность слов «Словарь языка Пушкина» (1956—1961), их частотные характеристики проанализированы Р. М. Фрумкиной. Над составлением частотных словарей и списков слов научного и производственно-технического стилей («подъязыков») работает группа Р. Г. Пиотровского.

Составление частотных словарей поставило ряд практических и теоретических задач. Было замечено, что при достаточно большом количестве текстов около 80% его занимают две тысячи самых употребительных (частотных, активных) лексем. Изучая отношение частоты и ранга (порядкового номера в частотном словаре), Дж. Ципф в 1949 г. установил прямую их зависимость: $r \times f = c$ (т. е. ранг \times частота = слово). В 1954 г. Б. Мандельброт предложил уточненную формулу: $P_r = P(r + p)^{-b}$, где r — номер слова в списке по убывающим частотам, P_r — относительная частота (вероятность), а P , p , b — константы данного текста.

Более детальная проверка закона Ципфа — Мандельброта обнаружила его относительность: константы оказались зависимыми от стиля, жанра, эпохи и т. п. Так, Дж. Юл определил, что для атрибуции текста необходима совокупность разных характеристик, а Р. М. Фрумкина доказала, что закон Ципфа действует вообще лишь в интервале $15 \leq r \leq 1500$.

¹ См.: Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971; Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.

² Статистические приемы используются и в сравнительном методе, такие, например, как приемы квантитативной типологии, приемы дешифровки древних текстов, прием глоттохронологии. См.: Ермоленко Г. В. Лингвистическая статистика. Краткий очерк и библиографический указатель. Алма-Ата, 1970.

вались указанием на употребительность («больше» или «меньше», процент употребительности), что считалось достаточным для отграничения правила от исключения, нормативного явления от ненормативного, узуса от окказионального, случайного факта.

Например, М. В. Ломоносов доказательством необходимости унификации окончания имен прилагательных считал тот факт, что «на е множественное окончание во всех родах употребительнее, нежели на я». А. С. Будилович подсчитывал процент употребления букв в церковнославянских текстах, а Д. Н. Кудрявский, отвечая на вопрос, был ли аорист формой живого языка, составил кривую распределения глагольных форм в Лаврентьевской летописи. Такая методика получила наименование количественной методики лингвистического анализа — симптоматической (с использованием приблизительных оценок «больше», «меньше», «много», «мало», «значительно больше» и т. п.) и процентной. Количественные оценки являются конечными, характеризующими имеющийся у исследователя материал.

Значение количественной методики для языкознания оценивается по-разному: одни исследователи считают ее вполне достаточной для собственно лингвистических исследований, другие — недостаточной¹. Так, А. А. Марков, проверив выводы и фактический материал лингвистических спектров Н. А. Морозова, уточнил, что при подсчетах должны учитываться размеры колебаний в каждом опыте, средние числа и обработка полученных результатов теорией вероятности².

Наряду с приблизительной количественной методикой в языкознании, особенно в последние десятилетия, получает распространение статистическая методика. Она основана на теории вероятностей и правилах математической статистики, которая требует не только соблюдения правил выборки фактического материала, но и оценки достоверности самих количественных данных.

Лингвостатистика есть применение статистических приемов для изучения количественных характеристик и распределения языковых явлений в текстах и речи. Возможность применения к речевому материалу статистических методов основывается на том, что развитие и функционирование языка, его единиц соприкасается с действием достаточно большого числа разных причин, взаимодействующих друг с другом и не дающих однозначного результата. Языковые законы и тенденции в ряде случаев являются статистическими.

Статистика изучает не индивидуальные факты, а совокупности событий, причем на основе изучения части событий делается заключение о целом. Поэтому кроме правил статистического наблюдения (выборка материала, его распределение, представленное в форме

¹ См.: Адмони В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. — «Вопросы языкознания», 1963, № 4; Зиндер Л. Р., Строева Т. В. К вопросу о применении статистики в языковедении. — Там же, 1968, № 6; Адмони В. Г. Об изучении количественной стороны грамматических явлений. — Там же, 1970, № 1.

² См.: Морозов Н. А. Лингвистические спектры. — «Изв. Отд. рус. языка и словесности АН», 1880, т. 20, кн. 4; Марков А. А. Об одном применении статистического метода. — «Изв. АН», 1916, серия 6, № 4.

цифровых таблиц, графиков — полигон, гистограмм и кривых) предполагается вычисление погрешностей и оценка достаточности выборки, вероятностно-статистическая интерпретация полученных результатов¹.

В языкознании используются различные приемы статистического изучения лингвистических событий. Наиболее распространенными являются приемы лексикографической статистики, стилостатистики и приемы измерения текста².

Закон Ципфа — Мандельброта и частотные словари. Лексикографическая статистика — это теория и практика составления частотных словарей. Еще в 1898 г. Ф. Кэдинг составил частотный словарь немецкого языка, в 1931 г. вышел словарь французского языка Г. Вандер Беке, в 1934 г. Э. Итон опубликовала сравнительный частотный список первой тысячи слов английского, французского, немецкого и испанского языков. В нашем распоряжении есть частотные словари английского языка И. Торндайка и Л. Лоджа (1944), испанского языка Г. Оса (1953) и А. Юлланда и Е. Родригеса (1964), чешского языка Я. Елинка, Я. Бечки и М. Тешителовой (1961), латышского языка (вып. 1, 1966).

Созданы частотные словари русского языка: Г. Г. Йоссельсона (1953), Э. А. Штейнфельдт (1963) и Н. П. Вакара (1966). Отмечает употребительность слов «Словарь языка Пушкина» (1956—1961), их частотные характеристики проанализированы Р. М. Фрумкиной. Над составлением частотных словарей и списков слов научного и производственно-технического стилей («подъязыков») работает группа Р. Г. Пиотровского.

Составление частотных словарей поставило ряд практических и теоретических задач. Было замечено, что при достаточно большом количестве текстов около 80% его занимают две тысячи самых употребительных (частотных, активных) лексем. Изучая отношение частоты и ранга (порядкового номера в частотном словаре), Дж. Ципф в 1949 г. установил прямую их зависимость: $r \times f = c$ (т. е. ранг \times частота = слово). В 1954 г. Б. Мандельброт предложил уточненную формулу: $P_r = P(r + p)^{-b}$, где r — номер слова в списке по убывающим частотам, P_r — относительная частота (вероятность), а P , p , b — константы данного текста.

Более детальная проверка закона Ципфа — Мандельброта обнаружила его относительность: константы оказались зависимыми от стиля, жанра, эпохи и т. п. Так, Дж. Юл определил, что для атрибуции текста необходима совокупность разных характеристик, а Р. М. Фрумкина доказала, что закон Ципфа действует вообще лишь в интервале $15 \leq r \leq 1500$.

¹ См.: Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971; Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.

² Статистические приемы используются и в сравнительном методе, такие, например, как приемы квантитативной типологии, приемы дешифровки древних текстов, прием глоттохронологии. См.: Ермоленко Г. В. Лингвистическая статистика. Краткий очерк и библиографический указатель. Алма-Ата, 1970.

Статистические параметры стилей и установление авторства. Кроме лексикографической методики статистические методы используются также для изучения употребительности языковых фактов с точки зрения их нормативности, принадлежности стилю языка и отдельного автора. Как и при обычном количественном исследовании, выборки должны быть однородными и одинакового объема (или длины); однородность выборки определяется интуитивно или по социолингвистическим соображениям.

Если при количественной методике исследователь оперирует абсолютными частотами (представляя их иногда как процентное соотношение), то при лингвистической методике он оперирует средними частотами и частотностью (долями), понимаемой как отношение наблюдаемой частоты к длине.

Статистическая методика заменяет полное обследование текста серией выборок-наблюдений (выборочная частота обозначается знаком x с показателем выборки: x_1, x_2 ; наблюдение — знаком n_i). Средняя частота (она обозначается \bar{x}) есть отношение суммы (знак суммирования Σ) всех выборочных частот к числу выборок:

$$\bar{x} = \frac{\Sigma(x_1 + x_2 \dots x_n)}{n_i}$$

Средняя частота отличается от выборочных частот, поэтому статистическая интерпретация предполагает обобщение отклонения средней частоты от выборочных частот. Наиболее употребительная (усредненная) мера отклонения от средней частоты в математической статистике и теории вероятностей называется дисперсией¹ и обозначается буквой σ . Дисперсия есть среднее арифметическое из квадрата отклонений величин x_i от их среднего арифметического, т. е. от средней частоты:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\Sigma(x_i - \bar{x})^2}{k}} \quad \text{или} \quad \sigma^2 = \frac{\Sigma(x_i - \bar{x})^2}{k}$$

Среднее квадратичное отклонение есть квадратный корень из дисперсии.

Статистически изучаются не только выборочные частоты, но и частотные доли. Доля как отношение наблюдаемой частоты к длине выборки определяется при помощи формулы вероятности: $p = \frac{m}{n}$; где p — доля. Статистическое сравнение долей изучается при помощи вычисления квадратичного отклонения доли, критерия хи-квадрат и критерия Стьюдента.

Распределение частот и частотных долей в тексте того или иного автора дает возможность выявить постоянные (константные) особенности текста, а также отклонения от типичного для данного стиля и жанра — индивидуальные (случайные) особенности, касающиеся употребительности отдельных единиц и их длины.

¹ От лат. *dispersio* — отклонение.

Теория информации и измерение текста. Теория информации (информатика) интересуется не содержательной стороной передачи и хранения информации, а ее статистической структурой. В последние годы появились работы, изучающие тексты при помощи теории информации как статистическую структуру текста, его измерение¹. Статистическая структура понимается как частота появления в сообщении сигнала (символа) (это будет вероятность, обозначаемая знаком p) и сочетаний сигналов (условная вероятность, обозначаемая знаком p_i). При многократном повторении сигнала очень важно определить количество информации, передаваемой сигналом. Количество информации приравнивается к мере недостающей информации, т. е. к величине неопределенности. Такое количество информации получило название энтропии; она характеризует ситуацию перед получением сигнала в большей степени, чем сам сигнал. Неопределенность ситуации (а следовательно, и количество информации) увеличивается с увеличением числа сигналов; при одинаковом числе сигналов неопределенность наибольшая в том случае, если вероятность появления всех сигналов равновероятна. Величина неопределенности (она обозначается знаком H) связана с вероятностями по формуле:

$$H = - \sum_{i=1}^n p(i) \log_2 p(i),$$

где вероятность сигнала i обозначена через $p(i)$; i принимает значение $1, 2, \dots, n$; Σ — знак суммы:

$$[p(1) \log_2 p(1) + p(2) \log_2 p(2) \dots + p(n) \log_2 p(n)].$$

В русском языке количество информации, например в фонеме, равно 4,76 ед.

Для сравнения различных сообщений вводится понятие относительной энтропии и избыточности. Относительная энтропия представляет собой отношение действительного количества информации (H_{∞}) в сигнале к максимальному количеству информации сигналов из возможных при данном числе сигналов: максимальная энтропия ($H_{\text{макс.}}$) равна количеству информации при равновероятности всех сигналов ($H_0 = \log_2 n$). Избыточность (R) равна разности между единичей и относительной энтропией:

$$R = 1 - H_{\text{отн.}}; \quad H_{\text{отн.}} = \frac{H_{\infty}}{H_0}$$

Например, русский «телеграфный» алфавит содержит 32 знака. Если все буквы считаются равновероятными (H_0), то информация, содержащаяся в одной букве, будет: $H_0 = \log_2 32 \approx 1,505$ десят. ед. Подсчитано, что средняя информация, содержащаяся во фразе вто-

¹ См.: Падучева Е. В. Возможность изучения языка методами теории информации. М., 1961; Пиотровский Р. Г. Информационные измерения языка. Л., 1968; Левин Ю. И. О количественных характеристиках распределения символов в тексте. — «Вопросы языкознания», 1967, № 6.

рого порядка вероятности, т. е. при наличии двух предшествующих букв (*по-, ду-, на-, эн-, об-* и т. п.), равна 0,905 (H_3). Относительная энтропия может быть определена:

$$\frac{H_\infty}{H_0} = \frac{H_3}{H_0} = \frac{0,905}{1,505} \approx 0,6.$$

Следовательно, избыточность букв для русского языка равна не менее 0,4:

$$R = 1 - \frac{H_3}{H_0} = 1 - \frac{0,905}{1,505} \approx 0,4.$$

§ 40. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ И АВТОМАТИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для современной лингвистики характерно использование специальных технических средств и современной аппаратуры. Это вызвало технический аспект лингвистики, породило инженерное языкознание. В области преподавания этот аспект проявляется в использовании технических средств, от магнитофона и диапозитивов до телевизионных установок и специальных обучающих машин.

Современное языкознание также широко привлекает аппаратуру для изучения электроакустических свойств речи и использует электронно-вычислительные машины для автоматизации лингвистических исследований.

Инструментально-фонетические приемы

Применение специальной аппаратуры для изучения звуков и интонации того или иного языка получило название экспериментально-фонетического метода¹. Он располагает рядом приемов, отличающихся используемой аппаратурой, условиями постановки эксперимента или получения результата. Экспериментально-фонетические приемы делятся на соматические, пневматические, электроакустические (или электрографические).

Соматические приемы основаны на том, что путем изучения телесных (соматических) выражений физиологических процессов говорения делается заключение о фонетическом явлении. Основными фонетическими приемами являются палатография, фотографирование органов артикуляции, рентгено съемка речевого аппарата и пневмографическое измерение речевого дыхания.

Пневматические приемы состоят в записи при помощи мареевских барабанчиков на закопченной бумаге кимографа кривых, которые регистрируют произносительные движения органов речи и изменение основного тона и шумов, возникающих в результате движения воздушного столба в ротовой, носовой и гортанной полости.

¹ См.: Артемов В. А. Экспериментальная фонетика. М., 1956.

Электроакустические приемы основаны на преобразовании звуковых особенностей речи в электрические колебания. Для этого используются в основном осциллограф и спектрограф.

При соматических приемах звуки речи изучаются по схемам, изображающим работу органов речи, — палатограммам и рентгенограммам (профилям)¹. При пневматических и электроакустических приемах изучается запись звука в форме кривых. Если запись произведена звуковоспроизводящим аппаратом или киноаппаратом, то возможно прослушивание или просмотр записи; возможна также пересадка звуков для их экспериментального изучения.

Очень важным и в то же время трудоемким моментом экспериментально-фонетических исследований является обработка полученных данных; существуют различные методики чтения и обработки кривых. В результате многообразных вычислений составляются таблицы или графики, содержащие количественную характеристику экспериментальных данных, которые интерпретируются в соответствии с задачами и условиями опыта.

Экспериментально-фонетические приемы дают надежную и точную артикуляционную и акустическую характеристики звуков речи, формантную структуру, т. е. спектр, звука.

Автоматизация лингвистических исследований

Появление электронных вычислительных машин (ЭВМ, компьютеров) внесло значительные изменения в практику научных исследований², поставило перед наукой новые задачи и проблемы. В языкознании такими проблемами стали автоматический перевод, машинное составление и сокращение (реферирование) текста.

Машинный перевод является комплексной научной проблемой, требующей решения ряда лингвистических, логико-математических и инженерных задач. Основная трудность состоит в том, что высшая нервная деятельность человека — ассоциативное многоканальное построение, а человеческое мышление эвристическое, тогда как память ЭВМ является обычно одноканальной, а «мышление» ЭВМ алгоритмическим. Огромный объем информации в естественных языках вызывает необходимость доалгоритмической классификации и формализации материала, составления частотных словарей и сокращенного специального языка, создания алгоритма машинного перевода.

Алгоритм — это решение задачи при помощи системы вычислений, предполагающей разбиение операций на простые и последовательное, шаг за шагом, их выполнение. Для алгоритма как ло-

¹ См.: Скалозуб Л. Г. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963; Матусевич М. И., Любимова Н. А. Альбом артикуляций звуков русского языка. М., 1963.

² См.: Хомский Н. Лингвистика, логика и психология и вычислительные устройства. — В кн.: Математическая лингвистика. М., 1964; Мельчук И. А. Автоматизация в лингвистике. — «Вопросы языкознания», 1968, № 1; Карпов К. Б. Применение технических средств при обучении иностранным языкам. М., 1971.

гико-математического понятия характерно признание таких его признаков, как дискретность, детерминированность, элементарность шагов, направленность и массовость. Применение теории алгоритмов в лингвистике, в частности в связи с проблемой машинного перевода, предполагает использование ее для описания самого языка и составления программы, т. е. предписаний вычислительной машине.

Алгоритмическое описание языка как процесс перевода предполагает анализ и синтез текста. При анализе из текста извлекаются данные и выражаются однозначно и в явном виде; при синтезе происходит построение текста по данным языка. Проблема «смысл — текст» получает не только лингвистическую, но и логико-математическую интерпретацию. В 1960 г. в Париже на Международной конференции был принят алгоритмический язык — Алгол — для обмена алгоритмами и осуществления программирования на ЭВМ¹. Этот аспект исследования требует знания технической логики, в основе которой лежат булева алгебра и булевы операции — отрицание, конъюнкция и дизъюнкция².

Автоматическое программирование представляет собой последовательно пронумерованную систему команд для данной машины. Числа и команды вводятся в кодированном виде, чаще всего при помощи перфорированной ленты или перфокарты, с которых счетно-перфорационная машина (табулятор) их считывает и записывает полученные результаты на рулонной бумаге.

Библиография

- Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. Л., 1963, с. 8—34, 106—127.
Головин Б. Н. Введение в языковедение. М., 1966, с. 277—293.
Арутюнова Н. Д. О структурных и традиционных методах в грамматике. — «Филологические науки», 1963, № 4.
Трансформационный метод в структурной лингвистике. М., 1964.
Никитин В. М. Трансформационный анализ и возможности его применения в средней школе. — «Русский язык в школе», 1969, № 1.
Дешерьева Т. И. О роли математических методов в языковедении. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языковедения. М., 1970, с. 168—183.

Глава 14

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Сравнение как научный прием очень широко используется при экспериментальном и теоретическом познании, в том числе в лингвистике, а также в методике преподавания родного и неродного языков. При помощи сравнения устанавливаются общие и специфические черты сходных явлений одного или разных языков. Поэтому срав-

¹ См.: Лавров С. С. Универсальный язык программирования (Алгол-60). Изд. 2. М., 1967.

² Джордж Буль — ирландский математик и логик, один из основоположников математической логики — алгебры логики.

нение как общенаучная операция мышления присутствует во всех методах лингвистического анализа.

Однако в методике лингвистических исследований принципиально различают внутриязыковое и межъязыковое сравнение. При внутриязыковом сравнении изучаются категории и явления одного и того же языка, при межъязыковом — разных языков. Поэтому сравнительный метод противопоставляется описательному методу, при котором данные других языков и факты истории языка могут исключаться из исследования.

Межъязыковое сравнение как элемент лингвистического анализа возникло, с одной стороны, под влиянием практики обучения неродному языку, а с другой стороны — в результате изучения родственных языков. В теории языковедения роль межъязыкового сравнения была осознана в начале XIX в. в связи с возникновением сравнительно-исторического языковедения.

Межъязыковое сравнение оформилось в систему специальных приемов исследования — сравнительно-исторический метод. Он основывается на факте наличия родственных языков, т. е. языков, появившихся в результате специфического развития одной и той же языковой основы — праязыка. Поэтому хотя родственные языки не имеют полного совпадения звуков и форм, корней и аффиксов, их различие и сходство может быть объяснено и понято как закономерное развитие одной и той же языковой основы.

Иногда любое сравнение языков называют сравнительным методом. Такое понимание межъязыкового сравнения не соответствует лингвистической практике. На сравнении языков основаны два вида сравнительного метода — сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный. Они существенно отличаются друг от друга — по целям и назначению, по материалу исследования и границам применения, по приемам и методике научного анализа. Сравнительно-исторический метод имеет целью не только сравнение языков и их явлений, но и обнаружение развития родственных языков; цель сравнительно-сопоставительного метода — охарактеризовать сопоставляемые явления двух или нескольких языков, установить общее и различное в аналогичных явлениях, отвлекаясь от истории и их происхождения. Сравнительно-исторический метод основывается на понятии генетической общности, которое существует объективно как факт наличия родственных языков, а сравнительно-сопоставительный метод — на понятии сопоставляемых явлений двух языков, причем языки эти могут не находиться в каких-либо отношениях, опирающихся на законы функционирования и развития языков (см. с. 272—273).

Сравнительно-исторический метод, в свою очередь, подразделяется на сравнительно-историческое изучение родственных языков, а также исторических вариантов одного и того же языка (см. с. 263—271).

В основе всех видов сравнительного метода — сравнение языков, но сравнительно-исторический, историко-сравнительный и сравнительно-сопоставительный методы отличаются по тому, какие языки сравниваются и с какой целью осуществляется сравнение; это ведет к различию приемов и методики исследования. Мы не должны также

забывать о проблеме взаимодействия методики сравнительно-исторического метода с методикой ареального и типологического исследований.

§ 41. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Сравнительно-исторический метод основывается на понятии генетической общности и наличии семей и групп родственных языков. Поэтому, прежде чем говорить о сравнительно-историческом методе, необходимо остановиться на проблематике сравнительно-исторического языкознания и отношении к ней метода.

Сравнительно-историческое языкознание и сравнительно-исторический метод

Сравнительно-историческое языкознание изучает родственные языки, их классификацию, историю и распространение. Проблематика сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторического метода не совпадают, однако общими для них являются понятия генетического тождества и различия.

Генетическое тождество языков или их явлений отличается от фактов случайного совпадения или совпадения в результате более позднего исторического контакта языков. Сравним, например, слова, обозначающие понятия «дуга» (в упряжке), «врач», «алый» в разных языках:

рус.	болг.	чеш.	нем.	англ.	фр.	тат.	манс.
дуга	дѹга	duha	Krummholz	shaft-bow	douga	дуга	туха
врач	лекар	lěkar	Arz	physician	médecin	врач	леккар
алый	ален	červený	rot	scarlet	vermeil	ал	кел'п

Привлекает внимание общность некоторых слов в русском, болгарском, чешском, французском, татарском и мансийском языках. Однако не во всех звеньях она является фактом генетического языкового единства; в ряде случаев это проявление культурно-исторических связей и обнаружение языкового ареала. Так, славянские слова *врач* и *лекарь* неодинаково распространены в славянских языках; более распространено слово *лекарь* [ст.-сл. *лѣкарь*; укр. *лікар*; сербскохорв. *lěkār*; словин. *lek* (лекарство), *lekarna* (аптека), *lekarnar* (аптекарь); словац. *lekár*; польск. *lekarz*]; в современном русском языке слово *лекарь* является устарелым и просторечным. Можно, однако, отметить, что в «Словаре языка Пушкина» слово *врач* зафиксировано 9 раз, тогда как *лекарь* — 50; как устарелое слово *лекарь* известно и белорусскому языку. Слово *врач* также известно ряду славянских языков [ст.-сл. *врачъ*, словин. *vrač*, сербскохорв. *vrač* (знахарь), болг. (устар.) *врац*]. Что же касается тат. *врач* и манс. *леккар*, то это слова, заимствованные из русского языка. Слово *алый* — тюркское заимствование; естественно, что оно имеет параллель в татарском языке. Точно так же русский язык заимствовал слово *тайга* (ср.

якут. *тайҕа*); затем это слово было распространено в ряде языков (чеш. *tajga*, нем. *Taiga*, англ. *taiga*, фр. *taiga*, тат. *тайга* и т. д.).

Наряду с фактами заимствований, порождающих общие элементы в языках, не являющихся родственными по происхождению, надо иметь в виду случайное совпадение звукового состава корней и аффиксов — межъязыковые омонимы. Так, случайными межъязыковыми омонимами являются, например, тат. *бар* — *есть* (3-е лицо ед. ч. наст. вр. от глагола *булы*) и рус. *бар* (от англ. *bar*), фр. *sou* — *старая монета* (рус. *су*) и тат. *су* — *вода*.

Вместе с тем некоторые совпадения корней и аффиксов в разных языках объясняются тем, что они унаследованы от далекого прошлого, от общего источника, являются проявлением генетической общности. Сравним, например, слова, обозначающие понятия «мать», «три», «вода» в некоторых индоевропейских языках:

рус.	болг.	польск.	лит.	нем.	фр.	арм.	тадж.
мать	майка	matka	motina	Mutter	mère	[майрѣж]	модар
три	три	trzy	trys	drei	trois	[эрек]	ее
вода	вода	woda	vanduo	Wasser	eau	[зет]	об

Обнаружение общих корней говорит о генетическом тождестве, так как фонетические и морфологические различия могут быть объяснены. Так, в слове, обозначающем понятие «мать» в немецком, французском, армянском и таджикском языках, сохранился аффикс косвенных падежей (ср. рус. *матери*, *матерью* и т. д.); в болгарском, польском и литовском языках представлены слова, имеющие более поздний суффикс (-к- и -ин-) ¹; изменился в связи с этим и тип склонения.

Совпадение корней языков, родство которых доказано, нельзя считать случайным. Невозможно объяснить совпадение флексий родственных языков, не предположив, что все они возникли из общего источника. Сравним, например, флексии настоящего времени единственного числа глагола:

рус.	ст.-сл.	готск.	лат.	греч.	санскр.	хетт.
-у	юс-мь	i-m	su-m	ει'-μ	ás-mi	eš-mi
-шь	юс-си	i-s	e-s	εσ-σι	á-si	—
-т	юсть	is-t	es-t	'εσ-τι	ás-ti	eš-ti

Еще более интересно наличие в родственных языках общих фонетических закономерностей. Так, имя собственное *Карл* во всех славянских языках превратилось в нарицательное существительное (вост.-сл. *король* — болг. *крал* — серб. *král* — словин. *kralj* — чеш. *král* — словац. *král'* — польск. *król*). Во всех формах наблюдается замена закрытого слога **kor* открытым слогом (с различной перемещением гласного); эти формы, следовательно, фонетически закономерны и генетически тождественны. Материальная общность корне-

¹ Эти суффиксы, по происхождению индоевропейские, широко распространены и в славянских языках.

слова, словообразовательных и словоизменительных аффиксов, фонетически закономерно варьированных, доказывает их родство и в то же время допускает возможность их сравнительно-исторического изучения как результата развития общей языковой основы.

Развиваясь постепенно, родственные языки не повторяют в точности друг друга: в каждом из них возникают новообразования и по-разному сохраняются старые общие черты. Различная история и устойчивость общих явлений в родственных языках помогает языковеду восстанавливать картину развития изучаемого языка, используя факты одного языка для исследования другого и обнаруживая более или менее древние факты и явления. Благодаря этому сравнение становится средством не только установления сходного и различного в родственных языках, но и его исторического изучения.

Сравнительно-исторический метод — это система исследовательских приемов и методика анализа, используемая при изучении родственных языков для обнаружения закономерностей развития их структуры начиная от восстанавливаемых древнейших звуков и форм. Сравнительно-историческая методика отличается от простого сопоставления:

1. При сравнительно-историческом изучении наблюдаемые факты извлекаются из всех родственных языков — живых и мертвых, литературно-письменных и разговорно-диалектных. Если исследователь ограничивается несколькими языками, то его знания являются неполными; иногда их бывает достаточно, поскольку используются предшествующие знания (например, близость русского и белорусского или болгарского и македонского языков), так что данные одного языка как бы включают данные близкородственного языка.

2. При сравнительно-историческом изучении обязателен учет степени родства языков: при сравнении идут от близкородственных языков к языкам других родственных групп. Так, от фактов русского языка мы обращаемся прежде всего к фактам древнерусского, белорусского и украинского языков, а затем уже к фактам старославянского, южнославянских и западнославянских языков; от славянских языков славист идет к балтийским языкам (например, к литовскому); затем компаративист обращается к фактам германских, иранских и т. д. языков. Общие для ряда языков на каждом этапе сравнения формы признаются более древними, и таким образом постепенно воссоздается последовательная история родственных языков.

Важнейшими приемами сравнительно-исторического метода являются: а) установление генетического тождества сопоставляемых значащих единиц и звуков и отграничение фактов заимствования и субстрата; б) реконструкция древнейшей формы; в) установление абсолютной и относительной хронологии.

Установление генетического тождества

Прием установления генетического тождества форм и звуков родственных языков позволяет сделать языковой факт предметом сравнительно-исторического исследования. До тех пор пока мы не

доказали фонетической тождественности таких, например, корней, как *-жен-* и *-ген-* или *-пер-* и *-пр-*, мы не можем говорить о тождественности корней таких слов, как рус. *жена*, готск. *qīno*, греч. *γυνή* или рус. *перец* и *пряник*. Напротив, нам могут показаться тождественными русские слова *лук* — «растение» и *лук* — «оружие», тогда как на самом деле это совпадение случайно.

В сравнительно-историческом языкознании тождеством называются такие соответствия звуков, морфем, слов и словосочетаний, которые имеют общее происхождение, т. е. являются тождественными генетически. Поэтому генетическое тождество часто не представляет собой материального и семантического совпадения.

Например, генетическое тождество звуков не означает их акустического и артикуляционного совпадения, т. е. полного тождества; напротив, в современных языках генетически тождественные звуки часто различаются по своей акустической и артикуляционной природе. Так, звуки [г] и [ж] имеют различную артикуляционно-акустическую характеристику: первый — заднеязычный смычный, второй — переднеязычный щелевой. Однако эти звуки регулярно соответствуют друг другу в одних и тех же морфемах, различающихся тем, что после [г] находился гласный непередего ряда, а [ж] возник перед передним гласным. Это соответствие наблюдается в корнях разных индоевропейских языков, причем [ж] типичен в указанной позиции для славянских языков (рус. *железо* — лит. *geležis* — прусск. *gelsu*; рус. *желтый* — лит. *geltas* — нем. *gelb*; рус. *журавль* — лит. *gėrvė* — греч. *γέρανος*). Установление регулярности звуковых соответствий является одним из основных правил сравнительно-исторического изучения родственных языков.

Генетическое тождество морфем также не означает их полного звукового и функционального совпадения. Так, в ряду таких генетически тождественных форм, как рус. *небо* — санскр. *nābhaḥ* (облако) — хетт. *periš* (небо) — греч. *νεφος* (облако), мы обнаруживаем в соответствии с окончанием *-o* окончания *-os*, *-ah*, *-iš*. Отсутствие в именительном падеже единственного числа звука [*s] легко объясняется законом открытого слога и подтверждается регулярностью таких соответствий, как рус. *блюдо* — готск. *biuds* (род. п. *biudis*); рус. *веко* — лит. *vokas*; рус. *гнездо* — лит. *lizdas* — санскр. *niḍāh*; рус. *железо* — лит. *geležis* — греч. *χαλκός*; рус. *зерно* — лит. *zirnīs*; рус. *лыко* — лит. *lūnka*; рус. *озеро* — лит. *ežeras*; рус. *ядро* — латыш. *īdrs*. Наличие звука [c] мы обнаруживаем, естественно, на конце заимствованных слов, например в слове *парус* (ср. греч. *πάρος*).

Реконструкция праформ

Установление генетического тождества звуков и форм языка и относительной хронологии позволяет последовательно реконструировать их древнейший вид — праформы, или архетипы, называемые также формой со звездочкой, так как их принято обозначать звездочкой, например: **ryb-a* (праславянская «рыба»), **ēs-mi* (индоевропейская форма 1-го лица ед. ч. наст. вр. глагола *быть*).

Сравнение первых звуков в рус. *брат* — ст.-сл. *bratъ* — н.-л. *Bruder* — лат. *frater* — санскр. *bhrata* дает основание предполагать, что более древним видом был придыхательный звонкий губной согласный [*bh]: теряя придыхание, он превращается в смычной звонкий согласный славянских и германских языков; он же может давать глухой щелевой согласный, как это фиксирует латинский язык. Сравнивая рус. *живой* и лит. *gyvas*, мы устанавливаем более древний вид звука [*g^v], так как появление звука [ž] из [g] легко объясняется первым смягчением заднеязычных, характерным для славянских языков. Сравнивая лит. *gyvas* и лат. *vivus*, должно предположить лабиализацию заднеязычного [*g^v], иначе не будет понятна латинская форма, начинающаяся губным согласным (ср. еще: рус. *жила* — лит. *gysla* — лат. *vena*). Таким же путем мы восстанавливаем праформы корней и аффиксов, а следовательно, и целых слов.

Восстанавливая более древнюю форму, не засвидетельствованную письменностью, мы получаем возможность проследить развитие языка в его более раннем периоде. Так, реконструкция позволяет установить систему склонения, которая была унаследована славянскими языками; проследить, например, предысторию носовых гласных или дифтонгическое происхождение звука [ʔ].

Конечно, не все формы и звуки современных языков восходят к древнейшему времени и могут быть прямо перенесены в праязык. Надо помнить, что чем древнее эпоха и чем отдаленнее родство, тем более схематичной становится реконструкция. Чтобы не допустить ошибки, реконструирование звуков и форм должно опираться на факты исторического развития родственных языков, на тенденции, им свойственные, учитывать промежуточные звенья развития.

Абсолютная и относительная хронология

Родственные языки не только сохраняют древнейшие формы, но и создают аналогичные инновации (новообразования), вызванные общностью языковой основы и тенденций развития. В праязыке также были диалекты. Родственные диалекты в ходе исторического развития объединялись, обособлялись. Многие общие черты возникли в результате распространения диалектной особенности на ряд родственных языков; и напротив, некоторые древнейшие черты были утрачены, сохранившись как особенности отдельных диалектов и языков. Поэтому обнаружение общих форм и звуков требует определения их ареала и хронологической прикреплённости.

Очень важным условием исторического изучения родственных языков является учет их древнейшей фиксации. Известно, что индоевропейские языки впервые зафиксированы в памятниках письменности в разное время. Мы знаем языки; письменность которых сохранилась от XIV—III вв. до н. э., — это хеттский (XIV—XIII вв.), древнегреческий (X—IV вв.), древнеперсидский (VI—V вв.), латинский (VI—III вв.), санскрит (III в.). Есть языки, письменная фиксация которых отмечена довольно поздно, — это готский (V—VI вв. н. э.),

древнеармянский (V—IX вв.), старославянский (IX—XI вв.), литовский (со второй половины XVI в.).

Ранние письменные памятники содержат не только древние факты, но и более поздние. Напротив, языки, зафиксированные относительно поздно, содержат иногда факты более древние, чем ранее зафиксированные. Скажем, литовский язык письменно зафиксирован позднее, чем старославянский, однако в нем мы обнаруживаем, например, такое фонетическое явление, как закрытый слог, который древнее открытого слога славянских языков. Поскольку точное время фиксации языковых явлений определить нельзя, древнейшее состояние вообще не зафиксировано, а промежуточные звенья в ряде случаев утрачены, постольку в сравнительно-историческом языковедении очень большое значение прилагается установлению относительной хронологии языковых явлений.

Прием относительной хронологии состоит в том, что путем изучения распространения и значимости в системе языка двух явлений устанавливается древность одного факта сравнительно с другим. Относительная хронология уточняется приемами системной интерпретации и лингвистической географии.

Примером относительной хронологии в области фонетических явлений может служить разграничение первого и второго смягчения заднеязычных в славянских языках, т. е. изменение заднеязычных в шипящие и свистящие: [ч] > [ж], [к] > [ч], [х] > [ш] и [г] > [з], [к] > [ц], [х] > [с]. Смягчение заднеязычных согласных в свистящие признается более поздним, чем первое смягчение, на том основании, что оно наступило после монофтонгизации дифтонгов [oɪ] и [aɪ] и возникновения новых звуков [ě] и [ī], а также на основании факта меньшего распространения второй палатализации и разнообразия отражения ее в славянских языках.

Относительную хронологию имеют и передвижения согласных германских языков — первой и второй перебой согласных. Первый перебой отличает германские языки от других индоевропейских языков и характеризуется такими фактами, как лат. *pellis* (мех) — готск. *fill*; лат. *quis* (кто) — готск. *hwās*; лат. *frater* (брат) — др.-в.-нем. *bruodar*; лат. *homo* (человек) — готск. *guma*; лат. *duo* (два) — готск. *twai* и т. п. Второй перебой является особенностью верхненемецкого языка, в отличие от нижненемецкого и других германских языков, и характеризуется такими фактами, как готск. *itan* (есть) — нем. *essen* — англ. *eat*; готск. *slēpan* (спать) — нем. *schlafen* — англ. *sleep*; готск. *twai* (два) — нем. *zwei* — англ. *two*; лат. *pipa* (дудка) — нем. *Pfeife* — англ. *pipe*; готск. *dags* (день) — нем. *Tag* — англ. *day* и т. п. Следовательно, если мы сопоставим лат. *cordis* (сердце; род. п. от *cor*) — англ. *heart* — нем. *Herz*, то эволюция звука [d] представляется как [d] > [t] > [z]. Отсюда следует также, что, например, лат. *habeo* генетически не тождественно нем. *haben*, а нем. *Tag* — англ. *tag*.

Наряду с датировкой исторических изменений по памятникам письменности и относительно друг друга в сравнительно-историческом языковедении используется статистический прием подсчета «глу-

бины лингвистического времени» — прием глоттохронологии¹, предложенный М. Сводешом.

Прием глоттохронологии исходит из допущения, что слова основного лексического ядра (*basic vocabulary*) сохраняются постоянно и процент утраты их одинаков. Сводеш пишет об этом так: «...Во всех языках та часть лексического запаса, которая обозначает коренные, фундаментальные и вместе с тем обыденные понятия, в противоположность специальной, или так называемой «культурной», части словаря изменяется с относительно постоянной скоростью. Благодаря этому на основе процента сохранившихся элементов в соответствующим образом отобранном опытном словаре можно установить количество истекшего времени. Где бы ни происходило разделение языкового единства на две или несколько частей таким образом, что в дальнейшем языковые изменения идут различными путями в каждом из вновь образованных языков, процент одинаковых слов, сохранившихся в обоих языках, показывает до количество времени, которое прошло с момента их разделения». По мнению Р. Лиза, средняя константа скорости равна приблизительно $81 \pm 2\%$ за 1000 лет. Процент сохраняемости различен для разных семантических групп слов. Например, местоимения: я — 100%, они — 50%; слова: где — 75%, когда — 74%; существительные: год — 100%, ночь — 82%, ветер — 100%, небо — 92%, человек — 74%, женщина — 71%, рот — 68%, сердце — 65%, сестра — 100%, отец — 83% и т. д.

Применение методики глоттохронологии показало, что увеличение количества исследуемых слов ведет к значительным колебаниям и что подсчеты более точны при лексикостатистическом анализе в пределах одной языковой группы или подгруппы. Методика глоттохронологии на лексикостатистической основе не отменяет других приемов установления лингвистического времени, в том числе исторических, археологических и этнографических (см. с. 269—270).

Этимологический анализ

Наиболее успешно сравнительно-исторический метод применяется к исследованию звукового строя и морфемного строения слов, особенно системы словоизменения. Особым аспектом сравнительно-исторического языкознания является исследование корней родственных языков, этимология слов. Разработка принципов и приемов этимологического анализа, составление этимологических словарей имеет огромное значение в сравнительно-исторической методике. Этимологический анализ ставит своей задачей раскрыть, опираясь на факты родственных языков, историю слов вплоть до их древнейших форм и значений. Большое место в этимологических исследованиях занимает характеристика древнейшего фонетического и морфемного строе-

¹ См.: Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 1; Климов Г. А. О лексико-семантической теории М. Сводеша. — В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.

ния слова и предположение о первоначальной мотивировке значения слова.

Этимологический анализ существенно отличается от словообразовательного. Словообразовательный анализ опирается на факт одного (современного) языка, определяя словообразующую (мотивирующую) основу, словообразовательные аффиксы, словообразовательную модель, словообразовательное значение, устанавливает продуктивность ~ непродуктивность словообразовательной модели и словообразовательного типа. Так, слово *лётчик* в современном русском языке четко распадается на мотивирующую основу *-лёт-*, суффикс *-чик-* и нулевую флексию. Словообразовательное значение легко осознается на фоне фактов современного языка: *лётчик* — «тот, кто летает»; дальнейшая специализация значения лексемы *лётчик* происходит под влиянием предметной отнесенности слова и развития летного дела: тот, кто летает → водитель самолета. [Этимологический анализ направлен на изучение слов, значение которых в современном языке является немотивированным, претерпевших фонетические, морфологические, словообразовательные и семантические изменения. Поэтому хронологическое расслоение является обязательным при этимологизировании. Установление древнейшего вида слова требует предварительного этапа — отсекающего производных слов и заимствований.]

Прием анализа лексических заимствований состоит в том, что заимствованная лексика выделяется в особую группу — как слова, не поддающиеся дальнейшему анализу в рамках материала данных родственных языков. Так, установив, что слова *алый* и *тайга* тюркского происхождения, этимолог оставляет их для дальнейшего анализа исторической лексикологии русского языка, а анализ корня — этимологии, ведущейся на основе сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

Определение разных производных слов со своей собственной историей имеет большое значение для утверждения исторического подхода к изучению лексики. Так, лат. *amicus* — *друг, поклонник* имеет в своем составе приставку *am-* — *около* (ср.: *anti-icus* — *передний, post-icus* — *задний*) и вначале означало «*близлежащий*»; однако слово *amicus* было вовлечено в лексико-семантическую группу слов *amare* — *любить* и *amor* — *любовь*, и это способствовало изменению значения слова *amicus*: *близлежащий* > *близкий* > *поклонник* (друг). *Жар* и *гарь, горький* и *горе* должны подвергаться самостоятельному историческому анализу, хотя они и являются однокоренными словами. Однокоренные *угорь* и *уж, узел* и *вензель*, однако их история различна (например, *вензель* — позднее заимствование из польского языка, его форма и значение не могут быть поняты без отдельного рассмотрения его истории).

Хронологическое расслоение лексики, отсечение заимствованных слов и установление истории самостоятельного развития родственных производных слов — все эти приемы основаны на знании системы каждого из родственных языков, в которую входит изучаемое слово, и на признании длительности и своеобразия развития каждого слова. Принцип историзма в этимологических исследованиях требует также

учета фактической истории слов — на основе показаний памятников письменности и данных лингвистической географии. Эти предварительные требования, отсекая побочные наслоения, обеспечивают чистоту этимологического анализа. Собственно этимологический анализ предполагает соблюдение трех основных правил этимологизирования: фонетической обоснованности, словообразовательной мотивированности и семантической вероятности.

Фонетическое обоснование этимологии того или иного слова состоит в том, что устанавливается генетическое тождество сравниваемых слов, соответствия признаются закономерными, а все фонетические изменения объясняются фактами и аналогиями. Словообразовательная мотивированность этимологии слова заключается в отнесении анализируемого слова к реально существующему словообразовательному ряду и определении последовательности словообразовательных процессов. Семантическая вероятность этимологии состоит в том, что семантические сближения слов признаются возможными благодаря закономерности их семантического развития и относятся к одному и тому же семантическому (изосемантическому) ряду.

Фонетические, словообразовательные и семантические правила используются не только в процедуре этимологизирования, но и как критерии оценки правильности той или иной этимологии и направленности процесса этимологизирования.

В качестве примера этимологического анализа рассмотрим широко распространенное слово *луна* — «месяц», в украинском, польском и чешском языках это слово имеет также значение «зарев».

В слове *луна* прежде всего выделяется флексия: *лун-а*. Соответствия между разными индоевропейскими языками дают основание разделить *лун-* на корень **lu-* и суффикс *-n-*; однако те же соответствия заставляют предполагать, что в индоевропейском языке данный корень выступал в форме **leuk-* с двумя основными значениями: «светить», «свет» и «видеть»; со значением «свет» корень зафиксирован во многих языках: лат. *lūx* — слав. *лун* — готск. *linhaþ* (ср.: нем. *Licht* — англ. *light*).

Корень **leuk-* давал ряд производных слов со значением «блестящая», «сияющая»: греч. *λευκός* — лит. *lūkas*; ср. также: лат. (пренестинск.) *losna* — греч. *λύχνος* — прус. *louchnos* — авест. (зенд.) *oxšna* — арм. *lusin* (ср. рус. *лучина*). Словообразовательно-семантический анализ позволяет допустить, что развитие шло от «свет/«светить» к «светящаяся», «небесное светило». В фонетико-морфологическом развитии затруднение вызывает чередование групп согласных **ksn*, **sn* с **n*, но думается, что оно может быть решено. Звук [k/s] был суффиксально-фонетическим элементом слова; он мог выступать в форме **k(g)*, а также **ks*, **sn* [ср., например: *звук*, *злак*, *мрак*, *волк*, *язык*, *брег* (*берег*), *враг*, *друг*, *миг*, *снег*, *волоклак*, *час*, *блеск*, *восок* и т. п.]. Чередование [k/s] было известно в разных диалектах индоевропейского языка (тохар. *kānt*, готск. *hund*, лат. *centum*, слав. *сто*). Суффикс **-n-* также широко распространен в индоевропейских языках, в том числе и славянских (*борона*,

женна, *баня*, *зерно*, *сукно*, *дана*, *день*, *пень* и т. п.); известны также и производные суффиксы **-sn-* и **-zn-* (*вещна*, *сошна*, *баня*, *пеня*, *жизнь*, *боянь* и т. п.). Форма **leuksn-* могла возникнуть в результате сочетания корня **leuk-*, **leus-* или **leuks-* с суффиксом при последующих фонетических упрощениях согласных перед *n*; этому способствовало также влияние морфологической структуры типа **stai-n-* > *стенна*.

§ 42. ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Сравнительно-исторический метод основывается на сравнении родственных языков; поскольку родственные языки и их явления имеют разную хронологию, а этот метод дает возможность устанавливать относительную хронологию, он является методом исторического изучения языка. Приемы сравнительно-исторического метода могут быть распространены на изучение отдельного языка, тем более что разные периоды развития одного и того же языка¹ допустимо рассматривать как два родственных языка, связанных исторической преемственностью. Так, в отношении исторической преемственности находятся древнерусский язык и язык великорусской народности. То же можно сказать о латинском языке и народной латыни, народной латыни и французском языке, древневерхненемецком, средневерхненемецком и современном немецком языках.

В применении сравнительно-исторического метода к историческому изучению одного языка много специфического: моменты историчности усиливаются, относительная хронология прикрепляется к точным историческим периодам, сравнение ограничивается одним языком; фонетика и морфологическое строение слова оказываются различными для разных периодов развития языка. Поэтому этот метод целесообразнее выделить и терминологически: его можно назвать историко-сравнительным методом.

Историко-сравнительный метод — это система приемов и методики анализа, используемая при изучении исторического развития отдельного языка в целях выявления его внутренних и внешних закономерностей. Принципом историко-сравнительного метода является установление исторического тождества и различия форм и звуков языка. Важнейшие приемы: приемы внутренней реконструкции и хронологизации, диалектографии, культурно-исторической интерпретации, а также прием текстологии.

Историческое тождество и различие

При историко-сравнительном изучении необходимо установление исторического тождества звуков, форм, конструкций и слов, так как только при этом условии возможно их дальнейшее исследование. Например, сравнивая формы *дети* и *дитя*, мы замечаем, что перед

¹ Два периода одного и того же языка (синхронные срезы языка) могут сопоставляться без учета их исторической преемственности. В этом случае используется сопоставительная методика — методика языковых параллелей и проблематика зависимой типологии (см. с. 276—279).

нами единственное и множественное число одной и той же лексемы. Но если мы не можем объяснить закономерность чередования [e/и], то нельзя быть уверенным в том, что наше предположение правильно. Обращаемся к фактам древнерусского языка — тогда писалось *дѣти* и *дѣтъ*; этот факт подтверждает наше предположение, но ещё не объясняет. И только когда мы вспомним, что фонема ⟨ъ⟩ могла давать и звук [e], и звук [и], наше предположение оказывается объясненным и историческое тождество доказанным. Сравнивая слова *город* и *хоровод*, мы можем заметить, что в обоих случаях есть звуковое сочетание *оро*. Если мы признаём в том и другом случае полное гласие, то допустим ошибку, так как полногласие есть только в слове *город*, тогда как в *хоровод* звуковое сочетание является случайным и возникло оно потому, что в этом сложном слове есть соединительный гласный (морфема) *-о-*, а первый корень имеет форму *хор-*.

Поскольку при историко-сравнительном исследовании используются факты одного и того же языка, постольку необходимо не только устанавливать историческое тождество, но и историческое различие. Так, в современных словах *стужа* и *тужить* имеются, казалось бы, три тождественных звука: [y], [ж] и [т]. Звук [т] тождествен и в современном языке, и в истории его. Звук [y], как и [ж], тождествен в указанных словах современного русского языка; однако обе фонемы не тождественны с исторической точки зрения: в слове *стужа* звук [y] продолжает старый звук [y], а [ж] возникло из [д] под воздействием *j* (ср.: др.-рус. *студити* — «охлаждать», *студень* — «холод»); в слове *тужить* звук [y] является рефлексом носового гласного, а [ж] возник в результате первого смягчения заднеязычного [ɣ] (ср. др.-рус. написания *тѣга*, *тѣгота*, где обнаруживается чередование носовых гласных в процессе исторического развития языка чередование [y/'a]).

Различно и морфемное строение слов. В современном языке существительное *сутки* и прилагательное *добрый* являются производными, тогда как исторически в первом случае легко выделяется префикс *су-*, а во втором — суффикс *-р-*. Существительные *прачка* и *скрипачка*, на первый взгляд, кажутся словообразовательно тождественными, так как присутствует суффикс *-к-*, обозначающий лицо женского пола (ср.: *внук* — *внучка*, *земляк* — *землячка*; *торговка* — *торговец* — *торговать*). Однако это не так. Существительное *скрипачка* имеет соотносительную пару *скрипач*, от которого оно образовано и которое мотивирует его словообразовательное значение; кроме того, эти слова связаны с такими словами, как *скрипка*, *скрип*, *скрипеть*. Существительное *прачка* утратило словообразовательную разложимость, так как в русском языке нет существительного **прак*; существительное *прачка* уже не связывается с *пральник* — «валёк» и *прати* — «стирать». Таким образом, слово *прачка*, образовавшееся в прошлом, сохраняется в современном языке как изолированная лексема, как корень, образующий новые слова (*прачка* — *прачечная*), где в производящей основе есть чередование *к/ч*.

В современном языке сочетания *два стола* и *четыре стола* считаются тождественными, так как форма на *-а* осознаётся как форма родительного падежа единственного числа (ср.: *две стены* и *четыре*

стены). Исторически же эти формы не являются тождественными, так как форма на *-а* (*два стол-а*) есть форма двойственного числа; поэтому форма *четыре стола* возникла позднее, по аналогии, когда двойственное число исчезло как грамматическая категория.

Если при сравнительно-историческом изучении корней и суффиксов широко используется методика звуковых законов как фонетических регулярных соответствий между родственными языками, то при историко-сравнительном изучении на первый план выступает методика историко-морфологических чередований. При этом надо иметь в виду, что при схожести и даже тождественности звукового и морфемного строения словоформы, конструкции и лексемы могут отличаться своим значением и функцией. Установление семантического и функционального различия, их хронологического распределения и исторического развития очень важно, поскольку изменения семантической и функциональной сторон единиц языка не тождественны изменениям внешней формы языка, звуковой и морфемной формы слов.

Так, в современном русском языке есть разные флексии множественного числа имен существительных (*сосѣди*, *берега*, *стѣны*); такие флексии были и в древнерусском языке (*гѣроди*, *городѣ*, *стѣны*). При внешней тождественности флексий *-и*, *-а*, *-ы* их значения и функции отличаются друг от друга в древнерусском и современном русском языках. Флексия *-а* определяла двойственное число, сейчас это флексия множественного числа некоторых существительных мужского рода; следовательно, их схожесть проявляется лишь в том, что она привязана к словам мужского рода. Флексии *-и* и *-ы* принадлежали в древнерусском языке к разным типам склонения, четко различавшимся словоформами единственного и множественного числа; постепенно это различие типов склонения во множественном числе изживалось (у прилагательных оно исчезло совсем, у имен существительных сохранились варианты словоформ, особенно в именительном падеже). Таким образом, вариантность флексий современного языка и их обязательность для древнерусских склонений — разные грамматические сущности.

Внутренняя реконструкция и хронологизация

Любой современный язык сохраняет лишь часть слов, форм, звуков и конструкций, которыми он располагал в прошлом. Но эта сохранившаяся часть может помочь восстановить полнее картину прошлого данного языка, а следовательно, и его историю, иногда не зафиксированную в памятниках письменности и диалектах. Такое изучение осуществляется при помощи приема внутренней реконструкции. Прием внутренней реконструкции состоит в том, что более древняя форма восстанавливается путем сопоставления разных отражений ее в пределах одного и того же языка; факты родственных языков не используются или используются для контроля.

Например, при словообразовании и словоизменении русского языка обнаруживается чередование *а/и/и* (*снять* — *снимать*, *имя* —

имени, память — поминать и т. п.). Часть таких слов и даже форм заимствованы из церковнославянского языка; другая часть — исконные восточнославянские слова. Это заставляет нас предполагать, что в более ранний период в восточнославянских диалектах был носовой гласный переднего образования. Следовательно, носовые гласные были свойственны не только общеславянскому, но и отдельным славянским языкам.

Прием внутренней реконструкции дает возможность, опираясь на системную интерпретацию, вскрыть специфику движения форм и звуков в конкретном языке, обнаружить противоречия между старыми и новыми фактами и тенденциями, показать динамизм любого состояния языка.

Хронологизация какого-либо периода истории языка осуществляется путем выявления архаизмов и непродуктивных моделей, а также неологизмов и продуктивных моделей, т. е. изучения варьирования языковой нормы и исторических трансформаций.

Прием хронологизации языковых явлений состоит в том, что языковые факты получают абсолютную и относительную временную характеристику. При историко-сравнительном изучении абсолютная хронология является датировкой, т. е. установлением первой фиксации изучаемого факта или явления в том или ином памятнике письменности. Открытие, издание и сплошное обследование памятников письменности, создание исторических словарей и монографическое описание отдельных явлений и памятников — все это является непременным условием для точного исторического изучения конкретного языка.

Датировка языкового факта или явления может устанавливаться на основе показаний современников. Так, Стародум, персонаж комедии Фонвизина «Недоросль», говорит молодому офицеру про своего отца: «Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался ты, а не вы». Это свидетельство может быть использовано для датировки перестройки в русском языке данного компонента семантики личных местоимений 2-го лица. Из воспоминаний одного старого писателя мы узнаем, что в 1910 г. говорили и писали *летун*, *летатель*, *лётчик*, хотя более употребительным было заимствованное слово *авиатор*, — так датируется употребление слов *авиатор* и *лётчик*. Если сравнить эти показания с данными современных словарей, то можно заметить, что сейчас более употребительно слово *лётчик*, у которого есть синонимы — арх. *авиатор* и спец. *пилот* (слово *летун* стало разговорным и изменило значение, а слово *летатель* исчезло).

При историко-сравнительном изучении конкретного языка используют также прием относительной хронологии. Так, В. А. Богородицкий различие произнесения слов вроде *полёт*, *дед*, *отец* объясняет тем, что переход [e] > [o] произошел позднее исчезновения [ʔ] и отвердения [ц] (этим и объясняется произношение слов *дед* и *отец* без перехода ударенного [э] в [о]). Следовательно, переход [e] в [o] был раньше отвердения [ц] и утраты [ʔ]; эти явления имеют хронологию, разную относительно друг друга.

Хронологизация языковых явлений может быть установлена на основе изучения морфологических процессов, которые претерпело морфологическое строение слова в ходе исторического развития. Так, если мы сравним такие формы, как *учитель* — *учителья*, *каплет* — *капает*, то легко заметим, что формы *учителья* и *капает* являются более поздними, возникшими по аналогии. Форма множественного числа на -а еще у М. В. Ломоносова употреблялась в ограниченном количестве слов (*бока*, *рога*, *берега*), и лишь во второй половине XIX в. это количество увеличилось, хотя и в современном языке существуют параллельные формы, причем формы на -а являются в ряде случаев разговорными. Учет распространения форм на -а во множественном числе помогает проследить распространение флексии -а и вхождение ее в парадигму имени существительного современного языка.

Существенно меняются при историко-сравнительном изучении языка принципы и методика этимологического анализа. Если этимологический анализ, опирающийся на факты родственных языков, раскрывает первичное значение, доходя до тех случаев, когда мотивирующая основа и корень совпадают, то при историко-сравнительном изучении языка задача состоит в нахождении ближайшей этимологии при помощи историко-словообразовательного анализа.

В ходе исторического развития образуются непродуцируемые основы (новые «корни») и утрачиваются словообразовательные звенья, как и первоначальная мотивировка словообразовательного значения. Задача историко-словообразовательного анализа как раз и состоит в том, чтобы, оставаясь в рамках отдельного языка, восстановить утраченные словообразовательные звенья, мотивировать деэтимологизированные элементы слова, отсеять ошибочные ассоциации, возникающие при механическом членении слова на морфемы. Так, слово *жилище* выделяет сейчас суффикс -лиц(е), соотносясь с глаголом; исторически же *жилище* образовалось от существительного *жило*, которое еще сохранилось в диалектах. Существительное *гуманность* кажется образованным от прилагательного *гуманный*; на самом деле оно появилось под влиянием нем. *Humanität* и употреблено впервые В. Г. Белинским в 1841 г. (ср. также: *дояр* от *доярка*, *зонт* от *зонтик*). Разграничение словообразовательного анализа, занимающегося современными продуктивными и малопродуктивными словообразовательными моделями, и историко-словообразовательного анализа способствует хронологическому расслоению словообразовательной системы языка.

Прием хронологизации языковых явлений, включая сюда методику выявления архаизмов и неологизмов, имеет большое значение не только при историко-сравнительном, но и при описательном методе, так как любое полное «синхроническое» описание языка, по справедливому замечанию Е. Куриловича, не может обойтись без понятий архаизма и инновации.

Диалектография

Развитие сравнительно-исторического языкознания в конце XIX — начале XX в. привело к открытию и изучению не только древнеписьменных языков, но и говоров и наречий живых современных

языков. Диалектный материал стал объектом историко-сравнительного языкознания и в то же время предметом изучения специальных лингвистических дисциплин — диалектологии, лингвистической географии и ареальной лингвистики с их принципами и методикой исследования¹.

Диалектографическим методом называется совокупность приемов и методики сбора, обработки и интерпретаций диалектного материала. Диалектографический метод охватывает приемы и методику диалектологических, лингвогеографических и ареальных исследований. Но если лингвогеограф пользуется ареальным (изоглосным) методом исследования, то диалектолог — методами полевого анкетирования и филологического анализа текста.

Существует несколько типов областных (диалектных) словарей. Наиболее известны: словарь говора (полное описание словарного состава одного говора), региональный областной словарь (полный или дифференциальный) и диалектный словарь языка, который исследует все говоры, являясь только дифференциальным, так как описывает лишь диалектную лексику и ее распространение. Примером диалектного словаря языка может служить «Словарь русских народных языков». В нем описываются диалектные слова (лексические и семантические «диалектизмы»), т. е. слова, имеющие локальное распространение (изоглоссу и зону распространения) и в то же время не входящие в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность); поэтому не описываются разговорно-просторечная лексика, специальная терминология (термины местных ремесел и промыслов), которые являются предметом терминологических и общих толковых словарей, названия старой крестьянской жизни и местной природы, являющиеся «этнографизмами» общерусского употребления.

Хотя диалектные словари содержат огромную информацию о диалектных словах и их формах, они дают лишь примерные изоглоссы слов. Точное изучение изоглосс и зон распространения слов и других явлений языка (или языков) является одной из задач лингвистической географии. Возникновение и развитие лингвистической географии сопровождалось выработкой и уточнением принципов и методики картографирования и составления диалектологических карт. В истории лингвистической географии наибольшую известность получили немецкий атлас Г. Венкера и Ф. Вреде (1876—1926, опублик. 1926—1951) и французский атлас Ж. Жильерона и Э. Эдмона (1902—1912).

Систематическое лингвогеографическое изучение русских говоров началось с 1904 г., когда была создана Московская диалектологическая комиссия. В 1915 г. опубликован «Опыт диалектологической карты русского языка с приложением очерка русской диалектологии». Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова. В 1936 г. Ленинградский институт языка и мышления положил начало сбору мате-

¹ См.: Бородин М. А. Проблемы лингвистической географии. М. — Л., 1966, с. 5—49; Эдельман Дж. И. Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968.

риалов для атласа русского языка — составлены «Вопросник» и «Программа» (1945). К сбору материалов для составления диалектологического атласа были привлечены преподаватели, аспиранты и студенты вузов страны. Для выработки принципов и техники картографирования Ф. П. Филиным и М. Д. Мальцевым составлен пробный атлас небольшой территории — «Лингвистический атлас района озера Селигер» (1949). В 1957 г. под редакцией Р. И. Аванесова выпущен «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы».

Лингвистическое картографирование — это не только техника составления карт, но и способ и методика лингвогеографического изучения языка. Сбор материала, приемы его обработки и картографирования во многом зависят от типа лингвистического атласа. В современном языкознании определились следующие типы атласов: а) национальные, т. е. атласы того или иного языка; б) региональные, или областные; в) атласы родственных языков; г) атласы языковых союзов; д) проблемные атласы. Наиболее известны национальные и региональные атласы.

Диалектологические словари и лингвистические атласы прежде всего фиксируют территорию распространения языковых явлений — их ареалы. Однако данные атласов и словарей имеют значение и для историко-сравнительного и сравнительно-исторического изучения языков. Хронология ареалов и изоглосс может опираться как на различные исторические данные, так и на лингвогеографическую проекцию. Установлено, что явления большего ареала обычно старше явлений меньшего ареала, а явления окраинных (маргинальных) ареалов, хотя и содержат значительное количество заимствований из соседних языков, обычно старше явлений центрального ареала.

Приемы культурно-исторической интерпретации

Связь истории языка с историей народа — носителя языка, с историей его материальной и духовной культуры порождает культурно-историческую интерпретацию языковых фактов и явлений. При изучении праязыкового состояния языка и дописьменной истории близкородственных языков широко используется методика этнографической и археологической интерпретации языковых ареалов¹.

Более тесной является связь языковых данных с данными этнографическими и демографическими. Этнические и языковые общности людей взаимосвязаны, поэтому уточнение методики исследования этой взаимосвязи, этнографическая интерпретация языковых явлений имеют прямое отношение к методам лингвистики. Наиболее распространенные приемы этнографической интерпретации — этнографическая группировка языков и языковых явлений, особенно диалектной лексики, а также выделение и характеристика «этногра-

¹ См.: Дегтерева Т. А. Пути развития современной лингвистики, кн. 2. М., 1962; Хойер Г. Антропологическая лингвистика. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4.

физмов» — особого пласта литературной лексики и языка художественной литературы.

Примером культурно-исторической интерпретации является социологическая периодизация истории литературного языка и установление связи истории литературно-письменного языка с историей деловой письменности и языком художественной литературы. Особенно распространены прием жанровой интерпретации лексических, синтаксических и морфологических явлений языка и прием стилистической характеристики, возникшие в связи с появлением нормативных грамматик и толковых словарей.

Методика истории отдельных слов состоит в том, что история значений какого-либо слова современного языка прослеживается в связи с историей обозначаемых им реалий и историей словарного состава языка. Например, в современном русском литературном языке прилагательное *красный* многозначно. Основные его значения связаны с обозначением цвета и принадлежности к революции; устаревшим и поэтически является значение «хороший, красивый, светлый». В древнерусском языке, напротив, основное значение слова *красный* — «красивый», «радостный» (ср., например, в плаче Ярославны: *Всем тепло и красно еси*); это значение известно и другим славянским языкам. Для обозначения красного цвета в древнерусском, как и в других славянских языках, использовалось прилагательное, образованное от существительного *червь* (*червлёный* и *червеный*), так как в средние века красная краска добывалась из червца.

Во второй половине XVII в. появляется прилагательное *красивый*; слово *красный* специализирует свое значение для обозначения цвета, вытесняя *червлёный*. Старое значение слова *красный* сохраняется лишь в качестве постоянного эпитета (*красная девица*, *красный молодец*, *красное солнце*), в составных терминах (*красная верба*, *красная рыба*) и топонимических названиях (*Красное Село*, *Красная площадь*). В конце XVIII — начале XIX в. прилагательное *красный* приобрело значение «революционный» — под влиянием французской буржуазной революции, когда красный цвет стал символом революционной борьбы, революционных идей. Особенно популярным это значение слова *красный* стало после Великой Октябрьской социалистической революции, когда оно уточнилось как обозначение всего связанного с революционной деятельностью, социализмом.

Текстологические приемы

Текстология¹, как вспомогательная историко-филологическая дисциплина, имеет своей целью изучить историю текста (литературного памятника или исторического документа), установить основной текст и его варианты (списки, редакции), авторство и время

¹ См.: Прохоров Е. И. Текстология. Принципы издания классической литературы. М., 1966; Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М. — Л., 1962; Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 3—13.

написания, подготовить текст в соответствии с типом издания. Начало текстологических исследований относится к далекому прошлому, особенно к александрийской эпохе, когда ученые восстанавливали текст гомеровских поэм. Русская текстология началась с расшифровки «темных мест» «Слова о полку Игореве», впервые изданного в 1800 г.

С течением времени менялись цели издания текстов, — менялись задачи и приемы и даже само название текстологии (филологическая критика, археография, герменевтика, экзегетика). Методика текстологической работы зависит от времени и сохранности памятника. Так, например, памятники древности и средневековья сохранились в ряде случаев в позднейших списках, и текстолог вынужден использовать приемы конъюнктуры, восстанавливая испорченные места или расшифровывая текст. Текстолог нового времени имеет в своем распоряжении печатные издания, в том числе последние прижизненные издания, и рукописи (черновые и белые, автографы, авторизованные копии и списки), поэтому их историко-сравнительное изучение является важнейшим этапом в работе текстолога-редактора. Текстолог не только регистратор- и классификатор, он в то же время историк широкого профиля.

Текстологическое исследование предполагает использование историко-сравнительного метода в особом его применении — при изучении списков и изданий одного и того же текста (или родственных текстов). Основными текстологическими приемами являются критика (рецензирование), атрибуция и интерпретация текста, а также классификация текстов (рукописей, изданий). Текстологические исследования требуют комплексного использования исторических, литературоведческих и лингвистических знаний.

Текстологическая интерпретация комплексная и сводится в итоге к установлению основного (канонизированного) текста и классификации списков или редакций. Практическим результатом текстологических разысканий является публикация произведения. Следует, однако, отметить, что издание исторических памятников и художественных произведений нового времени не учитывает в должной мере требований сохранения и воспроизведения всех языковых особенностей памятников, поэтому возникает потребность в разработке специального, лингвистического источниковедения.

Предмет лингвистического источниковедения — выявление, аннотирование и систематизация источников с точки зрения их лингвистической содержательности и информативности и разработка принципов и методики их эдического воспроизведения. Расширение круга источников, доведенных до исследователей языка, расширяет и углубляет эмпирическую базу лингвистики, делает теоретические построения фактически более доказательными.

§ 43. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Сравнительно-исторический и историко-сравнительный методы ограничиваются материалом родственных языков. Исторический аспект является ведущим и тогда, когда создаются исторические фонетики,

грамматики и лексикологии, и тогда, когда объясняется своеобразие современных родственных языков. При сопоставительном изучении исторический аспект не играет никакой роли: сопоставляться могут как родственные, так и неродственные языки.

Сравнительно-сопоставительное изучение языков и сопоставительный метод

Еще в XVII—XVIII вв. сопоставительное изучение языков привело к созданию двуязычных словарей и всеобщей грамматики. В. Гумбольдт обосновал необходимость не только сравнительно-исторического изучения родственных, но и типологического изучения всех языков мира.

Сравнительно-типологическое изучение языков дает возможность выявить структурные особенности различных языков: на его основании построена морфологическая классификация языков. При помощи сопоставительного метода изучаются степень и характер влияния одного языка на другой в результате исторических и территориальных контактов. Так, путем сопоставительного изучения грамматического строя болгарского, новогреческого, албанского и румынского языков выявлен ряд особенностей этого балканского союза языков — постпозитивный артикль, совпадение дательного и родительного падежей, образование будущего времени при помощи вспомогательного глагола *хотеть*, утрата синтетической формы инфинитива. Сопоставительное изучение отдельных языковых явлений помогает выявить их существенные признаки с точки зрения как всех сопоставляемых языков, так и каждого языка в отдельности.

Сопоставительный метод находит применение и в прикладных лингвистических дисциплинах — в теории и практике составления двуязычных словарей и перевода, в методике преподавания второго языка. В XX в. развитие многонациональных государств, культурные и экономические контакты между народами, необходимость изучения неродных языков обусловили появление двуязычных словарей и сопоставительных грамматик, в том числе практических грамматик (школьные учебники и самоучители).

В научных и практических грамматиках сопоставительная методика давно применялась наряду с описательной. В описательных грамматиках сопоставительная методика присутствовала в форме справок о некоторых отдельных явлениях изучаемого языка, как, например, в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова (1852).

Принципы и методика сопоставительных грамматик были сформулированы Е. Д. Поливановым («Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком», 1918, опубл. 1933) и Ш. Балли («Общая лингвистика и вопросы французского языка», 1932; рус. пер. 1955). В этих работах отразились два подхода к проблеме двуязычного сопоставления (конфронтации). Если Балли ставит перед собой задачу осветить своеобразие французского языка путем его сравнения с немецким языком, который выступает как рабочий прием, подчеркивающий

своеобразие французского языка, то Поливанов описывает русский язык и приводит параллели (эквиваленты) из узбекского.

При анализе двуязычия и языковых контактов, при обучении иностранному языку или переводе с него, при сопоставительном изучении двух языков возникают различные вопросы зависимой типологии языков. Один язык оказывается в центре внимания, а другой выступает в качестве средства изучения. Сопоставление дает возможность не только более четко вскрыть специфику изучаемых явлений в каждом языке, но и познать их общеязыковые или индивидуально-языковые свойства. Однако выводы и наблюдения ограничены фактами сопоставляемых языков, т. е. они индуктивны и зависят от предлагаемого материала.

Независимая типология языков потому и названа так, что сравнительно-типологическое изучение не ограничивается материалом отдельных языков, а предполагает охват как можно большего количества языков. Сопоставительное изучение языков непосредственно соприкасается с проблемами языка-эталона, типологической классификацией языков и языковых универсалий¹. Новые проблемы и цели исследования вносят изменения в приемы и методику анализа, которые могут быть сравнительно-сопоставительными и сравнительно-типологическими.

Сопоставительный метод — это система приемов и методики анализа, используемая для выявления общего (всеобщего) и особенного в сравниваемых языках. Сопоставительный анализ зависит от того, какие цели ставит перед собой исследователь, сколько языков он привлекает для сравнения и какой способ описания избирает. И тем не менее при сопоставительной методике сравнение языков лежит в основе изучения, что и объединяет все приемы в один метод-аспект.

Основные приемы сопоставительного изучения языков: установление оснований сопоставления, сопоставительная интерпретация и типологическая характеристика.

Установление основания сопоставления

Установление основания сопоставления по существу является определением предмета сопоставления, его характера, типов сопоставительного сходства и различия.

Чем больше сходных явлений, чем больше общих признаков, тем больше и различий. При отсутствии сходных явлений в двух или более языках сопоставительное изучение ограничивается констатацией этого различия. Так, обнаружение в готтентотском языке щелкающих согласных фонем только подчеркивает их отсутствие в русском языке, где подобные звуки встречаются лишь в подзывных

¹ Новое в лингвистике, вып. 3, с. 9—21; Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 516—560; Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969; Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970; Серебrenников Б. А. О лингвистических универсалиях. — «Вопросы языкознания», 1972, № 2; Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

«словах» (например, *цэ' - цэ'*). Напротив, наличие щелкающих фонем в готтентотском и бушменском языках дает возможность не только констатировать этот факт, но и сопоставительно исследовать щелкающие согласные фонемы.

Основание сопоставления устанавливается при помощи языкового и признакового сопоставления.

Прием языкового сопоставления состоит в том, что основой сопоставления выступает какой-то один язык. Выбор языка — основы сопоставительного изучения — обуславливается либо задачами исследования, либо степенью изученности сопоставляемых языков. Так, в прошлом при создании грамматик многих европейских языков за образец и основание сопоставления бралась латинская грамматика; сопоставительное изучение французского и латинского языков велось также в аспекте языковых универсалий. Позднее в качестве основания и объекта сравнения выступали французский и немецкий, а затем и английский и русский языки. Язык — основание сравнения — может рассматриваться или сам по себе, или как представитель какой-либо группы языков. Так, например, при создании морфологической классификации немецкий язык рассматривался как представитель флективных языков, и его сравнение с нефлективными языками привело к открытию агглютинативных, корневых и полисинтетических языков. В американской лингвистике при изучении индейских языков английский язык рассматривается как «европейский стандарт».

Прием признакового сопоставления состоит в том, что основанием сопоставления избирается какое-либо явление того или иного языка, признаки этого явления.

Количество и качество признаков у разных структурных элементов языка неодинаково. Поэтому различаются по своей природе и общие признаки, выступающие основанием сопоставления. Так, звуки речи имеют общие артикуляционные и акустические признаки. Однако количество их ограничено, поэтому сопоставительное и типологическое изучение звуков опирается на более простые и прочные основания. Сложнее обстоит дело с выбором основания сопоставления при изучении единиц, которые обладают материальными и идеальными (семантическими) признаками.

При исследовании двусторонних единиц возможны два подхода: формально-семантический и функционально-семантический. При формально-семантическом сопоставлении основанием сопоставления служат факты и явления материальной стороны языковых единиц, морфемы и их категории; сравнение может идти внутри одного уровня (например, формообразования) или захватывать межуровневые связи, которые уже на функционально-семантическом основании притягиваются к морфологически (или лексически) выраженному ядру. При функционально-семантическом сопоставительном изучении основанием сопоставления служат факты и явления идеальной стороны языковых единиц, исследование идет от значения к средствам его выражения, от форм одного языка к формам другого. Системы форм и значений противопоставляются друг другу лишь в начале исследования, ко-

нечный результат предполагает двустороннюю характеристику двусторонних единиц языка.

Каждый из подходов имеет свои слабые и сильные стороны, поэтому выбор их зависит от целей исследования и свойств изучаемых единиц. При формально-типологическом изучении мы исходим из задачи выявить общие формальные особенности (флективность, агглютинативность, аналитизм и т. п.), т. е. такое исследование ведется на формальном основании и преследует цель выявить типичность и специфику формальной стороны языковой структуры. При формально-сравнительном изучении фактов языка (например, при исследовании вида русского глагола или сложных слов в русском языке) мы идем от форм изучаемого языка, выявляя его специфику сопоставительно с формами другого языка. Если же целью исследования является языковая семантика, средства выражения той или иной мысли, то, естественно, исследователь предпочитает идти функционально-семантическим путем, выявляя семантические универсалии, их специфику в отдельных языках и специфику средств выражения общего и отдельного в разных языках.

Слова выражают понятия, объективно существующие, как и сами реалии, отражаемые мышлением; эта общность содержания как общелогическая структура понятия может выступать опорой для выделения признаков, на основе которых ведется сопоставительное изучение слов и их значений.

При сопоставлении явлений грамматического строя языка в качестве основания сравнения могут выступать общеграмматическое значение (значение предметности, времени и т. п.), синтаксическая функция (понимаемая семантически — как атрибутивность, субъектность и т. п.) и значение определенной формы языка (предлога или суффикса). Например, в грамматическом строе языков имеется общее значение предметности; оно лежит в основе имени существительного и поэтому может служить основанием сравнения существительных разных языков. Так, в китайском языке, как и в русском, существительные обозначают предметы (*гоу* — «собака», *фэн* — «ветер»); благодаря предметной направленности, имена существительные более конкретны, номинативны, чем числительные и прилагательные, а тем более глаголы, которые более «грамматичны». При этом словообразовательные, словоизменительные и синтаксические особенности слов, объединяемых на основе общеграмматического значения, весьма различны. Существительное китайского языка синтаксически характеризуется тем, что оно выражает субъектность и атрибутивность, сочетается с послелогами и не может без связки-глагола выразить предикат. Имя существительное русского языка легко обозначает субъектность и объектность, сочетается с предлогами, имея, кроме того, категории рода, падежа и числа, отличающиеся от соответствующих категорий имени прилагательного и глагола.

Языковое и признаковое сопоставления имеют свои преимущества и недостатки. Так, при помощи языкового сопоставления шире выявляются общие и отличительные особенности сопоставляемых языков; однако, поскольку основанием сопоставления выступает один

язык, у сопоставляемых языков обнаруживаются лишь те особенности, которые видны через язык, являющийся основанием сопоставления; те же особенности, которые специфичны для другого языка, остаются в тени. При помощи признакового сопоставления глубже выявляется различие сопоставляемых явлений; широкое привлечение фактов разных языков ведет к установлению универсальных (общезыковых) свойств и того, что является особенным в каждом языке. Следует отметить, что в лингвистической практике приемы признакового и языкового сопоставлений часто совмещаются, дополняя друг друга.

Сопоставительная интерпретация

Установление основания сопоставления хотя и дает направление исследованию, но не указывает, как вести сопоставительный анализ, какие применять приемы обработки сопоставительного материала, его интерпретации и получения теоретических выводов. Поэтому важным моментом сопоставительного изучения языков является определение принципов и методики интерпретации сравниваемого материала двух или нескольких языков.

Сопоставительная интерпретация осуществляется при помощи методики параллельного изучения, структурной интерпретации, в том числе типологической характеристики, и стилистической интерпретации.

Методика параллельного изучения состоит в том, что факты и явления сравниваемых языков изучаются в каждом языке с использованием приемов и методики описательного метода, а полученные результаты сопоставляются.

Так, с помощью позиционного анализа мы обнаружили ряд свойств русских глаголов *читать*, *владеть*, *бояться*, *ходить*, *спать*. Таким же путем мы можем проанализировать особенности немецких глаголов *lesen* (*vorlesen*), *haben* (*lenken*, *kennen*), *fürchten* (*Angst haben*), *gehen*, *schlafen*. Сопоставим сочетания этих глаголов с винительным времени: *eine Stunde (lang) lesen* — *читать час* (целый час, в течение часа); *eine Stunde (lang) Angst haben* — *бояться час*; *eine Stunde (lang) gehen* — *ходить час*; *eine Stunde (lang) schlafen* — *спать час*. С винительным времени различные глаголы легко сочетаются; специфика же языков проявляется в том, что в русском возможна синонимика с предложно-падежной формой (*ходить час* — *ходить в течение часа*, ср.: *ходить целый час*), а в немецком допустима, кроме того, синонимика с послеложнопадежной формой (*eine Stunde gehen* — *eine Stunde lang gehen*). Что же касается глагола *владеть*, то ему нет однозначной лексической параллели, и поэтому сочетаемость слов в данных языках будет различной: *ein Auto lenken*, *ein Auto haben* — *владеть автомашиной* (научиться управлять и иметь); ср. также: *für (auf) eine Stunde bekommen* — *владеть час*. Сочетанию с дательным падежом субъекта в инфинитивных предложениях соответствует конструкция «haben + zu + инфинитив». Так, предложению *Вам писать, мне поверять написанное* соответствует *Sie haben zu lesen, ich habe*

das Geschriebene zu korrigieren, а предложению *Ему читать* (он должен читать) — *Er hat zu lesen. Er soll (muß) lesen*. Подобные соответствия, подчеркивая специфику строя языков, подтверждают обусловленность в русском языке дательного падежа субъекта синтаксической конструкцией.

Параллельное изучение может проходить и на семантической основе. Возьмем, например, атрибутивные словосочетания, выражающие атрибутивные отношения и образующие формально связанные синтаксические единицы, которые варьируются по языкам. Так, в русском языке есть словосочетания *отцовский дом* и *дом отца*, отличающиеся друг от друга и семантически, и формально. *Отцовский дом* — словосочетание, где атрибутивность не соединяет два предметных понятия, почему прилагательное может получать не только относительное, но и качественное значение; зависимый член формально уподоблен определяемому члену, согласуясь в роде, числе, падеже. В словосочетании *дом отца* атрибутивность предметна, поэтому родительный падеж у одушевленных существительных приобретает притяжательное значение (ср.: *отцова шуба* — *шуба отца*); зависимый член стоит в одном и том же косвенном падеже, независимо от падежа главного члена (*дом отца*, *дома отца*, *дому отца* и т. п.). В данных словосочетаниях зависимый член (атрибут) находится обычно в определенной позиции: согласованный — перед определяемым членом, несогласованный — после определяемого слова.

В татарском языке соответствующими словосочетаниями являются: *ата йорты* — *отцовский дом* и *атаның йорты* — *дом отца*. Формальное различие состоит в том, что в обоих случаях зависимый член препозитивен, а также в том, что в татарском языке нет согласованного определения: существительное *ата* примыкает к семантически господствующему слову *йорт*, которое получает формальный показатель связи слов *-ы*. Кроме того, поскольку нет развитой категории имени прилагательного, в качестве примыкающего атрибута могут выбираться разные производные существительные в зависимости от содержания словосочетания: *ата йорты* — *отцовский дом*, но *аталык мәхәбәтә* — *отцовская любовь* (где *аталык* — *отцовство*; от *ата* — *отец*). Ср. также: *бала тавышы* — *детский голос* (*бала* — *дитя*, *ребёнок*), *балалар бакчасы* — *детский сад* (*балалар* — *дети*), *балалык еллари* — *детские годы* (*балалык* — *детство*).

В немецком языке словосочетаниям русского и татарского языков *отцовский дом* — *ата йорты* и *дом отца* — *атаның йорты* соответствует только одно *das Haus des Vaters* (сочетание *das väterliche Haus* встречается очень редко). Связь между членами словосочетания осуществляется при помощи флексии и артикля, причем зависимый член стоит в одном и том же падеже: *das Haus des Vaters* — *дом отца*, *des Hauses des Vaters* — *дома отца*, *dem Haus des Vaters* — *дому отца* и т. п. Сочетания *отцовская любовь* и *шуба отца* имеют одно и то же соответствие — *der Pelzmantel des Vaters*. В то же время двузначность сочетания *отцовская любовь* выражается разными соответствиями: *die Liebe des Vaters* — *любовь отца* и *die väterliche Liebe* — *любовь как у отца*. Кроме того, особенностью немецкого языка является также

то, что на месте некоторых (непритязательных) словосочетаний русского языка мы находим сложное слово: *die Kinderstimme* — детский голос, *der Kindergarten* — детский сад, *die Kinderjahre* — детские годы, *ein Kindergesicht* — детское лицо (лицо ребенка). Однако в случае переносного значения первого компонента (в значении «как») сложному слову соответствует словосочетание: *eine kindliches Gesicht* — детское лицо (взрослого), *das kindliche (kindische) Benehmen* — детское поведение (взрослого).

Методика параллельного изучения, опирающаяся на формальное и семантическое основания сопоставления, не только устанавливает соответствия между языками, но и обнаруживает общие и особые черты (отличия могут проявляться в том, что в двух языках нет общих черт; возможно и более тонкое отличие, так как общие черты могут отличаться по их месту в структуре языка и языковой нормы). Отличия изучаются при помощи методики структурной и стилистической интерпретации.

Сопоставительное изучение звуков речи разных языков помогает лучше уяснить систему фонем каждого языка, осознать фонологическое значение акустических и артикуляционных различий отдельных звуков. Так, сопоставительное изучение длительности гласных в русском и немецком языках подчеркивает, что в русском языке, в отличие от немецкого, длительность гласного не имеет фонологического значения: разное произнесение фонемы ⟨e⟩ в русских словах *клетка* и *клеть* обусловлено позицией, тогда как во французском языке различие между гласными среднего подъема (3 и 4-я степень поднятия языка) имеет фонологическое значение.

Установление функционального различия в лексике разных языков имеет большое значение для уяснения природы лексического значения слова. Так, в русском языке слово *ручка* имеет ряд значений: 1) часть предмета, за которую его держат или берут рукой (*дверная ручка*); 2) письменная принадлежность — палочка, в которую вставляется перо (*автоматическая ручка* — *авторучка*) и др. В других языках мы находим различные соответствия этим значениям:

рус.	болг.	польск.	нем.	англ.	фр.	тат.	макс.
<i>ручка</i> (дверная)	<i>ръчка</i>	<i>klamka</i>	<i>Klinke</i>	<i>door-knob</i>	<i>poignée</i>	<i>тотка</i>	<i>азикер</i>
<i>ручка</i> (для пера)	<i>перо-ръчка</i>	<i>obsadka</i>	<i>Federhalter</i>	<i>penholder</i>	<i>porte-plume</i>	<i>ручка</i>	<i>ручка</i> (хаснэкер)
<i>рука</i>	<i>ръка</i>	<i>ręka</i>	<i>Hand (Arm)</i>	<i>hand (arm)</i>	<i>main</i> (bras)	<i>кул</i>	<i>кат</i>

Эти соответствия показывают, что связь между значениями у слов не понятийная, а языковая. В понятии «ручка» — письменная принадлежность — нет признаков понятия «ручка» — ручка двери (хотя в процессе развития связь между значениями может понятийно осмыслиться). Поэтому сопоставительное изучение лексики помогает понять специфику значений слов в системе языка.

Функциональное своеобразие обнаруживается также в области грамматического строя, например в области суффиксального слово-

образования. Так, если в немецком языке имеется только один суффикс существительных, обозначающих лиц женского пола *-in*¹, в русском языке таких суффиксов несколько: *-к-* (*-анк-*, *-енк-*), *-иц-* (*-ниц-*, *-шиц-*, *-чиц-*), *-их-*, *-ух-*, *-иш-*, *-ж-*. Поэтому соответствие *рыбак* — *рыбачка* и *der Fischer* — *die Fischerin* не вскрывает структурной особенности суффикса *-к-*, так как в русском языке *-к-* находится в системе суффиксов со значением женского пола; эта связь не может не быть учтена при характеристике суффикса *-к-*, тогда как в немецком языке такой структурной характеристики нет: *Moskauerin* — *москвичка* (*Moskauer* — *москвич*), *Französin* — *французженка* (*Franzose* — *француз*), *Sängerin* — *певица* (*Sänger* — *певец*), *Schriftstellerin* — *писательница* (*Schriftsteller* — *писатель*), *Häsin* — *зайчиха* (*Hase* — *заяц*), *Schneiderin* — *портниха* (*Schneider* — *портной*) и т. п.

Сопоставление русских фактов с фактами других языков, где есть также несколько суффиксов, обозначающих лица женского пола, еще нагляднее подчеркивает структурно-функциональное различие языков. Сравним, например, русские формы с болгарскими: *рыбачка* — *рыбарка*, *французженка* — *французойка* (*француз* — *французин*, *френец*), *певица* — *певица* и *певачка* (в заведении), *писательница* — *писателка*, *портниха* — *шивачка* (*портной* — *шивач*), *старуха* — *старичка* (*старик* — *старец*). Поскольку русский и болгарский языки близкородственные, достольку многие суффиксы совпадают; исключения немногочисленны (например, суффикс *-ойк-* заимствован из румынского языка). Однако существует заметное функциональное различие общих суффиксов. Если слова *богиня*, *героиня*, *графиня* общие для обоих языков, то такие болгарские слова, как *домакия* — *хозяйка*, *рускиня* — *русская*, *плукиня* — *пловчиха*, *чехкиня* — *чешка* и т. п., свидетельствуют о продуктивности суффикса *-ин'* в болгарском языке. Также более продуктивен и суффикс *-к-*: *участничка* (наряду с *участница*), *ученичка* (а не *ученица*), *учителка* (а не *учительница*) и т. п.

Сопоставительная методика и типологические исследования

Сопоставительное изучение языков непосредственно связано с проблематикой языковой типологии и лингвистических универсалий. Языковая типология изучается при помощи сопоставительной методики. Своеобразие ее применения заключается во всеобщем охвате языкового материала и широком использовании классификационного приема.

Типологические классификации языков — комплексные и сложные, они построены на учете ряда признаков, которые реализуются в отдельных языках и группах языков с различной полнотой. В языковедении наиболее распространены классификации по ведущему признаку: морфологическая и синтаксическая.

¹ Суффикс *-in-* функционально тождествен полусуффиксу *-frau*: *Ehefrau* — *супруга* (*Ehemann* — *супруг*), *Zeitungsfrau* — *газетчица* (*Zeitungsmann* — *газетчик*).

Морфологическая классификация основывается на строении слова, на учете характера морфем и способа их соединения при словообразовании и словоизменении слов. Это классификация Шлегеля — Гумбольдта, усовершенствованная Шлейхером, Штейнталем, Мистели, Фиком и особенно Сепиром. Сепир, сохраняя в качестве ведущего признака способ соединения морфем в слове, дополнил его еще двумя признаками — учетом техники соединения корня и аффиксов и степени синтетизма (анализизм, синтетизм, полисинтетизм). Синтаксические классификации Мещанинова, Милевского, Базеля основываются на строении предложения, рассматриваемого с точки зрения выражения таких общеязыковых семантических отношений, как предикативные, объектные и атрибутивные; по способу выражения этих отношений выделяются морфологические подтипы (аморфный, синтаксико-морфологический и т. п.).

Цель применения типологической методики — выявить не только общие и всеобщие черты языковой структуры, но и ожидаемое варьирование ее и специфику структуры отдельных языков — их типологическую характеристику. Прием типологической характеристики состоит в том, что каждый новый (изучаемый) язык относится к тому или иному типу языка, обладающему набором ведущих и дополнительных признаков, определяются типичные и нетипичные признаки изучаемого языка и устанавливается его место в типологической классификации и своеобразии. Типологические характеристики являются многомерными и допускают соединение дедуктивной и индуктивной методик, в том числе количественной.

Типологическое изучение вскрывает не только общие, но и всеобщие свойства языка, которые могут быть результатом генетических, ареальных и типологических совпадений. Изучение всеобщих свойств языка было предметом всеобщей рациональной грамматики; в наши дни возникла лингвистика универсалий, разрабатываемая Гринбергом, Колшанским и другими учеными. Лингвистика универсалий изучает универсальность как самих явлений языка, так и методики описания языков.

В отличие от конкретно-предметной типологии, лингвистика универсалий занимается языком вообще (языком-эталонном), пытаясь определить, что может и чего не может быть в языке, интересуясь не только обычными, но и единичными случаями исключений в универсальных закономерностях. Язык понимается как пересечение признаков, которые ограничены в «естественных» языках. Особый интерес представляет систематика возможных типов универсалий, составление свода универсалий: дедуктивные и индуктивные, полные и неполные (статистические), синхронические и диахронические, языковые и речевые и т. п.

Методика лингвистики универсалий основывается на классификационных приемах и мысленном эксперименте, при котором комплексно используются различные методики, причем восхождение от всеобщего идет нередко непосредственно к единичному, минуя общее, свойственное «естественному» языку. Универсальность метода изучения языка усматривается в преимущественности метода описания. Поэтому

методика универсалий сводится в значительной степени к выявлению принципов описания и изучения инвариантных свойств языка, выбору универсальных дефиниций, разработке символического метаязыка. Нередко лингвистика универсалий соприкасается с математическим описанием и, реже, с приемами изучения языка, т. е. логико-математическим моделированием и количественной типологией.

Наряду с абстрактно-инвариантной методикой и изучением возможностей языка вообще в лингвистике существует методика, опирающаяся на реальный языковой материал и классифицирующая его, совмещающая индуктивные и дедуктивные пути познания языков, которые обнаруживают не только всеобщее и общее, но и особенное и отдельное, причем «именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»¹. Языкознание как наука о языке в конкретном смысле этого слова изучает не столько всеобщие свойства знаковых систем, сколько всеобщие, общие и частные свойства реальных языков, их функционирование и развитие.

Библиография

- Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.
Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. Л., 1963, с. 35—106.
Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.
Макаев Э. А. Реконструкция индоевропейского этимона. — «Вопросы языкознания», 1967, № 4.
Шанский Н. М. О реконструкции промежуточных словообразовательных звеньев. — «Филологические науки», 1962, № 4.
Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.
Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. — В кн.: Вопросы общего языкознания. М., 1964, с. 54—60.
Чикобава А. С. Сопоставительное изучение языков как метод исследования и как метод обучения. — «Русский язык в национальной школе», 1957, № 6.
Панфилов В. З. О задачах типологических исследований и критериях типологической классификации языков. — «Вопросы языкознания», 1969, № 4, с. 3—15.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА²

- К главе 1: Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, с. 7—51; Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, с. 149—319; Кобиланский Б. В. Короткий обзор истории мовознавства. Київ, 1964, с. 3—35; Agens H. Sprachwissenschaft. München, 1955, S. 5—132; Robins R. H. A short history of linguistics. L., 1967, p. 9—132; Mounin G. Histoire de la linguistique. P., 1967, p. 17—51.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 12, с. 711.

² Условные сокращения: ВЯ — «Вопросы языкознания», ИЯШ — «Иностранные языки в школе», ОЛЯ — «Отделение языка и литературы АН», РЯШ — «Русский язык в национальной школе», РЯШ — «Русский язык в школе», СЛЯ — серия литературы и языка, ФН — «Филологические науки» (Научные доклады высшей школы).

Звегинцев В. А. История арабского языкознания. М., 1958; Габучан Г. А. К вопросу об арабских грамматических учениях. — В кн.: Семитские языки. М., 1963; P a n d i t M. D. Some linguistic principles in Pānini's grammar. — «Indian linguistics», 1963, vol. 24; K a t r e S. M. Pānini studies, vol. 1. Poona, 1967; Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, Hft 1—2. Berlin, 1862—1891;

Белов А. И. У истоков русской грамматики. — «Уч. зап. Мичуринского пед. ин-та», 1958, вып. 5; I s i n g E. Die Herausbildung der Grammatik der Volkssprachen im Mittel- und Osteuropa. Berlin, 1970; D o n z é R. La grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Berne, 1967.

К главе 2: Дельбрюк Б. Введение в изучение языка. — В кн.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904; Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, с. 51—107, 117—136;

Кобиланский Б. В. Короткий обзор истории мовознавства. Київ, 1964, с. 36—99; Агэнс Н. Sprachwissenschaft. München, 1955, S. 139—151, 403—422; R ó b i n s R. H. A short history of linguistics. L., 1967, p. 133—197; M o u n i n G. Histoire de la linguistique. P., 1967, p. 152—201; Венеš В. Wilhelm von Humboldt, Jacob Grimm, August Schleicher. Winterthur, 1958; Себеок Т. А. Portrait of linguists, vol. 1. Bloomington & London, 1966, p. 1—37, 71—260, 311—394; Z e l l e r O. Problemgeschichte der vergleichenden (indogermanischen) Sprachwissenschaft. Osnabrück, 1967; Zum 150. Geburtstag von Franz Bopp, Begründer der Sprachwissenschaft. Berlin, 1969; Telegdi Zs. Zur Geschichte der Sprachwissenschaft («Historische Grammatik»). — «Acta linguistica», 1966, T. 16, fasc. 3/4;

Steinthal H. Die Sprachwissenschaft W. von Humboldts und Hegelsche Philosophie. Berlin, 1948; L a u e n e r H. Die Sprache in der Philosophie Hegels. Bern, 1962; B r o w n R. L. W. von Humboldt's conception of linguistic relativity. Mouton, The Hague — Paris, 1967; M i l l e r R. L. The linguistic relativity principle and Humboldtian ethnolinguistics. Mouton, The Hague — Paris, 1968; T e l e g d i Zs. Humboldt als Begründer der Sprachtypologie. — In: Theoretical problems of typology and the Northern European languages. Budapest, 1970.

К главе 3: Гагкаев К. Е. Курс лекций по истории языкознания. Одесса, 1957, с. 89—117; Шпехт Ф. Индоевропейское языкознание от младограмматиков до первой мировой войны. — В кн.: Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956; Агэнс Н. Sprachwissenschaft. München, 1955, S. 252—337, 352—388; Себеок Т. А. Portraits of linguists, vol. 1. Bloomington & London, 1966, p. 399—580; J a n k o w s k y K. P. The Neogrammarians. Mouton, 1972, p. 124—187; H a s e l b a c h G. Grammatik und Sprachstruktur. Karl F. Beckers Beitrag zur allgemeinen Sprachwissenschaft in historischer und systematischer Sicht. Berlin, 1966; Витман В. Die Sprachtheorie Heymann Steinthals. Meisenheim am Glan, 1965.

К главе 4: Богородицкий В. А. Казанская лингвистическая школа. — «Труды МИФЛИ», 1939, т. 5; Коухов В. И. Казанская лингвистическая школа. — «Уч. зап. Казанского пед. ин-та», 1971, вып. 96; Леонтьев А. А. И. А. Будун де Куртенэ и петербургская школа русской лингвистики. — ВЯ, 1961, № 4; Слюсарева Н. А. Теория языковедов казанской школы и идеи Ф. де Соссюра. — «Труды Самаркандского ун-та», 1970, вып. 174; Черепанов М. В. Язык как система в понимании Н. В. Крушевского. — «Уч. зап. Глазовского пед. ин-та», 1958, вып. 7; H ä u s l e r F. G. Das Problem Phonetik und Phonologie bei Vauclouin de Courtenay und in seiner Nachfolge. Halle (Saale), 1968;

Маловицкий Л. Я. Московская лингвистическая школа. — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1967, т. 354; К а ц н е л с о н С. Д. Теория сонантов Ф. Ф. Fortunatova и ее значение в свете современных данных. — ВЯ, 1954, № 6; «Изв. АН», ОРЯС, 1920, т. 25, статьи С. И. Бернштейна, Е. Ф. Будде, В. В. Виноградова, М. Г. Долобо, Н. Н. Дурново, Е. Ф. Карского; Белов А. И. Грамматическая система акад. А. А. Шахматова. — «Уч. зап. Орехово-Зуевского пед. ин-та», 1956, т. 3, вып. 2;

Слюсарева Н. А. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра. Автореферат докт. дисс. М., 1968; Т о л м а ч е в а З. А. Ф. де Соссюр, истоки и следствия его лингвистической теории. Рига, 1967; P o g g e r K. Kritischer Versuch über De Saussure's Cours générale. — «Zeitschrift für romanische Philologie», 1941, Bd 61, Hft 3/4; W e l l s R. De Saussure's system of linguistics. — «Word», 1947, vol. 3, No. 1—2; V i n j a V. F. De Saussure «Kurs opće lingvistike» i sociološke škola. — «Suv-

remena lingvistika», Zagreb, 1963, br. 2; G o d e l R. F. De Saussure's theory of language. — In: Current trends in linguistics, vol. 3. The Hague, 1966; H e l b i g G. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Leipzig, 1970, S. 33—46.

К главе 5: Хауген Э. Направления в современном языкознании. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960; Хойер Г. Антропологическая лингвистика. — Там же, вып. 4. М., 1965; А х м а н о в а О. С. Основные направления лингвистического структурализма. М., 1955;

Кобиланский Б. В. Короткий обзор истории мовознавства. Київ, 1964, с. 106—149; I v i č M. Praveci u lingvistici. Ljubljana, 1963, s. 45—169; Агэнс Н. Sprachwissenschaft. München, 1955, S. 403—522; Себеок Т. А. Portraits of linguists, vol. 2. Bloomington & London, 1966, p. 77—86, 122—147, 323—358, 474—496, 504—521, 526—554; Christensen B. W. Glossématique, linguistique fonctionnelle, grammaire générative et stratification du langage. — «Word», 1967, vol. 23, No. 1—3; H e l b i g G. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Leipzig, 1970, S. 46—350;

V a c h e k J. A Prague school reader in linguistics. Bloomington, 1964; Roman Jakobson: a bibliography of his writings. Mouton, 1971;

Фриз Ч. «Школа» Блумфилда. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965; Мюллер Г. Языкознание на новых путях (Дескриптивная лингвистика в США). — В кн.: Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956; Бельгий В. В. Из истории становления индоевропейской лингвистики. — ФН, 1968, № 1;

Спанг-Хансен Х. Глоссематика. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965; Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева. — Там же, вып. 1. М., 1960; Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, с. 152—168; Рамншвилл Г. В. Исходные принципы Копенгагенской школы структурализма. Тбилиси, 1968.

К главе 6: Дегтерева Т. А. Развитие методов и общей проблематики в советском языкознании. — В кн.: Принципы научного анализа языка. М., 1959; Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики. — ИЯШ, 1972, № 4;

Русское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете. Под ред. Н. А. Мещерского. Л., 1971; Жирмунский В. М. Итоги изучения романских и германских языков в СССР за 20 лет. — «Изв. АН СССР», Отд. общ. наук, 1937, № 5; Бубрих Д. В. Тридцать лет финноугроведения. — В кн.: Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск, 1948; Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР. М., 1968; Шарбатов Г. Ш. Арабистика в СССР. Филология. М., 1959; Кузнецова Н. А. и Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. М., 1970;

Агэнс Н. Sprachwissenschaft. München, 1955, S. 413—423, 458—465; Current trends in linguistics, vol. 1. The Hague, 1963; M i l i v o j e v i č D. D. Current Russian phonemic theory, 1952—1962. Mouton, 1970; A n g e r e J. Zur paläosibirischen Linguistik in der Sowjetunion. — «Finnisch-ugrische Forschungen», 1966—1967, Bd 36, Hft 3; A d m o n i W. G. Germanistik in der Sowjetunion. — «Colloquia Germanica», 1969, № 2; P a r p F. Mathematical linguistics in the Soviet Union. Mouton, 1966; H e l b i g G. Zur Entwicklung der strukturellen Linguistik in der Sowjetunion. — In: Probleme der Sprachwissenschaft. The Hague, 1971;

К «Введению» (ч. 2): Ломтев Т. П. Язык и речь. — «Вестник МГУ», серия 7, 1961, № 4; Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка. — ВЯ, 1963, № 3; Левичкий Ю. А., Петров Г. В. Термины «язык» и «речь» в современном языкознании (их истолкование в метаязыке лингвистики). — «Вестник МГУ», серия 10, 1968, № 6;

Рубинштейн С. Л. К вопросу о языке, речи и мышлении. — ВЯ, 1967, № 2; Тезисы докладов Межвузовской конференции на тему «Язык и речь». М., 1962; Волков А. Г. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы языка и речи Ф. де Соссюра. — «Вестник МГУ», серия 7, 1964, № 2; Скребнев Ю. М. О разграничении и противопоставлении понятий «язык» и «речь». — «Уч. зап. Башкирского ун-та», 1964, вып. 15, № 6; Турыгина Л. А. Статистическая интерпретация антиномии язык и речь. Л., 1970;

Демьяненко О. Ф. Мова і мовлення. Київ, 1966; Levin S. R. Langue and parole in American linguistics. — «Foundations of language», 1965, vol. 1, No. 2; H e g e r K. Die Semantik und die Dichotomie von Langue und Parole. — «Zeitschrift für romanische Philologie», 1969, Bd 85, Hft 1/2.

К главе 7: Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, с. 12—77; Аветян Э. Г. Природа лингвистического знака. Ереван, 1968; Волков А. Г. Язык как система знаков. М., 1966;

Волков А. Г. и Хабаров И. А. К вопросу о природе языкового знака. — «Вопросы философии», 1959, № 11 (см. также статьи Т. П. Ломтева — 1960, № 7, и Г. В. Колшанского — 1960, № 5); Пазухин Р. В. О месте языка в семиотической классификации. — ВЯ, 1968, № 3; Трофимов М. И. Об аналогии между языком и стенографией. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968; Zeichen und System der Sprache, Bd 1—2. Berlin, 1961—1962.

К главе 8: Черепанов М. В. Язык как система в понимании Н. В. Крушевского. — Уч. зап. Глазовского пед. ин-та, 1958, вып. 7; Макаев Э. А. Понятие системы языка. — Уч. зап. МГПИИЯ, 1957, т. 11; Горнунг Г. В. О характере языковой структуры. — ВЯ, 1959, № 1; Горнунг Г. В. Понятие системы в синхронии и диахронии. — ВЯ, 1962, № 4; Евдошенко А. И. Проблема структуры языка. Кишинев, 1967; Щур Г. С. О терминах «поле» и «система» в лингвистике. — В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967;

Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967; Система и уровни языка. М., 1969; Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969;

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960; Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960; Якобсон Р. О., Фант Г. М. и Халле М. Введение в анализ речи. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2. М., 1962; Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 120—199;

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 200—385; Ес-персен О. Философия грамматики. М., 1968; Мещанинов И. И. Части речи и члены предложения. М.—Л., 1945; Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961; Вопросы грамматического строя. М., 1958; Исследования по общей теории грамматики. М., 1968; Адмони В. Г. Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании. — ВЯ, 1971, № 5;

Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963; Винокур Г. О. Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 397—418; Кудухов В. И. О формообразующей основе. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1963, т. 248; Лыков А. Г. Об основе слова. — ФН, 1970, № 4; Маслов Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема». — Уч. зап. ЛГУ, 1961, № 301, вып. 60; Милославский И. Г. К вопросу о морфеме как значимой единице языка. — ФН, 1969, № 2; Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова. — ФН, 1971, № 6; Biegwisch M. Über den theoretischen Status des Morphems. — In: Studia grammatica, Bd 1. Berlin, 1965;

Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963; Коротков Н. Н. и Панфилов В. З. О типологии грамматических категорий. — ВЯ, 1965, № 1; Докулид М. К вопросу о морфологической категории. — ВЯ, 1967, № 6; Хаймович Б. С. О грамматической категории. — ФН, 1969, № 2; Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968; Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969; Медников Э. М. К вопросу о лексико-морфологических категориях. — ВЯ, 1971, № 5; Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий. — ВЯ, 1967, № 2; Лосев А. Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1965, № 234;

Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории. М., 1963; Сизова И. А. Что такое синтаксис. М., 1966;

Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971; Золотова Г. А. О синтаксической форме слова. — В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969; Прокопович Н. Н. К вопросу о простых и сложных словосочетаниях. — ВЯ, 1959, № 5; Филичева Н. И. Принципы систематизации словосочетаний. — «Вестник МГУ», серия 10, 1970, № 1; Гроот А. В., де. Классификация групп слов. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972; Холодович А. А. К вопросу о группировке

слов в предложении. — Уч. зап. ЛГУ, 1961, № 301, вып. 60; Мещанинов И. И. Структура предложения. М.—Л., 1963; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971; Крючков С. Е., Максимова Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969; Ярцева В. Н. Предложение и словосочетание. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955; Адмони В. Г. Типология предложения. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968; Костинский Ю. М. Вопросы синтаксической парадигматики. — ВЯ, 1969, № 5; Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения. — ФН, 1969, № 5; Schlesinger I. M. Sentence structure and the reading process. Mouton, 1968;

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 394—455; Супрун А. Е. Лекции по языкознанию. Минск, 1971, с. 49—72; Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968; Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, с. 48—78; Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов. Л., 1955; Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов. — В кн.: Эзиковедские исследования в честь на акад. Ст. Младенко. София, 1957; Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957; Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964; Качнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965; Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969;

Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967; Кузнецов П. С. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. — «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1962, т. 11, вып. 1; Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955; Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1967, гл. «Из истории морфонологических учений»; Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. О статусе морфонологии и единицах ее описания. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969;

Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952; Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 386—393; Шанский Н. М. Основы словообразовательного анализа. М., 1953; Головин Б. Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1959; Моисеев А. И. Из истории понятий и терминов словообразования. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965; Словообразование современного русского литературного языка. М., 1966 и 1968; Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, с. 147—193; Волоцкая Э. М. Опыт описания системы словообразовательных значений. М., 1968; Семириков Э. В. Проблематика словообразовательных гнезд слов. — Уч. зап. МГПИИЯ, 1968, т. 46;

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — В кн.: Труды юбилейной сессии ЛГУ, серия филол. наук. Л., 1946; его же. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В кн.: А. А. Шахматов. М.—Л., 1947; Кунин А. В. Некоторые вопросы английской фразеологии. — В кн.: Англо-русский фразеологический словарь. М., 1956; Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. — Уч. зап. ЛГУ, 1956, № 198, вып. 24; Ожегов С. И. О структуре фразеологии. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 2. М., 1957; Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963; Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Изд. 2. М., 1969; Амосова Н. Н. Современное состояние и перспективы фразеологии. — ВЯ, 1966, № 3; Жуков В. П. Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет. — ВЯ, 1967, № 5; Архангельский В. Л. Методы фразеологических исследований в отечественном языкознании (60-е годы XX в.). — В кн.: Вопросы лексикологии и фразеологии современного русского языка. Ростов-на-Дону, 1968.

К главе 9: Мышление и язык. М., 1957; Ардентов Б. П. Мысль и язык. Кишинев, 1965; Сотмикян П. А. Основные проблемы языка и мышления. Ереван, 1968; Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968; Исмаилов Б. Язык и познание. Ташкент, 1969;

Абаев В. И. Язык как идеология и язык как техника. — В кн.: Язык и мышление, вып. 2. Л., 1934 (ср.: вып. 11. М., 1948, с. 13—28); Фессалоницкий С. А. Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления. — ВЯ, 1953, № 3; Шедровицкий Г. П. «Языковое мышление» и его анализ. — ВЯ, 1957, № 1; Рубинштейн С. Л. К вопросу о языке, речи и мышлении. — ВЯ, 1957, № 2; Архангельский Л. М. Практика — основа единства языка и мышления. — «Уч. зап. Уральского ун-та», 1957, вып. 21; Кодохов В. И. Абстрагирование в языке. — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1958, т. 165; Ребене Я. К. О влиянии языка на категориальную структуру мышления. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1968, вып. 212, № 11;

Новое в лингвистике, вып. 2. М., 1962, с. 9—136; Бэнков А. Мысленный язык. София, 1960; Brunot F. La pensée et la langue. P., 1936; Carrol J. V. Language and thought. N. Y., 1964; Frey G. Sprache — Ausdruck des Bewußtseins. Stuttgart, 1965; Deese J. The structure of associations in language and thought. Baltimore, 1965.

К главе 10: Аврорин В. А. Ленинские принципы языковой политики. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970; Исаев М. И. Осуществление ленинской языковой политики в советском многонациональном государстве. — «Изв. АН СССР», СЛЯ, 1970, т. 29, вып. 2; Суник О. П. Некоторые проблемы языкового строительства в СССР. — ВЯ, 1971, № 6.

Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, с. 204—289; Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971; Language in culture. Ed. by H. Holjer. Chicago, 1954; Cohen M. Pour une sociologie du langage. P., 1956; Language in culture and society. Ed. by D. Hymes. N. Y., 1964; Carrell A. Studies in socio-linguistics. Mouton, 1966; Labov W. The social stratification of English in New York City. Washington, 1966; Hauge E. Dialect, Language, Nation. — «American Anthropologist», 1966, vol. 68, № 4; Readings in the sociology of language. The Hague, 1968;

Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971; Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы. — В кн.: Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. М., 1966, с. 226—235; Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, с. 9—32; Коготкова Т. С. Литературный язык и диалекты. — В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970;

Вопросы формирования русской народности и нации. М.—Л., 1958; Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962; Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, т. 1—2. М., 1955—1959; Бараников П. А. О сложении национального языка хиндустани. — «Уч. зап. ЛГУ», 1954, № 179, вып. 4; Султанов А. Ф. Проблема формирования национального языка в Египте. — ВЯ, 1955, № 6; Шарбатов Г. В. Проблема соотношения арабского литературного языка и современных арабских диалектов. — В кн.: Семитские языки, вып. 2, ч. 1. М., 1965; Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Америки. М., 1970; Исаев М. И. Сто тридцать равноправных. О языках народов СССР. М., 1970; Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969; Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968; Борович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. — ВЯ, 1967, № 1; Мельничук О. С. Сучасні проблеми марксистсько-ленінського розуміння розвитку і взаємодії мов світу. — В кн.: В. І. Ленін і розвиток національних мов. Київ, 1971; Coseriu E. Systema, norma e «parola». — «Studi linguistici in onore di Vittore Pisani», v. 1. Madrid, 1969.

К главе 11: Супрун А. Е. Лекции по языкознанию. Минск, 1971, с. 93—117; Андреева Л. А., Занько С. Ф. Проблемы языкового развития в современной лингвистике. Казань, 1970; О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960; Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963; Жирмунский В. М. О синхронии и диахронии в языкознании. — ВЯ, 1958, № 5; Кубрякова Е. С. О понятиях синхронии и диахронии. — ВЯ, 1968, № 3; Sommerfelt A. Diachronic and synchronic aspects of language. 'S—Gravenhage, 1962; Lehmann W. P. Historical linguistics. N. Y., 1962; Malmerg B. Synchronie et diachronie. Bucaresti, 1967.

Общее языкознание. М., 1970, с. 285—298; Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, с. 204—248; Верещагин Е. М. Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов. — ВЯ, 1967, № 6; Серебренников Б. А. О взаимодействии языков. — ВЯ, 1955, № 1; Ильяшенко Т. П. Языковые контакты. М., 1970, с. 11—54; Жлуктенко Ю. О. Мовні контакти. Київ, 1966; Weiprich U. Languages in Contact. Mouton, The Hague, 1963; Schönfeld K. H. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle (Saale), 1956;

Абаев В. И. История языка и история народа. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952; Черных П. Я. История языка, грамматика и филология. — «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, 1959, № 3; Косман Л. С. Проблема связи языка и культуры. — «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3; Десницкая А. В. Об историческом содержании понятия «диалект». — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970; Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966;

Виноградов В. В. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания. — ВЯ, 1962, № 2; Гухман М. М. Родство языков и внутренние законы их развития. — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН», 1953, № 5; Серебренников Б. А. К выяснению сущности внутренних законов развития языка. — Там же; Жирмунский В. М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии. — Там же, 1954, т. 4; Звегинцев В. А. Внутренние законы развития языка. М., 1954; Рот А. М. К вопросу о внутренних законах развития языка. — «Науч. зап. Ужгородского ун-та», 1959, т. 34;

Киселев В. П. О причинах развития языка. — «Уч. зап. Горьковского пед. ин-та», 1958, т. 24; Звегинцев В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963; Кацнельсон С. Д. Прогресс языка в концепциях индоевропеистики. — «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1940, № 3; Степанов Ю. С. Принцип детерминизма в современном языкознании. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

К главе 12: Спирикин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1966, с. 190—272; Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969; Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; Французова Н. П. Исторический метод в научном познании. М., 1972; Кодохов В. И. Методология науки и методы лингвистического исследования. — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1967, т. 354;

Сивоконь П. Е. Методологические проблемы естественнонаучного эксперимента. М., 1968; Рывкина Р. В. Роль и значение эксперимента в общественных науках. — «Вопросы философии», 1964, № 5; Вальт Л. О. О роли мысленного эксперимента в развитии научной теории. — В кн.: Логика и методология науки. М., 1967;

Штофф В. А. Моделирование и философия. М.—Л., 1966; Моделирование как метод научного исследования. М., 1965; Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971, с. 206—265; Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. М., 1971;

Дынин Б. С. Взаимосвязь наблюдения, теории и эксперимента в физике. — В кн.: Человек, творчество, наука. М., 1967; Скулин П. Г. Эмпирическое и теоретическое в познании общественных явлений. — В кн.: Проблемы познания социальных явлений. М., 1968; Зеленов Л. А. и Макарычев С. П. Экстраполяция и эксперимент. — «Вопросы философии», 1967, № 4.

К главе 13: Арутюнова Н. Д. О структурных и традиционных методах в грамматике. — ФН, 1963, № 4; Адмони В. Г. О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю. — ВЯ, 1961, № 2; Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966, с. 41—96.

Studies in linguistic analysis. Oxford, 1957; Schauwecker L. Die Sprachwissenschaftliche Methode. Tübingen, 1962; Garvin P. On linguistic method. Mouton, 1964; Glinz H. Grundbegriffe und Methoden inhaltbezogener Text- und Sprachanalyse. Düsseldorf, 1965; Approaches in linguistic methodology. Ed. by J. Rauch and Ch. T. Scott. Madison, 1967; Bar-Hillel Y. Aspects of language. Amsterdam, 1970;

Григорьев В. И. Что такое дистрибутивный анализ? — ВЯ, 1959, № 1; Ревзин И. И. О некоторых вопросах дистрибутивного анализа и его дальнейшей формализации (применительно к синтаксическому анализу). — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; Наумова И. А. К вопросу о применении дистрибутивного метода при определении значения слова. — Уч. зап. Свердловского пед. ин-та, 1967, т. 55;

Атаян Э. Р. Проблемы и методы структурального синтаксиса. Ереван, 1962; Адмони В. Г. Методика грамматического анализа в «традиционной грамматике». — В кн.: Вопросы общего языкознания. М., 1964; Илия Л. И. Методы членения синтаксического целого. — Уч. зап. МГПИИЯ, 1959, т. 19; Попова З. Д. Позиционный анализ как метод изучения синтаксиса. — ФН, 1962, № 1; Филичев А. Н. И. Методика «семантического синтаксиса» и возможности ее применения при анализе языкового материала. — Уч. зап. МГПИИЯ, 1968, т. 46;

Ставровский Н. В. О методах синхронического синтаксического исследования. — В кн.: Эзиковедско-этнографски изследовани в памет на акад. С. Романски. София, 1960; Pike K. A. syntactic paradigm. — «Language», 1963, vol. 39, No. 2; Katz J. J., Postal P. M. Celistvá teorie lingvistických popisů. Praha, 1967, s. 193—293; Grimes J. E. Positional analysis. — «Language», 1967, vol. 43, No. 2; Butler J. H. Methods of contextual analysis. — «Biuletyn fonograficzny», 1969, № 10; Cook W. A. Introduction to tagmemic analysis. N. Y., 1969;

Гальперин И. Р., Колшанский Г. В. и Слюсарева Н. А. О методах структурной лингвистики в исследовании словарного состава языка. — ФН, 1962, № 2; Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963; Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968;

Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969; Щур Г. С. О новом и старом в теориях поля в лингвистике. — Уч. зап. Ярославского пед. ин-та, 1970, вып. 73; Шендельс Е. И. Многочисленность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 5—21;

Николаева Т. Н. Что такое трансформационный анализ? — ВЯ, 1960, № 1; Ружичка Р. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке. — ВЯ, 1963, № 3; Крушельницкая К. Г. Трансформационный метод и проблема значения. — В кн.: Иностранные языки в высшей школе, вып. 3. М., 1964; Колшанский Г. В. К вопросу о семантическом инварианте при трансформации предложений. — ФН, 1965, № 2; Гак В. К. Использование лексических средств при синтаксических трансформациях. — ФН, 1965, № 4; Иртеньева Н. Ф. К вопросу о проблемах трансформационной грамматики. — ФН, 1967, № 1; Орлов Ю. М., Журавлев А. П. Опыт психометрической оценки смысловых расстояний между трансформами. — ВЯ, 1967, № 5; Ланг Э. Словарь терминов порождающих грамматик. — Уч. зап. Тартуского ун-та, 1969, вып. 232;

Почепцов Г. Г. Трансформация как метод лингвистического анализа. — «Journal of linguistics», 1967, vol. 3, No. 2; Botha R. P. The function of the lexicon in transformational generative grammar. Mouton, 1968; Lester M. Readings in applied transformational grammar. N. Y., 1970; Coseriu E. Semantik, innere Sprachform und Tiefenstruktur. — «Folia linguistica», 1970, t. 4, № 1/2; Davis St. Meaning and the transformational stew. — «Foundations of language», 1970, vol. 6, No. 1; Fowler R. Against idealization: some speculations on the theory of linguistic performance. — «Linguistics», 1970, No. 63;

Юань-жень Чжао. Модели в лингвистике и модели вообще. — В кн.: Математическая логика и ее применения. М., 1965; Денисов П. Н. Принципы моделирования языка. М., 1965; Барсова О. М. О гипотетико-дедуктивном методе. — Уч. зап. Читинского пед. ин-та, 1968, вып. 17;

О точных методах исследования языка. М., 1961; Добрушин Р. Л. Математические методы в лингвистике. — В кн.: Математическое просвещение, вып. 6. М., 1961; Андрущенко В. М. Сущность количественного анализа при изучении лингвистического материала. — ИЯШ, 1966, № 1; Ванников Ю. В. и Малов Л. В. Частота и распространенность. — В кн.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М., 1967; Ставровский Н. В. Лингвистическая статистика как наука. — РЯШ, 1971, № 1; Арнольд И. В. Оппозиция в семасиологии. — ВЯ, 1966, № 2;

Жирмунский В. М. О целесообразности применения в языкознании математических методов. — В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965; Лосев А. Ф. О методах изложения математической лингвистики для лингвистов. — ВЯ, 1965, № 5; Котелова Н. З. О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов. — ВЯ, 1965, № 4; Медникова Э. М. К критике некоторых современных методов лингвистической семантики. — ВЯ, 1969, № 3;

Cesty moderní jazykovědy. Jazykověda a automatizace. Praha, 1964; Encyclopaedia of linguistics, information and kontrol. Ed.-in-chief A. R. Meetham. Oxford, 1969; Damerau F. J. Markov model and linguistic theory. Mouton, 1971; Weinrich U. Explorations in semantic theory. Mouton, 1972.

К главе 14: Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954; Смирницкий А. И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955; Гухман М. М. К вопросу о сравнительно-историческом методе. — Уч. зап. ВПИЯ, 1946, № 2, вып. 3; Серебренников Б. А. К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1950, т. 9, вып. 3; Макаев Э. А. Проблемы и методы современного исторического языкознания. — ВЯ, 1965, № 4; Бондарко А. В. Современное сравнительно-историческое языкознание. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1967, т. 354; Milewski T. Językoznawstwo. Warszawa, 1965, s. 27—48, 137—156; Katičić R. A contribution to the general theory of comparative linguistics. Mouton, 1970; Birnbaum H. Problems of typological and genetic linguistics viewed in a generative framework. Mouton, 1970; Malkiel Y. Linguistique as a genetic science. — «Language», 1967, vol. 43, № 1;

Клычков Г. С. Об основных приемах лингвистической реконструкции. — ВЯ, 1961, № 6; Курилович Е. О методах внутренней реконструкции. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965; Серебренников Б. А. О некоторых приемах восстановления архаических черт грамматического строя. — ВЯ, 1965, № 4; Чикобава А. С. Сравнительная типология и внутренняя реконструкция. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1969, т. 28, вып. 1; Bonfanate G. On reconstruction and linguistic method. — «Words», 1945, vol. 1, No. 1—3; Anttila R. The relation between internal reconstruction and comparative method. — «Ural-Altische Jahrbücher», 1968, Bd 40, Hft 3—4; Agrados Fr. Die Rekonstruktion des Indogermanischen und die strukturalistische Sprachwissenschaft. — «Indogermanische Forschungen», 1968, Bd 73, Hft 1—2;

Пизани В. Этимология. М., 1956; Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 192—224; Трубачев О. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ, 1960, № 3; Шанский Н. М. Этимологический анализ слова. — РЯШ, 1956, № 4;

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 247—342; Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, с. 33—144; Дзедзельский И. А. Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт. — ВЯ, 1963, № 4; Кацнельсон С. Д. Лингвистическая география и история языка. — Бюллетень диалектолог. сектора Ин-та русского языка АН, 1948, вып. 4; Дегтерева Т. А. Пути развития современной лингвистики, кн. 1. М., 1961, с. 131—159; Аванесов Р. И. и Бернштейн С. Б. Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа. М., 1958; Мельникова Т. Н. и Сухачева Н. Л. Лингвистические и этнографические атласы и карты. Л., 1971; Freudenberg R. Zur Entwicklungsgeschichte der dialekt-geographischen Methode. — «Zeitschrift für Mundartforschung», 1965, Hft 2, auch: 1966, Hft 3—4;

Федоров А. В. О задачах сопоставительного изучения языков. — В кн.: Немецко-русские языковые параллели. М., 1961; Рейцак А. К. О сопоставительном исследовании языков. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии, вып. 7. Тарту, 1965; Ронх-Таш А. О комплектности типологического метода. — В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965; Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления в отдельных языках. — ИЯШ, 1953, № 2.

А

- Абаев В. И. 101¹, 102, 112, 201, 286, 287
 Абеляр П. 12
 Аванесов Р. И. 82, 113, 114, 174, 269, 289
 Аветян Э. Г. 284
 Аврорин В. А. 286
 Агаев А. Г. 180
 Аделунг И. К. 14
 Адмони В. Г. 115, 246, 284, 285, 287, 288
 Алкала П. де 13
 Амосова Н. Н. 113, 238, 285
 Ананченко Н. П. 183
 Андреев Н. Д. 112, 247, 283
 Андреева Л. А. 286
 Андрищенко В. М. 288
 Анри В. 72
 Ансельм Кентерберийский 12
 Аполлоний Дискон 10
 Аптекарь В. Б. 101
 Апулей 9
 Ардентов Б. П. 285
 Аристарх Самофракийский 10, 11
 Аристотель 6, 9, 40, 124, 140
 Арно А. 14, 17
 Арнольд И. В. 288
 Артемов В. А. 250
 Арутюнова Н. Д. 252, 287
 Архангельский В. Л. 113, 285
 Архангельский Л. М. 286
 Асколи Г. 50
 Атаян Э. Р. 288
 Ахманова О. С. 89, 121, 283, 284
- Б
- Бабайцева В. В. 154
 Бабкин А. М. 113

- Бабур З. 193
 Базель С. Е. 280
 Балли Ш. 58, 70, 77, 272
 Баранников П. А. 286
 Барсова О. М. 288
 Бартоли М. 79
 Беккер К. 37, 39, 40, 42, 221
 Белинский В. Г. 267
 Белов А. И. 78, 282
 Белодед И. К. 102, 183, 185
 Белошапкина В. А. 115
 Белый В. В. 283
 Бельская И. К. 97
 Бенвенист Э. 36, 130, 150
 Березин Ф. М. 78
 Бернштейн С. Б. 23, 289
 Бернштейн С. И. 113, 282
 Бертоли Дж. 79
 Бечка Я. 247
 Блок Б. 88
 Блумфилд Л. 43, 87, 88, 129, 153
 Боас Ф. 87
 Богородицкий В. А. 34, 40, 60, 100, 110, 113, 115, 124, 266, 282
 Бодуэн де Куртене И. А. 29, 42, 50, 58—65, 68, 73, 74, 100, 130, 187, 189, 200
 Боккаччо Дж. 192
 Бондарко А. В. 284, 289
 Бонфанте Дж. 79
 Бопп Ф. 21, 24, 25, 30, 34, 38, 129, 197
 Борковский В. И. 23, 115, 188
 Бородин М. А. 268
 Ботев Х. 195
 Бреаль М. 50
 Брёндаль В. 93
 Брозович Д. 286
 Бругман К. 34, 50, 52, 53, 70
 Брудный А. А. 237

- Бубрих Д. В. 283
 Будагов Р. А. 20, 78, 102, 112, 116, 160, 185, 201
 Будде Е. Ф. 66, 282
 Будилова Е. А. 45
 Будилович А. С. 246
 Буксторф Иоганн 13
 Буксторф Иоганн младший 13
 Булаховский Л. А. 45, 115
 Булич С. К. 22, 110, 281, 282
 Булыгина Т. В. 149
 Буль Дж. 252
 Буслаев Ф. И. 23, 38—40, 239
 Быковский С. Н. 101
 Бънков А. 286
 Бюлер К. 42, 82, 208

В

- Вазов И. 195
 Вакар Н. П. 247
 Вальде А. 35
 Вальт Л. О. 287
 Вандер Беке Г. 247
 Вандриес Ж. 77, 101
 Ванников Ю. В. 288
 Варрон 11
 Вдовина В. А. 22
 Вейсгербер Л. 29, 165
 Венедиктов Г. К. 195
 Венкер Г. 268
 Верещагин Е. М. 287
 Ветров А. А. 124
 Ветухов А. В. 45
 Вико Дж. 14
 Виноградов В. В. 17, 20, 45, 56, 68, 82, 102, 103, 106—108, 113—115, 164, 177, 179, 185, 282, 284, 285, 287
 Винокур Г. О. 82, 100, 284
 Волков А. Г. 283, 284
 Волоцкая Э. М. 285
 Волошинов В. Н. 101
 Востоков А. Х. 22, 23, 38
 Вреде Ф. 268
 Вундт В. 44
 Выготский Л. С. 43, 45, 101, 168
- Г
- Габучан Г. А. 282
 Гавранек Б. 81, 86, 87
 Гагкаев К. Е. 282
- Гак В. К. 288
 Гальперин И. Р. 288
 Гарвин П. 97
 Гардинер А. 42
 Гвоздев А. Н. 113
 Гегель Г. 25, 122, 188, 189
 Георгиев В. 30, 36
 Гераклит 8
 Гербарт И. 44
 Гердер И. 14
 Гёте И. 212
 Гладкий А. В. 109, 242
 Глисон Г. 88, 90, 152
 Гоббс Т. 124
 Годель Р. 77
 Голант Е. Я. 219
 Головин Б. Н. 112, 247, 252, 285
 Горбач В. И. 196
 Горбачевич К. С. 286
 Горнунг Г. В. 284
 Горнфельд А. Г. 45
 Горшков А. И. 191
 Горький М. 102
 Граммон М. 77
 Греч Н. И. 38
 Григорьев В. И. 288
 Гринм Я. 21, 38
 Гринберг Дж. 29, 36, 87, 280
 Грозный Б. 35
 Гроот А. де 284
 Груздева С. И. 38
 Гудстейн Р. 242
 Гулыга Е. В. 115, 284, 288
 Гумбольдт В. 25—30, 38, 39, 41, 45, 57, 71, 72, 75, 124, 130, 145, 148, 165, 185, 189, 208, 272, 280
 Гус Я. 194
 Гуссерль Э. 128
 Гухман М. М. 36, 37, 102, 103, 219, 283, 284, 286, 287, 289
- Д
- Давыдов И. И. 38, 272
 Даль В. И. 226
 Данте А. 192
 Деборин А. М. 101
 Дегтерева Т. А. 269, 283, 289
 Декарт Р. 76
 Дельбрюк Б. 30, 32, 34, 50, 51, 54, 282

¹ Курсивом выделены страницы, на которых имена встречаются только в библиографических ссылках и списках обязательной и дополнительной литературы

Демокрит 8
Дем'яненко О. Ф. 283
Денисов П. Н. 288
Десницкая А. В. 24, 30, 36, 37, 56,
103, 287
Дешериев Ю. Д. 100, 102, 116, 185,
201, 287
Дешериева Т. И. 252
Джонс В. 24
Дзэндзелевский И. А. 289
Дидро Д. 19
Дионисий Фракийский 10, 11
Дмитриев Н. К. 114, 115
Добровский Й. 22, 194
Добрушин Р. Л. 96, 288
Докулил М. 284
Долобо М. Г. 282
Донат 11
Достерт Л. 97
Дурново Н. Н. 268, 282
Дынин Б. С. 287
Дюркгейм Э. 71
Е
Евгеньева А. П. 112
Евдошенко А. И. 284
Елинек Я. 247
Ельмслев Л. 6, 81, 93—98, 122, 132,
222, 223, 245
Ермоленко Г. В. 247
Есперсен О. 41, 284
Ж
Жильерон Ж. 268
Жинкин Н. И. 169
Жирмунский В. М. 36, 100—102, 175,
188, 283, 286, 287, 289
Жлуктенко Ю. О. 287
Жуков В. П. 113, 285
Журавлев А. П. 288
З
Зак Л. М. 100
Занько С. Ф. 286
Звегинцев В. А. 56, 98; 109, 167, 201,
282, 284—287
Зеленов Л. А. 287
Земская Е. А. 174
Зизаний Л. 17
Зиндер Л. Р. 113, 114, 246, 283, 284
Зиновьев А. А. 129
Золотова Г. А. 284

И, Й

Иванов А. М. 101
Илия Л. И. 288
Ильяшенко Т. П. 287
Ингве В. 244
Йоссельсон Г. 247
Иртеньева Н. Ф. 288
Исаев М. И. 100, 286
Исмаилов Б. 285
Истрина Е. С. 113, 115
Итон Э. 247
Ицкович В. А. 184

К

Калтахчян С. Т. 181
Кант И. 25, 71, 128
Каравелов Л. 195
Карнап Р. 93
Карпов К. Б. 251
Карпюк Г. В. 111
Карри Х. (Carrig Н. С.) 167
Карри Х. (Carrig Н. В.) 243
Карский Е. Ф. 282
Карцевский С. И. 77, 81
Касаткин А. А. 20
Кацнельсон С. Д. 36, 78, 101, 103,
152, 156, 167, 282, 285, 287, 289
Киселев В. П. 287
Клименко А. П. 237
Климов Г. А. 260, 281
Клычков Г. С. 289
Кобилянський Б. В. 281—283
Коготкова Т. С. 286
Кодухов В. И. 223, 252, 281, 282,
284—287
Козлова М. С. 117
Колас Я. 193
Колшанский Г. В. 152, 166, 223, 280,
284, 288
Комлев Н. Г. 285
Кондаков Н. И. 242
Кондильяк Э. де 16
Кондрашов Н. А. 98
Кононов А. Н. 283
Конрад Н. И. 43, 116
Конт О. 71
Копыленко М. М. 113
Коржинек Й. 121
Корнфорт М. 117

Королев Л. Н. 97
Коротаева Э. И. 115
Коротков Н. Н. 284
Косериу Э. 172, 212, 286
Косман Л. С. 287
Костинский Ю. М. 285
Костомаров В. Г. 185
Котелова Н. З. 289
Котков С. И. 270
Коэн М. 77
Кратил 8
Кроче Б. 57
Крушевский Н. В. 59—63, 65, 76, 201
Крушельницкая К. Г. 288
Крючков С. Е. 285
Кубрякова Е. С. 43, 285, 286
Кудрявский Д. Н. 246
Кузнецов П. С. 23, 188, 284, 285
Кузнецова А. И. 288
Кузнецова Н. А. 283
Кулагина Л. М. 283
Кулагина О. С. 98
Куличенко М. И. 180
Кунин А. В. 113, 285
Купала Я. 193
Курилович Е. 35, 36, 85, 149, 155, 267,
289
Курциус Г. 53, 200
Кэдинг Ф. 247
Л
Лавров С. С. 252
Ланг Э. 288
Лаисло К. 14, 17
Ларин Б. А. 100, 102, 103, 113, 285
Лафарг П. 57, 101, 162
Левашов Е. А. 111
Левин Ю. И. 249
Левицкий Ю. А. 283
Лезин В. А. 45
Лейбниц Г. 44, 124
Лекомцев Ю. К. 98
Лекторский В. А. 287
Ленин В. И. 27, 47, 57, 99, 111, 117,
118, 120, 162, 176, 181, 184, 194, 202,
204, 219, 221
Леонтьев А. А. 43, 78, 123, 129, 282
Леонтьев А. Н. 45
Лернер А. Я. 242

Лескин А. 50, 53, 54, 70
Лиз Р. 260
Лихачев Д. С. 270
Лодж Л. 247
Локк Дж. 44, 124
Ломоносов М. В. 17—19, 38, 108, 177,
246, 267
Ломтев Т. П. 67, 115, 283—285
Лосев А. Ф. 109, 284, 289
Лудольф Г. 17
Лудольф И. 13
Львов А. Г. 284, 289
Львов А. С. 22
Любимова Н. А. 251
Лютер М. 193
Ляпунов Б. М. 45
М
Макаев Э. А. 36, 281, 284, 285, 289
Макарычев С. П. 287
Макеева В. Н. 17
Максимов Л. Ю. 285
Малов Л. В. 288
Маловицкий Л. Я. 282
Мальцев В. И. 155
Мальцев М. Д. 269
Мандельброт Б. 247
Марков А. А. 244, 246
Маркс К. 27, 37, 101, 118, 146, 149,
179, 181, 189, 198, 203, 207, 212, 219,
281
Маркус С. 109
Марр Н. Я. 33, 36, 100, 101, 103, 108,
112, 165, 189, 197
Марти А. 42
Мартине А. 82, 199, 200, 283
Маслов Ю. С. 98, 133, 141, 152, 284
Матезиус В. 81, 83, 86
Матусевич М. И. 251
Медникова Э. М. 223, 284, 289
Мейе А. 23, 34, 35, 37, 54, 58, 77, 289
Меланхтон Ф. 13
Мельникова Т. Н. 289
Мельничук А. С. 115, 152, 286
Мельчук И. А. 97, 98, 109, 110, 242,
244, 245, 251
Меновщиков Г. А. 103
Мерингер Р. 225
Мещанинов И. И. 29, 41, 102, 103,
114, 115, 280, 284, 285

Мещерский Н. А. 283
Мид Дж. 44
Микаэлян Г. Б. 284
Миклошич Ф. 22, 23
Милевский Т. 280
Милославский И. Г. 284
Минина Н. М. 152
Мистели Ф. 280
Миханкова В. А. 101
Моисеев А. И. 285
Морозов Н. А. 246
Моррис Ч. 124, 128
Мостепаненко М. В. 219
Мухин И. С. 97
Мыркин В. Я. 123
Мюллер Г. 283

Н

Навои А. 193
Нарский И. С. 287
Наумова И. А. 288
Никитевич В. М. 284
Никитин В. М. 252
Николаева Т. Н. 288
Николь П. 14
Никольская Л. Н. 43

О

Огден Ч. 84
Ожегов С. И. 111, 285
Ольховников Б. А. 20
Орлов Ю. М. 288
Орлова В. Г. 174
Ос Г. 247
Осгуд Ч. 42
Остгоф Г. *см.* Остхоф Г.
Остхоф (Остгоф) Г. 50, 52, 53, 70
Откупщиков Ю. В. 36, 289

П

Павлов И. П. 45, 168
Павлов Т. 219
Падучева Е. В. 249
Пазухин Р. В. 284
Паисий Хилендарский 195
Паллас П. С. 14
Панини 7, 24
Панов Д. Ю. 97
Панфилов В. З. 103, 154, 166, 281, 284
Пауль Г. 42, 50—56, 58, 185
Перевлесский П. М. 38

Петерсон М. Н. 66, 68, 78
Петрарка Ф. 192
Петров Г. В. 283
Петушков В. П. 111
Пешковский А. М. 59, 66—69, 100,
114, 115, 140, 141, 158
Пизани В. 36, 289
Пиотровский Р. Г. 97, 109, 110, 247,
249
Плат У. 96
Платон 8
Плеханов Г. В. 5, 57
Покорный Ю. 35
Покровский М. М. 66, 67
Поливанов Е. Д. 60, 100, 101, 113,
272, 273

Попов А. В. 45
Попова З. Д. 288
Поржезинский В. К. 66
Порциг В. 36, 238
Пос Х. 80
Поспелов Н. С. 115, 165
Потебня А. А. 29, 35, 42, 45—49, 56,
66, 68, 100, 130, 131, 153, 164, 168,
185, 223

Потт А. 9, 34
Почепцов Г. Г. 285, 288
Присциан 11
Прокопович Н. Н. 284
Протченко И. Ф. 185
Прохоров Е. И. 270
Пушкин А. С. 108, 193

Р

Разумовский С. Н. 97
Раме (Рамус) П. 17
Рашишвили Г. В. 25, 283
Рамус П. *см.* Раме П.
Раск Р. 21
Распопов И. П. 285
Рассел Б. 93
Ребене Я. К. 286
Ревзин И. И. 288
Рейхлин И. 13
Рейцак А. К. 289
Реформатский А. А. 113, 114, 123,
136, 185, 285
Рогачев П. М. 181, 183
Родригес Е. 247

Рождественский Ю. В. 273
Розенцвейг В. Ю. 97
Рона-Таш А. 289
Рот А. М. 287
Рубинштейн С. Л. 45, 283, 286
Рудакова И. Ф. 20
Ружичка Р. 154, 288
Русановский В. М. 185
Русло П. 110
Руссо Ж.-Ж. 14
Руставели Ш. 193
Рывкина Р. В. 287
Рыт Е. М. 101

С

Савченко А. Н. 133, 166
Сапорта С. 42
Свердлин М. А. 181, 183
Сводеш М. 260
Селищев А. М. 23
Семирикова Э. В. 285
Сепир Э. 29, 42, 58, 87—89, 101, 165,
166, 280
Сергиевский М. В. 20
Серебрянников Б. А. 201, 273, 287, 289
Сеше А. 70, 77
Сивоконь П. Е. 287
Сизова И. А. 284
Скалигер Ж. 13
Скаличка В. 81, 85
Скалозуб Л. Г. 251
Скобликова Е. С. 284
Скорик П. Я. 103
Скребнев Ю. М. 283
Скрелина Л. Н. 201
Скулин П. Г. 287
Славейков П. 195
Славин А. В. 287
Слюсарева Н. А. 78, 282, 288
Смирницкий А. И. 67, 113, 114, 123,
157, 161, 216, 289
Смирнов С. В. 38
Смотрицкий М. Г. 17
Соболевский А. И. 35
Соколов А. Н. 285
Соколов Н. Н. 268
Сократ 9
Солганик Г. Я. 154
Солицев В. М. 123, 133, 152

Соммерфельт А. 77, 199
Соссюр Ф. де 16, 29, 34, 42, 50, 58, 59,
60, 70—77, 80, 101, 119, 122, 124,
130, 185, 189, 199, 208
Сотмирян П. А. 285
Софроний Врачанский 195
Спанг-Хансен Х. 283
Спиркин А. Г. 287
Спринчак Я. А. 45
Срезневский И. И. 23, 135
Ставровский Н. В. 288
Сталин И. В. 108
Стариков Д. В. 78
Стеблин-Каменский М. И. 36, 188
Стеланов Г. В. 286
Степанов Ю. С. 110, 124, 167, 287
Степанова М. Д. 285, 288
Стеревант Э. 35
Стефанус Г. (А. Эгген) 13
Стефанус Р. (Р. Эгген) 13
Строева Т. В. 115, 246
Султанов А. Ф. 286
Суник О. П. 103, 286
Супрун А. Е. 285, 286
Сухачева Н. Л. 289

Т

Тарский А. 242
Текучев А. В. 219
Тешителова М. 247
Тихонов А. Н. 284
Толмачева З. А. 282
Томсен В. 281, 282
Томсон А. И. 43, 66
Торндайк И. 247
Трейгер Дж. 88
Трир Й. 237
Тронский И. М. 20, 36
Трофимов М. И. 284
Трубачев О. Н. 281, 289
Трубецкой Н. С. 81, 83—85, 89, 138,
146, 234, 284, 285
Тукай Г. 193
Турыгина Л. А. 283

У

Уайтхед А. 93
Уемов А. И. 287
Уитней У. 50

Уленбек Э. 91
Ульдалль Х. 93
Уоллис И. 17
Уорс Д. 92, 154
Уорф Б. 29, 87, 165, 166
Уотсон Д. 44
Уфимцева А. А. 113, 285
Ушаков Д. Н. 66, 100, 111, 268
Уэллз Р. 89

Ф

Фант Г. М. 284
Фатер И. С. 14
Федоренко Л. П. 219
Федоров А. В. 289
Федосеев П. Н. 5
Фейербах Л. 47
Фейс Р. 243
Фессалоницкий С. А. 286
Фёрс Дж. 43, 152, 165, 223
Фигул 9
Фик А. 34, 280
Филин Ф. П. 23, 102, 112, 113, 116,
117, 181, 184, 269, 285
Филичева Н. И. 284, 288
Фортунатов Ф. Ф. 34, 50, 58, 59, 65,
66, 68, 69, 100, 124
Фосслер К. 57, 58, 165, 179
Фрайденберг О. М. 20
Французова Н. П. 287
Фриз Ч. 283
Фрумкина Р. М. 247
Фурашов В. И. 103

Х

Хабаров И. А. 284
Хаймович Б. С. 284
Хаймс Д. 165
Халле М. 284
Харрис (Хэррис) З. 88—91, 239
Харциев В. И. 45
Хауген Э. 283
Хаусхолдер Ф. 89
Хельбиг Г. 91
Хирт Г. 35, 36
Хмельницкий Б. 193
Хойер Г. 269, 283
Хоккет Ч. 88, 91, 280
Холидей М. 43, 223

Холодович А. А. 112, 284
Хомский Н. 16, 29, 91, 92, 96, 97,
168, 239, 243, 244, 251
Хрисипп 8
Хэмп Э. 89
Хэррис З. см. Харрис З.

Ц

Царнке Ф. 50
Цапф Дж. 247

Ч

Чемоданов Н. С. 78, 116
Чередниченко И. Г. 115
Черепанов М. В. 78, 282, 284
Черных П. Я. 287
Чернышев В. И. 135
Чернышева И. И. 113
Чернышевский Н. Г. 29, 37
Чеококов П. В. 154, 166, 221
Чикобава А. С. 30, 56, 281, 283, 289

Ш

Шанский Н. М. 113, 281, 285, 289
Шапиро А. Б. 115
Шарбатов Г. Ш. 283, 286
Шахматов А. А. 11, 35, 40, 66—70,
100, 106, 114, 115, 140, 154
Шведова Н. Ю. 115
Швейцер А. Д. 286
Шевченко Т. Г. 193
Шендельс Е. И. 284, 288
Шеннон К. 97
Шептулин А. П. 123
Шеридан П. 97
Шлегель Ф. 280
Шлейхер А. 24, 30—34, 42, 50, 53,
58, 62, 197, 201, 221, 280
Шмелев Д. Н. 113, 285
Шмидт И. 34, 53
Шор Р. О. 101, 112, 225
Шпет Г. 25
Шпект Ф. 36, 282
Шрейдер Ю. А. 109
Штейнталь Г. 29, 41, 42, 45, 280
Штейнфельдт Э. А. 247
Штеллинг Д. 236
Штофф В. А. 287
Шухардт Г. 34, 189, 212, 225

Щ

Щедровицкий Г. П. 286
Щерба Л. В. 42, 43, 60, 77, 78, 100,
102—106, 110, 113, 114, 120, 121,
135, 190
Щур Г. С. 284, 288

Э

Эдельман Дж. 268
Эдмон Э. 268
Эйнштейн А. 212
Энгельс Ф. 8, 27, 34, 37, 57, 118,
146, 149, 180, 181, 189, 197, 198, 203,
207, 212, 219, 281
Эрвас-и-Пандура Л. 14
Эрну А. 77
Эрпениус 13

Ю

Юань-жень Чжао 288
Юл Дж. 247
Юлланд А. 247

Я

Ягин И. В. 22
Язвицкий Н. И. 17
Якоб Л. Г. 17
Якобсон Р. О. 81, 85, 98, 234—236, 284
Яковлев Н. Ф. 113
Якубинский Л. П. 100—102, 165, 180
Ярошевский М. Г. 45
Ярцева В. Н. 115, 281, 285

А

Admoni W. 283
Adrados Fr. 289
Angere J. 283
Anttila R. 289
Arens H. 281—283

В

Bar-Hillel Y. 287
Benes B. 282
Bierwisch M. 284
Birnbauм H. 289
Bonfante G. 289
Botha R. 288
Brown R. 282
Brunot F. 286
Bumann W. 282
Butler J. 288

С

Capell A. 286
Carrol J. 286
Christensen B. 283
Cohen M. 288
Cook W. 288
Coseriu E. 286, 288
Curry H. 243

D

Damerau F. 289
Davis St. 288
Deese J. 286
Donzé R. 282

F

Feys R. 243
Fowler R. 288
Freudenberg R. 289
Frey G. 286

G

Garvin P. 287
Glinz H. 287
Godel R. 283
Grimes J. 288

H

Haselbach G. 282
Haugen E. 286
Häusler Fr. 282
Heger K. 283
Helbig G. 283
Hoijer H. 286
Hymes D. 286

I

Ising E. 282
Ivić M. 283

J

Jakobson R. 283
Jankowsky K. 282

K

Katičić R. 289
Katre S. 282
Katz J. 288

L

Labov W. 286
Lehmann W. 286
Lester M. 288

Lauener H. 282
 Levin S. 283
M
 Malkiel Y. 289
 Malmberg B. 286
 Meetham A. 289
 Milewski T. 289
 Mišivojevič D. 283
 Miller R. 282
 Morris Ch. 124
 Mounin G. 281, 282
P
 Pandit M. 282
 Papp F. 283
 Pike K. 288
 Pogger K. 282
 Postal P. 288
R
 Rauch J. 287
 Robins R. 281, 282

S
 Schauwecker L. 287
 Schlesinger I. 285
 Schönfeld K. 287
 Scott Ch. 287
 Sebeok Th. 282, 283
 Sommerfelt A. 286
 Steintal H. 282
T
 Telegdi Zs. 282
V
 Vachek J. 283
 Vinja V. 282
W
 Weinrich U. 287, 289
 Wells R. 282
Z
 Zeller O. 282

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
<i>Часть первая</i>	
История языкознания	
Введение	4
Глава 1. От филологии древности до языкознания XVIII в.	6
§ 1. Филология классической древности	7
1 Веды и грамматика Панини (7). Древнегреческая философия и вопросы языкознания (8). Система александрийской грамматики (10)	
§ 2. Языкознание средних веков и эпохи Возрождения	12
Языкознание средних веков (12). Возрождение классической и восточной филологии (12)	
§ 3. Языкознание XVII—XVIII вв.	13
2 Исторические события и языкознание (13). Всеобщая рациональная грамматика (14). Нормативные грамматики и словари (17)	
Глава 2. Сравнительно-историческое языкознание и философия языка	20
§ 4. Возникновение сравнительно-исторического языкознания	21
3 Возникновение германистики (21). Возникновение славистики (22). Санскрит и сравнительная грамматика Ф. Боппа (24)	
§ 5. Философия языка В. Гумбольдта	25
5 Язык как деятельность (26). Язык — «дух народа» (26). Форма языка (27). Типы языков (28)	
§ 6. Три периода в развитии компаративистики	29
1 Лингвистическая концепция А. Шлейхера (30). Компаративистика второй половины XIX в. (34). Современное сравнительно-историческое языкознание (35)	

Глава 3. Логическое и психологическое языкознание	37
§ 7. Логическое направление в языкознании	37
Логико-грамматическая школа середины XIX в. (37). Логика и грамматика (40)	
§ 8. Психологическое направление в языкознании	41
Основные школы лингвистического психологизма (41). Ассоциация представлений и речевое поведение (44). <u>Лингвистическая концепция А. А. Потебни</u> (45)	9
§ 9. Младограмматики и младограмматизм	50
Говорящий человек и узус (50). Диалектология и лингвистическая география (51). <u>Принцип историзма</u> (52)	
Глава 4. Социология языка и неограмматизм	56
§ 10. Казанская лингвистическая школа	59
Язык как социально-психическое явление (60). Фонема и морфема как основные языковые атомы (61). Статика и динамика (62). Стрoение лингвистики (64)	
§ 11. Московская лингвистическая школа	65
Язык и его история (66). Форма слова и части речи (67). Словосочетание и предложение (68)	
§ 12. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра	70
Объект, предмет и метод лингвистики (70). Речевая деятельность как антиномия (72). Языкознание — система лингвистик (72). Синхроническая лингвистика (73). Женевская и Парижская лингвистические школы (77)	
Глава 5. Языкознание XX в. и структурализм	78
§ 13. Функциональная лингвистика	81
Система и функции языка (82). Фонология (83). Морфологические оппозиции и функциональный синтаксис (85). Функциональные стили и культура языка (86)	
§ 14. Дескриптивная лингвистика	87
Американское языкознание и дескриптивизм (87). Методика описания и метаязык (88). Фонемика и морфемика (89). Конструкция и ее анализ (90). Трансформационная методика и порождающая грамматика (91)	
§ 15. Глоссематика	93
Схема, норма и узус (93). Фигуры и функции (94). Метод описания (95)	
§ 16. Математическое и инженерное языкознание	96
Возникновение математической лингвистики (96). Машинный перевод и инженерное языкознание (97)	
Глава 6. Советское языкознание	99
§ 17. История советского языкознания	99
Создание советской школы и овладение традициями (99). Языковое строительство и борьба за марксистско-ленинские основы в языкознании (100). Советские лингвистические концепции (101). Возникновение советского структурализма и прикладной лингвистики (108)	
§ 18. Теория языка и практика лингвистических работ	110
Лексикография и лексикологическая теория (111). Фонетико-орфографическая практика и общая фонетика (113). Нормативная грамматика и грамматическая теория (114)	

Введение	117
Глава 7. Знаковые и незнаковые свойства языка	123
§ 19. Языкознание и семиотика	124
Общая семиотика и лингвoseмиотика (124). Своеобразие знаковой системы языка (127)	
§ 20. Основные вопросы лингвoseмиотики	128
Понимание знака (128). Виды знаков и <u>единицы языка</u> (130). Незнаковые свойства языковых единиц (132)	
Глава 8. Язык как система	133
§ 21. Система и структура языка	134
Потенциальность и открытость системы языка (134). Язык как система систем (136)	
§ 22. Основные и промежуточные ярусы языка	137
Фонетико-фонологический ярус (137). Морфемо-морфологический ярус (138). Синтаксический ярус (142). О лексико-семантическом ярусе языка (144). О внеярусных явлениях и промежуточных ярусах (145)	
§ 23. Теории структуры языка	148
Теория изоморфизма (149). Теория иерархии уровней (149). Части речи как реализация связей ярусов языка (150)	
Глава 9. Язык и мышление	152
§ 24. Основные направления менталингвистики	153
Язык и логическое мышление (153). Язык и психическая деятельность говорящего (154). Язык и передача информации (155). Языковые значения и передаваемая информация (156)	
§ 25. Типы и виды языковых значений	157
Значение как содержание языковых единиц (157). Значение и типы передаваемых сообщений (158). Прямые и переносные значения (160)	
§ 26. Отражательная функция языка	162
Формальные и содержательные значения (162). Языковые единицы и контекст (163). Теория языковой относительности (165)	
Глава 10. Язык и общество	167
§ 27. Язык и речевая деятельность	167
Речевой акт и психофизические механизмы речи (167). Социальная природа речевой деятельности (169). Двужычие как психофизическое и социальное явление (170)	
§ 28. Язык как социально-историческая норма	171
Языковая система и языковая норма (171). Типы языковой нормы (173). Узус и территориальное и социальное расслоение языка (174). Литературный язык и его стили (177)	
§ 29. Социальные общности и социальные типы языков	179
Народность и ее язык (180). Нация и национальный язык (181). Язык межнационального общения (181)	

Глава 11. Язык и история	185
§ 30. Развитие языка и аспекты лингвистики	185
Синхрония и диахрония (185). Состояние как динамическое равновесие (186). История языка и хронологические срезы (187)	
§ 31. История языка — история народа	188
Языковые контакты (189). Язык и культура (191). Социальная обусловленность истории языка (193)	
§ 32. Внешние и внутренние законы развития языка	195
Внутренние законы (196). Внешние законы (197). Причины исторического развития языков (199)	

Часть третья

Методы языкознания

Введение	202
Глава 12. Способы познания и методы лингвистики	203
§ 33. Методы познания и методология науки	204
§ 34. Научное познание как процесс	205
Наблюдение как способ изучения языка (205). Эксперимент как способ изучения языка (206). Лингвистическое моделирование (208). Лингвистическая интерпретация (210). Единство эмпирического и теоретического знания (212)	
§ 35. Лингвистические методы	213
Метод и аспект исследования (214). Метод как прием исследования (214). Методика исследования (215). Методика исследования и способ описания (215). Классификация основных методов лингвистики (217)	
Глава 13. Описательный метод	219
§ 36. Языковые единицы и их описание	219
Единицы языка и их признаки (219). Единицы языка и единицы анализа (221). Основные типы приемов описательного метода (224)	
§ 37. Приемы внешней интерпретации	224
Социологические приемы (225). Логико-психологические приемы (227). Артикуляционно-акустические приемы (229). Приемы межуровневой интерпретации (230). Дистрибутивная методика (230)	
§ 38. Приемы внутренней интерпретации	232
Приемы классификации и систематики (232). Приемы парадигм и парадигматическая методика (233). Оппозиционный прием (234). Приемы семантического поля (237). Позиционные приемы (238). Приемы преобразований и трансформационная методика (239)	
§ 39. Математические приемы	241
Логико-математические исчисления и моделирование (242). Статистические приемы (245)	
§ 40. Инструментальные приемы и автоматизация лингвистических исследований	250
Инструментально-фонетические приемы (250). Автоматизация лингвистических исследований (251)	

Глава 14. Сравнительный метод	252
§ 41. Сравнительно-исторический метод	254
Сравнительно-историческое языкознание и сравнительно-исторический метод (254). Установление генетического тождества (256). Реконструкция праформ (257). Абсолютная и относительная хронология (258). Этимологический анализ (260)	
§ 42. Историко-сравнительный метод	263
Историческое тождество и различие (263). Внутренняя реконструкция и хронологизация (265). Дialeктография (267). Приемы культурно-исторической интерпретации (269). Текстологические приемы (270)	
§ 43. Сопоставительный метод	271
Сравнительно-сопоставительное изучение языков и сопоставительный метод (272). Установление основания сопоставления (273). Сопоставительная интерпретация (276). Сопоставительная методика и типологические исследования (279)	
Дополнительная литература	281
Указатель имен	290

I

Виталий Иванович Кодухов

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Редактор Н. А. Страхова
Художник В. И. Сидоренко
Художественный редактор Э. А. Марков
Технический редактор Т. А. Епифанова
Корректор Т. А. Лукьянова

А-08422. Сдано в набор 15/111-74 г. Подп. к печати 25/XI-74 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 3. Объем 19 печ. л. Усл. п. л. 19.
Уч.-изд. л. 21,06. Изд. № РЛ-148. Тираж 50 000 экз. Цена 90 коп.
Зак. 1326.

План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы
и техникумы) на 1974 г. Позиция № 160

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производ-
ственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени
А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам издательства, поли-
графии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчин-
ская ул., 26.